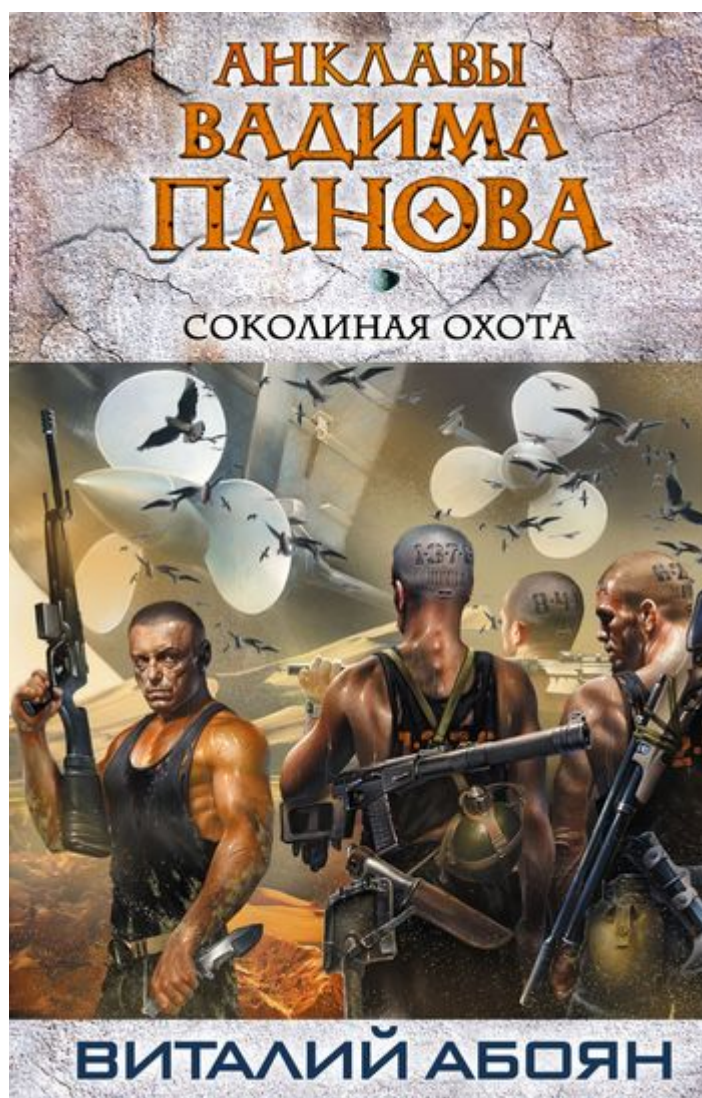

Виталий Эдуардович Абоян
Соколиная охота

Анклавы Вадима Панова –

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=599687
«Абоян В. Э. Соколиная охота»: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-48228-3

Аннотация

Цикл «Анклавы» Вадима Панова продолжается!

Катастрофа, вызванная грандиозным экспериментом на станции «Наукома», превратила восточную часть Африки в цепь островов. В водах этого свежееиспеченного архипелага заблудился атомный танкер «Хеллеспонт Стар». Тем временем надзиратели и заключенные так называемой «Африки» – «Исправительного учреждения №123», – тюрьмы, которая принадлежала когда-то Службе Безопасности Анклавов, пытаются выжить на одном из пустынных островов Африканского моря. На раздробленном Катастрофой материке не хватает элементарного, поэтому огромный танкер, на беду экипажа пристыковавшийся к Тюремному острову, оказался для бывших зэков лакомой добычей. В эпицентре этих событий оказались корабельный инженер Виктор Куцев и

бывший редактор Сергей Звездецкий, получивший в тюрьме кличку Гамми. Им предстояло не только выжить в сердце Кенийского архипелага, но и проникнуть в тайну сверхсекретного проекта «Сапсан»...

Виталий Абоян Соколиная охота

Светло-зеленый столб чистой энергии устремился в небо и прошел сквозь планету. Добрался до звезд, ударил в раскаленное сердце Земли.

И скорчился пронзенный мир.

Изнасилованная планета огрызнулась волной землетрясений, самое слабое из которых тянуло на восьмерку. Новосибирск, Дели, Куала-Лумпур, Сиэтл, Берлин, Денвер, Кито... Жертвами стали не только города – по всему миру к ним присоединились тридцать пять атомных электростанций.

Потревоженная вода ударила наотмашь: тридцатиметровые волны разбежались по Индийскому океану и Атлантике, а огромный Тихий породил пятидесятиметрового монстра. Цунами захлестнули Лос-Анджелес и Новый Орлеан, Нью-Йорк и Бостон, Калькутту, Сингапур, Шанхай...

Вулканы Исландии и Камчатки «отозвались» почти мгновенно, а через два часа после запуска Станции в ста милях от Солт-Лейк-Сити начал пыхтеть первый из «новых вулканов», заливая окрестности вырвавшейся из глубин лавой.

Пришли в движение плиты, вздрогнули разломы земной коры, ушли под воду острова, и возникли новые.

Географические карты устарели.

Мироустройство рухнуло, правительства большинства стран перестали существовать, а понятие «глобальная сеть» надолго стало анекдотом.

Все, что не взорвалось и не исчезло – остановилось.

Это был ад.

Это был «День Станции».

День величайшей в истории Земли катастрофы, которая открывала человечеству дорогу в восемь новых миров. Глобальная перезагрузка, запустившая программу «Цивилизация 2.0». Разрушившая прежний мир, но подарившая надежду.

Люди, привыкшие к удобствам технического прогресса, окунулись в первозданный Хаос, увидели гибель неизбежного, казалось бы, мира, но не отступили, потому что нет у настоящих людей такого правила – отступать.

Люди хотели выжить. Любой ценой.

Пролог

Некоторое время охотнику удавалось не упускать из вида темную точку, стремительно летевшую параллельно земле. Потом птица заложила вираж, резко сменив направление, и куда-то исчезла. Охотник потерял ее – как сквозь землю провалилась. Он присвистнул так, как обычно подзывал птицу, но лишь шепот ветра в пожухлой траве был ему ответом.

Человек недовольно скривил губы и пошел туда, где исчезла птица. Хорошая птица, помогает добывать еду. Сокол сапсан.

Трудно сказать, как давно они впервые встретились. После землетрясения, что раскололо землю на много частей, время перестало существовать. Оно стало не нужно человеку. Зачем время, если понимаешь, что прежний мир не вернется никогда? Домой не добраться – там, где была дорога назад, теперь плескалось море. Да и остался ли кто-нибудь за синей полосой большой воды?

Охотник жил в саванне один и привык к такой жизни, его все устраивало. Когда же он

нашел сокола, оказалось – нашел друга. Сокол прибил к охотнику северней этих мест, в тех краях воды совсем мало, живности – тоже, поэтому птица очень ослабла. Он выкормил и выходил сокола, и тот, окрепнув, не улетел, а стал помогать на охоте. Постепенно и сам охотник научился правильно выбирать добычу и направлять своего помощника.

На правой лапе сокола висел кожаный ремешок, левая была свободной. Охотник не знал, для чего он, но снимать не стал. Понятно, птица принадлежала кому-то другому, тому, кто надел на нее ремешок. Скорее всего, рассудил охотник, хозяин птицы погиб во время землетрясения.

Внезапно саванна резко закончилась, а прямо под ногами зиял серый, осыпающийся по краям мелкими острыми камешками провал. Яма была огромной.

Человек видел такое раньше. Здесь люди копали землю, вынимая из нее камни. Потом камни увозили к морю. К старому еще морю, в города на побережье. Теперь от этих городов ничего не осталось, охотник это знал точно, потому что ходил туда.

В карьере было тихо, ни зверей, ни птиц. Сокола тоже нигде не видно. Что птице могло понадобиться в этой яме?

Охотник еще раз свистнул, но никто не ответил. Только далеко, у противоположной стены карьера, он увидел маленькую темную точку. Птица то появлялась, хорошо различимая на фоне светлой породы, то снова куда-то исчезала.

Человек проворчал что-то и стал осторожно спускаться. Склон осыпался дождем мелкой гальки. Острые камешки больно царапали ладони и босые ступни. Охотник осмотрелся и запоздало понял, что с другой стороны ямы спуститься намного проще – там склон состоял из широких террас, идущих по спирали вниз. Он выбрал неправильный путь, здесь край карьера осыпался большим, сползающим вниз языком.

Охотник выругался, упомянув глупость птицы, и стал карабкаться обратно. Но каждое движение вызывало целый поток камней, который, тихо шурша, улетал вниз. Ноги скользили, и ухватиться здесь было совершенно не за что. Выкарабкаться назад в этом месте не получится. Теперь придется спуститься на самое дно, пересечь огромную котловину карьера и подняться с другой стороны.

Спуск оказался нелегким занятием – галька ползла, и человек держался на склоне из последних сил.

Внезапно послышался звук: будто бы птица ударила крыльями. Охотник обернулся, но сокола видно не было. Человек продолжил ползти вниз.

И снова этот звук. Охотник задрал голову и, прищурившись из-за солнца, взглянул вверх. Неясная тень мелькнула в вышине, но тут же исчезла. Сокол решил поиграть со своим хозяином?

Отчего-то охотнику стало не по себе. Он вдруг вспомнил, что у сокола уже был хозяин. Раньше, до землетрясения. Он сам не знал, отчего это пришло ему на ум, но мысль не отпускала.

Звук бьющих по воздуху крыльев вернулся, охотник покрутил головой, но снова ничего не увидел – солнце. Под ногами, чуть ниже того места, где человек стоял, что-то ударилось о землю. Что-то маленькое и черное.

Человек наклонился, но рука не доставала до предмета, брошенного соколом, – сомнений быть не могло, это упустила птица, здесь никого не было. Он потянулся, оперся на правое колено. Пальцы почти достали небольшую черную пластинку. С одной стороны надписи, с другой – целый ряд маленьких металлических полосок. Что это? Охотник вытянул руку, рванулся вперед, и пальцы наконец зажали находку.

И тут человек потерял равновесие, галька покатила, и он, кувыркнувшись, заскользил на дно карьера. Этот полет можно было бы считать забавным, как спуск по ледяной горке, если не принимать во внимание, что горка была не изо льда, а состояла из тысяч маленьких острых камешков, но и это было не главным.

Главное, как оказалось, ожидало человека ниже. Он попытался остановиться, упираясь руками, но только ободрал их. Тогда он решил катиться до самого дна, стараясь не обращать

внимания на боль. Он вспомнил, что за вещь он держит в руке. Бесполезная игрушка – «балалайка», индивидуальный чип подключения к сети. Раньше, до того как вокруг этой земли появилось новое море, у него тоже была такая. Было удобно. Только она давно уже не работала.

Откуда она здесь? Раз сокол нашел здесь «балалайку», значит, где-то рядом люди. Где-то здесь остатки цивилизации.

Огромный валун, словно нос ледокола торчащий из водопада щебня, прервал размышления охотника. Глухой треск возвестил о том, что череп не выдержал столкновения с камнем. На дно докатилось бездыханное, переворачивающееся, как тряпичная кукла, тело.

Ударили крылья, и рядом с хозяином, теперь уже бывшим, опустился сокол. Птица сделала несколько неуверенных шагов, подобравшись к телу поближе, склонила голову набок, осматривая окровавленные останки, и отодрала мощным клювом кусок плоти. Хозяин позаботился о своем питомце, теперь сокол сможет всласть попировать, пока не подспеют падальщики. У него еще есть время.

1. Индийский океан. Супертанкер «Хеллеспонт Стар»

Прозрачная как слеза вода огромным холмом поднималась над полированной гладью океана, вздыбленная несущимся десятью метрами ниже форштевнем. Если сильно присматриваться, до рези в глазах, исполинский нос корабля, выкрашенный в темно-голубой цвет, можно было увидеть. Судно затарено нефтью под завязку. Полмиллиона тонн. Рассказы о немыслимых сокровищах лучших ювелирных домов казались смехотворными в сравнении с ценностью, которую представлял собой груженный супертанкер.

Корабль чинно скользил, оставляя за собой широкую белую полосу вспененной винтами воды, напоминающую шрам на однородно синем теле океана.

Куцев вздохнул и поправил кажущиеся непроницаемыми для света темные очки. Надоело. Все надоело: и величие корабля, и еще большее величие водной стихии, запросто проглатывающей все, что ни кинет в нее человек. Особенно достала белая, будто процедурный кабинет, палуба танкера. Маленький кусочек укутанных снегом горных вершин посреди синевы океана. Глаза хотелось выцарапать – никакие очки не спасали, яркая, словно лазерный скальпель, белизна не давала ни секунды передышки. Укрыться от нее можно было только у мотористов или в реакторном. Но там свои проблемы. Уж лучше чесать глаза.

Виктор отжался от леера и повернулся к корме. В глаза снова больно ударило белым. Синяя бездна океана, пусть и щедро сдобренная солнечными бликами, играющими на мелкой волне, казалась чернее ночи в сравнении с палубой.

Виктор Куцев, низкорослый, худой, с чуть кривоватыми ногами, загорел до такой степени, что больше был похож на индуса, чем на русского. В действительности его национальность оставалась тайной даже для него самого – мать бельгийка, не то исконно европейского происхождения, не то из современных европейцев (Виктор подозревал, что здесь были и те и другие); отец родом из Кемерово считался русским, однако славянской национальности у него был только дед. То есть Викторов прадед.

Подергал вентили, потер рукой жерло коннектора трубы последнего танка. Какой-то жир. Куцев достал из кармана специальную промокашку и потер трубу – бесцветные разводы, не нефть. Все, осмотр его инженерных владений на сегодня закончен. Нефть – слишком ценный товар, чтобы потерять хоть каплю. Виктор осматривал все патрубки, магистрали, проверял краны и помпы ежедневно. Маленькая поломка могла стоить нескольких баррелей черного золота, чего допустить никак нельзя. На корабле все предусмотрено, чтобы не подвергать риску груз. И палуба жжет глаза именно по этой причине – чем меньше солнца и тепла, тем меньше испарится нефти. А здесь, в Африке, и первого, и второго хватало с избытком.

Это был третий рейс Куцева. Опасный и прибыльный бизнес. По-настоящему

прибыльным он был для судовладельца, но и команда не бедствовала. В нынешних условиях грех жаловаться.

Огромное судно, до краев наполненное нефтью – единственной возможностью человечества поддерживать хоть какое-то подобие транспортного сообщения на материках, последней надеждой сохранить цивилизацию от полного коллапса и разрушения, – было лакомым куском для кого угодно. Импортёры, заинтересованные в сохранности причитающегося им топлива, держали в акватории небольшие эскадры – и Европейский Исламский Союз, и Католическое Вуду, и поднебесники. В случае чего вооруженные крейсера придут на помощь.

Или «случайно» отстреляют винт «самопроизвольно» упавшей торпедой, если никто из условных союзников не сможет проконтролировать ситуацию. Это лучше, чем попасть к нефтяным пиратам – государства старались не нарушать пределы дозволенного: экипаж не трогали, всего лишь откачивали из танков немного нефти, списывая потери на аварийную утечку. Винт чинили, если это было возможно, или ждали нового – под опекой «виновников печального инцидента».

Но самым лучшим вариантом довести всю нефть до порта назначения, было затеряться в открытом океане и соблюдать радиомолчание. Первые три рейса Куцева прошли успешно. Мартин Крайс, их штурман, предложил плыть в обход Сомали, ставшего теперь островом. Откуда Крайсу стали известны лоции Архипелага, в который превратилась северная часть Кении, история умалчивала. Но капитан согласился с планом штурмана и выиграл – в Кенийском архипелаге их никто не ждал: пираты не предполагали, что кто-то попрется в неизведанную воду на таком монстре, как их «Хеллеспонт Стар», а эскадры государств имели четко очерченную зону патрулирования, в которую Архипелаг не входил. А самое главное – Восточная Африка и до всемирной Катастрофы попадала под всевидящее око только одного спутника наблюдения, который вот уже полтора года, как не давал о себе знать. Это была мертвая зона, каких насчитывалось по всей планете не больше десятка. Но везение не могло быть вечным, и этот их проход через воды Архипелага станет последним.

Виктор посмотрел по сторонам. Везде одно и то же: синее море и голубое, источающее ультрафиолет небо. Только юго-запад застил яркий диск солнца. Никаких признаков земли, птиц тоже не видно. Это хорошо, так и должно быть. Слишком большая площадь, слишком уж бескрайние просторы, чтобы можно было найти затерявшийся на них танкер.

Где-то справа и сзади, километрах в трехстах, остался мыс Рас-Хафун. Судя по движению теней, вычерченных, будто карандашным грифелем, на ветвящейся системе труб, что распласталась по палубе, капитан Мустафа Хопкинс-Джани поворачивает «Хеллеспонт Стар» носом на запад – корабль уже достиг пролива Найроби.

– Жара, мать ее! – посетовал Куцев, выжимая мокрый от пота платок, которым только что вытер лицо и шею. На пол упало несколько прозрачных капель.

– Африка – здесь это нормально, – сказал капитан, раскуривая толстенную сигару. Рубка наполнилась ароматным дымом.

Все-таки они хорошо устроились, что ни говори. Сигары в нынешнее время... Натуральные. Черт его знает, где их делают – Кубы-то нет теперь. Или у Мустафы еще с прежних времен запасы?

– Закрой иллюминаторы, – простонал инженер, – не могу больше видеть это солнце.

– У-у, – покачал головой капитан, выпуская очередную порцию дыма.

Он сидел, хотя к его позе скорее подошел бы термин «лежал», в кресле, откинувшись назад и водрузив ноги, обутые в начищенные до зеркального блеска черные туфли, на консоль пульта, благоразумно заблокировав перед этим ручное управление. Глаза закрыты, а от затылка к консоли тянется тоненький серебристый проводок психопривода – капитан управлял груженной нефтью машиной, через «балалайку». Собственно, в данный момент Мустафа сам был кораблем, его мозг чувствовал каждый механизм машины, улавливал малейшее движение, транслируемое тысячами датчиков, разбросанных по всем отсекам и поверхностям судна. «Хеллеспонт Стар» был настоящим чудом современной техники.

«Чудом техники до дня Станции», – мысленно поправил себя Виктор.

– Какая тебе разница, ты все видишь с внешних камер? Ты же вообще глазами не смотришь.

Мустафа открыл глаза, опустил ноги на пол и, вытащив изо рта неспешно курящуюся сигару, взглянул на инженера.

– По инструкции не положено во время маневра.

Коротко и ясно. И не поспоришь – кэп по инструкции даже форму с начищенными туфлями в этом пекле носил. Но, если быть честным, на палубу он выходил редко, отсиживаясь (не иначе тоже по инструкции) в отлично кондиционируемой жилой зоне.

– Ты знаешь, – сказал Мустафа, снова откинувшись назад, – раньше в этом районе орудовали сомалийские пираты. Представляешь – их лет сто выкурить отсюда не могли, что только с ними ни делали. А что с ними сделаешь – сегодня он нищий недоразвитый туземец, а завтра – «дрель» в руки, гранатомет на плечо – и в море, дань с судовладельцев выколачивать.

Виктор ждал продолжения, в рубке повисла тишина, было слышно лишь, как потрескивает тлеющий кончик сигары.

– Ну? – не выдержал инженер.

– Внимательней надо быть, – резюмировал Мустафа.

– Какие пираты?! От Сомали одни воспоминания остались. Там уже больше года остров. И землетрясениями его сильно потрепало – вряд ли хоть один дом в городах уцелел.

– Но кто-то же там есть?

– Привидения там есть, – ответил Куцев. – Пойду, душ приму.

– Я думаю, дело в другом, – бросил в спину выходившему из рубки инженеру Хопкинс-Джани. – Они дань *кому надо* платили, вот их и не трогали.

– А теперь?

Капитан молотил полную чушь. От скуки – им всем здесь скучно. Даже когда работы бывало невпроворот. Однообразие убивает медленной пули, но так же надежно.

– А теперь, похоже, не стало *кого надо*. Вот и пропали сомалийские пираты. А казались бессмертными.

– Ну, Аденский залив никуда не делся, только немного расширился. Ведь в нем орудовали сомалийцы? Там и сейчас неспокойно. Или мы по другой причине через Архипелаг лавируем?

Капитан приоткрыл один глаз, сказал: «Архипелаг, новые земли – это так романтично!» – и захохотал.

– Да ну тебя, честное слово! – пробурчал Куцев и ушел.

С Мустафой Виктор был знаком давно. Еще до «Хеллеспонт Стар» и вообще – до того, как попал на море. Они выросли в одном амстердамском квартале – в закрытом дворике огромного кондоминиума, где жили их семьи. Благополучное детство. Их родители были каперами среднего звена, Мустафа тоже стал капером – супертанкером он командовал и до того, как мир окунулся в хаос. Хотя хаос давно является естественным состоянием мира, просто последние пару лет это стало заметней.

Виктор тоже должен был стать капером. Обязан был, у него не было другого выбора. Но выбор не всегда приходится делать самому – сошедший с магнитного подвеса в Баварском султанате сверхскоростной экспресс забрал жизни его родителей, похоронив вместе с ними под обломками еще четыреста шестьдесят два человека, когда Виктору исполнилось семнадцать.

Какие-то сбережения остались. Он поступил в университет. Дома, в Амстердаме. Мечтой Виктора с детства были мосты – огромные, казалось, невесомо парящие на сотнях канатов циклопические сооружения, которые ему довелось увидеть самому или познакомиться посредством сети, занимали его воображение. Он хотел строить такие же. Нет, он мечтал построить что-то еще более прекрасное.

Но мечты остались мечтами – психологическая травма, нанесенная молодому человеку

внезапной гибелью родителей, дала о себе знать. Если бы в Исламском Союзе не было запрещено спиртное, наверное, он бы спился. А так – на черном рынке особой популярностью пользовался синдин.

Университет каким-то чудом удалось закончить. И получить диплом инженера. Правда, из мостостроения его поперли еще на третьем курсе. Удалось зацепиться на атомной энергетике, реактор – не самое чистое место работы, но вполне прибыльное. Он стал инженером. И законченным наркоманом. О карьере можно было забыть.

Первые годы после окончания университета Куцев помнил плохо. Чем жил, каким образом сводил концы с концами, было стыдно признаться даже самому себе. Психиатры называют это перцептуальной защитой – ты не видишь и не слышишь то, что не укладывается в привычное мировоззрение, этого как бы не существует. Те времена перестали существовать для Виктора. Наверное, с помощью гипнотетиков можно разбудить скрывающиеся воспоминания. Но делать это не стоило.

А четыре года назад, еще до катастрофы на Станции у русских, когда мир не знал и сумасшествия тритонов, он встретился с Мустафой. Случайно.

Виктор пил безалкогольный «Гинесс» в прокуренном пабе в самом центре Ланданабада, когда там появился Мустафа. Хопкинс-Джани был шумен, весел, любезен и пользовался популярностью у женщин. Виктор, приехавший на острова по очередному сомнительному делу, был полной противоположностью друга детства: мрачный, потасканный, никого не интересующий. Даже у конструкторов не помнящий себя после получения заветной дозы синдина Куцев особого интереса не вызывал – от его потрохов смердело гнилью и разложением.

Мустафа – красивый, благоухающий лучшими европейскими благовониями, – друга узнал. Сразу и наверняка, будто и не прошло тех лет, что Виктор с усердием трудился на фронте саморазрушения.

Он выдернул Куцева из клоаки, спас от ненасытного синдина. Потом, когда с наркотиками было покончено, Мустафа помог устроиться в судоходстве – замолвил словечко нужным людям. Хопкинс-Джани всегда умел наладить контакты, найти в людях то, что заставляло их помогать. А если не получалось воспользоваться природным обаянием, не гнушался напомнить о грешках, что водились за каждым. Безгрешных не бывает – эту истину Мустафа усвоил с юных лет.

Так Виктор попал в элиту мировой торговли – нефтяной бизнес. Сначала рабочим в нефтеналивном терминале родного Амстердама. Очень быстро оказалось, что работать Куцеву интересно и легко. Скоро его назначили мастером. Его работой были довольны.

Мысль о том, что огромные супертанкеры, привозящие в Европу нефть из остатков аравийских месторождений, снабжены реактором, пришла сама собой. Не то чтобы Виктор рассчитывал занять место инженера на судне. Просто вдруг стало жаль потерянной профессии. Он стал интересоваться реакторами, вспоминать то, что, казалось, проходило мимо него в университете.

Знания возвращались на удивление легко. Подпорченный синдином мозг еще не утратил способности к обучению, а острый ум, подаренный Виктору самой природой, уцелел, хоть и тщательно скрывался все эти годы.

На «Хеллеспонт Стар» Куцев попал за несколько месяцев до Катастрофы. Опять благодаря Мустафе. А когда на Станции рвануло, ему повезло еще раз – танкер чинно плыл посреди океана, поэтому пронесшееся цунами, уничтожившее прибрежные поселения на несколько километров в глубину, осталось незамеченным командой «Хеллеспонт Стар». Несмотря на огромную мощь, гигантская волна, растянувшаяся на несколько километров, плавно подняла судно и так же бережно вернула его на положенный уровень мирового океана.

Полгода они были без работы. Прежний мир раздумывал – умереть сразу или немного побороться за существование. Судя по возобновившимся рейсам, остановились на втором варианте. Только теперь каждое плавание было словно последним. Это ощущали все...

Куцев нырнул под прохладные упругие струи. Короткий хлесткий удар по коже – до чего приятна прохлада – и поток иссяк. Воду нужно экономить. Можно дернуть рычаг и получить еще одну порцию благословенной влаги, никто за ним не следит, но количество пресной воды на одного члена экипажа ограничено – придется довольствоваться бассейном с морской водой на палубе до конца плавания. А там жара и солнце. Даже с закрытыми глазами пробирает до самого нутра. Воспоминание о ярком свете заставило непроизвольно потереть воспаленные глаза.

«Была его встреча с Мустафой случайна?» – в который уже раз подумал Куцев. Тогда, в Ланданабаде? Слишком много совпадений. Глупо, конечно, но этот вопрос вновь и вновь всплывал в сознании Виктора. Для чего Мустафе понадобилось устраивать весь этот цирк?

Слишком все просто произошло, слишком гладко. Мустафа расплылся в улыбке и, раскинув руки для объятий, кинулся к нему, как только появился в дверях паба. Будто их встреча была давно назначена, и он ждал увидеть в пабе друга детства. Для чего Куцев приезжал в Ланданабад в тот раз? Он никак не мог вспомнить. Тоже странно. Впрочем, из того периода он много чего не мог вспомнить.

Но легкость, с которой его, облезшего и ставшего почти другим человеком, узнал старый друг, настораживала. Глупо, глупо, глупо! В такие моменты Куцев всегда напоминал себе, что регулярное употребление синдина незамеченным для мозга пройти не могло. Вот откуда эта паранойя, и не стоит позволять ей чувствовать себя в его мозгах как дома.

Куцев стянул с мокрой головы полотенце и понял, что с силой скрежещет зубами. Из зеркала, висевшего напротив, на него смотрел злобный взгляд красных, вытаращенных глаз, рот приоткрыт, будто в оскале, зубы сомкнуты и медленно двигаются. Виктор бросил полотенце и, обхватив голову руками, сел на крышку унитаза.

Кого он обманывает?! Синдин никогда его не отпустит, от этого невозможно вылечиться, нельзя избавиться от зависимости. Можно лишь бороться с собой, всегда, каждый день, каждую минуту. Синдин убивает. Теперь это знают все. Ему повезло, сухого кашля у Куцева никогда не было. Но, если синдин не убил тело, он все равно не оставит в покое душу, то нематериальное нечто навсегда останется в заложниках у наркотика.

Перед плотно закрытыми глазами плясали яркие пятна и маленький огонек служебного сообщения. Корабельная сеть требовала внимания инженера энергетической установки. Что там еще?

Руки дрожали. Сильно. Зубы выбивали барабанную дробь. Все тело покрылось неприятным холодным потом – только зря извел порцию воды. Чертов синдин!

Куцев открыл шкафчик с разным банно-прачечным скарбом, руки сами нашли нужное: небольшой пузырек с маленькими белыми таблетками. Эта штука разрешена, хоть и не приветствуется. Ему обещали, что поможет. Не навсегда, на пару дней максимум. Не обманули – пока что помогало.

Трясущимися пальцами он выковырнул белый кругляш и быстро, будто боялся куда-то опоздать, сунул его в рот. Пересохшее горло конвульсивно задергалось, пытаясь протолкнуть химическую отраву внутрь. Рот наполнился мерзким резиновым вкусом, но крупная таблетка упорно не желала проваливаться в желудок, норовя перекрыть доступ воздуха в легкие. К горлу подступила тошнота, перед глазами поплыли черные круги.

Куцев рванулся в каюту, схватил бутылку с остатками воды и, щедро поливая голую грудь, сделал несколько судорожных глотков. В горле все еще саднило, но дыхание стало свободным. Озноб нехотя отступал.

Служебное сообщение продолжало назойливо моргать в углу поля зрения. Что там еще стряслось?

Куцев активировал защиту в указательный палец мышь и открыл сообщение. Превышение штатных параметров температуры в реакторе. Ничего критического, если бы угроза была реальной, корабельный компьютер не предлагал бы инженеру энергетической установки ознакомиться с сообщением, а орал благим матом на все судно.

Легонько двигая пальцем по столу, Виктор вывел на напыленный на роговицу

нанозэкрэн отчет о работе реактора. Температура продолжала расти.

– Черт бы ее подрал! – пробормотал себе под нос Куцев. На такой жаре не выдерживал даже реактор.

Конечно, жара была ни при чем. Инженер проверил данные по всем системам. Сбоев не было. Причины роста температуры он не понимал. Ситуация не угрожающая, ее можно легко разрешить. Но Виктор не видел причины, и это его настораживало. Пожалуй, даже чуть пугало.

Еще раз прогнал тест системы. Все узлы работали штатно, компьютер, резво катающий в трех своих «поплавках» неведомые человеку машинные мысли, был доволен вверенным ему хозяйством. Чего нельзя сказать о человеке – Куцев начинал нервничать.

Инженер посмотрел на свои ладони. Дрожь ушла, да и голова соображала вполне здраво. Неизвестно, что за дрянь скрывается внутри белого как снег мела, но помогала эта штука вполне. Нет, нажать на кнопку инъектора, заполненного вожделенным синдином все равно хотелось, это останется с ним до конца жизни. Но после таблеток со вкусом жженой резины хотя бы можно ощущать себя человеком, а не загибающимся в судорогах сморчком.

– Капитан, как идем? – спросил Куцев, связавшись с Мустафой через корабельную сеть.

– Нормально идем. Тут что-то по твою душу сообщают.

– Знаю. Видел уже. Оттого и интересуюсь. Ситуация штатная, видимо, нужна коррекция распада. Пойду, прогуляюсь в реакторный отсек – разберусь на месте.

– Давай. Мы уже в проливе, так что, если вдруг кто-то уже пронюхал про нашу авантюру с Архипелагом, ход нам очень пригодится. Ты уж постарайся, чтобы работало все как надо.

– Есть, капитан!

Куцев натянул неуставные бермуды, поблекшую на солнце майку без рукавов и резиновые вьетнамки. «Made in China», – красовалась немного потертая надпись на слоеной подошве. Можно подумать, обычные вьетнамки не мог делать кто угодно. Но все отчего-то продолжали закупать их у поднебесников. Точнее, закупали до Катастрофы, теперь вообще непонятно, кто у кого покупает.

В коридоре через широкие иллюминаторы испепеляло пространство нещадное африканское солнце. Не иначе инженеры, проектировавшие судно, хотели поиздеваться над экипажем – на большинстве кораблей коридоры проходили в глубине палуб и имели только искусственное освещение. Но не на «Хеллеспонт Стар» – здесь от палящего светила не укрыться. Быстрее бы добраться до лифтов.

Благословенная темнота, которой так жаждали пострадавшие от яркого света глаза Куцева, пришла неожиданно. В самый неподходящий момент.

Наползающие одна на другую строчки на нанозэкрane продолжали уверять, что повода для беспокойства нет, но Виктор этому уже не верил. Снова приступ паранойи? Лучше, если так. Но свет в лифте не выключается, когда с кораблем порядок.

Яркие люминесцентные лампы моргнули пару раз и погасли, оставив кабину в полумраке, разгоняемом едва теплящейся аварийной подсветкой лифтовых кнопок. Спустя несколько мгновений кабина лифта резко дернулась пару раз и остановилась. Внутри тесного помещения повисла непривычная тишина – вентилятор воздухозаборника отключился.

Палец стремительно перемещался по гладкой стене, выбирая нужные пункты меню. Полной картины не было – с сетью что-то происходило. Наконец-то! Все снова заработало. Внезапный обрыв питания, автоматика отключилась на секунду. Электроснабжение восстановлено. Значит, лифт тоже скоро поедет.

Кабина вздрогнула, по глазам резануло сиреневатым светом люминесцентных ламп, и включился вентилятор.

– Что у тебя там происходит?! – послышался голос капитана.

– Пока не знаю, – ответил Куцев. – Я в лифте. Если верить нашему компьютеру – все в пределах нормы. Через минуту прибуду и разберусь лично.

– Давай поторопись. Нам только SOS не хватало сейчас в эфир пустить: все слетятся, как стервятники к подошедшему слону. Али на всякий будет дежурить в моторном.

– Так точно, уже приближаюсь, – послышался голос моториста.

Двери лифта плавно разошлись в стороны, сигнал промурлыкал, сообщая об остановке. Он почти на самом дне. Дальше лифт не идет. Дальше никто не ходил – ниже только мощный просвинцованный корпус реакторного отсека, там без спецснаряжения дольше пары минут не протянет никто.

Прямо перед Виктором торчал стальной парпет, впереди которого возвышалось толстое, непроницаемое для радиации стекло. Непроницаемое, конечно, до определенной степени. Внутри вела мощная дверь. За ней, перед желтым квадратом радиационной защиты, крышки буферной емкости теплоносителя, торчал шестиугольник плиты реакторного блока, утыканный верхушками тормозящих стержней. Доступ внутрь был только у Куцева и капитана.

Мельком глянув на показатели радиационного фона внутри, Виктор пнул кнопку привода двери. Сеть узнала «балалайку» инженера, и тяжелая плита, шипя пневматическим приводом, отвалилась в сторону. Как только Куцев оказался внутри, автоматика герметично задрала реакторный блок.

Хочешь знать ситуацию из первых рук – проверь данные лично. Конечно, забраться внутрь реактора Куцев не мог, но здесь, в реакторном блоке, все показатели дублировались, причем дисплеи, украшавшие стены вокруг шестиугольной плиты, показывали данные напрямую, минуя корабельную сеть.

Виктору хватило секунды, чтобы понять, что дело дрянь. Скорость распада была на пределе и грозила свалиться в неуправляемый ураган ядерного взрыва. Температура росла прямо на глазах. При этом «балалайка» показывала совсем другие данные. Секунду назад – показывала. А теперь картинка, моргнув, сменилась точной копией того, что Куцев видел на экранах перед собой. «Система восстановлена» – всплыла на мгновение надпись внизу поля зрения. Сбой системы, вирус, разрушающий корабельную сеть? Атака тритонов исключена – «Хеллеспонт Стар» шел абсолютно автономно, Крайс до входа в жерло Кенийского пролива даже не пользовался радаром: они соблюдали режим радиомолчания, чтобы не быть обнаруженными случайным радиолюбителем, сообразившим поискать здесь супертанкер. Тогда что же?

Времени разбираться не было.

– Капитан! – заорал Куцев, вызывая Мустафу на связь.

– Что стряслось?

– У нас...

Закончить фразу он не успел – оглушительно завывла сирена радиационной опасности. У Виктора была всего одна минута, чтобы убраться из реакторного блока. Потом дверь заблокируется во избежание радиоактивного заражения судна.

Сквозь вызывающий вибрацию где-то внутри головы вой пробивался голос капитана, но Куцев даже не пытался понять, что тот говорит. Все его внимание было направлено на управление реактором. Только бы сеть не рухнула окончательно – вручную выключать плюющийся смертоносным излучением котел не хотелось.

Теперь «балалайка» если что-то и врала, то не сильно – цифры на наноэкране вполне соответствовали происходящей за толстой переборкой катастрофе. Чего же автоматика не запускает стержни?

Словно повинаясь мыслям инженера, длинные поглотители плавно один за другим поползли в глубь активной зоны.

«Черт возьми, они не успеют», – подумал Куцев. Лоб покрылся холодной испариной.

По полу шла отчетливая вибрация, и теперь Виктор увидел ее причину: в реакторном отсеке желтый квадрат на полу скакал, как децентрированная стиральная машина, а в правом дальнем углу из-под приподнявшейся пластины вырывалась струя пара. Теплоноситель кипел, создавая внутри давление, готовое разорвать котел в клочья.

– Какого черта ты молчишь?! – орал Мустафа.

– Капитан, – ровным и оттого пугающим голосом произнес Куцев, – мы теряем реактор.

Сомнений в том, что реактор придется затушить, включив активную защиту, у инженера уже не было. Главное – успеть, иначе «Хеллеспонт Стар» превратится в облако радиоактивных обломков в считанные минуты.

Он отдал команду на активное прекращение ядерного распада, не дожидаясь, пока сработает автоматика – корабельный компьютер за последние полчаса растерял весь свой авторитет. Кадмиевые стержни, красивым кружком торчащие в центре шестиугольной крышки реактора, едва заметно вздрогнув, поехали внутрь.

– Так сделай же что-нибудь! – закричал капитан.

– Я останавливаю реактор. Аккумуляторы под завязку – я вижу датчики.

– Я их и без тебя вижу, – уже спокойней сказал Мустафа.

– Часть зарядки уйдет на работу помп.

– Глуши свое хозяйство. Совсем!

– У нас перегрев и утечка теплоносителя. Его надо охладить, пока контур не разнесло к чертям.

– Африка, мать ее, – проворчал Мустафа.

– Да уж, – согласился Куцев. – Арктика сейчас была бы кстати – вода там холоднее.

Все-таки крышка компенсатора с тяжелой водой не выдержала. Отошедшую пластину вырвало из крепления и артиллерийским снарядом запустило куда-то в потолок. Сверху посыпался мелкий лом. Куцев присмотрелся – не критичная поломка.

В образовавшуюся квадратную дыру тридцать на тридцать сантиметров следом за крышкой гейзером взметнулся фонтан пара. Видимость через стекло снизилась до нуля.

Куцев глянул на счетчик – интенсивность излучения медленно росла. Предел радиационной защиты реакторного блока был превышен.

– Али, как обстановка на турбине? – спросил инженер.

Цифры на наноэкране говорили, что турбина работает штатно. Имело место небольшое избыточное давление, но перегретый пар теперь стравливался в запертый блок реактора.

– Все в порядке, клапан сброса отработал.

– Радиация?

– Растет понемногу. Пока не критично.

Значит, теплоноситель прорвался в рабочий контур. Плохо дело – теперь радиационного заражения большей части танкера не избежать.

– Али, проверь оборудование, главное – подачу энергии с аккумуляторов, отключи автоматику на турбине, задрай все люки и уходи из машинного отделения.

Помпы из последних сил с натугой гнали в градирню воду из океана – безобразно теплого, прогретого безостановочно жарящим солнцем, – стоня конденсат обратно в систему. Температура пока не падала, хотя, если верить тому, что приходило Куцеву в «балалайку», цепная реакция в реакторе полностью остановилась.

– Али, что с аккумуляторами? – спросил Куцев.

– Все в порядке, пока идет зарядка. Системы в штате.

– Вали из машинного.

– Задраиваю люк.

– Молодец. Отошел?

– Не понял?

– От люка отошел?

– Да, я уже в лифте.

Правильно, что в лифте. В суматохе Виктор не подумал, что ему тоже стоит быть в лифте: в аппаратной реакторного отсека изрядно фонило, и лифты могут заблокироваться, если компьютер «Хеллеспонт Стар» посчитает их работу небезопасной.

Двери лифта закрылись, дернуло. Подъем в жилую зону, на высоту десятиэтажного

дома занимал около тридцати секунд. Приехали.

Показания, красным пятном висящие перед глазами, медленно начали уменьшаться. Все, красного больше нет, и давление продолжает падать.

– Какой у нас запас хода? – был первый вопрос, который задал Куцеву капитан.

– Пока трудно сказать, – сказал инженер, потирая руки. – Миль двести. Вряд ли больше.

Мустафа поджал губы. Не то выражая недовольство, не то подсчитывая что-то в уме.

– Покажи руки, – сказал Мартин, тоже сидевший в рубке. Судно входило в акваторию Кенийского архипелага, и штурман непрерывно следил за курсом, помогая на мостике капитану.

Виктор вытянул руки.

– Так и есть, – констатировал Крайс, бывший на корабле по совместительству еще и врачом, – дозу хватанул.

Куцев посмотрел на свои ладони – краснота отлично просматривалась даже сквозь темный, кофейного цвета, загар.

– Нечего тут своими изотопами трясти. Давай, бери Али и вместе на палубу мыться. И выпейте «Радиодурант». По две таблетки. Одежду выбросите к чертовой матери в утиль. Только жечь ее не вздумайте.

– Я считаю, нам всем лучше на палубу переместиться – в вентиляцию все равно что-то попадает. Снаружи безопасней.

– Я, пожалуй, останусь здесь, – задумчиво произнес Мартин. – Среди островов автоматике лучше не доверять, а на палубе психопривода нет. Кэп – решение за вами, но я справлюсь и один.

– Где высадка? – спросил Мустафа.

Мартин пожал плечами.

– Куда дотянем.

2. Территория племени Хаммар

Ветер играл сухой травой, шорох саванны менял тональность, будто пытался рассказать что-то путнику. Келле, притаившийся у куста, следил за антилопой. Небольшое животное робко перешагивало с копытца на копытце в поисках травы повкусней.

Настали странные времена – Хаммар приходилось охотиться, чтобы добывать себе пищу. Все коровы погибли. Да и от самого племени осталось не больше сотни человек.

Когда земля вздрогнула и стала проваливаться, вода в реке, тысячелетиями дарившей жизнь Хаммар, исчезла. Им ничего не оставалось, как идти туда, где земля все еще держалась на своем месте. Шли долго, многие умерли – воды не было нигде. Пили кровь коров, но животные тоже не могли обходиться без воды. Сюда не дошла ни одна корова.

Вопреки ожиданиям, их никто не пытался прогнать или убить – белых людей уже не было в этих краях, те, кто не погиб сразу, уехали после первых толчков. Местные племена, однажды высказав свое недовольство, больше не трогали Хаммар, обосновавшихся на этом, не самом привлекательном, клочке уцелевшей земли. Хаммар, которые ушли жить в города, Келле нигде не встречал – никаких городов в этой части Африки больше не было.

После того как в реке Омо закончилась вода, землю трясло еще много раз. Старик Кеффер, что жил здесь задолго до Хаммар, рассказывал, что долины Омо теперь нет. Там теперь море.

Шур-шур. Шур-шур-шур. Размеренное шуршание вывело Келле из раздумий – антилопа медленно приближалась к чахламу кусту, за которым сидел охотник.

Келле, невысокий, худой юноша, еще не был маза. Ему только предстояло пройти обряд укули и стать настоящим мужчиной. Тогда он сможет выбрать себе жену и завести семью. Но он понимал, что на его плечи ляжет обязанность обеспечить семью необходимым – едой, водой, одеждой. На стадо, что должно было перейти к нему по наследству от отца,

надежды не было – не было теперь ни стада, ни отца: Афа пытался сберечь хотя бы несколько коров, но ему было не суждено дойти до новой родины Хаммар.

Тетива послушно легла в правую руку, стрела потянула упругую жилу назад, готовая вырваться вперед и сразить назначенную Келле жертву. Нет, еще рано – убойная сила лука невелика, а антилопа не подобралась достаточно близко. Да и промахнуться можно с такого расстояния.

Старик Кеффер рассказывал, что на антилоп нужно охотиться совсем по-другому: бежать за ней, пока животное не устанет, а потом... Потом с ней можно было делать все, что угодно, – на сопротивление у антилопы сил не оставалось. Но Келле не умел бегать так долго, как Кеффер – маленький, худощавый, созданный, казалось, из одних только жил, не знающих усталости. Кеффер мог бежать несколько дней, ни разу не остановившись.

Для Келле этот способ не подходил – он начинал задыхаться раньше, чем антилопа успевала понять, что за ней кто-то гонится. Оставалось ждать удачи в засаде с самодельным луком, в надежде, что глупое животное само пойдет навстречу собственной гибели. Дважды Келле уже удавалось добыть мясо таким способом. К сожалению, вылазок, когда он возвращался с пустыми руками, было намного больше.

Те два раза, что стрела, выпущенная неумелыми руками Келле, вонзалась в шею убегающей антилопе, происходило что-то еще. Юный охотник чувствовал, что действует не в одиночку, кто-то помогал ему, будто невидимая длань направляла руку, посылая кривоватую стрелу точно в цель. Совершенно точно это был дух кого-то из предков Келле. Скорее всего – Афы, отца молодого человека.

Обряд провода духа предков, не дошедших до этих уцелевших во время землетрясений мест, не выполнили. Не было коров, не было коз, необходимых для проведения обряда. А того, что мужчины Хаммар добывали охотой, едва хватало, чтобы не умереть от голода. Иногда и не хватало.

Поэтому Келле был убежден, что мир вокруг них полон духов. Кулфу, их колдун, говорил, что духи могут быть злыми, они недовольны, что не могут перебраться на другой берег. И чем дальше предки будут оставаться здесь, вместе с живыми, тем большее недовольство это у духов вызовет. Келле в этом сомневался – хотя бы потому, что другого берега теперь не существовало. Река Омо, на западном берегу которой обитали духи, дождавшиеся достойных проводов, затерялась на дне нового моря.

Глаза охотника неотрывно наблюдали за приближающейся добычей. Антилопа до сих пор не учуяла молодого человека. Сегодня удача была на стороне Келле – легкий ветерок дул прямо ему в лицо и ни разу не поменял направления.

Зубы животного ритмично пережевывали пожухлую траву. Вот уши поднялись, челюсти остановили свое движение. Что-то потревожило ее. Только бы не убежала – догнать антилопу Келле точно не сможет.

Но нет – антилопа подергала коротеньким хвостиком, удоблив саванну порцией навоза, и снова принялась дергать траву, выбирая наиболее сочные стебли.

Вот она, совсем рядом. Еще чуть-чуть и будет достаточно близко для выстрела. Рука охотника медленно двигалась назад, натягивая тетиву. Хрум – антилопа оторвала очередной пучок, брм-брм – едва слышно отозвалась натягиваемая тетива. Ничто не должно испугать жертву, антилопа не должна слышать охотника, он для нее не существует.

Келле почувствовал, как кто-то или что-то нежно поглаживает его руку. Ту, что держала стрелу. Он осторожно опустил глаза, но ничего не прикасалось к коже. Откуда тогда это странное ощущение?

Антилопа сделала еще несколько шагов к кусту. Можно стрелять! Теперь главное – не промахнуться. Взгляд Келле был неотрывно направлен на ничего не подозревающее животное. Внезапно перед глазами заплескали яркие точки и круги. Келле тряхнул головой, пытаясь прогнать наваждение, но круги не исчезали. Антилопа приблизилась еще немного и остановилась, напряженно прислушиваясь. Возня охотника в близких зарослях могла ее напугать. Больше медлить нельзя.

Рука, прямая и твердая, резко потянула тетиву назад. Тихий, но ясно различимый в утренней тишине звук растягиваемой жилы достиг ушей антилопы. Животное встрепенулось, подобралось, задние ноги уперлись в сухую землю и...

Яркие круги, что мешали Келле видеть добычу, резко метнулись в одну точку, сойдясь точно над пульсирующей на шее животного жилкой. В следующее мгновение кто-то сильный резко потянул Келле за запястье, рука рванула тетиву, и стрела, молнией метнувшаяся из кустов, вонзилась в шею жертве, когда та, резко оттолкнувшись, парила в воздухе, надеясь уйти от удачливого охотника.

Приземление антилопы нельзя было назвать мягким – передние ноги подогнулись, нос с размаху воткнулся в траву, стрела выскочила из раны, разбрызгивая по желтому густым красным, и, теперь уже просто туша, кубарем покатилась, поднимая облако пыли. Небольшое стадо собратьев незадачливой жертвы, пасшееся невдалеке, встрепенулось и мигом ретировалось.

Келле в испуге бросил нехитрое оружие на землю, выскочив из кустов. Глаза его расширились, приоткрытый рот судорожно втягивал воздух. Никого не было: ни в кустах, ни в траве. Никто не прятался там, в этой части саванны остались только Келле и туша поверженной антилопы. Кровь продолжала толчками вырываться из маленькой ранки на шее, задняя нога слегка подергивалась, но было очевидно, что животное мертво.

Молодой человек посмотрел на свои руки – пальцы еще дрожали. Как он мог попасть в прыгнувшую антилопу трясущимися руками?! Как он вообще мог попасть в летящую мишень? Это снова был дух его отца! Это он направил руку нерадивого охотника, он показал его невидящим глазам, куда нужно стрелять! Отец заботился о Келле и после смерти. Но Келле было страшно – слишком хорошо запомнились рассказы Кулфу о духах. Он боялся гнева отца, который из-за него, Келле, никак не мог попасть на другой берег. Пусть теперь берег оказался на дне моря.

Охотник приблизился к затихшей антилопе. Трава вокруг была залита кровью, быстро подсыхающей под лучами набирающего дневную силу солнца. Это было неправильно, кровь не должна расходоваться просто так. Тем, что разбрызгалось по траве, можно было напоить нескольких маза. Возможно, что-то еще осталось?

Келле приподнял голову антилопы. Глаза ее подернулись белесой пленкой, язык выпал изо рта, за ним от травы тянулась тонкая ниточка слюны. Из аккуратной дырочки, что оставила на шее стрела Келле, медленно стекала начавшая густеть кровь. Поток уже не пульсировал – сердце антилопы остановилось.

Охотник снял с пояса небольшую бутылочку и приставил узкое горлышко к ране. Бутылочка не наполнилась и наполовину, когда кровь перестала вытекать. Келле убрал бутылочку и, взвалив обмякшую тушу на плечо, пошел обратно, к своим.

Приходилось спешить – сюда, в окрестности горы Кения, стеклись все уцелевшие племена из канувших в пучину океана окрестностей. Вернее, остатки племен, те, кому посчастливилось выжить. Еды на всех не хватало, и, если Келле встретится кто-нибудь из Сумбуру, с тушей придется распрощаться. Хорошо, если его самого не тронут. Масаи отчего-то боялись трогать Хаммар.

В деревне его встречали как героя. Добычу удалось донести в целости и сохранности.

– Дух отца снова помогал мне охотиться, – сказал Келле, зайдя в хижину Кулфу.

Колдун смотрел на молодого человека, нахмурившись. Волосы его были густо выкрашены охрой и ниспадали на плечи оранжевой гривой. Глаза, казалось, наполненные злобой, буравили Келле. Кулфу был недоволен. А может быть, он пытался спросить совета у предков – на то он и шаман.

– Ты уверен, что это был твой отец? – спросил он наконец.

– Да... – начал было Келле, но осекся.

Действительно, кто еще мог помогать юному Келле, если не отец? Хотя с чего это он взял, что пришедший на помощь дух – именно Афа? Он ничего не чувствовал, никакого родства, ничто не тронуло его душу. Скорее, наоборот – напугало. Почему тогда он уверен,

что это отец?

– А кто это мог быть?

– Сейчас я спросил тебя! – отрезал Кулфу.

Келле опустил глаза.

– Нет, не уверен, – сказал он.

– Ты! – воскликнул колдун, уткнув указательный палец в грудь молодому человеку. – Ты ничего не знаешь о духах! Они живут вокруг нас. Белые люди потревожили их, духи беспокойны. Они коварны! Они жаждут отмщения и могут выбрать нас, чтобы восстановить справедливость! Мы не можем умиловить их, нам нечего предложить духам! Будь осторожен, когда принимаешь помощь. Духи хитры.

– Но ведь дух моего... этот дух помогал мне!

– Возможно, он хочет завладеть твоим сердцем, приблизить тебя к себе, чтобы ему было проще с тобой справиться потом, – будничным тоном сообщил Кулфу и отвернулся. Разговор был окончен.

Келле повернулся, чтобы выйти. Снаружи в полумрак жилища колдуна врывалось яркое солнце.

– Завтра ты пройдешь обряд укули, – бросил парню в спину Кулфу, не оборачиваясь.

Келле на секунду замер. Завтра? Но как же кровь, которой надо напоить гостей, где взять быков? Чтобы стать взрослым, он должен пробежать по спинам быков. Но у Хаммар теперь нет ни одного быка.

Бона, двоюродный брат Келле, старше его на несколько лет, прошедший обряд укули до того, как их родина опустилась на дно моря, взялся помочь юноше.

Келле пребывал в смятении. Он переживал, правильно ли он все сделал, достоин ли он стать взрослым. Но больше его мучил вопрос, кем был тот дух, который уже в третий раз помог на охоте.

Бона принес чан с забродившим пивом, которое требовалось смешать с бычьей кровью. Быков взять негде, но на кожаном ремешке, перетягивающем бедра Келле, висела бутылочка с кровью антилопы. Как жаль, что он замешкался и набрал так мало крови! Если бы он не испугался, бутылочка могла быть полной. Может быть, он недостоин пройти обряд?

Келле вспомнил взгляд Кулфу – злой, колющий и вместе с тем полный страха перед неизвестным – и решил, что имел полное право испугаться. По крайней мере, он не бросил добычу, не убежал со всех ног, опасаясь, что дух может преследовать его. Он принес антилопу, и теперь колдун Кулфу согласен провести обряд укули. Раз колдун сказал, что обряд пройдет завтра, значит, он знает, как справиться с отсутствием быков.

Кровь была смешана с пивом и оставлена дображивать. Цвет напитка получился слабо-розовым, но все же в нем была кровь. Настоящая, добытая от животного, благодаря его, Келле, силе и умению. И духи помогали ему. Значит, духи хотели, чтобы Келле стал маза.

После того как напиток был готов, юноша вместе с маза Бона спустились в низину за стеблями тростника, для того, чтобы ими можно было высечь сестер и теток Келле. Стебли выбирали самые лучшие, прочные с острыми краями. Такие оставят больше шрамов на коже женщин – подобные украшения их порадуют.

– Ты хороший охотник, – сказал Бона, когда они вошли в заросли тростника.

Келле помотал головой. Он так не считал. Если бы не дух, он ни разу не смог бы добыть антилопу.

– Нет, Бона, – ответил он. – Духи помогали мне, сам я бы не справился.

Губы старшего брата расплылись в улыбке.

– Мир полон духов, они живут вокруг нас. Иногда они бывают недовольны. Но ты пришелся им по душе.

Келле с непониманием в глазах смотрел на Бона.

– Теперь о добыче можно не беспокоиться, если с нами на большой охоте будет такой маза, как ты, – духи не станут смеяться над нами, они помогут.

Келле пожал плечами. Может быть, Бона и прав, а Кулфу ошибается и ему нечего

опасаться. Но ведь Кулфу – колдун...

Листья тростника, качающегося на ветру, щекотали затылок юноши. Келле непроизвольно поднял руку и почесался. Пальцы наткнулись на твердую, немного выступающую над кожей головы полоску, размером в полпальца. Откуда у него взялась эта штука, Келле не помнил. Но до того, как земля начала дрожать и провалилась на дно моря, ее не было. Ни у него, ни у Бона, ни у остальных.

Штуковина эта из головы не вынималась, и отодрать ее было невозможно. Она совершенно не мешала, а после того, как Кнеши, который попытался расковырять такую же штучку на своем затылке ножом, вдруг упал, забившись в судорогах, и спустя сутки умер, Кулфу заявил, что это дары хитрых духов и трогать их нельзя.

– Пойдем, – Бона протянул руку, помогая брату выбраться из раскисшей грязи, – нам нужно пригласить всех маза на праздник.

3. Один из островов Кенийского архипелага

Яркие лучи африканского солнца настойчиво пробивались под прикрытые веки. Гамми перевернулся на другой бок и попытался зарыться лицом в согнутую в локте правую руку. Разбитое лицо сильно саднило. Рука – меньше. Все равно теперь не уснешь. Сколько сейчас – полпятого, пять? Удастся ли в этой жизни когда-нибудь выспаться? Да и сколько ее, жизни-то, осталось?

Гамми со стоном потянулся, в спине хрустнуло, призывно заурчало в животе. Немного поднапрягшись, удалось немного разлепить опухшие от недосыпания и жарящего каждый день ультрафиолета глаза. Как же хотелось жрать! Живя в современном мире, придумавшем синтетическую еду, он не то чтобы забыл, а вообще не представлял себе, что может так сильно проголодаться. Даже будучи в том мире заключенным номер, мать его, один-три-семь-шесть и еще куча данных, зашитых в штрихкод.

Он приподнялся на локтях и осмотрелся. Кругом одно и то же – ссохшаяся, похожая на песок земля и редкие чахлые кустики. Из глаз потекли слезы. Чего же тут так ярко в этой Африке? Не ходите, дети, в Африку гулять. Эх, прав был старикан Чуковский.

Впереди, метрах в двадцати ниже по склону, размахивал руками Бублик. Вот уж неугомонный. Зарядку делает.

Бублик получил свое прозвище за округлость форм, но за почти два года, прошедших со времен катаклизма, его телосложение сильно изменилось. Арестантская роба, выданная на прежний размер, болталась, как балахон. Интересно, Бублику жрать так же хочется или он на жировых запасах живет и особенно не страдает? Вид у него, во всяком случае, бодрый.

Гамми, кряхтя, сел на еще прохладный камень. Единственная прелесть раннего утра – саванна не успела нагреться, и нет ощущения, что попал в бесплатную сауну, выхода из которой не подразумевается.

Руки непроизвольно выдернули клочок травы, неуверенно растущей из-под камня, и засунули в рот. Механическими движениями Гамми пожевал и, матерясь, выплюнул горькое сено. Голод, блин, не тетка. Скоро землю жрать начнем.

– Как самочувствие? – крикнул Бублик, заметив, что Гамми проснулся.

Интересовался он не зря: вчера ребята из жополизов Моралеса здорово отметили парня. Гамми ощупал лицо – распухло вроде не сильно. Но болело все.

– Ничего, жив пока, – прохрипел Гамми. Неизвестно, услышал ли его Бублик, но махать руками перестал и энергичной походкой направился к приятелю.

Странно, что Бублик, уголовник, отбывающий срок в Африке за убийство четверых человек, выбрал себе в друзья именно его, Гамми. Правда, после того как Гамми спас его от расправы уголовников.

До Африки Гамми звали Сергей Аполлинарьевич Звездецкий, жил он в Анклаве Москва и занимался совершенно безобидным делом – заведовал редакцией детских развлекательных и обучающих программ. Кто бы мог подумать, что человек столь мирной

профессии может угодить за решетку, и не куда-нибудь, а в Африку – в ту самую, которой пугают детей. «В Африке гориллы», – подумал Гамми, потирая все еще ноющее при перемене погоды плечо, которое два с половиной года назад ему сломал надзиратель Ушенко. Горилла и есть, как его еще назовешь?

Бублик был немного чокнутый. Наверное, оттого и довольный. Но Гамми он выбрал в друзья раз и навсегда. И когда вдруг долбануло, и небо на какое-то время поменялось местами с землей, Бублик не мучился вопросом, на чьей он стороне. А выбор поначалу был богатый.

Так у них и сформировался своеобразный симбиоз. Лишайник, мать его, они, а не люди. Так и есть – грибы с водорослями, растут себе, друг другу помогают. Бублик мужик здоровый, не смотри, что исхудал, центнер с лишком все еще будет. Трогать его боялись. Даже головорезы Моралеса опасались Бублика. Но умом великана бог обидел, так что самому ему было никак не выжить. А Бублик, хоть и туповатый, но выгоду свою понимал – выбрал в друзья Гамми: умного и не по месту пребывания доброго к людям.

Бублик подошел вплотную, нависнув в обычной своей манере. У него никак не получалось разговаривать, не наседа на собеседника. Казалось, еще чуть-чуть – и здоровенный увалень полезет целоваться.

Огромный, под два метра (может статься, что и за) ростом, непропорционально худоватый, словно медведь-шатун в феврале, с редкими перепутанными волосами, едва прикрывающими бордово-коричневую лысину, на которой красовался номер ноль-шесть-семь-два и лейбл, он стоял, закрывая собой висящее недалеко от горизонта солнце, и улыбался во весь рот. Руки теребили истрепанный подол износившейся робы, ноги нетерпеливо переступали. Ботинок у Бублика уже давно не было. Гамми не знал, куда он девал обувь, скорее всего, просто изорвал.

– Скажи, а тебя почему зовут Гамми? – пробубнил он и тихо засмеялся.

Этим вопросом начиналось каждое утро. Бублик не то хотел пошутить, не то на самом деле никак не мог запомнить объяснения. Гамми этот странный ритуал давно перестал раздражать.

– Мишки такие были, – проворчал он и, сжав зубы от боли, поднялся на ноги.

– У-у, – понимающе промычал Бублик. Хотя ни хрена он не понял.

– На помощь спешили, – тихо добавил Гамми, осматривая окрестности. До горизонта пейзаж не изменял своей однотипности: желтоватая рассохшаяся земля, редкие островки пожухлой травы и одиноко торчащие колючие кусты. – Вот и dospeshilis. Жратва сегодня есть?

Громила улыбнулся жутковатой редкозубой улыбкой и показал змею, зажатую в огромном кулачище.

– Отлично! – похвалил Гамми, забирая поверженную рептилию. – А ты? – спросил он, заметив, что змея целая.

– Я две поймал.

– Молодец!

Гамми высмотрел камень поострее, отрубил им змее голову, выдавил себе в рот кровь и аккуратно освежевал тушку. Можно, конечно, изжарить, но это долго и с костром возиться не хотелось. Змеи и сырые вполне съедобны.

Если бы три года назад ему кто-нибудь сказал, что змею можно есть вот так... Нет, он знал, что змей едят, суп вроде из них варят. Но чтобы сырую, вытягивая из еще теплой тушки кровь – достаточно было бы просто рассказать Звездецкому о подобном безобразии, чтобы его желудок вывернулся наизнанку. А вот Гамми вполне освоился со змеиной диетой. Выбирать особо не приходилось – и змею удавалось добыть не каждый день.

– Ну что, дружище, – вытирая измазанные змеиной кровью руки, выпросил Гамми, – пойдем в родные пенаты?

– Пойдем, – согласился Бублик.

Что такое пенаты, Бублик не знал, ему и не было это интересно. Он привык, что Гамми

называет так место, где они жили – небольшая пещерка, затерявшаяся в скалистом нагромождении в глубине пустыни.

Груда камней, развалины того, что носило сухое официальное название «Исправительное учреждение №123 Центрального филиала СБАТ». Арендодатель – Всемирная рудная компания, а в простонародье именовалось «Африкой», теперь принадлежала Моралесу.

Большому сытому миру было невдомек, что Африка – это огромный континент, и он далеко не ограничивался границами тюрьмы Службы Безопасности Анклавов. «Африка» была символом, олицетворением силы и власти корпораций, стоящих за Анклавами и СБА. «Африка» была синонимом смерти. Но не быстрой и явной, а медленной и непонятной. «Сгинул Иванушка в дальних странах», – как говорили в старину в сказках. Все, кто попадал когда-либо в «Африку», сгинули. Даже тот, кто вернулся – существование, что влачили они после пребывания в «Исправительном учреждении №123», жизнью назвать было нельзя.

А потом в один прекрасный день – они тут, считай, все прекрасные, солнце шпарит, не останавливаясь – земля вздрогнула так, что на какое-то мгновение поменялась местами с небом. От построек «Исправительного учреждения № 123» камня на камне не осталось. Выживших искать смысла не было – в том крошечном, в которое превратились стены тюрьмы, выжить не мог никто. Такая же участь постигла и городок, где обитали работники «Африки» с семьями: все сидели дома, наслаждались комфортом под кондиционерами, когда мир сошел с ума.

Вот так и получилось, что в живых остались только заключенные, которые вкалывали на каменоломне, размахивая кирками, да трое охранников, присматривающих за ними. Труд, как говорится, облагораживает. И, как выяснилось, помогает выжить. Тупой, ненавистный труд, придуманный не из необходимости, но в наказание.

В каменоломне тоже произошел обвал. Половину невольных камнетесов завалило оползнем. Но около трехсот уголовников и нарушителей спокойствия Анклавов, грязных, раненых и перепуганных, выбрались наверх. После того как толчки прекратились.

Выжили только те, кто был потрусливей: смельчаки и заводилы рванули прочь из каменоломни сразу, когда поняли, что догонять их никто не будет. Они теперь вообще на хер никому не были нужны.

Толчки продолжались три дня. Или два – Гамми точно сказать не мог: было настолько страшно, что следить за восходами и закатами, наслаждаясь багрянцем, рассеянным в поднятой в воздух пыли, не имелось ни малейшего желания. Потом трясло еще несколько раз, но уже не так сильно. Спустя несколько месяцев толчки прекратились.

Они лежали там, где их застал первый удар, вжавшись в землю, вцепившись в крошащиеся камни из последних сил, стараясь удержаться на грешной земле, не желающей больше терпеть их на своем израненном теле.

Всех, кто полез наверх, на свободу, как думали беглецы, после первого толчка завалило осевшим склоном, по которому они пытались вскарабкаться. Второй толчок случился минут через десять. А потом трясло, не переставая.

Около пятидесяти раненых умерли в первую неделю после толчка. Дальше многих выкосил голод.

Человек – животное стадное, не прошло и десяти дней, как счастливчики, выжившие в Катастрофе, стали сбиваться в стаи.

Основной проблемой была еда. Живности в окрестностях «Африки» водилось не особенно много, охотиться никто не умел, да и нечем было охотиться. Оружия, как ни странно, в «Африке» было немного – какой смысл угрожать пулей, когда безжизненность территории, простиравшейся вокруг тюрьмы на много километров, страшила куда больше. Желających прогуляться под палящим солнцем без еды и воды не водилось. За все годы существования «Исправительного учреждения №123» не было зарегистрировано ни одной попытки побега. Может быть, Флобер, не доживший до страшного суда, о чем-то и умалчивал, но даже если кто-то и пытался, живых беглецов из «Африки» в цивилизованном

мире не наблюдалось.

Проблему решил Моралес. Был тварью до Катастрофы, остался ею и после. Моралес был одним из тех трех надзирателей, что наблюдали в тот день за заключенными в карьере. Больше из людей, пребывающих здесь по собственной воле, не выжил никто. Собственно, сегодня живым был один только Моралес – этот гад лично прикончил своих сослуживцев, когда обезумевшие от страха и вдруг свалившейся на голову никому теперь не нужной свободы урки избили до полусмерти своих недавних истязателей.

Моралесу тоже досталось. Но гад оказался живучим – из последних сил он дополз до подышающих коллег и подвернувшимся камнем разможил обоим головы. Зрелище вызвало отвращение даже у бывалых убийц. Как выяснилось пятью минутами позже, он знал, что делал. Но Гамми видел эту кровавую бойню собственными глазами, он видел безумный озверевший взгляд Моралеса и страшную, похожую на звериный оскал улыбку, обрамленную коркой запекшейся крови, пыли и слюны, когда его руки опускали камень на головы еще живых и всепонимающих сослуживцев. Моралес воспользовался моментом и сделал это с удовольствием.

Пока свора, набросившаяся на бывших надзирателей, приходила в себя, после продемонстрированного им реалити-шоу, Моралес вытащил острый стальной клинок, припрятанный Стивенсоном – тем, кого он добил вторым, – и, воспользовавшись всеобщим замешательством, несколькими точными ударами заколол троих паханов бандитской шайки. Теперь главным в своре стал он.

Моралес рассудил правильно, решив, что на всех не хватит чахлах ресурсов «Африки». Но он долго собирался с мыслями, и несколько десятков арестантов успели уйти из развалин, бывших раньше их тюрьмой. Среди ушедших был и Гамми, сразу уразумевший, что к чему, и утащивший за собой Бублика, не понимавшего, что долго терпеть его взбалмошный характер Моралес не станет. После того как превращенных в рабов слабаков, не сумевших выбраться со дна нового общества, ставших ненужными после завершившегося разбора завалов, начали поочередно закалывать и скармливать остальным, Бублик стал почитать Гамми пуще отца своего.

Голодные рабы морщились и стыдливо опускали глаза, но жрали своих вчерашних товарищей. А куда им было деваться? Потом и морщиться перестали – притерпелись.

Когда поисковые группы, организовавшиеся спонтанно и посланные на разведку Моралесом, уткнулись в берег моря, которого в этих краях отродясь не бывало, стало ясно, что дела их много хуже, чем предполагалось. Они оказались на острове – довольно большом, но окруженном неприступными просторами нового океана. «Африки» больше не было.

Вчера Гамми вернулся к развалинам тюрьмы. Решил попросить у Моралеса воды, займы. В долгий поход, который предстоял Гамми, в известном ему источнике воды было маловато. Идиот! Если бы не Бублик, которого можно одолеть только из снайперской винтовки, Гамми, скорее всего, убили бы. А так – его только начали мутузить ногами, когда обиженный за товарища Бублик швырнул о скалу одного из обидчиков, будто легкий надувной мяч. Тот крикнул и остался лежать, где свалился, мешком. Желание продолжать избиение эта демонстрация силы отшибла у бойцов Моралеса начисто.

Но воды, хотя и немного, он все же у них взял. Когда они с Бубликом – Гамми, отплевывая заполняющую рот кровь, а Бублик, рыча, как голодный волк, – отступали из лагеря Моралеса, им удалось прихватить стоявшую поблизости початую бутылку. Видимо, пил кто-то из тех, кто бил Гамми.

Сам хозяин «Африки» смотрел на происходящее со скалы, прищутив левый глаз и пожевывая поникшую травинку. Четверо холуев терлись возле него. Они могли выстрелить оттуда, но не стали. Гамми видел их отлично. Вот в тот момент он и заметил бутылку. Он метнулся, схватил то, за чем шел сюда. Урки дернулись, но взмах могучего кулака Бублика остановил их пыл.

По тени выходило, что нет и восьми. А солнце уже жарит всю. Еще нет ощущения, что ты на сковородке, но поджарить собственное мясо можно быстро. Гамми ущипнул себя

за дряблую руку – было бы тут мясо.

В пластиковой бутылке, второй год неизменно служившей флягой в походах, воды оставалось глотков на десять. Затхлой и немного мутноватой. Ту воду, что они стащили вчера у людей Моралеса, Гамми пока не трогал.

В этой части их «Африки», на Тюремном острове, воды было мало. Реки, если они, конечно, вообще были, пересохли – им теперь некуда было течь. Остались только редкие ключи, которые постепенно приобретали солоноватый привкус. Море брало свое. Совсем скоро здешние места превратятся в пустыню.

Гамми посмотрел исцарапанную бутылку на просвет и протянул Бублику. Здоровяк с благодарностью принял ее и экономно отхлебнул. Гамми посмотрел на судорожно дернувшийся кадык товарища и в который уже раз подумал, что при всей своей первобытной силе, Бублику здесь не выжить – отправившись в поход, он не додумался бы взять с собой воды. Или не нашел бы – в чем. Или... Так можно было перечислять до бесконечности.

Воняющая болотом теплая жижа послушно ушла в желудок. Гамми давно перестал обращать внимание на вкус того, что давало шанс жить дальше. Можно было подумать, что вкусовые сосочки атрофировались за отсутствием объекта восприятия.

– Дома чутко передохнем, подождем, пока жара начнет спадать, и двигаем дальше. С собой забираем всю провизию и воду, – сказал Гамми.

– Далеко пойдем? – Бублика не интересовала причина похода, его занимали лишь утилитарные факторы.

– К морю, – Гамми, прищурившись, всматривался в безжизненный горизонт, словно надеялся разглядеть далекую отсюда большую воду, и добавил без тени сарказма в голосе: – Купаться будем.

– У-у, – у Бублика больше вопросов не было.

Гамми слишком уж надолго задерживаться в бывшей Африке не планировал. Точнее, не планировал Звездецкий, Гамми был урожденным африканцем, считай, аборигеном. Но планы имеют обыкновение рушиться, словно песчаные замки в полосе десятибалльного шторма.

Никто из застрявших на Тюремном острове не знал, что произошло. Здешний, и без того безжизненный и поганый мир разрушился практически до основания. Судя по отсутствию к ним интереса со стороны СБА и пресловутой «Всемирной рудной компании», в остальном мире было ничем не лучше – серия мощнейших землетрясений накрыла весь земной шар. А может, там случилось и что-то похуже.

Гамми понимал, что другой причины вдруг разыгравшихся природных катаклизмов, кроме Станции, которая должна была производить какую-то чудодейственную новую энергию, не было. Вряд ли за те семь месяцев, что он пробыл в «Африке» до землетрясения, успели придумать что-то более мощное и таинственное. Все-таки Мертвый утер всем нос, выкинул фортель, которого от него ждали, но никак не могли поверить, что он на это решится.

До моря километров тридцать. Может, немного больше. К вечеру, когда солнце скроется за горизонтом, они должны добраться.

Вживленный глубоко в мышцы бедра датчик вдруг проснулся, вызывая неприятное подрагивание мышц. Спустила столько лет! Гамми успел забыть о том, что сидело у него в организме. И вот вчера, на закате, он все-таки включился.

«Когда будешь нужен, нанокапсула у тебя в бедре включится. Иди по ее указанию – мы тебя заберем». Гамми так и не смог разгадать смысл этой фразы, но вот последнее утверждение ни за что не желало исчезать из памяти.

4. Кенийский Архипелаг. Супертанкер «Хеллеспонт Стар»

Крайс сообщил, что, по его расчетам, с левого борта должна быть земля. Навигационная система, мать ее за ногу, вырубилась в самый неподходящий момент –

стационарный коммуникатор на мостике упорно отказывался сообщить координаты. Сбоит оставшаяся без ремонта техника или снова решили порезвиться тритоны? Вот уж действительно, кого бог мозгами обидел – обдолбаться синдином, чтобы тупо рушить то, до чего тебе в общем-то нет никакого дела. Сборище первобытных вандалов, дорвавшихся до современных технологий. Эпоха Цифры! Фикция, одни слова, в которых большинство тритонов не видело смысла. Какая Эпоха, чего они хотели добиться своими идиотскими выходками? Теперь придется полдня обходиться без поддержки космоса, если кто-нибудь не починит спутник раньше. Кто-нибудь – это «Науком», больше некому. Если москвичи не почешутся, придется ждать, пока из-за горизонта выйдет еще один спутник, рабочий, и их снова станет четыре.

Аккумуляторы корабля работали на исходе. Три огромных винта – каждая лопасть больше человеческого роста – исправно вращались, толкая «Хеллеспонт Стар» дальше и дальше в глубь нового Африканского моря. Совсем скоро их вращение замедлится, а потом остановится. Компьютер не позволит полностью обесточить корабль, иначе им невозможно станет управлять. Времена, когда полсотни матросов и десяток морских офицеров носились по палубе, кряхтели от натуги, стравливая концы или поднимая якорь, давно ушли в прошлое. Команда «Хеллеспонт Стар» состояла из четырех человек, но, в сущности, хватило бы одного капитана. Остальные трое были на всякий случай. И в этом плавании такой случай представился.

Танкер можно отправить в плавание и вовсе без экипажа, управляя движением через сеть. Но... в нынешние времена стало слишком много «но».

Куцев в сотый раз прошелся по палубе, немного остывшей за ночь, проверяя надежность кранов и клапанов в системе распределения ценного груза. Нефтеналивные насосы он отключил, заблокировав активацию магнитным ключом – теперь через корабельную сеть до них не добраться.

Крайс и Али возились возле шлюпок, набивая их необходимым – провизией, водой, походным оборудованием и оружием. Штурман время от времени припадал к своим архаическим инструментам, сверяясь с курсом. Сверяться особенно было не с чем – точных карт района, где они шли, не существовало.

– Со спутника картинка не появилась? – спросил Мустафа, выйдя на палубу. – Наукомовцы грозятся восстановить полный охват.

Они с Мартином только что закончили прошупывать эхолотом окрестные глубины – в пределах пары миль хода скал и мелей не было. В рубке радиационный фон медленно, но неумолимо рос. Пока до угрожающих жизни значений было далеко, однако кому охота жариться в ионизирующем излучении: при любой возможности Мустафа старался выйти на палубу. Точно так же вел себя Мартин. Защита расстоянием и временем, как из школьного курса.

– Все так же. – Штурман передал капитану коммуникатор с висящей на нем картинкой со спутника. – Года полтора назад снимали. Здешние развалины пока никого не интересуют. Здесь наблюдение в последнюю очередь восстанавливать будут. Картинка красивая, – Мартин вернулся к разговору о карте, – но здесь чуть не каждый день трясет, очертания береговой линии и подводные вулканы постоянно в движении. Так что идем практически вслепую.

– Ты же не первый раз нас ведешь здесь?

Штурман покачал головой.

– Предугадать фарватер проще – я немного смыслю в геологии и могу понять, где будет глубже на свободной воде. А здесь, внутри Архипелага...

– Плыть нам все равно недолго, – задумчиво произнес капитан и отправился в рубку управлять движением судна.

– Что делать будем?! – крикнул ему вслед Крайс.

Мустафа остановился, снял форменную фуражку, повертел в руках, рассматривая, будто видел ее впервые, и неожиданно бросил головной убор за борт.

– Будем выживать, – хмуро сказал он. – Я надеюсь, все понимают, что дать в эфир SOS мы не можем?

– Но что мы будем делать в Африке? – спросил Куцев. – Какая нам разница?

– В Африке, Виктор, мы сами будем решать, что нам делать, – спокойно объяснил капитан. – В этом смысле неработающий спутник нам на руку – с неба нас не заметит ни один стервятник. А вот если дадим SOS – считай, смертный приговор мы себе подписали. Кто станет разбираться, отчего на борту четыре трупа – был же SOS? А пропавшее судно по закону, думаю все об этом в курсе, принадлежит нашедшему. Вместе с товаром, – тон Мустафы постепенно повышался, и последние слова он почти кричал, колотя рукой по кипенно-белой трубе нефтепровода. Труба отзывалась басовитым гулом, хорошо различимым в повисшей вдруг тишине.

– Ну, в Африку так в Африку, – хлопнув себя по бедрам, согласился штурман.

– Сколько до берега? – спросил у него Куцев, когда Мустафа ушел с палубы.

Мартин пожал плечами.

– Миль тридцать. Другой вопрос – что это за берег.

Виктор смотрел на штурмана. В его глазах отчетливо читался немой вопрос: «Куда?»

– На острова. Мы в Архипелаге.

Боялся ли Виктор? Наверное – да. Но не Африки, не нависшей над ними угрозы робинзонады. Он страшился неизвестности, ожидавшей их на берегу. Что они выиграют, высадившись на дикий берег? В этом районе черного континента и до Катастрофы не было особенно крупных городов. После – одному богу известно, что там теперь. Оттуда не приходило никаких вестей, туда из уцелевшей части мира никто не стремился попасть. Что там искать? Руины бывших трущоб? Разрушенные рудники, разорванные землетрясением на части? Может быть, придет время, и Африка снова заинтересует инвесторов, корпорации и государства наложат на изломанный континент лапу, окончательно изгадив начавшую возрождаться в отсутствие человека природу.

Шевельнув пальцем, Куцев вывел на наноэкран информацию о состоянии аккумулятора. С минуты на минуту начнет падать мощность двигателей.

– У нас подвижности на полчаса от силы, – сообщил он в общий доступ корабельной сети.

– Штурман? – это был Мустафа.

– Примерно так, – после короткой паузы сообщил Мартин. Вероятно, он передал капитану картинку с картой. Такой, какой он ее себе представлял. Интересно, насколько она разнилась с действительностью?

– Хорошо, – капитан вздохнул, – заканчивайте сборы. Выходим на свободное торможение. Штурман – промер глубин каждые три кабельтовых.

– Есть, – довольно вяло отозвался Мартин.

– Инженер, проверить все системы энергообеспечения, подготовить судно к консервации.

– Так точно.

– И лодки наши все заблокируй – компьютерный вопрос тоже на тебе, Виктор. Лучше их вообще сотри к чертям. И копии – себе в «балалайку», потом мне перекинешь.

– Принято.

– Восемьдесят шесть, – сообщил глубину Крайс. Глубоко, берег, стало быть, не близко. И птиц не видно.

– Моторист!

– Я! – отозвался Али. Его не было видно, копошился под тентом спасательной шлюпки.

– Продолжать сборы! Ты у нас кок, собери пропитание – тщательно продумай рацион, есть шанс задержаться на берегу надолго.

Куцеву на «балалайку» пришло сообщение.

– Падение мощности двигателей на тридцать процентов, – сообщил он.

– Вижу, – отозвался Мустафа. – Экономичный режим. Толку с его экономии.

«Хеллеспонт Стар» плавно останавливался. Винты еще продолжали вспенивать воду за кормой, но вращение их замедлялось, не пройдет и нескольких минут, как вовсе прекратится. Тяжелый танкер продолжит движение по инерции, ее хватит еще миль на пять-семь. Куцев посмотрел на горизонт. Над морем висела серо-коричневая дымка, земли видно не было.

– Восемьдесят три, – очередной промер штурмана. – Я включу радар?

– Хорошо, – помедлив, согласился капитан. Сигнал радара могли легко засечь недоброжелатели, но выбирать не приходилось – пройти мимо земли им никак нельзя.

– Восемьдесят шесть.

Не Маракотова бездна, но и на прибрежный шельф не похоже. Неужели Мартин просчитался с курсом? Тогда они сгниют заживо на танкере – радиация здесь будет расти. Ресурс движения шлюпок достаточный, но, если они остановятся дальше десяти-пятнадцати миль от берега, найти сушу будет очень сложно.

– Семьдесят четыре, – очередная глубина и следом радостное: – Вижу землю!

Виктор дернулся, снова высматривая тонкую полоску в висащем над горизонтом мареве. Ничего. Видимо, Мартин видел твердь на радаре.

– Где земля? – спросил он у штурмана.

Мартин молча ткнул рукой налево и сообщил новые данные промера:

– Восемьдесят один.

Тяжелый корабль медленно поворачивал туда, куда показывал штурман. Там действительно виднелась тонкая желтая полоса, медленно, очень, мать ее, медленно увеличивающаяся в размерах. Или так только казалось?

Как только нос танкера, подобно стрелке компаса, неотрывно следящей за севером, остановился напротив предполагаемого берега, капитан застопорил машины. Оставался запас свободного хода. Аккумуляторы могли понадобиться для экстренного торможения – промер глубин до них в этих водах никто не проводил. Хотя, экстренное торможение, это громко сказано: для остановки на полном ходу в режиме «полный назад» «Хеллеспонт Стар» требовалось больше двух миль. Мартин держал ситуацию под контролем – эхолоты сканировали дно с точностью, которой могли позавидовать даже дельфины.

– Радар отключен, – сообщил штурман.

Куцев пристально вглядывался в мутную, едва различимую полоску берега. Что ждет их там? Он снял очки, но на фоне яркого неба без темных стекол видно было хуже. Ему вдруг стало как-то неуютно.

Спустя пару минут Виктор понял, что тут не так – исчез непрекращающийся гул и вибрация мощных движков. Только свист ветра и шум плещущихся о борт волн. Настоящее море, настоящий корабль. Именно такие звуки сопровождали в плавании корабли прошлого, когда не было никаких реакторов, никаких моторов и «балалаек». И планета жила сама по себе, а не стонала под непосильным гнетом оседлавших ее обезьян, возомнивших себя вершителями судеб Вселенной. Не хватало разве что скрипа досок и такелажа.

– Тридцать шесть! – резко выкрикнул Мартин, выдернув Виктора из раздумий.

– Прогноз?

– Глубина без уменьшения. Фарватер не вижу.

Куцев механически проверил данные, поступающие из моторного отделения – с двигателями полный порядок, в аккумуляторах резерв на три минуты полного хода. Скорость семь с небольшим узлов.

– Впереди скала, – сообщил штурман. – Шесть кабельтовых.

– Вижу, – отозвался капитан.

«Хеллеспонт Стар» начал медленно забирать вправо. Слишком медленно – скорость продолжала падать, и маневренность уменьшалась с каждой минутой.

– Тридцать два.

– Обзор дна?

Виктор не видел объемной модели океанического дна, созданной Мартином на основе данных эхолотации – картинку штурман отослал только капитану.

– Что скажете, Мартин? – Мустафа сомневался. Он видел что-то такое, что не вызывало оптимизма.

– Глубина на стыке – двадцать восемь. Дальше пока прощупать не получается – сигнал экранируется скалой. Скорее всего, глубины больше не будет.

Предел для «Хеллеспонт Стар» составлял двадцать четыре метра. На двадцати трех с половиной танкер прочно сел бы брюхом на дно.

«*Полный назад!*» – команда капитана предназначалась компьютеру «Хеллеспонт Стар». Двигатели послушно включились, в палубу вернулась привычная вибрация, на несколько мгновений вырвавшая корабль из тихого прошлого.

Мартин непрерывно обрабатывал приходящие результаты промеров и отправлял их в «балалайку» капитана. Через три минуты в носовой части лязгнули цепи, и два тяжелых якоря ухнули в воду с высоты пятиэтажного дома.

– Всем закрепиться, – сообщил капитан, – тряхнет изрядно.

Куцев и сам это понял – скорость оставалась еще довольно высокой – и обнял родной палубный нефтепровод, распластавшись по трубе.

Дернуло так, что казалось, нос танкеру оторвет. Форштевень ухнул вниз, судя по грохоту, пропахав недалеко дно, мгновением позже корма подпрыгнула, явив солнцу обросшую ракушками и водорослями ватерлинию, а потом «Хеллеспонт Стар» ухнул обратно, качнулся пару раз, дернулся вперед, еще раз – якоря выкорчевывали тонны грунта из дна – и, наконец, замер.

– Добро пожаловать в Африку, – послышался голос капитана.

Палубу, на которой были закреплены якорные лебедки, выгнуло горбом, но обе цепи выдержали, хоть несколько звеньев и разошлись на спайке. Пробоин не наблюдалось. Это было очень кстати – еще не хватало разлить нефтяное пятно по всей округе.

Берег был отчетливо виден с палубы танкера, однако с высоты опущенных на воду шлюпок желтая полоска терялась за горизонтом. До земли оставалось около пятнадцати миль открытой воды.

– У нас по комплекту батарей Ллейтона на каждой шлюпке, – задумчиво произнес Мустафа. – Запас хода порядка ста миль. Мало, – резюмировал капитан.

– Высадка? – спросил Куцев.

Они остались вдвоем в кают-компании корабля. Мартин и Али заканчивали сборы снаружи, в последний раз проверяли работоспособность шлюпок. Спасательные суда – большие, крытые пластиковым тентом – скорее можно было назвать моторными яхтами. Если бы не проблемы с энергией, которые испытывал весь мир. Батарей Ллейтона хватит на сотню миль. Запас энергоресурсов у них ограничен – спасательным шлюпкам не предполагалось переплывать океаны.

Капитан выглядел уставшим. Или это не усталость? Мустафа явно о чем-то напряженно думал, то и дело покусывая нижнюю губу. Куцеву казалось, что он хочет что-то сказать или спросить, но почему-то воздерживается.

Идти к берегу решили обоими имеющимися малыми судами – слишком многое нужно было взять. Чтобы сэкономить батареи, одну из шлюпок взяли на буксир.

– Али, что там с батареями Ллейтона? – спросил капитан у толстяка.

– Все в первой шлюпке, кроме той, что стояла на моторе почти пустая – меньше тридцати процентов зарядки.

Али собрал провизию, по его подсчетам, при должной экономии, еды должно хватить на пару недель. Кроме того, Мустафа надеялся, что на берегу удастся разжиться какой-нибудь дичью.

Палатки, целые ящики электрических батарей. Поклажи было много. Вторая шлюпка почти наполовину загружена оружием – несколько «дрелей», пара «дыроделов», охотничьи карабины и арсенал боеприпасов к ним. Сняли даже один из «ревунов», установленных на обоих бортах танкера для защиты от мелких пиратских набегов – вроде древних сомалийцев.

– Куда нам еще деваться? – развел руками капитан. – Здесь мы быстро загнемся, ты это

понимаешь лучше меня.

– А там? Там же ничего нет. Может, нам все-таки лучше запросить помощь?

Мустафа покачал головой.

– Нет. Нам никто не поможет. Будем пробираться к городам.

– Каким?

– Не знаю. Об Африке мало известно. Возможно, что-то осталось от Найроби. Может – южнее или западней. Будем искать возможность выйти в сеть и запросить помощь.

– Мы можем выйти в сеть на судне, – Виктору не нравилась идея высадки на неизведанную пустынную землю. Неизвестно, какие сюрпризы поджидают их там.

– Наше местоположение сразу же станет известно, – Мустафа объяснял прописные истины. – Нас никто не будет спасать.

Да, черт возьми! Виктор прекрасно понимал, что первым до них доберется тот, кто ближе. Если это окажутся не силы Европейского Исламского Союза, под флагом которого ходил «Хеллеспонт Стар», их не оставят в живых. Даже прибытие европейского судна не гарантировало им безопасности – частные компании не станут сожалеть о гибели четырех соотечественников ради того, чтобы разжиться черным золотом. Шансов спастись в подобной ситуации у экипажа танкера было немного.

А на берегу? По идее, там им ничто не угрожало. Особенно с таким арсеналом.

– Что там? – Куцев указал рукой в сторону далекого берега.

– Если верить карте полуторалетней давности, есть надежда, что мы высадимся на материк. Но Мартин не уверен в точности этих данных.

– Но если там остров?

Капитан поднялся, намереваясь уйти – на корабле делать больше нечего, они готовы покинуть судно. Мустафа переоделся, изменив строгой форме и начищенным туфлям. Сейчас на нем были плотные джинсы цвета хаки, просторная рубашка и высокие походные ботинки. Куцев и не подозревал, что капитан возит подобный наряд с собой, сам он был одет гораздо проще. В руках Мустафа держал широкополую шляпу.

– В любом случае, мы всегда можем вернуться обратно на танкер. Но попытаться мы обязаны.

Они подошли к краю борта. Внизу на мелкой волне покачивались две яркие оранжевые шлюпки. На корме одной из них возился Мартин, Али видно не было – он ушел под тент.

Первым перешагнул леер Куцев. По традиции капитан уходил с судна последним. Мустафа поднялся с трубы, на которой сидел, закрыл раллер и подошел к борту. Вниз свисали несколько тросов, закрепленных в лебедке. Хопкинс-Джани командой через «балалайку» запустил лебедку своего троса и плавно поехал вниз, а Куцев, замешкавшись на секунду, перелез обратно на палубу и скрылся из вида. Потом появился снова, перевешиваясь через леер, и крикнул:

– Сейчас приду. В каюте вещи забыл.

Капитан лишь улыбнулся в ответ.

Виктор побежал внутрь палубной надстройки. Лифты отключены, придется бежать по лестницам. Три палубы вниз. Черт, жарко здесь без кондиционеров. И радиация – Куцев чувствовал, что открытые участки кожи начинает пощипывать. Или это только воображение разыгралось? Не такой уж тут и высокий фон. Тяжелые подошвы ботинок барабанили по металлическим ступеням. Еще одна палуба.

Виктор остановился на мгновение, вытер со лба выступивший пот. Жарко-то как! Он с ужасом подумал, что там, в Африке, кондиционеров не ожидается. Десять ступеней, поворот. Еще десяток.

Теперь по коридору метров двадцать, вот эта дверь. Доступ гарантирован – несколько часов назад он сам закрывал ее, кодируя замки своей «балалайкой». Сенсор замка признал хозяина и щелкнул.

Аварийное освещение включилось автоматически – основной свет не горел, корабль пребывал в состоянии консервации. Плохо видно. Еще пот заливает глаза!

Куцев натянул на голову бейсболку, повернув ее козырьком назад. Так немного лучше. Только жарко очень.

Вот эта серая крышка. Теплая. Под нею все отключено, просто еще не остыла. Виктор быстрыми привычными движениями выкрутил четыре винта, поднял крышку. Вот они, родимые. Все три, братья-близнецы.

Не раздумывая, инженер поддел два крайних прямоугольника отверткой, выщелкнув их из гнезд, третий оставил. Положил добычу в карман – аккуратно, чтобы не повредить контакты, и вернул крышку на место. Все, теперь нужно зайти в каюту.

Три этажа до нулевого уровня и еще два вверх в жилой отсек. Помещения надстройки нагреваются с устрашающей скоростью. Что здесь будет к вечеру? Наверное, на переборках верхней палубы можно будет жарить мясо.

Задышавшись от беготни по лестницам, Куцев доковылял до двери своей каюты. То, что нужно, в ванной. Шкафчик, наполовину распотрошенный во время сборов, открыт. Черт, надо же было забыть самое главное! Не здесь, дальше.

Он отверткой поддел уголок задней стенки, отогнул фальшпанель и вынул оттуда небольшую плоскую коробку. Приложил подушечки пальцев к сенсору в определенной последовательности. Крышка, едва уловимо щелкнув замком, открылась. Все на месте. Куцев провел рукой по тому, что лежало внутри. Нет, сейчас не время. Совсем не время.

Потом достал добытое внизу, расположил оба прямоугольника в специально отведенных углублениях и захлопнул коробку. Руки немного дрожали. «Это от усталости», – сказал он себе. Коробка исчезла в рюкзаке, и Куцев закрыл его на все имеющиеся застёжки. Все, теперь можно и в Африку.

Он посмотрел на себя в зеркало – пот крупными каплями висел на лбу, бейсболка пропиталась влагой, грудь вздымалась от частого дыхания. Надо успокоиться.

На столе стояла бутылка с остатками воды и фотография. Архаическая, бумажная. Виктору нравились фотографии на бумаге – они были не просто изображениями, отобразившись на плоском листе, покрытом тонким слоем химикатов, они становились чем-то большим, в них появлялась самостоятельная жизнь. Их можно было порвать, сжечь, смять и выбросить. Как человека – никаких копий, это уже не воспроизводилось, в отличие от цифрового аналога, который можно множить сколько угодно раз. Можно напечатать фотографию заново, но это будет уже другое фото, идентичных не бывает.

Негоже оставлять воду, отправляясь в пустыню. Это казалось глупым. Куцев поднес бутылку ко рту, не сводя глаз с фотографии. Его родители. Здесь им сорок один и тридцать восемь. Мать в красивом черном хиджабе, отец – в деловом костюме. Виктор помнил день, когда сделал это фото. А через два года их не стало.

Он отбросил опустевшую бутылку на диван и, взяв фотографию, вышел в коридор.

В рюкзак снимок он убрал в шляпку. Мустафа вроде бы хотел поинтересоваться, куда отлучался инженер, но, увидев фото, промолчал.

До берега добрались через полтора часа. Прибрежные воды оказались мелкими и изобилующими торчащими из каменистого дна острыми скалами. Правота капитана, решившего остановить «Хеллеспонт Стар» подтвердилась – дальше пути для массивного танкера не было.

Африка встречала неприветливо: берег пустынен – плотный песок, переходящий метрах в ста от берега в ссохшуюся растрескавшуюся землю, редкие пожухлые кусты, почти лишенные листьев, и камни. От нагретой пустыни дрожащими потоками к небу струился жар. До недалекого горизонта, упирающегося в плавно поднимающуюся не то гору, не то высокий холм, ничего другого не наблюдалось.

– Наше туристическое агентство радо приветствовать вас на берегу черного континента! – без особого энтузиазма провозгласил Мартин.

На берегу разбили лагерь – поставили две палатки. Непогоды не ожидалось, но ночью вполне могли пожаловать незваные гости: тучи разнообразных недружелюбных насекомых, змеи и прочая опасная живность.

Костер разводить не стали. Несмотря на безжизненность ландшафта, неизвестно, кто мог прятаться неподалеку. Не хватало приманить свору диких туземцев, если таковые все еще существовали в нынешнее оцифрованное время.

Когда стемнело, поели консервов из запасов Али и выпили чаю из саморазогревающихся банок.

– Какие у нас планы? – спросил Мартин, потягивая горячий напиток.

– Нужно обогнуть этот мыс с севера и двигаться на запад, – ответил капитан. – Если повезет, найдем Найроби.

– Один момент, капитан, – прервал его Мартин. – Если предположить, что от Найроби осталось что-то, кроме воспоминаний, показываться в людных местах на шлюпках нам не стоит.

«А ведь Мартин прав, – подумал Куцев. – Быстроходные современные шлюпки здесь непременно вызовут подозрение».

– Их еще надо найти, эти людные места, – ответил Мустафа.

– И все же, – настаивал штурман, – на шлюпках туда идти не стоит.

– Что вы предлагаете? – нетерпеливо поинтересовался капитан.

– Я предлагаю оставить шлюпки и идти пешком.

– А провиант? Сколько мы сможем унести на себе?

– Мы на материке. Здесь должна быть дичь – будем охотиться.

– Хм, – усмехнулся Мустафа. – Здесь должны быть люди. Здесь должны быть города, здесь должна быть сеть – здесь много чего должно быть. Однако, как видите, нет ничего. Я пока не замечал даже ящериц. Нет, этот вариант неприемлем. Я – капитан и принимаю решение идти на шлюпках. Выходим завтра утром, двигаемся, пока не израсходуем половину имеющихся батарей. Периодически останавливаемся и высылаем на берег разведку. Если не найдем людей за три-четыре дня, пересмотрим политику.

Мартин недовольно поджал губы, но промолчал.

– Отбой, – скомандовал капитан и поднялся, собираясь уйти в их с Куцевым палатку.

5. Территория племени Хаммар

Упругие тростниковые стебли, которые они с Бона нарвали вчера, со свистом рассекали воздух, оставляя на руках и спинах родственников Келле темные, наливающиеся кровью отметины. Некоторые обильно кровоточили.

Женщины морщились от боли, но с охотой подставляли тела под хлесткие удары маза. Киндли, двоюродная сестра Келле, с довольной улыбкой демонстрировала подругам рассеченную на предплечье кожу. Шрам точно останется. Шрам – это как память, как долговое обязательство – теперь Келле обязан во всем помогать сестре за то, что она терпела боль ради него. А если он решит забыть – вот оно свидетельство.

Маза, между ударами отхлебывающие пива, смешанного с кровью, из заготовленного заранее сосуда, били девушек все сильнее.

Бешено колотили барабаны. Ритм становился быстрее и быстрее. Женщины, возбужденные праздником и болью, завывали все громче, когда очередной бич прочерчивал кровавую полосу на теле. Те, кто решил передохнуть от ударов, извивались в неистовом танце. Праздник набирал силу.

Келле оставалось лишь наблюдать за происходящим. Он не был маза, он не мог участвовать в бичевании. Голова юноши качалась в такт барабанам. Ему нравился праздник, духи должны быть довольны.

К сожалению, Келле не мог устроить настоящий пир. Такой, какой положено было устроить. И никто не мог помочь ему в этом: дело не в том, что Келле остался сиротой, не было коров, не было коз, которые всегда занимали основное место на праздничном столе. Была лишь антилопа, убитая Келле вчера. В сегодняшних условиях – еда вполне праздничная.

Но Келле опасался. Не недовольства родственников и гостей – все понимали, что времена теперь тяжелые. Он боялся гнева духов, которых в последнее время стало слишком много. Тяжелые невзгоды унесли многих Хаммар, но духов умерших не проводили должным образом. Они летали здесь, среди живых. Вряд ли духам нравилось подобное существование.

Келле верил, что умершим предкам приятно находиться рядом со своими соплеменниками. Но так не могло продолжаться вечно, духи – не живые люди, постепенно они забывают, что когда-то были живы, что раньше у них тоже было тело, была кровь и плоть. Им нужен другой мир, мир на том берегу реки. Там они смогут успокоиться и найти свое место. Там страна умерших, там их ждет Тому, и именно оттуда духи предков должны смотреть на свой народ. Но как помочь им обрести покой?

Праздник удался на славу. Веселились все, даже старики вышли из хижин. Их осталось мало, немногие перенесли долгий и тяжелый переход. Хаммар жили здесь, у подножия горы Кения, уже больше года, но обряд укули проводили впервые – у Келле не было сверстников, никто не выжил.

Юноша стоял в стороне от веселящихся соплеменников. Его лицо оставалось серьезным, а глаза грустными. Он размышлял о мире духов.

– Чего невеселый, Келле? – спросил проходивший мимо маза. В руке он держал чашку, наполненную пивом. Маза уже был сильно навеселе. – Боишься бежать по быкам?

Келле чуть улыбнулся.

– Быков нет, – ответил он, – переживаю, что не будет спин, по которым нужно бежать.

Маза рассмеялся.

– Кулфу все продумал. Не бойся.

Колдун на самом деле все продумал. Коров не было, но он нашел им замену.

Вечером, когда от антилопы, пожаренной на костре, не осталось даже воспоминаний, а пиво подошло к концу, Кулфу повел всех, кто участвовал в празднике, в сторону возвышающейся на юге горы. Шли довольно долго, не меньше часа. Местность вокруг стала гористой, исчезла густая трава саванны, кругом возвышались невысокие скалы.

Вместо коров теперь были камни. Хаммар вышли к довольно ровному склону, на котором лежали пять больших, корявых камней. Пять огромных, размером с настоящего быка, каменных глыб. Да, по ним пробежать будет труднее, чем по мягким спинам животных.

Камни, судя по всему, скатились с горы во время землетрясения, когда земли Хаммар утонули в новом море.

– Сегодня молодой Келле, сын Афы, решил доказать всему племени, что он достоин стать маза! – провозгласил Кулфу. Толпа весело загалдела. – Он выбрал себе трудный путь, – рука указывает на пять валунов, – но он готов пройти здесь.

Барабаны стучали, люди кричали и подбадривали Келле. Но он словно бы ничего не видел и не слышал. Ему казалось, что он здесь один. Один человек. Он, камни и мудрые духи, что терпеливо наблюдали за действиями молодого Хаммар, готовящегося стать взрослым мужчиной. Воином и охотником. Мужем и отцом.

Келле поставил босую ногу на первый камень. Глыба пошатнулась и подалась вперед. Несмотря на огромную массу, валуны легко шатались на гладкой скале. Это испытание может быть сложнее, чем бег по настоящим быкам. Келле даже стало немного не по себе.

Странные камни, как будто их специально сложили здесь, чтобы проводить обряд.

«Ты не о том думаешь», – сказал себе Келле. Сейчас его делом было пройти по всем камням, перепрыгивая с одного на другой, и не упасть. Только так он докажет, что уже достаточно взрослый, что сильный и умелый. У него три попытки, но нужно пройти два раза – туда и обратно.

«Кто помогал Хаммар?» – снова пронеслось в голове.

«Духи помогают племени».

«Духам не под силу ворочать камни», – не прекращал зудеть голос.

Келле оперся ногой, подпрыгнул и... Огромный валун повернулся вперед, и Келле

упал, больно стукнувшись задницей о каменное крошево.

Его подхватили под руки смеющиеся маза. Они не насмехались, просто всем было весело. Помогли стать на камень и отпустили. Глыба под ногами ходила ходуном, Келле чувствовал ее тяжесть, ощущал босыми ступнями, как камень трется о камень, растирая мелкую гальку, попавшую между этими жерновами. Устоять на каменной волне было невозможно.

Вперед! Только вперед! Келле оттолкнулся одной ногой и взмыл вверх. Толчок – он на следующем камне. Валун под ногами легко подался вперед, прокрутился на несколько сантиметров, ударился о следующий и откатился обратно. Келле едва удержался наверху.

Хаммар восхищенно закричали. Барабаны зазвучали громче, эхом отдаваясь внутри головы Келле. Удар, еще удар, целая дробь. Ритм навязывал свои правила. Барабаны говорили с ним, они вели свою речь. Удары складывались в слова и образы. Язык духов. Только это понятно им, человеческие слова ничто для жителей иного мира. Боги не обращают внимания на слова.

Впереди еще три камня. Ритм барабанов проникал все глубже, вызывая в голове Келле странное, неведомое раньше чувство. Его наполняла уверенность в собственных силах, он знал, как нужно бежать по спинам каменных быков. Этот был его путь, и никто больше не сможет пройти так.

Прыжок. Еще один. Не мешкая ни секунды, молодой воин прыгнул еще раз. Пятый камень лежал чуть подальше, и Келле едва дотянулся до него кончиками пальцев босой ноги. Он бы обязательно упал, но духи снова помогли ему. Его тело больше не принадлежало ему, им управляли духи.

Руки, словно крылья, резко взмахнули и метнулись вперед, на мгновение удержав Келле от падения. Ноги быстро – нереально быстро – шагнули вперед, центр тяжести изменился, и валун качнулся обратно, резко остановился, но Келле уже было все равно: его тело пело вместе с барабанами, теперь его не смог бы сбросить с камня даже другой маза.

Юноша стремительно развернулся и, не медля ни секунды, тремя большими прыжками добрался до последнего камня. Оставалось спрыгнуть на землю, и он – маза.

Мир полон случайностей. Стоило ноге Келле коснуться последнего валуна, он, как и положено, качнулся вперед. Маленький камешек, попавший под ненастоящего быка, был всему виной. Всего предугадать не могли даже духи.

«Это люди не могут предугадать ничего. Духи знают все, им не нужно гадать», – прошипел в голове голос, что взялся постоянно возражать.

Валун немного повернулся, совсем чуть-чуть. Но Келле, уже занесший ногу, чтобы спрыгнуть вниз, к этому был не готов. И тот, кто управлял его телом – тоже. Твердь исчезла из-под ступней, и юноша полетел вниз. Камень, ударившись о соседнюю глыбу, покатился назад. Ненастоящий бык должен был остановиться, не докатившись до юноши, но почему-то камень, задержавшись в той точке, откуда начал движение, на секунду, покатился дальше, прямо на упавшего Келле.

Мышцы свело спазмом, руки отталкивались от скалы внизу, ноги стремительно выпрямлялись, чтобы вытолкнуть тело из каменной ловушки. Келле понимал, что никогда не смог бы прыгнуть с такой скоростью. Казалось, еще немного – и кости не выдержат силы тянущих их мышц, колени хрустнули и заныли, но он уже летел прочь из-под падающего камня.

«Никакая сила не могла вытащить тебя оттуда», – проворчал недовольный внутренний голос. И теперь Келле был согласен с ним: вся сила и скорость, с которой духи заставили двигаться его конечности, не помогла бы, если бы не произошло нечто... Это было невероятно, это было чудо!

Никто ничего не понял. Вот Келле, скачущий по каменным быкам, словно лягушка по прибрежной грязи, балансирует на верху булыжника. Вот он падает вниз и в следующее мгновение стоит рядом с камнями, потирая колени. И лишь когда вырвавшийся из «стойла» камень с сухим треском перевернулся на другой бок, опустив свою многотонную тушу туда,

где только что лежал Келле, бой барабанов смолк. Несколько секунд над площадкой висела полная тишина, потом кто-то из женщин завизжал, остальные присоединились к ней.

Келле, не верящий в собственное спасение, смотрел, не мигая, на покачивающийся камень и молчал.

Он видел. Этого не могло быть, но было – камень, нависший над ним, словно океанская волна, вдруг замер, будто кто-то невидимый и невероятно сильный подпер его рукой, задержал. Всего на мгновение, прошло меньше секунды до того, как валун продолжил падение, но этого времени хватило Келле, чтобы выпрыгнуть из опасного места.

Кто-то спас его. Кто-то помог.

«Это духи, болван!»

«Но духи управляли моим телом».

«Духи держали камень».

«Я сам не выпрыгнул бы так быстро».

«Никто и не говорит, что ты сделал это сам. Но духи – они держали камень».

Барабаны молчали, Келле не чувствовал больше духов, их не было рядом. Но силы не покинули его. Не обращая ни на кого внимания, он снова взобрался на камень. Легко прыгнул, еще и еще, развернулся и столь же непринужденно, словно каждый день совершал подобную пробежку, вернулся назад.

Он стоял на земле перед камнями, он стал маза. Юноша снова стал сам собой, хозяином своего тела, он чувствовал, что больше не способен прыгать, подобно блохе. Но духи ушли до того, как он прошел по каменным быкам во второй раз.

– Духи помогли Келле! – выкрикнул Кулфу. – Он смог пройти по быкам и не упасть. Теперь он маза!

Соплеменники бросились поздравлять Келле, забыв, что тот только что чуть не стал жертвой чудовищных ненастоящих быков.

Маза Келле был рад. Лишь сомнение в том, что духи, помогавшие охотиться и прыгать по камням, были настоящими, никак не хотело исчезать.

6. Почти два года назад. Территория тюрьмы «Африка»

Что же, так и закончится его жизнь?! Здесь, в африканской грязи, среди развалин?!

Мерзкие твари! Отбросы общества!

Хоакин крикнул, получив очередной удар ногой, обутой в тяжелый ботинок, под дых. Из рта хлестала кровь. Не понять – из разбитых губ и десен, или красное вытекало изнутри. Он понимал, что на грани. Он почти умирал, еще пара ударов – и все, больше не встать.

Внезапно удары, сыплющиеся со всех сторон, прекратились. Он ничего не видел, не понимал, что происходит. Разбитый рот судорожно ловил пыльный воздух, в горле саднило, очень хотелось закашляться, но не получалось. И отовсюду доносились голоса – мерзкие каркающие голоса, смеющиеся над ним.

Моралес покрутил головой – острая боль пронзила шею – и все-таки увидел: справа от него в пыли лежали две кучи кровавого тряпья. Стивенсон и Крамчук. Эти твари, сорвавшиеся с цепи, притащили их сюда, на плац, где до того, как землетрясение разрушило все, он и другие надзиратели гоняли провинившихся ублюдков до последнего пота. Вы, твари, заслужили это! Отбросы общества, разрушители спокойствия. Никто не виноват, что вы решили, будто стали лучше других! Вам было наплевать на соседей, которых вы грабили, убивали, продавали конструкторам на органы или лично потрошили живых людей. Вы сами сделали этот выбор, и в задачу Моралеса входило воздать должное ублюдкам.

А теперь заключенные решили отомстить. Теперь у них свобода. Тупые твари. Они еще не понимают, что свобода для них – хуже любого рабства. Свобода от всего, их теперь ничего не держит. Ни надзиратели, ни стены, ни запоры... ни еда, ни вода, ни крыша над головой. Теперь ничего нет. Все свободны, как ветер.

Хоакин осторожно поднял глаза на урок: стоят, смеются. Стивенсон слабо стонет. Он

не жилец, стон неосознанный, у него началась агония. Крамчук вообще не подавал признаков жизни. Но ведь он сам, надзиратель Хоакин Моралес, жив. И готов выполнять свой долг до конца.

Неужели конец наступит так скоро?!

Спица, Гнедых, Али-Бухарба – трое главарей. Паханы, каждый в своем блоке. Надо же, все выжили, суки. Говно, как говорится, не тонет. И под землю не проваливается. Выстроились в ряд, словно на параде. Стоят, ржут. Шавки вьются вокруг, подхихикивают своим хозяевам. Жалкое отродье.

Вы уважаете силу? Получите!

Хоакин рывком поднялся. Казалось – из последних сил. Но тело слушалось. Болело нещадно, хотелось лечь, свернуться калачиком и уснуть, но слушалось.

В нескольких сантиметрах лежал внушительных размеров булыжник. Моралес рванул камень на себя. Тяжелый, как раз то, что нужно.

Крамчук в паре метров сзади, Стивенсон чуть дальше справа. Стивенсон всегда носил с собой нож. Хоакин знал, где он прячет оружие – отличный десантный клинок, сбалансированный и острый как бритва.

Стивенсон повернул голову. Из рта у него толчками потекла густая темная кровь. Он задыхался – легкие наполнились кровью. Глаза надзирателя неожиданно открылись и уставились на Моралеса. Он все понимал, он просил помощи. Но чем ему мог помочь Хоакин?

Если бы Стивенсон не открыл глаза, возможно, Моралес не решился бы. Но он больше не мог выносить той боли, что вонзала острые когти в самое сердце.

Руки сами подняли камень. Крамчук ближе, он уже не подает признаков жизни. С ним будет легче.

Хоакин занес камень над головой. Силу вам? Разорванные кровоточающие губы растянулись в чудовищной улыбке. Булыжник ухнул вниз, голова Крамчука лопнула с омерзительным хрустом. В лицо Моралесу брызнуло ошметками мозга, он отчетливо слышал, как сзади вырвало кого-то из уголовников.

Главное – не останавливаться! Камень снова взлетел над головой. Руки ничего не чувствовали – еще немного, и он не удержал бы свое первобытное оружие. Два шага направо и еще удар. Последний. Камнем – последний.

Глаза Стивенсона так и не закрылись. Желудок Моралеса содрогнулся внутри, но выплескивать наружу было нечего.

Урки не ожидали от него такой прыти. Клинок трижды проваливался в грудную клетку и выныривал обратно. Три трупа упали в африканскую пыль – Спица, Гнедых, Али-Бухарба. Шавки исчезли, поджав драные хвосты. Моралес медленно повернулся к притихшей толпе, двигая клинок из стороны в сторону. Если урки решат, что он им не нужен, сделать Хоакин больше, чем с сотней уголовников, ничего не сможет. Максимум – заколет еще двух-трех.

Но сила и страх убеждают пуще любого слова. Этими двумя-тремя становиться никому не хотелось. Хотелось, чтобы кто-то взял на себя ответственность, сказал, куда им податься и что делать. Среди них вождей больше не было, а Моралес теперь стал отморозком, настоящим монстром, вселяющим страх и тупое почтение.

Первым в ряду стоял Крюгер – извращенец из Франкфурта. Хоакин не помнил, сколько маленьких девочек изнасиловал и задушил этот ублюдок. Точно – больше десяти. Эта, что ли, тварь была достойна смотреть, как подышает Моралес, как захлебывается кровью Стивенсон? Хватит! Шоу окончено.

Хоакин протянул окровавленную руку к педофилу. Тот вздрогнул, потом до него дошло, чего хочет Моралес. Крюгер сжимал в руках винтовку. Где он ее раздобыл? Извращенец покорно протянул оружие бывшему надзирателю, которого только что колотил, катающегося в пыли, возможно, прикладом этой самой винтовки.

Моралес резко схватил винтовку и не отказал себе в удовольствии – съездил козлу прикладом по яйцам. Крюгер беззвучно раззявил рот, хватая губами воздух, и повалился на

землю. Руки ублюдка сжимали причинное место.

– Есть еще кто, считающий себя здесь главным?! – срывающимся на хрип голосом выкрикнул Хоакин.

Ответом ему послужила тишина. Только ветер, несущий из пустыни горячий песок, говорил, что они еще на грешной земле, а не в чистилище.

– Тогда, мрази, нечего здесь загорать – у нас дел невпроворот. Вон там, – ствол винтовки показал где, – были складские помещения. Здания сильно разрушены, но под обломками многое могло сохраниться. В первую очередь нам нужны еда, вода и одежда.

Все постройки в пределах видимости обратились в холмики, состоящие из бетонного крошева, перемешанного с нехитрыми людскими пожитками. Сейчас то, что для кого-то было дорого и важно, а кто-то гордился, что у него есть *такие* ботинки, выглядело жалко и неубедительно. Отбери у человека его игрушки – компьютеры, одежду и прочее, – и вмиг получишь бестолковую обезьяну, которая и хотела бы вернуться на дерево, но не знает, как это сделать. Люди стали слишком зависимыми от собственных вещей. Но не все. Моралес в первую очередь считал себя человеком, он выполнял свой долг. И долг этот заключался в создании ада для ублюдков, отбывающих наказание в «Африке». Он не намеревался бросать свою работу.

Разрушены были не только тюремные постройки. Городок, где жили работники, многие вместе с семьями, выглядел точно так же. Моралес лишь мельком взглянул на однородные руины, возвышающиеся на некотором удалении. Его ничего там не держало – исполнять свой долг он приехал сюда один.

– Заключение ноль-семь-девять-шесть! – заорал Хоакин. Он сам удивился, откуда у него появились силы. Но, странное дело, как только шайка признала его лидерство, энергии прибавилось. Хотелось работать, создавать мир заново. Хотя бы в такой извращенной форме, какой была «Африка».

– Я! – бойко отозвался лысый доходяга в третьем ряду. Впрочем, они все здесь лысые. Моралес выбрал именно его из-за неуверенности во взгляде. Такие обычно из кожи вон лезут, чтобы руководитель остался доволен.

– Назначаешься старшим по подготовке временного лагеря! – Взгляд заключенного окончательно потух. Ничего, пускай учится верить в себя, это пригодится для его перевоспитания. – Вон ту кучу тряпья видишь?

– Вижу!

– Это раньше было тентом, что торчал над входом в административное здание. Возьмите его, почистите и соорудите из него палатку.

– Но...

– Выполнять! – рявкнул Хоакин, и доходяга пошел по рядам, пытаясь собрать себе помощников.

Пусть старается. Если не сможет организовать других ублюдков, значит, будет ставить палатку сам.

Моралес, сильно хромая, пошел в сторону складов. Несколько самовыдвиженцев на роль холуев тут же подскочили, поддерживая его под руки. «Твари, думают, я их не трону». В первую очередь нужно будет избавиться от этих.

Он как бы невзначай рассматривал толпу – грязные, оборванные, с голодными глазами, но живые. Горстка тех, кому повезло. Или скорее наоборот – им не повезло умереть быстро. «Африка» не спешит убивать своих жертв, ей нравится наслаждаться процессом. Лица разные – кто-то смотрит с искренним обожанием (скорее всего, дешевка, попавшая в «Африку» случайно), кто-то настороженно, однако с готовностью выполнять приказы. Некоторые плевать хотели на Хоакина Моралеса – эти разбредутся в ближайшие пару дней кто куда. Пусть идут. Сейчас их все равно не удержать. Реально с одной винтовкой, заряженной четырьмя патронами (он проверил), много не навоюешь. Оружие в его руках не для устрашений, это символ власти.

Несколько пар глаз поглядывали недружелюбно, изучающе. Эти пока сомневаются, но

их стоит опасаться. Здесь два варианта – или убить их сразу, или приблизить к себе и дать поиграться во власть. В любом случае, Хоакин понимал, что ему понадобятся единомышленники и помощники, те, кто будет воплощать в жизнь все его решения. Искать заместителей стоило как раз среди скрытых революционеров.

– Моравски! – позвал бывший надзиратель.

– Заключенный номер шесть-два-семь-семь здесь! – по форме заорал Моравски. Ограбление ювелирного салона, убийство двух безов при задержании. Как это его не пристрелили сразу? Хотя, безы не дураки, понимают, что «Африка» это хуже смерти. Намного хуже, уж он, Хоакин Моралес, постарается, чтобы его заведение продолжало выполнять свои функции.

Моравски вытянулся в струну, словно стоял в строю, глаза выпучены, не мигая, смотрят на Моралеса. Насквозь тебя, гада, видно, ты уже строишь планы, как бы выбиться в дамки.

– Выбери пятьдесят человек и организуй разбор завала склада номер два. Провизия. Рассортировать продукты по срокам хранения, вести строжайший учет.

– Есть! – заорал Моравски и тут же отвесил затрепину стоявшему рядом тритону, погоревшему на грабеже банка. Ломщик пригнулся и воззрился на Моравски затравленным взглядом. – Быстро пошел камни ворочать!

Что у тебя на уме, Моравски, никто не знает. Но силу свою ты уже почувствовал. Главное, не дать тебе увлечься.

Через полтора часа измотанный, но счастливый ноль-семь-девять-шесть доложил о выполнении задания. Моралес в нем не ошибся – палатка, хоть и косоватая, стояла в указанном месте. И заключенный повеселел: начальство довольно.

– Как звать? – спросил Хоакин.

– Иоганн Вайс! – четко отработовал ноль-семь-девять-шесть.

– Пойдем. В палатке будет временный штаб.

Исполнительный Вайс засеменил следом. Он старался скорее из страха перед Моралесом. Но не выказывал излишнего почтения, надеясь пробиться в любимчики нового короля. Возможно, из него получится хороший ординарец. Пока его не стоит сбрасывать со счетов.

К вечеру часть второго склада разобрали. Команда Моравски, который с деловым видом метался вокруг фронта работ и безостановочно орал на тех, кто, по его мнению, работал медленно или неправильно, выстроила рядом с остатками склада целую стену из консервов и коробок с сухпайком.

Даже если предположить, что их эвакуируют отсюда, случится это неведомо когда. Хоакин прекрасно понимал, что землетрясение подобной силы не могло прицельно разрушить одну только «Африку». В сотне километров от тюрьмы начинались гражданские поселения – не Анклавы, конечно, но народу там жило немало. Должно быть, там произошло что-то подобное. Так что до «Африки» очередь дойдет не скоро. А до прибытия спасателей нужно как-то дотянуть.

«Или помощи не будет вовсе», – подумал Хоакин. Отчего-то ему казалось, что он здесь остался навсегда.

В любом случае, следовало не рассуждать, не распускать слюни, надеясь на мифических спасателей, а действовать.

Возле склада кого-то били. Моралес, сопровождаемый Вайсом, пошел разбираться. Ходить было тяжело – избитое тело ныло, он использовал винтовку как костыль.

Толпа уголовников – класс заключенных можно было понять по номерам на лбах и затылках – дружно колотила какого-то толстяка. Имени толстяка Моралес не помнил, его все называли Бублик. Зверское убийство четверых человек. Мотивы остались неясны. Огромный и сильный как медведь, Бублик не отличался умом, поэтому ход его мыслей проследить невозможно. Рядом валялись еще двое, один без сознания как минимум, сотрясение, второй орал благим матом, держась за выгнутую под неестественным углом руку. Перелом или

вывих. Наверняка что-то не поделили с Бубликом. И как им удалось завалить этого здоровяка?

Нет, пока прекращать бойню не следовало – Бублик непредсказуем, поэтому представляет угрозу. Лучше, если его не станет. Время казней еще не пришло, но здесь уголовники справятся самостоятельно.

В разгоряченную толпу то и дело пытался вклинить невысокий худой заключенный с коротким ежиком седых волос. Белая поросль на голове настолько контрастировала с загоревшей до черноты физиономией, что выглядела неестественно.

– Прекратите! – орал он. – Остановитесь, он же ничего не сделал!

Рядом с Моралесом тут же возник Моравски – он прочно вошел в роль начальника работ.

– Что произошло? – спросил Хоакин, продолжая спокойно смотреть на избиение. Из рта Бублика хлестала кровь, он пытался закрыть голову руками, но нападавших было слишком много.

– Сожрал две банки консервов, – сказал Моравски. – Эти двое, – показал на пострадавших от кулаков Бублика, – пытались его остановить.

Моралес кивнул и повернулся, собираясь уйти. Но его остановил пронзительный вопль второго заключенного, того, что пытался спасти Бублика. Один-три-семь-шесть, прочитал Хоакин номер на затылке защитника. Звездецкий. Станный, непонятный тип. Было в нем что-то такое... Что-то необычное.

Звездецкий протиснулся сквозь толпу и лег на Бублика, закрыв его собственным телом. Закрыв часть Бублика – уж очень разные у них весовые категории. Теперь половина ударов приходилась Звездецкому по ребрам.

– Отставить! – рявкнул Моралес, и бойня плавно остановилась. Кто-то, отойдя, вернулся и еще раз с чувством пнул Бублика под ребра.

Хоакин наклонился к Звездецкому. Тот лежал на избитой туше бугая, плотно зажмурив глаза. Страшно ему.

– Ты откуда такой прискакал, помощник? – мягко спросил Моралес. Из-за напускной мягкости явственно проступала жестокость и отвращение, которое он испытывал к каждому заключенному. Наплевать на его человеческие качества – попал в «Африку», значит, ты больше не человек. – Мишка Гамми, что ли?

Разгоряченные дракой урки довольно заржали. Ну, посмейтесь, пока вам можно.

– Гамми, – растянув окровавленный рот в идиотской улыбке, пробасил Бублик.

Черт его знает, зачем Хоакин отпустил их. Просто повернулся и пошел прочь. А мишка Гамми с Бубликом быстро засеменили в противоположном направлении. Их никто не тронул.

Когда стемнело, Моралес приказал всем собраться перед административной палаткой. Его палаткой – теперь он был царь и бог «Африки». Изможденные жарой, лишениями и работой, которой их нагрузил Хоакин, заключенные смотрели на своего предводителя, взбравшегося на кучу камней, чтобы его было видно всем. Глаза смотрели по-разному – безразлично, с надеждой, с ненавистью. Но в каждом взгляде Хоакин видел желание узнать, что будет завтра. Никто не хотел делать это завтра сам – им всем нужен главарь. Им требовался хозяин.

Моралес закончил речь, он охрип, стараясь придать голосу большую значительность. Но он сказал еще не все. Он не собирался скрывать своего мнения по поводу будущего. Их общего теперь будущего.

– Армагеддон закончился, мать вашу! – провозгласил он. – Добро пожаловать в ад!

7. Побережье Тюремного острова

Гамми шел, волоча ничего не чувствующие ноги по раскаленной каменистой почве. Солнце взошло уже часов пять назад, и утренняя прохлада стала давно забытым прошлым.

Бублик бодро вышагивал рядом. Здоровяку все нипочем. Робот он, что ли?

Надежда Гамми добраться до берега к закату оказалась, мягко говоря, преувеличением. Море не показалось ни перед закатом, ни на восходе. Хотя бы солнце выползло из-за горизонта с нужной стороны – они не сбились с пути. Вообще-то море здесь было со всех сторон. Но сигнал нанокапсулы не вызывал сомнений, что нужно именно юго-восточное побережье. Расстояние нанокапсула не сообщала – неизвестно, сколько еще придется протопать по этой жаре. «Это как игра в горячо-холодно. Играл в детстве?» – так объяснил принцип действия датчика мужик, которого Звездецкий принял за дознавателя.

– Вода еще есть? – спросил он у Бублика, который нес все их пожитки.

Вода в пластиковой бутылке закончилась давно, еще до заката. Пополнить запасы оказалось негде, ни одного ключа найти по пути не удалось. До моря недалеко, но надежды на него никакой – здесь правила однозначные: чем ближе к морю, тем меньше вероятность найти пресную воду. Нет ее теперь здесь, вся вытекла в океан.

Бублик молча постучал рукой по канистре, висящей у него за спиной, – наполнить ее до краев не удалось. Нет, все-таки он тоже устал. Только вида не подает.

Гамми отвязал канистру от плеча спутника и наполнил свою «фляжку».

– Скоро дойдем, – обнадежил он товарища.

– Купаться будем?

– Обязательно искупнемся.

Тот факт, что идти нужно к берегу, Гамми совершенно не удивлял. С тех пор, как «Исправительное учреждение №123» обрело независимость, уединившись на острове, гостей можно было ждать только у моря. В высадку десанта на вертолетах в глубине их клочка суши верилось с трудом.

Когда внутри правого бедра что-то легонько заскребло, а потом начало подергивать – не больно, но вполне ощутимо, не перепутаешь, – он решил, что это ему приснилось. Была ночь, Бублик посапывал по соседству, раскинувшись прямо на полу их пещеры, и ни в какие нанокапсулы в этом каменном веке не верилось. Гамми встал, походил по неглубокому гроту, служащему им домом, вышел наружу.

Над головой алмазной россыпью висело звездное небо. Впервые Гамми заметил звезды недели через две после катастрофы. Пыль по большей части уже улеглась, а жизнь приобрела хотя бы видимость спокойствия, и можно было празднично поднять голову, на мгновение оказавшись во власти безделья. Красиво, но приелось. До Катастрофы он никогда не видел такого количества звезд. Даже здесь, в «Африке», прожекторы на территории тюрьмы не выключались ни на секунду.

Гамми посмотрел на звезды, потер ноющую правую ногу и вернулся обратно, зарывшись в ворох сухой травы, заменявшей ему постель. И только когда он понял, что никак не может уснуть, что он, собственно-то, не спит, а ногу продолжает подергивать, наконец стало ясно, что это включилась нанокапсула.

Самопроизвольное включение сложного устройства исключалось. Во всяком случае, его в этом заверил тот мужик, что устанавливал ее и проводил инструктаж.

Прошло два года! И все-таки она заработала. В это невозможно было поверить. Тот бред, что обещали те, кто отправил его сюда, в «Африку», в который он не верил, но страстно ждал, все-таки начал сбываться. Этим непременно нужно воспользоваться.

Следовало вести себя осторожно – он зачем-то им нужен, но зачем – неизвестно, и времена настали совершенно другие. Стоило продать свою жизнь подороже.

Из последних сил Гамми карабкался на пригорок. Черт, кажется, что они идут вверх уже километров десять. Должен же когда-то начаться спуск!

Ноги подгибались, но сигнал вроде бы становился сильнее. Они шли в верном направлении.

Наконец подъем закончился. Гамми поднял голову, грязной ладонью размазывая черные полосы по потному лицу, и тупо уставился на горизонт. Синяя гладь моря раскинулась прямо перед ними, прибой начинался внизу, до пляжа оставалось метров

триста-четыреста, не больше.

Далеко, у самого горизонта, отчетливо виднелась жирная темная точка. Абсолютно инородный предмет на синей равнине моря. Корабль. Значит, он не ошибся. Значит, за ним прибыли. Наконец-то. Смущало одно обстоятельство – Гамми совершенно не понимал, чем мог заинтересовать тех людей.

Гамми был человеком практичным. Несмотря на природную доброту и, можно даже сказать, наивность, особых иллюзий на счет собственной судьбы он не питал. Он понимал, что спасать его никто не собирается. Зачем тогда здесь корабль? Вот это и нужно было узнать.

Не исключен вариант, что спрашивать назначенную им цену никто не станет. Но что-то подсказывало, что поторговаться удастся. Возможно, на это намекала возня, происходившая возле двух оранжевых катеров, стоящих на берегу, зарывшись носами в песок.

– Ложись, – шипя, словно змея, бросил он Бублику и сам рухнул ничком на горячую землю. Сзади ухнуло – Бублик старательно исполнил указание.

Внизу, около катеров прохаживались человек пять, все с оружием наперевес. Все бы ничего, но один из них – не узнать этого гада было невозможно – был Моралес. Что он здесь делал?! Или он заодно с прибывшими на корабле? Гамми не знал ответов на эти вопросы.

– Лежи и не шевелись, – прошептал он Бублику. Неизвестно, услышал ли здоровяк, но ползти следом не стал.

Гамми осторожно подкрался к вершущке холма, рассматривая происходящее внизу. Вот Моралес что-то листает, нахмурил лоб, тупая скотина, пытается найти знакомые буквы, не иначе. Вот еще трое головорезов. Вроде бы все из местных, «африканцы». На песке, мордами в землю, лежат трое, один рядом стоит на коленях. Черт, видно плохо, далеко очень. Руки подняты вверх, вертит головой. Скорее всего, отвечает на вопросы Моралеса, хотя тот даже не повернулся в его сторону. Из команды корабля? Моралес захватил их? Как он вообще попал сюда?!

Да, действительно, сцена внизу слишком смахивала на захват. Разумеется, те, с корабля, не ждали, что на пустынном берегу их будет кто-то ждать. Но ведь ждать их здесь должен был он, Гамми! Что-то не складывались куски головоломки – если эти люди из тех, кто установил Гамми нанокапсулу, то Моралесу вряд ли было бы по зубам их захватить.

Вот так и рушатся надежды. Не то чтобы Гамми очень уж стремился встретиться с тем, кто упек его в «Африку», приплывшим на корабле. Нет. Во встрече с ним тоже была масса неясностей и вопросов. Но это был шанс, пусть призрачный и ненадежный, но он был – шанс выбраться из этого дерьма.

«Чтобы попасть в еще большее дерьмо», – услужливо подсказал внутренний голос.

Человек, стоящий на коленях, вдруг опустил руки. Головорезы Моралеса тут же среагировали на несанкционированное движение, сам предводитель и ухом не повел. Вымуштровал скотов хорошо, нечего сказать. Три ствола уставились в грудь гостю, и его руки тут же взметнулись вверх, ладони человек выставил вперед, как бы говоря, что оружия у него нет.

Три ствола. Три? Черт!

Ноги Гамми заскребли по рассыпающейся в прах, смешанной с песком ссохшейся почве. Как он не заметил?! Их же было пятеро – Моралес и четверо бандитов. Четверо, а не трое!

Поздно трепыхаться.

– Стоять, – послышался тихий голос сверху. – Руки за голову.

Сзади засуетился Бублик. Он все равно не успеет – человек с оружием опередит его на несколько секунд.

– Бублик, ты бы полежал, – вежливо предложил бандит.

– Делай, как он говорит, – на всякий случай сказал товарищу Гамми.

Сзади затихло.

– Не зря босс все смотрел на этот холмик, – заявил их конвоир. – Как знал, что вы здесь

появитесь.

Гамми промолчал, но про себя подумал, что Моралес, скорее всего, знал. Он ждал их. Иначе, чего его вообще сюда принесло.

– Вы тут что вообще делаете?

Бандит пнул Гамми ногой в ребра и, не дождавшись ответа на вопрос, приказал:

– Теперь медленно и плавно встаем. Руки держи вверху, чтобы я их хорошо видел. Ты, Бублик, пока лежи.

Гамми встал. Медленно, как ему было велено. Это был Садех, весьма никудышный ломщик, который в свое время загремел в «Африку», так и не успев побыть тритоном. А тут – иди ж ты, личная охрана «короля».

– Привет, Садех, – поздоровался Гамми.

– Здорово. Руки на затылок положи. А теперь отойди вон туда. Все, стой, жди нас. Бублик, теперь твоя очередь.

Здоровяк нехотя поднялся. Его маленькие, глубоко посаженные глазки зло щурились на Садеха, будто он пытался испепелить бандита взглядом.

– Так, все-таки, Гамми, кой черт вас сюда принес?

– Искупаться пришли, – ответил ему пленник. Садех ему был неинтересен, от него сбежать не получится – автоматический карабин в руках охранника Моралеса стреляет быстро и далеко. Гамми разглядывал то, что происходило на берегу, пытаясь понять расстановку сил.

– Бублик, ты чего приплелся сюда? – конвоир попытался выяснить правду у недоразвитого увальня.

– Дык, купаться хотели, – честно ответил тот. – Гамми же тебе сказал.

Садех тяжело вздохнул, а Гамми усмехнулся. А что ты хотел, родной?

– Вперед, пошли, – скомандовал Садех. – Только без выкрутасов. Идем ровно и не дергаемся.

Склон, ведущий к морю, оказался довольно крутым. Но, к сожалению Гамми, это был не песок, осыпавшийся при каждом шаге, а плотная ссохшаяся земля, поросшая редкой и чахлой травкой. Ждать, что Садех, потеряв равновесие, рано или поздно утратит контроль над своими пленниками, не приходилось. Кроме того, бандит благоразумно поставил Бублика первым, так, чтобы на пути к нему здоровяку пришлось бы обогнуть Гамми.

Моралес так и не сменил позу, продолжая стоять, опершись задницей на борт катера. В левой руке он держал какие-то документы, скорее всего, удостоверения захваченных в плен моряков. В опущенной вниз правой – чернел «дыродел».

Когда Садех с пленниками подошел к катерам на расстояние метров пяти, Моралес, не поворачивая головы, неспешно поднял руку с «дыроделом» и дважды нажал на курок. Мерный шум прибора расколол грохот выстрела, чайки, копошившиеся в прибрежном мусоре, резко взмыли в небо, а Бублик с двумя багровыми кругами на груди медленно осел на землю. Раны казались огромными – кровь толчками вырывалась из рваных дыр, заливая затертую арестантскую робу.

– За что?! – вырвалось у Гамми. Он не собирался ничего говорить Моралесу, тем более по этому поводу, но слова вырвались сами – он привык к Бублику за эти годы, мир праху его.

Моралес наконец отклеился от катера, его брови взлетели вверх в удивлении.

– А ты не знаешь? Заключенный номер ноль-шесть-семь-два осужден за зверское убийство четырех человек, – продекламировал он. – Он их разорвал голыми руками. На части разорвал. Это не метафора, разорвал живых людей, потому что они мешали ему обчистить какую-то мелкую лавку. А ты спрашиваешь – за что. Вот теперь он исправился. Уберите *это* отсюда, – приказал он своим головорезам.

– А вот ты, Гамми, наверное, еще пригодишься, – продолжил разговор Моралес. – И уж постарайся меня не разочаровать, не сделаться бесполезным балластом.

8. В то же время в том же месте

Их повязали, как слепых щенят. Просто пришли и взяли тепленьких. Али, сидевший в охранении, получил прикладом по затылку. Даже пикнуть не успел, свалился мешком на песок. Остальных растолкали, сразу дав понять, что ружья и «дыродел» заряжены, и шутить с оружием никто не намерен.

Вдвойне обидно, когда тебя держат на прицеле пятеро отошавших доходяг, припершихся незнамо откуда с допотопным оружием, а в катере, стоящем всего в десятке метров, лежит «ревун», способный разнести эту непонятную свору в мелкорубленный фарш. Не ожидали они здесь никого встретить, берег казался пустынным. Вот и расслабились.

Предводителем у шайки бандитов был невысокий коренастый мужчина, самый крепкий на вид. Волосы – желтый жесткий, словно щетка, ежик – пострижены не ровно, будто их не стригли, а обрезали ножом. Может, так оно и было. Затертая выцветшая майка, пыльные, местами порванные джинсы и довольно хорошие, но тоже очень пыльные ботинки армейского образца. И «дыродел» в руках. Оружие главарь владел уверенно. Он не целился без нужды, не размахивал пистолетом, стараясь произвести максимум театрального эффекта. Его движения были сдержанны и аккуратны – ничего лишнего. Поднял руку, нажал на курок – мертвое тело здоровяка, пришедшего пять минут назад из пустыни, с глухим стуком шлепнулось на землю – и опустил оружие. Он «дыроделом» пользовался, а не играл им.

Лицо главаря, хмурое, желваки непрестанно перекатываются, выражало такое внутреннее напряжение, что можно было смело записывать его в потенциальные язвенники.

Куцев немного приподнял голову и смотрел. Смерть вновь прибывшего бугая его не тронула – он не знал, кто эти люди, что они здесь делают. Ему было глубоко наплевать на их внутренние разборки. За свою жизнь Куцев повидал много смертей, вспоминать об этом не хотелось, но... Одной больше, одной меньше – что это меняло?

– Зачем вы пришвартовались здесь? – спросил главарь. Остальные бандиты называли его «босс» или «Моралес». Второе, видимо, было именем.

Мустафа стоял на коленях с поднятыми руками. Моралес стоял напротив, облокотившись о борт катера, и смотрел куда-то вдаль, в пустыню, так и ни разу не повернув головы в сторону капитана.

– Потек реактор, – объяснял Мустафа. – На судне растет радиация, двигатель не работает.

– Почему не дали SOS?

Интересно, он издевается или и впрямь не понимает причины?

Хопкинс-Джани вздохнул. Он уже пытался объяснить Моралесу, еще до того, как появились эти двое из пустыни.

– Там стоит танкер, груженный нефтью, – сказал он.

При слове «нефть» главарь не выказал никакой реакции. Он что же, не понимает, какое богатство вдруг свалилось к нему с неба? Да нет, на дурака он, вроде бы не похож.

– А здесь – Африка, – столь же коротко привел свой резон Моралес.

И тут Куцев наконец понял, в чем дело. Ну, конечно же! Африка! Вернее, не просто Африка: «Африка», страшная тюрьма, куда отправлялись особо провинившиеся перед Анклавами. Как он сразу не заметил – у всех на лбах красовались четкие, хоть и плохо различимые из-за крайней загорелости кожи, татуировки с четырехзначным числом – личный номер заключенного – и штрихкодом. Ярлыка не было только у Моралеса. Он из работников тюрьмы? Тогда, как остался жив?

По всему выходило, что с местом швартовки они ошиблись. Хотя выбирать не приходилось. Виктор об «Африке» знал мало, гражданам государств не грозила перспектива закончить здесь свои дни. У государств хватало собственных страшилок. Но «Африка» располагалась в пустынном, окруженном старыми особо никому не нужными карьерами месте. До городов, которые надеялись найти застрявшие здесь моряки, было далеко.

Куцев подумал, о том, что эти люди жили в здешних суровых краях почти два года. Без снабжения, не зная ничего о том, что случилось в мире. Как же они выжили? Виктор понял,

что знать эти подробности ему совершенно не хочется.

– Ваш танкер может уйти отсюда? – спросил Моралес. Скорее всего, он сам понимал, что вопрос бессмысленный. Но Куцев видел: каждое движение главаря, каждый жест и интонация говорили об одном – Моралес был готов на все, лишь бы выбраться из пустыни.

– Нет, – коротко ответил Мустафа.

И так было ясно, что при возможности иного ответа капитана делать им здесь, на берегу, нечего.

– Возможность ремонта?

– Реактор заглушен. Полностью. Других источников энергии на судне нет.

– А нефть?

– Нефть есть, – с ехидцей ответил капитан, – но нет дизеля. Электродвигатели на нефти не заработают, сколько бы она ни стоила.

Моралес несколько секунд пожевал растрескавшуюся иссушенную нижнюю губу и позвал одного из бандитов:

– Ты и Садех, возьмите катер и проверьте танкер. Может, капитан врет, и ремонт возможен.

– Он разбирается в реакторах? – подал голос Куцев, приподнявшись на руках.

Трудно сказать, зачем он полез в разговор. Запросто мог бы получить пулю.

Моралес повернулся и молча посмотрел в глаза инженеру. Под этим колким и холодным, несмотря на долгое пребывание на самом жарком континенте, взглядом хотелось съежиться и исчезнуть. А лучше бы – вообще никогда не попадать под него. Но деться Куцеву было некуда, и он выдержал, не отвел взгляд.

Жесткий сильный удар опрокинул Куцева на спину. Инженер не успел понять, что произошло. Лицо онемело, под глазом наливался синяк.

– Реактор можно починить? – ровным голосом, словно ведя светскую беседу, спросил Моралес.

Куцев потер ушибленное лицо и отрицательно помотал головой. Ну, кто тянул его за язык?!

Главарь банды присел, вытянул вперед правую руку, держащую «дыродел», уперев теплый еще ствол Куцеву в лоб.

– Ты можешь починить реактор? – на этот раз он решил перефразировать вопрос, сделав ударение на личности инженера.

– Нет, – прохрипел Куцев. – Реактор остановлен. Запущена активная защита...

Очередной удар, теперь в зубы стволом, снова свалил инженера на спину. Куцев пощупал языком во рту – губы разбиты, но зубы уцелели.

– Запущена активная защита реактора, – повторил Куцев. Говорить стало трудно и больно. – Состояние необратимое. Единственный вариант – повторная загрузка ядерным топливом и перезапуск системы. Это возможно только на верфи.

– Хорошо. Допустим, ты не врешь, – быстрым, почти неуловимым движением Моралес повернул «дыродел», прогремел выстрел, после чего горячий ствол пистолета снова уперся Куцеву в лоб, выжигая на коже аккуратненький кругляш.

Справа послышался стон Мартина – лицо штурмана перекосилось, он сжимал левой рукой правую. Из-под пальцев капала кровь. Один из уголовников тут же упер ствол винтовки в затылок Крайса.

– Допустим, – повторил Моралес.

Чего он, черт возьми, добивается?! Внутри у Виктора все кипело. Но, отбросив эмоции, позиция Моралеса вполне объяснима – он жаждет убраться из Африки. И когда видишь перед собой огромный корабль, способный увезти отсюда не только людей, но и прихватить весь скарб, невольно здравый смысл начинает уступать место иррациональным желаниям. Он ведь на самом деле никак не мог проверить слова Куцева – никто из бандитов не разбирается в ядерных установках. Поэтому оставался простой, проверенный тысячами метод: пытки.

Куцеву сделалось нехорошо. Как убедить Моралеса, что ситуация с реактором – правда?

Дурная мысль пришла в голову Виктору – уж лучше бы дали в эфир SOS. Все ж понятно, за что головы сложили бы. А так, погибнуть от рук ополоумевших уголовников...

Но Моралес прекратил допрос. То ли на самом деле поверил, то ли ему надоело.

– Что вы собирались делать здесь? – Вопрос главаря бандитской шайки адресовался Мустафе. Куцев с Крайсом его больше не интересовали.

– Искать спасения, – неуверенно ответил капитан. Он, как и остальные члены команды, до конца не знал, зачем они прибыли сюда, понял Куцев. Просто уплыли со ставшего опасным танкера.

Стоявшие немного поодаль бандиты заржали. Наверное, это было действительно смешно – искать спасения у застрывших здесь пару лет назад людей.

– Здесь нет спасения, – сказал главарь и отошел к своим. Слова Моралеса прозвучали зловеще, как мрачное предсказание.

– У вас есть лодки, – сказал Моралес, когда вернулся. – На сколько хватит батарей Ллейтона?

– Миль на сто двадцать, при условии, что вторая шлюпка на буксире.

– Нам не нужны две лодки. Сколько человек может взять на борт катер? – спросил главарь и уточнил: – Один катер.

– Без перегруза – восемь. Если перегрузить шлюпку, запас хода сильно уменьшится.

– Восемь так восемь, – пробурчал Моралес.

То, что он сделал дальше, Куцева привело в состояние задумчивого ступора. Нет, он вполне ожидал от бандита чего-то подобного. Лишние были не нужны. В конце концов, зачем Моралесу нужен экипаж танкера?

Но Моралес удивил всех. Согласившись с числом пассажиров, предложенным Мустафой, он повернулся и от бедра сделал пару выстрелов точно в цель: двое уголовников, явно не ожидавших такого подвоха, рухнули на песок с дырками в левой части груди.

– Тащите батареи из второго катера сюда, – приказал он оставшимся в живых бандитам. – Гамми, лезь в катер, с тобой потом разберемся, – эта фраза адресовалась пришедшему вместе с убитым здоровяком тощему, как жердь, человеку с длинными седыми волосами.

– Надеюсь, через пролив переберемся, – пробормотал Моралес себе под нос.

– Пролив? – удивился переставший уже ныть штурман. Судя по всему, кость не задета, и рана была не опасной: рукой Мартин шевелил.

– Это, – Моралес громко топнул, – остров.

9. Открытое море. Кенийский архипелаг

Мотор приятно гудел. Звуки из прошлого мира. Даже осознание факта, что батарей хватит ненадолго и зарядить их нигде, не убивало блаженства, подаренного звуками цивилизации. Мир не умер, он существовал. Где-то далеко. Суждено ли снова вернуться в привычную жизнь, в мир, где работает сеть, где не нужно вырывать каждый день жизни из ненасытных лап пустыни, которая денно и нощно стремится убить тебя?

Моралес смотрел на море, на брызги, вылетающие из-под задранного носа катера. Увидит ли он еще раз мир таким, каким помнил его? Или того мира больше не существует? Хоакин провел мокрой рукой по затылку – в гнезде стояла арестантская заглушка. Он уже и не помнил, куда девал свою «балалайку». Эта вещь, казавшаяся настолько нужной и само собой разумеющейся, будто была дана человеку от рождения, вдруг сделалась совершенно лишней. Когда он вставил в гнездо заглушку? И почему? Моралес не помнил.

Суждено вернуться назад... Чем больше Хоакин задумывался над этим, тем больше понимал, что не знает, хочет ли он возвращаться. Нужно ли ему это. Кем он будет там, в разрушенном, пришедшем в упадок мире? От моряков с танкера он узнал, что катаклизмы,

подобные здешнему, произошли по всему земному шару. Целые города и Анклавы перестали существовать, что-то разрушено землетрясением, что-то смыло в море. Где-то рванули реакторы на АЭС, и теперь огромные территории, подвергшиеся радиоактивному заражению, не пригодны для жизни. Мир рухнул в хаос, судьба самой цивилизации повисла на волоске.

Так стоило ли менять этот жестокий, но понятный и известный ему мир на то безумие, что охватило планету? Хоакин устал, очень устал. Он пытался найти путь к спасению тогда, полтора года назад. Из найденного в развалинах хлама они соорудили два плота, на которых восемь отобранных лично Хоакином преданных людей отправились в море. На поиски большой земли. Через две недели волны прибили к берегу обломки – пустые пластиковые канистры, перевязанные синтетическим шнуром. Тот самый хлам, из которого делали плоты. Стало ясно – на том, что они могут сделать, отсюда не выбраться. Но выбраться из пустынного пекла Хоакину очень хотелось. Да просто принять нормальный душ с нормальным мылом – хотелось до безумия. Но что потом? После, так сказать, душа?

– Босс, – позвал Садах, – закончилась третья батарея. Земли не видно.

– У нас еще достаточно энергии. Меняйте.

Моралес отвечал в привычной манере, не глядя на собеседника. Со стороны могло показаться, что он так глубоко погружен в собственные мысли, что ничего вокруг не видит и не слышит. Но это впечатление было обманчивым: за годы, проведенные в «Африке», не только после катастрофы, он научился слушать и слышать все вокруг. Любой упущенный им звук, каждое слово, сказанное заключенным кому-то на ухо, могло стоить ему жизни. Особенно сейчас, когда он занял неделимый пост хозяина «Африки».

Желающие разделить с ним бразды правления были. Появлялись неоднократно. Но никто из них не дожил до сегодняшнего дня. И ни один не был убит Моралесом лично, в ходе открытого конфликта – кара настигала грешников незаметно, все случалось как бы само собой. Хоакин улыбнулся, вспомнив о том, как после страшной смерти Моравски, который подвернул ногу на охоте и сдох в пустыне от жажды и жары, по «Африке» поползли слухи, что босс способен напустить порчу на зарвавшегося смутьяна.

Моравски в тот день ушел на охоту во главе группы из пяти человек. Они охотились вместе, выслеживая и загоняя зверя – каким-то чудом на Тюремном острове все еще сохранилось небольшое количество косуль и крупных птиц. Но заключенный шесть-два-семь-семь неожиданно исчез. Его искали. До тех пор, пока не закончилась вода и не подошло время к закату – темнота Тюремного острова таила свои опасности. На открытой местности – три дерева на квадратный километр – Моравски найти не смогли. А через два дня, буквально в паре километров от «Африки», обнаружили его труп со сломанной лодыжкой. Как его могли не заметить? Об этом знал только Моралес.

Чтобы действовать на расстоянии, подобно духам и богам, совсем необязательно обладать сверхъестественными способностями. Важно замечать мелочи, происходящие вокруг, и уметь дать людям то, чего они хотят. А то, что на следующий день в карьер упал один из охотников, ходивших в пустыню под началом Моравски – так туда чуть не каждый день кто-нибудь падает.

Хоакин смотрел на синюю гладь океана и слушал гудение мотора. Но он слышал и все, что происходило на катере. Он понимал, что, застрелив Крайтона и Холленберга, подставляет себя под удар. Его боятся, ему доверяют. Но он убил своих и здесь – один против двух вооруженных бандитов. И Гамми. Хотя насчет Гамми Моралес сомневался – вряд ли тот станет принимать участие в бунте. Он не дурак и понимает, что мятеж ему ничего не даст. Только шанс получить пулю в сердце из «дыродела», с которым Хоакин не расставался ни на секунду.

Садах и Штрайх ничего подозрительного не говорили и не шептались – тренированное ухо Моралеса тут же вычленило бы из сонма звуков тот, что нес угрозу. Но во всем – во взглядах, в движениях, в том, как держали оружие, – Хоакин чувствовал, что они готовятся. Собираются с духом, чтобы бросить вызов боссу. Королю и хозяину. Разве трудно

пристрелить расслабившегося и засмотревшегося на воду человека? Совсем нет. Так, наверное, думали бывшие заключенные. Но они ошибались. Во всяком случае, насчет Моралеса.

Интересно, кто окажется смелее, кто первым предложит убить хозяина? Уголки губ Моралеса едва заметно приподнялись – ему было весело, он играл в жертву, будучи на самом деле охотником. Садах или Штрайх. Заключенные, преступники. Они не имели права на спасение. И Хоакин совсем не намеревался спасать их. Но пока шлюпка не достигнет берегов Африки, настоящей Африки, а не этого никчемного острова, он будет наслаждаться душевными муками своих подопечных. Грязные твари – вы ведь даже убить просто так не сможете, будете трястись за собственные шкуры до последнего, а потом перегрызете глотки друг другу, боясь продешевить на дележке пустого места короля.

И оставался еще Гамми. Сергей Звездецкий. Зачем Хоакин взял его с собой? Он не знал ответа на этот вопрос. Что-то внутри, что-то непонятное, что не умело думать, а лишь выдавало иногда совершенно нелогичные на первый взгляд, иногда даже глупые решения и настойчиво требовало их выполнения, настаивало, что к Гамми стоит присмотреться. Это чувство сидело глубоко внутри. Моралес не вспомнил ни одного эпизода, когда таинственный внутренний голос подвел бы его. Нет, такого не случалось.

И ведь на берег Хоакин пришел именно за ним. Гамми никогда не унижался, не просил ничего у Моралеса. В отличие от остальных, кто решил жить самостоятельно в пустыне. Большинство, те, кто не подох там от жары, вернулись под начало ненавистного босса. Но только не Гамми. А тут вдруг решил поклянчить канистру с водой. Понятно, что для дальнего похода. Только вот зачем он поплелся к морю? Он знал о танкере? Нет, не зря Хоакин решил следить за Звездецким.

Поэтому, когда он увидел Бублика и Гамми, конвоируемых Садехом, решение пришло само собой. Оно казалось единственно верным и не требовало доказательств своей правоты. Бублик давно раздражал Моралеса, еще со времен, когда их «Африка» была настоящей тюрьмой со стенами и камерами. Хотя, какая из них более настоящая – прошлая или нынешняя, – это вопрос.

Не любил он идиотов. А идиоты, убившие людей, вообще права на жизнь не имели. Даже в «Африке». Поэтому в тупого бугая Моралес выстрелили без тени сожаления, с некоторым даже удовольствием.

А вот с Гамми нужно познакомиться поближе. У него была возможность сделать это и не раз, но до нынешнего момента его безотказная интуиция не настаивала на этом столь уж серьезно – просто этот тип был непонятен.

До берега плыть далеко. Наверное. Здесь, в Африке, все «наверное». О чем ни задумаешься, ничего не известно точно. И так теперь по всему миру, если верить морякам. Наверное.

С начала их вояжа Гамми присел на корме, подтянув тощие ноги ко впалому животу и обхватив колени руками. Голову опустил вниз, изредка озираясь по сторонам. Скорее с простым любопытством. Не похоже, чтобы он ждал чего-то конкретного.

– Пойдем, посидим в кубрике, – сказал ему, поднимаясь на ноги, Моралес.

Гамми удивленно вскинул брови, но молча встал и, хватаясь за все подряд, чтобы не упасть от легкой качки, пошел следом за надзирателем.

Хоакин выгнал из кубрика расположившегося там с комфортом Штрайха и закрыл дверцу, ведущую на палубу. Или ее правильнее называть люком? Теперь они были в относительной уединенности. Учитывая шум мотора и плеск волн, снаружи их вряд ли услышат.

– Садись, – сказал Моралес, плюхнувшись на небольшой жесткий диванчик, тянущийся по левому борту катера. Справа был точно такой же. Он именно сказал, а не предложил. Вариант отказа не предусматривался.

Гамми плюхнулся на сиденье, явственно слышался удар костлявой задницы о плотный полиуретан.

– Звездецкий, Сергей Аполлинарьевич, – произнес Моралес, старательно разглядывая царапинки на пластиковой отделке помещения. – Заключение номер...

– Один-три-семь-шесть, – хмуро перебил его Гамми.

Хоакин повернулся к нему, пристально всмотрелся в глаза.

– Правильно, – почти прошипел он. – Осужден, между прочим, за хранение. Только хранение, запас мизерный.

– Так точно. – Энтузиазма в голосе заключенного не было. Взгляд Гамми потух, он опустил глаза, стараясь не встречаться с застывшими ледяными радужками Моралеса.

– Для себя берег?

Гамми скривил губы, бросил мимолетный взгляд на Хоакина и снова отвернулся. Резко, будто обжегся. Моралес едва заметно улыбнулся – ему не нравилось, что заключенный не смотрит ему в глаза, но доставляло удовольствие видеть, как ему неприятно, как страшно. Давай, добрый мишка, надуй себе в штаны!

– Что же тебя не ломает? Или ты у нас стойкий, мать твою. Всем одной дозы достаточно, а ты у нас синдин на завтрак, обед и ужин жрешь, а как наркота закончится – водичкой перебиваешься?

Гамми не отвечал. Он ерзал на неудобном диване, стараясь понадежней спрятаться от взгляда надзирателя.

– Молчишь, сволочь? – Хоакин схватил заключенного за подбородок, резко развернув его лицо к себе. – В глаза смотреть! – прошипел он. – В глаза, я сказал! А молчишь ты, гнида, потому, что не для себя хранил мутаборское зелье. Для других старался, карман свой набивал. А синдин убивает. Или ты не в курсе был?! А? Отвечай, мать твою!

С заключенным произошла какая-то непонятная метаморфоза. Моралес не мог уловить, что изменилось в его облике, но он определенно стал выглядеть иначе. Звездецкий дернулся, вырвав подбородок из железного захвата Моралеса, потер вмятины, оставшиеся от пальцев, и недовольно вздохнул.

Хоакин готов был удушить его за такую дерзость. И если бы Гамми позволил себе подобное в присутствии хотя бы еще одного ублюдка из обитателей «Африки», удушил бы однозначно. Но сейчас он хотел знать. Он сам не понимал – что. Только чем дольше он думал об этом, тем больше доверял своему внутреннему голосу.

– Чего тебе от меня надо, Моралес? – с вызовом, вскинув голову, спросил Гамми.

Как он правильно сделал, что дал Звездецкому уйти. Не оставил его в лагере. Вот этот изможденный голодом патлатый недомерок мог составить Хоакину конкуренцию. Мог, но не стал. Он выбрал свой путь.

Можно было убить его. Но Хоакин не убивал просто так, без повода – это могло подорвать его авторитет. Он был деспотом, но деспотом справедливым.

Во взгляде Гамми не было и тени страха. Минуту назад он ошибся, приняв отвращение за страх. Опасение – да, было, любой нормальный человек, да и зверь тоже, опасается за свою жизнь.

Хоакин не спеша вытащил из-за пояса «дыродел» и демонстративно медленно щелкнул предохранителем. Гамми едва заметно вздрогнул в такт щелчку. Все-таки тебе, сволочь, жалко шкурки своей подпорченной. Сейчас ты мне все расскажешь.

– Мне надо знать, кто тебя прикрыл, – какой смысл юлить и говорить намеками? – Почему тебя прикрыли и что ты им за это пообещал. Расскажешь?

«Дыродел» с глухим стуком лег на жесткое сиденье рядом с бедром, Моралес скрестил руки на груди.

– И еще мне интересно, что ты делал на берегу?

Гамми покосился на оружие, отодвинулся в дальний угол кубрика и принял более расслабленную позу.

– Никто меня не прикрывал, – ответил он на первый вопрос.

– Ты знаешь, я бы мог поверить тебе, если бы не одно «но» – ты не наркоман. И никогда им не был. А уж я перевидал этих сморчков на своем веку. Пойми, Гамми, мы уже

не в «Африке», мы пытаемся сбежать оттуда. И ты, и я. Мы должны быть заодно.

– Послушай, Моралес, ты вообще нормальный? Ты сам понимаешь, что говоришь: меня прикрывали. Если бы меня кто-то прикрывал, чего бы я гнил здесь вместе с тобой на этом гребаном острове? Ты не задавал себе такой вопрос? Чего ты вообще ко мне прицепился? Ты верно заметил, что мы уже не в «Африке», так что бросай свои африканские привычки.

«А может, он хочет, чтобы я его застрелил? – подумал Хоакин. – Тоскует по своему идиоту?» Да нет, вряд ли. Здесь кроется что-то другое. Но и в словах Гамми резон был. Неужели внутренний голос ошибся? Быть того не может. Моралес еще раз внимательно взглянул в лицо Звездецкого – нет, в нем определенно что-то изменилось. Взгляд? Вроде бы нет. Все на месте, но выглядеть Гамми стал как-то иначе.

Хоакин никогда не нервничал по поводу того, что придется проучить очередного проходимца. Со стороны могло показаться, что надзиратель впадал в неистовство, зверел на глазах. Кто-нибудь, не знавший Моралеса, мог решить, что он повредился рассудком. Но шоу он показывал только для устрашения, для усугубления, так сказать, исправительного эффекта. Никакого особенного возбуждения, как любили изобразить писатели в книгах о надзирателях-маньяках, никакого удовольствия от проделанной работы он не испытывал. Именно работы – и ничего большего.

Стремительным движением натренированная долгими годами рука выдернула из петли на поясе резиновую дубинку. В следующее мгновение оружие летело в пасть наглецу. Хоакин уже слышал, как зубы этого мозгляка с хрустом крушатся, проваливаясь в черную пропасть поганого рта, что посмел противоречить надзирателю. Но тут произошло нечто непредвиденное – зубов не оказалось там, где они должны были быть. Собственно, рука Моралеса не встретила вообще никакого препятствия. Дубинка провалилась в пустоту, Хоакина понесло следом, и жесткая резина с сухим стуком раздробила тонкую пластиковую панель на стене.

Быстро, почти мгновенно, Моралес перенес центр тяжести на левую руку, которой он теперь опирался о диванчик Звездецкого, повернулся вправо и, не размахиваясь, вонзил оружие в то место, где только что сидел заключенный. И снова рука Моралеса провалилась в пустоту.

Как он это делает?! Какое он имел право улизнуть из-под удара надзирателя?! Только Хоакин больше не надзиратель и здесь, как он только что сам заметил, не «Африка».

В дверь с палубы постучали.

– Босс, у вас там все в порядке? – послышался приглушенный переборкой голос Садеха.

Моралес резко дернул дверь на себя, дал дубинкой по зубам ничего не понимающему подчиненному и только тогда ответил:

– Полный!

Вот теперь он на самом деле был зол и взбешен. Хотелось раскроить череп этому придурку с карабином, но Садах еще понадобится.

Надзиратель посмотрел на избитого заключенного. Тот зажимал рукой разбитый рот, в глазах застыли страх и непонимание.

– Никогда, слышишь – никогда! – не лезь, куда тебя не звали! – заорал на него Хоакин. Садах покорно кивнул и отошел на несколько шагов к корме.

Испуганные моряки сидели там, прижавшись друг к другу. Трое – капитан был наверху, управлял катером. Волноваться о правильном направлении не стоило – правильного никто не знал, а капитан был заинтересован добраться до большой земли не меньше «африканцев».

Чуть поодаль от пленников, метрах в полутора к носу, сидел Штрайх, демонстративно направив «дрель» в сторону подопечных. Охрана, мать их! Эти морячки, если захотят, скрутят Штрайха в два счета, он и на курок нажать не успеет.

– Вытащи Гамми оттуда, – сказал он Садеху, – и...

Да нет, в расход пускать его рано. Он ведь так ничего и не рассказал. Черт, правильно

сказал – здесь не «Африка», здесь он на чужой территории, хоть видимость власти и сохраняется. Пока сохраняется.

– ...отправь его к этим, – более мягким тоном произнес Моралес, кивнув в сторону моряков.

– Я с ним попозже поговорю, – пробормотал он себе под нос. Скорее для собственного успокоения, в глазах заключенных его авторитет, похоже, уже не поднять.

Гамми, щурясь от яркого солнца после сумрака кубрика, выполз на палубу и тут же получил тычок прикладом под ребра. Крякнул и согнулся пополам. От удара Садеха он не уклонился. Моралес посмотрел на корчащегося Звездецкого, вид у того был несколько ошарашенный.

Ну, конечно, Садех шавка, зачем его раздражать, это неинтересно. А вот Моралес – достойный противник. А пулю в лоб ты получить не боишься?

Хоакин решил, что расспросит Гамми попозже. Он так настойчиво убеждал в этом самого себя, что почти поверил, почти перестал думать, что ему стало не по себе от того, что минуту назад проделал в кубрике Звездецкий. Моралес чувствовал, что бессилен заставить его говорить, Гамми он мог только убить. Но и в этом тоже появились сомнения – странные, иррациональные сомнения. И получить пулю Звездецкий определенно не боялся.

– Вижу землю! – раздался хриплый крик раненого штурмана.

10. Три года назад. Ноябрь. Анклав Москва

Странное ощущение – вроде бы дышишь, а воздуха не хватает. Мордоворот с невероятно типичными чертами лица, которые забудутся сразу, как только исчезнут из поля зрения, вытащил руку из живота Звездецкого. Наверное, он, если бы захотел, мог бы переломить позвоночник ударом в живот. Но в этот раз не хотел – кулак исчез в мягком, дыхание сперло, но пояснице больно не было.

Странно, но больно не было вообще.

Звездецкий конвульсивно хватал ртом воздух, но это не приносило облегчения – как будто вокруг него образовался вакуум.

– Ты понял? Никого ты здесь не удивишь своими подвигами, – произнес тот тип, что бил.

Кого он стремился удивить? Звездецкий не понимал, что происходит. Легкие наконец наполнились воздухом, и в голове перестало гудеть. Больше всего настораживало отсутствие боли. Полное, словно его не били, а поглаживали. Да и поглаживания – что-то же он должен был чувствовать.

Но не чувствовал.

Он осторожно ощупал языком – губы разбиты, явственно ощущалось соленое. Правый глаз открывался плохо, будто веку что-то мешало, не иначе наливающийся синяк. Но ничего не болело.

Другой на его месте радовался бы. Но... Не чувствовать боль было неприятно. Это было непривычно и беспокоило.

– Что вам нужно? – немного шепелявя разбитыми губами, спросил Звездецкий.

– Кому ты отдал активатор? – мягко спросил новый голос.

Оказывается, комната была несколько больше, чем показалось сначала. Звездецкий осмотрелся – плотная, почти непроницаемая темнота окутывала его со всех сторон. Он сам сидел в большом и довольно удобном кресле. Позу можно было бы считать комфортной, если бы не пристегнутые металлическими скобами к подлокотникам руки. Кресло и пару метров вокруг освещал сноп яркого желтого света. Внутри этого круга стоял тот мордоворот. Движения бугая были аккуратны и выверенны, но бросалось в глаза, что руки у него явно чешутся врезать Звездецкому еще.

А голос, спросивший про ключ, принадлежал мужчине субтильного телосложения, лицо которого рассмотреть было невозможно – он прятался за пределами освещенной зоны.

– Активатор? – Непонимание Звездецкого было искренним.

– Он самый, – нетерпеливо повторил силуэт в темноте. – Перестань ломать комедию.

Стало быть, они думают, что таинственный активатор у него был. Только он эту штуку и в руках не держал. Нужно ли разочаровывать этих людей, говорить, что они ошиблись? Наверное, нет – все равно не поверят.

– Не знаю, – пробормотал узник и тут же поправился, более громко: – Не помню.

На его нос обрушился кулак бугая. Словно с автобусом встретился. Судя по всему, из ноздрей потекло. Точно – язык опять чувствовал соленое. Хоть вкус различает. И никакой боли. Звездецкий осторожно пошевелил верхней губой из стороны в сторону. Внутри носа что-то тихонько хрустело: не иначе сломал, скотина, косточки. Весь интерфейс испортил.

– Вспомнил? – требовательно поинтересовался мужчина из темноты.

Звездецкий на несколько секунд замер. Ясно, что результат будет одинаков: молчать или честно ответить, что не вспомнил – снова начнут бить. Посчитал про себя до десяти, зажмурившись для проформы, и отрицательно помотал головой.

Выиграл десять секунд спокойствия. Предчувствия не обманули, очередной сокрушительный удар под дых снова лишил легкие способности засасывать воздух.

– Ты знаешь, что Ерохин нашел при обыске у тебя дома синдин?

Ерохин? Синдин? О чем говорит этот человек?

Какие-то странные образы возникали в голове. Что-то знакомое. Синдин...

– Слушай, Серый, у меня есть работенка непыльная. Как раз для тебя, – говорил толстяк, обливаясь потом. Холодно, осень уже, а он потеет. Толстяк, одним словом.

– Я ведь детский редактор, – ухмыльнулся Звездецкий, заранее зная, что тот предложит...

Толстяк, рожа все время потная, постоянно вытирается платочком, явно слишком маленьким для его поросячьего рыла. Толстые, как соевые сардельки, пальцы все время в движении. Он постоянно что-то ищет. И беспрерывно оглядывается.

Толстяк... Леха его зовут, точно.

...зная, что предложит Леха.

– Ну, ты же у нас человек известный. Тебе в редакцию не пацанва всякая пишет. Богема, – Леха многозначительно поднял указательный палец.

– Какой процент?

– Натурпродукт, – невпопад ответил толстяк, продолжая рекламу. – Лучшее качество. Ну, ты меня знаешь.

Звездецкий ждал, не сводя взгляда с Лехи.

– Десять, – буркнул тот и тут же, загоревшись, затараторил: – Лучшие условия в Москве. Какие люди, ты себе не представляешь, какие люди! Ты же...

– Двадцать, – перебил его Звездецкий.

Толстяк на секунду затих.

– Серый, ну, ты это, не наглей. Кто тебе даст столько?

– Тот, кто поставляет товар.

Толстяк мялся, не решаясь.

– И три процента – тебе, – предложил Звездецкий.

– Грабитель!

Сергей пожал плечами. Мол, как знаешь.

Он мог позволить себе вертеть носом – рынок сбыта у него действительно был... богема! Как заметил толстяк. Тут можно было и про качество рассказывать и цену ломить. Звездецкий был человеком неординарным, наделенным некоторой харизмой, и успешно пользовался этим. Он был вхож...

Черт! Вот о чем говорил мужчина из темноты. Дознаватель – так называется его должность. Тогда где он, в «Пирамидоме»? По идее, больше нигде. Но тень сомнения присутствовала.

В квартире, разумеется в тайнике, лежал синдин. Немного, коробки три. Но достаточно,

чтобы вменить торговлю наркотиками. Да какими наркотиками – синдином, компонентом троицы Сорок Два. Это пахло...

Звездецкий шумно потянул ноздрями воздух. В носу захлюпало. Но не пахло ничем. Даже пресловутого запаха крови, о котором так часто упоминалось в передачах, предназначенных для соседней редакции программ для взрослых. Что, уже и обоняние не работает? Скорее всего, ушибленный нос не понимал, что от него требуется.

– Черт! – теперь уже вслух пробормотал Звездецкий.

– Вот-вот, – согласился дознаватель. – Надеюсь, ты понимаешь, что то, насколько плоха будет твоя дальнейшая судьба, зависит теперь только от высоты полета моей фантазии.

Из тени едва заметно взмахнула рука. Точнее, движение должно было остаться незаметным для Звездецкого. Но он его увидел. В крошечной тьме? Или он просто почувствовал?

Он уже ждал, сжавшись, насколько позволяли скобы на предплечьях, когда знакомый кулак снова погрузился в живот Звездецкого. «Как в тесто», – подумал он.

– У кого активатор?!

– Не знаю!

Обе фразы смешались в неразборчивый рев, потому что дознаватель и арестант выкрикнули их одновременно. Звездецкий с силой сжал веки, так что перед глазами поплыли бордовые круги. Леха, синдин, красивая высокая женщина в вечернем платье, расшитом маленькими сверкающими камнями (бриллианты?) с бокалом шампанского в одной руке и заветной ампулкой – в другой. Богема.

Люди, программы, мишки Гамми, Карафюбль и Зантарра. Герои детских интерактивов и виртуальных игрушек.

Сеть, «балалайки», раллеры... Нет из этой оперы воспоминаний никаких. Спасибо, хоть взлома не было. Но соучастие, как пить дать, повесят.

Минойский, Лев Маркович, Женя, Стивен. Сотрудники. Ерохин...

А кто такой этот Ерохин? Человек из темноты (никак не хотелось называть его дознавателем), кажется, называл эту фамилию? Ведь это он нашел в тайнике синдин.

– Кто такой Ерохин? – спросил Звездецкий.

Он ожидал услышать стандартное: «Здесь вопросы задаю я!» – и приготовился к удару, но дознаватель помолчал с полминуты, а потом произнес:

– Ерохин? Еро-о-хин...

Звездецкому показалось или человек-из-темноты и в самом деле был удивлен?

Что ж, это явно предвещало неприятности таинственному Ерохину, который накрыл его, Звездецкого, лавочку.

– А активатор? – снова вернулся к вопросу дознаватель.

Звездецкий шумно вздохнул. Что ему сказать? Никакого активатора в его воспоминаниях не было. Да и сами воспоминания казались какими-то рваными и чужими. Это, наверное, от того, что по голове били.

Очнулся Звездецкий в темной бетонной коробке, на холодном полу. Убранство камеры являло собой донельзя аскетичное зрелище – пластиковые нары, исцарапанные истосковавшими по свободе узниками, что томились здесь до него, круглая дырка в полу и кран с сенсорным датчиком. Кран плевался пригоршней воды. Больше одной порции в полчаса не давал – нечего разбазаривать дорогую воду на заключенных. Странно, но дыра, призванная выполнять роль отхожего места, вопреки ожиданиям никаких миазмов не распространяла. Заключенный встревоженно потянул носом – нет, обоняние вернулось, просто от параши действительно не пахло.

В гнезде на затылке торчала заглушка, гладкая и ладненькая, словно детская игрушка. Похоже, что «балалайки» в его голове не было уже на допросе.

Правое бедро ныло. Рассмотреть, что творилось с ногой по задней поверхности, у Звездецкого не получилось, но на ощупь ничего, кроме небольшой болезненной царапины,

не обнаруживалось. Царапина болела! Значит, боль вернулась. Похоже, организм начал работать по программе, заложенной в него от рождения.

– Странно, – бурчал закутанный в белое мужичок. Врач? – Не регулируется. А если так? – Он отвернулся вправо, до ушей Звездецкого донеслись характерные звуки: «врач» набирал что-то на клавиатуре компьютера.

– Странно, – снова сказал он. – Ты... как там тебя?

– Звездецкий.

– Звездецкий... ага... вот так лучше... Так вот, штуку эту я приаттачил там... ну к твоим... вроде... вот...

О чем говорил мужичок, понять было трудно. Он продолжал что-то набирать на клавиатуре раллера, то и дело погружая в плоть Звездецкого длинный металлический щуп. Ничего не ощущалось.

– Ты почувствуешь, если она включится. Дергать начнет. Вот так.

Он что-то переключил, и ногу Звездецкого скрутил сильный болезненный спазм. Сергей взвыл.

– Нет, не то, – «врач» не извинялся, сетовал.

Снова несколько нажатий на клавиши, удовлетворенный кивок, и в ногу непривычно зажуужало. Будто глубоко под мышцами, на самой кости застряло несколько пчел и никак не могут выбраться оттуда.

– Есть? Есть? – с каким-то непонятным восторгом спросил изувер.

– Есть, – без энтузиазма ответил Звездецкий.

– Вот так она и даст о себе знать. Нанокapsула что надо! В горячо-холодно в детстве играл? – Он дождался, пока подопечный кивнет. – Похожая игра: если идешь куда надо – «горячо».

В автобусе было жарко и влажно – двадцать пять душ, прикованных к специальным стойкам из легированной стали, активно потели, наполняя душную атмосферу смрадом. Окон нет, освещение искусственное. Трудно сказать, подразумевал ли изначальный проект в этом адовом транспорте вентиляцию, но на нынешний момент она точно отсутствовала. Четверо охранников и водитель за пуленепробиваемой стеклянной переборкой, укрепленной стальной решеткой. У них там кондиционер, они люди.

Мощные рифленые ворота, вздрогнув, поехали вбок. Добро пожаловать в «Африку»!

Вышли из автобуса только двадцать два заключенных. Трое так и остались висеть на своих кандалах безжизненными обезвоженными тушками.

Звездецкий пребывал в полуобморочном состоянии. Одуревший от жары и понимания того, что билет на автобус без окон выдается только в один конец, он плелся в толпе подобных ему новичков, получая тычки дубинками надзирателей под ребра. Двигаться нужно было быстрее, господа надзиратели ждать, пока они, шлюхи, решатся расстаться с девственностью, не собирались.

Их помыли под сильной, сбивающей с ног струей брандспойта, обрили наголо. В следующей комнате, снабженной обычными здесь на окнах решетками – настало время привыкать к небу в полосочку, – четверо мужиков лихо набивали «новобранцам» татуировки с номерами. По шесть штук на каждого – на лбу и затылке, чтоб надзиратель с любой стороны мог тебя различить; и по одной на каждой конечности, чтоб тело можно было собрать в полный комплект «если что».

– Будешь ты у нас один-три-семь-шесть, – нежно произнес доставшийся Звездецкому татуировщик. – Третий брат, так сказать, близнец.

– Звездецкий, – голосом, лишенным интонаций, представился Сергей.

– Нет, – так же нежно объяснил татуировщик. – У нас тут Звездецкий ты или хренецкий какой, дела никому нет. А один-три-семь-шесть ты у меня третий. Номеров-то на всех не хватает.

– А предыдущие? – не понял его Звездецкий.

– А тебе какая разница? Номера у всех индивидуальные. Хоть ты и третий, но на

сегодня точно единственный.

Дня три он пребывал в полной прострации. Обживался. Потом господин заместитель директора старший надзиратель Ушенко привел его в чувство, сломав правое плечо и украсив тело ярким ковром синяков. Две недели в лазарете помогли свыкнуться с мыслью, что это дерьмо вокруг теперь его дом. Единственно возможный в этой жизни, мать ее, дом.

Из прошлой жизни в памяти настойчиво пробивались сведения о синдине и нанокапсуле, остальные воспоминания путались.

11. Территория племени Хаммар

Легкий ветер гнал над саванной горячий воздух. Вся равнина была видна, как на ладони. Желтоватая пожухлая трава, буш, одиноко торчащие деревья, еще сохраняющие яркую, выделяющуюся на общем пыльном фоне зелень, и пара десятков бредущих в поисках воды диких буйволов забавно искажались поднимающимся вверх жаром.

С водой в этой части Африки в последнее время стало неважно. Реки изменяли свои русла, другие и вовсе исчезли, поглощенные новым морем. Как родная Омо. Дождей, и так редких в этих широтах, стало еще меньше, солнце палило без устали, выпаривая последние остатки влаги из умирающего мира. Полная жизни саванна превращалась в пустыню. Здесь не было особо ценных ископаемых, поэтому в кенийских долинах сохранилась первозданная природа. И вот теперь ей грозила смерть.

Келле провел тыльной стороной ладони по лбу – он привык к подобной жаре, но капельки пота на коже выступили от волнения. Они мешали смотреть, заливая глаза.

Буйволы шли далеко. Они не видели людей, однако крупный бык, идущий чуть впереди стада, то и дело останавливался, вслушиваясь в звуки саванны. Он, вероятно, был знаком с людьми, но в саванне достаточно опасностей и без неумелых охотников – здесь вполне можно встретить льва или гепарда.

Сегодня Келле шел впереди. Маза признали его способности охотника, хотя сам юноша и не хотел исполнять роль главного. Бона уговорил охотников отдать руководство в руки юного маза.

Келле знал, что к добыче нужно подходить с подветренной стороны, чтобы животные не учуяли охотников. Буйволы – быстрые и сильные животные, если заподозрят неладное, их не догнать. Рисковали и охотники – рога большие и острые.

Келле взмахом ладони позвал остальных и сам двинулся вперед, пригнувшись, чтобы трава скрывала его. Он ужасно волновался – Келле совсем не чувствовал себя способным руководить четырнадцатью маза, каждый из которых был на несколько лет старше. Если бы не Кулфу, который неожиданно поддержал Бона, он никогда бы не решился указывать старшим.

Не все остались довольны подобной расстановкой сил, Келле чувствовал это. И только антилопа, добытая два дня назад юношей в одиночку, являлась немым свидетельством того, что духи помогают ему.

Охотники осторожно спускались с пригорка в долину, буйволы были все ближе, но Келле не чувствовал присутствия духов.

«Это нормально, – убеждал он себя. – Духи всегда приходили не сразу».

«Но если они не придут?»

«Тогда ты, дружок, опозоришься перед маза. Над тобой будут смеяться, и никто тебя не станет слушать», – услужливо подсказывал внутренний голос.

– Бона, – шепотом позвал Келле старшего.

Брат шел рядом, метрах в трех справа от «главного охотника». Заметив, что Келле зовет его, Бона осторожно приблизился, не сбавляя шага.

– Бона, я не знаю, что делать. Зря ты уговорил маза слушать меня.

Старший легонько пнул Келле по ребрам.

– Духи благоволят тебе. Ты должен помочь людям – с тобой мы добудем много мяса.

Бона улыбался. Он искренне верил в то, что говорил. Отчего тогда сомневался Келле?

Они остановились недалеко от буйволов. Вожак нашел небольшой ручеек, и теперь дикие коровы шумно пили воду из мутноватого ручья. Сам вожак стоял, высоко подняв голову, чтобы следить за саванной.

Келле внимательно рассматривал животных. Вожак сильный и умный. Его охотникам не поймать. Более того, опытный буйвол смел, и Хаммар вполне могли не досчитаться двух-трех маза по окончании охоты. Значит, его трогать не стоит.

Трое молодых самцов пьют воду чуть поодаль от основной группы. Они уже не молодняк, их стадо защищать не будет. Вожак посматривает на них недобрый взглядом – чувствует конкурентов. Придет время, и кто-то из молодых сменит его на посту. Новому вожаку достанутся лучшие самки стада, но и ляжет ответственность за жизни сородичей. Но молодые буйволы быстро бегают – если не попасть сразу, второго шанса не будет.

Самки. Жмутся к вожаку, понимают, что старается тот ради них. Нет, это не вариант, здесь вожак тоже может пойти в атаку.

Самка с детенышем. Келле было жаль теленка, но...

«Но у теленка такое вкусное и нежное мясо. Детеныш не может быстро, а главное, долго бежать. Убить его будет легко».

Чья это была мысль? Откуда Келле все это знает? Ведь он никогда не участвовал в охоте, Хаммар вообще никогда не были охотниками. Тогда откуда эти знания, как он мог узнать, какое животное поймать проще всего?

«Вожак будет защищать детеныша», – возразил Келле ворчащему голосу внутри.

«Дурак, вожаку интересны самки. Детеныша может защитить только стадо, спрятав молодого внутри. Но коров много. Так что твоя задача – не дать матери с детенышем затеряться в толпе».

Что это? С ним разговаривают духи или это его собственные мысли? Стоит ли доверять духу, что шепчет внутри головы его собственным голосом. Или у духов нет своих голосов?

Келле жестами стал показывать охотникам, что нужно делать. На лицах маза отразилось непонимание. Как им объяснить? Если он начнет кричать, его услышит вся саванна. Если собрать всех вместе – они тоже привлекут внимание. Хаммар не охотники, они не знают странного языка травы, на котором умел говорить старик Кеффер.

Он сжал губы, от понимания собственного бессилия на глазах навернулись слезы. Еще не хватало расплакаться, как маленькому ребенку.

Келле сосредоточился на выбранной жертве. Корова жадно глотала воду, то и дело озираясь по сторонам, а теленок пытался поднырнуть к вымени, но мать его не пускала. Правильно делает, если малыш начнет сосать, возможности реагировать на опасность станет меньше.

Вот! Теленку все-таки удалось ухватить вожака сосок! Сейчас нужно действовать. Но как?!

Нужно отвлечь вожака, обратить в бегство стадо и отсечь добычу. Келле ясно видел, что делать. Как же...

Юноша не сразу сообразил, что он не просто представлял себе необходимые действия. Он их действительно видел. Перед глазами все плыло и двоилось. Он продолжал ясно различать то, что происходило на самом деле, но немного нечеткая, смазанная картинка показывала, как будут бежать буйволы, и куда отправятся охотники. Келле осознал, что может управлять картинкой – изменить расположение людей, переместить коров, рассчитать, кому и куда нанести удар. Он видел результат, он знал почти наверняка, как все произойдет. Если бы только сообщить это остальным.

Что-то странное творилось с охотниками. Бона, который только что прятался в высокой траве, присев на одно колено, бежал, потрясая копьём прямо на буйволов. Не туда, так он испугает корову с теленком. Правее, ну же.

Бона замер на короткое мгновение, а потом, словно повинувшись мыслям брата, побежал туда, куда следовало.

Келле больше не было нужды смотреть на Хаммар глазами, чтобы знать, чем занят каждый из них. Он чувствовал охотников, он был ими и он повелевал их намерениями.

Буйволы вздрогнули и побежали. Хорошо, очень хорошо! Восемь охотников преследовали их, встав полуколем и выставив перед собой копы. Вожак рванулся вперед, но тут же получил не смертельный, но болезненный удар металлическим острием копы в ногу. Оружие лишь оцарапало кожу, но боль заставила отступить. Большая часть животных вырвалась из окружения и унеслась в саванну. Пусть бегут, Хаммар не претендует на лишнее.

Келле не сводил глаз с теленка. Мать никак не могла вырвать из его цепких губ сосок, а значит, бежать она не сможет. Корова лишь брыкала ногой, едва продвинувшись вперед, копыта скользили в скользкой грязи. Решение возникло в голове молниеносно – им не успеть, Келле в любом случае будет быстрее.

Он бросил копы и резким движением содрал с плеча веревку. Теленка не нужно убивать, он сослужит лучшую службу. Но Хаммар нуждаются в мясе.

«Этим займутся другие».

Келле приближался к буйволице, наконец вырвавшейся из хватки своего детеныша. Она пыталась набрать скорость, но момент был упущен. Ловкие и словно бы чужие руки Келле скрутили из веревки лассо и точным движением набросили петлю на шею убегающему теленку.

Буйволы – сильные животные. Веревка в руках Келле натянулась, дернула, повалив охотника наземь, но убежать теленку было не суждено. На помощь брату подоспел Бона. Вдвоем они удержали вырывающееся животное, повалили и стреножили. Теленок, жалобно мыча, звал мать, которая остановилась и подошла к охотникам сама. Стреножить буйволицу оказалось делом сложным.

Сзади раздавался рев умирающих буйволов – три самки попались на острые копы маза. Не всех! Келле рванулся к остальным охотникам, но те уже сами делали все правильно – с помощью веревок, приготовленных для того, чтобы удобней было волочить добычу домой, им удалось связать еще двух коров.

Теперь у Хаммар будет мясо. И будут свои коровы – буйволы немногим отличались от привычных для скотоводов животных. Во всяком случае, самка с детенышем будет вынуждена принимать заботу людей ради малыша. А уж Хаммар постараются, чтобы их новые коровы остались довольны.

Наваждение, овладевшее юношей, исчезло так же внезапно, как появилось. Он больше не видел того, что должно произойти, мир снова стал четким, а охотники Хаммар сами собой. Келле вновь был просто Келле.

Остались лишь странные знания о том, как превратить буйволов в домашних животных. Келле был уверен, что знать этого никак не мог. Или он все выдумал сам? Нет, это были духи. Возможно – Афа, его отец. Он разбирался в скотине, он мог помочь.

Маза озирались по сторонам. Некоторые ощупывали собственные тела, словно не веря, что они настоящие. У всех без исключения в глазах читался испуг.

– Это были духи, – пробормотал кто-то из них.

Келле не понял, спрашивал тот или утверждал. Слишком бесцветный голос, чтобы уловить интонации.

Келле знал о духах довольно много. Его мать очень боялась разгневать небожителей, опасалась, что духи могут рассказать о своей обиде Сыну Солнца, который никогда не переходит через реку на этот берег. Мальчик спрашивал сначала у матери, потом его учил Кулфу. Келле был уверен, что духи – часто обидчивые и коварно мстящие за любой проступок – никогда не позволяли одному человеку, пусть бы он был тысячу раз их избранником, повелевать другими. Духов можно было уговорить заставить людей сделать то, что хотел колдун, но сам колдун не имел власти над людьми.

– Да, – ответил Келле. Он сказал правду, только не стал уточнять, что духи приказали связать буйволов, но не помогали управлять соплеменниками. – Да, духи помогли нам, они

направили нас, чтобы Хаммар снова обрели свои стада!

Насчет стада было громко сказано – три брыкающихся буйволицы и теленок. Но маза внимали каждому слову Келле и смотрели на него с обожанием.

12. Китайская Народная Республика, в небе над миром

Небо на востоке только-только начало розоветь. Погода стояла тихая – ни ветерка, еще держится ночная прохлада, но уже чувствуется дыхание светила, несущего из-за горизонта летнюю жару. Серые титановые крылья самолетов, выстроенных в длинный строй, покрывал мелкий бисер росы.

Тихо, не слышно ни звука, лишь где-то в траве настойчиво стрекочет сверчок.

На аэродроме очень чисто. Здесь всегда чисто, это Китай, но сегодня каждая плитка идеально выложенной взлетной полосы вылизана и надраена. Сегодня на аэродроме ждут высокого гостя.

Огромный черный лимузин почти бесшумно выкатился прямо на полосу. Здесь, нарушая красивый строй железных птиц, стоял «Лэйгун» – мощный орбитальный истребитель с системой вертикального взлета-посадки. Безумно дорогая машина. Как в технологическом аспекте, так и в обслуживании. Расход топлива огромен до неприличия.

Цу Мин Шэнь вытянулся по стойке смирно, завидев черную стрелу правительственного автомобиля. С настоящим бензиновым двигателем. Сегодня Шэню предстоял ответственный день: он должен лететь с высоким гостем в... Собственно, куда необходимо направить лучший военный самолет мира, Шэнь не знал. Полетное задание не выдали и ничего не сказали, но летчик понимал, что вопросы задавать не стоит. Он был готов выполнить любое задание на благо Народной Республики.

Лимузин остановился точно напротив замершего у истребителя летчика. Полковник Тэн Ли открыл дверь машины, но рука человека, сидевшего на заднем кресле, нетерпеливо толкнула дверь, и полковник вынужден был отойти на шаг. Начальник одного из Пекинских военных аэродромов почтительно склонил голову, не сводя, однако, с высокого гостя глаз.

Из лимузина выбрался человек в летном костюме. Молодой, лет тридцати пяти, с черными коротко стриженными волосами, небольшого роста, узкий в плечах. Вид у появившегося мужчины был весьма сублильным и даже – слабым, с чем совершенно не вязался его взгляд: жесткий, колкий взгляд прищуренных не то от появившегося у горизонта солнца, не то от налетевшего откуда-то ветра глаз. Так смотрит хозяин на свои владения после долгой отлучки, выискивая изъяны в оставленной без присмотра собственности. Так смотрит тигр на того, кто просто прохаживается мимо, но в один прекрасный момент может стать его добычей.

На Тэн Ли человек даже не взглянул. Сразу направился к «Лэйгуну», прошел мимо Шэня, словно это был не человек, а какое-то аэродромное оборудование, подошел к самолету и с неожиданной нежностью погладил прохладный металл фюзеляжа.

Потом мужчина резко обернулся и вонзил взгляд в замершего Шэня. Он ждал.

– Капитан Цу Мин Шэнь, – отрапортовал пилот, глядя прямо перед собой. Одного взгляда в бездонные темные колодцы было достаточно, чтобы всеми силами избегать встречи с глазами этого человека.

– Ваш пилот, – подал голос полковник Тэн Ли, стоявший позади гостя.

Мужчина в летном костюме на мгновение повернулся, скользнув взглядом по начальнику аэродрома, и полковник прикусил язык.

– Полковник... Хэ, – представился гость, запнувшись, словно придумал имя только что. А может, так оно и было, настоящие имена таких людей знали немногие.

После этого Хэ протянул руку Шэню, чем настолько удивил пилота, что тот не сразу ответил на рукопожатие. Рука у полковника была маленькая сухая и горячая.

– У вас отличная машина, капитан, – сказал Хэ, косясь на «Лэйгун».

– Так точно! – выкрикнул Шэнь.

Полковник вытащил из нагрудного кармана небольшой коммуникатор, внимательно всмотрелся в экран и нажал клавишу. Тут же в «балалайку» Шэня пришло полетное задание. Вояж предстоял неблизкий.

– Незачем кричать, капитан, – просто сказал Хэ, отобрал у Тэн Ли летный шлем и полез в кабину. На место второго пилота.

Шэнь продолжал стоять, вытянувшись в струну. Его охватил какой-то ступор, он никак не мог решиться сдвинуться с места. Тэн Ли, не меняя покорной позы, бросил на капитана гневный взгляд и махнул пальцами – мол, давай, двигайся. Мышцы Шэня свело судорогой, ему не удавалось даже пошевелить рукой.

– Второй пилот к полету готов! – послышался сверху голос Хэ.

Фраза прозвучала легко, высокий гость забавлялся, но это помогло Шэню прийти в себя. Нацепив на голову шлем, капитан пулей взобрался по приставленной к «Лэйгуну» лесенке и занял положенное ему кресло первого пилота.

Руки автоматическими движениями прошлись по тумблерам, глаза читали показания приборов. Не глядя, Шэнь поймал серебристый проводок психопривода и подключил его в «балалайку». Чип в голове капитана и «поплавок», установленный в компьютере истребителя, обменялись цифровыми приветствиями, Шэнь прошептал личный код доступа, запрошенный «Лэйгуном», и мощная сенсорная система открыла доступ сознанию пилота. Теперь в руках особой нужды не было – Шэнь слился с машиной в единое целое.

Взревели турбины, кабина закрылась, отрезав их от шума, разорвавшего утреннюю тишину. Снаружи появившиеся словно из-под земли техники быстро откатывали лесенку.

«Лэйгун» был и впрямь отличной машиной. Шэнь боготворил дни, когда ему удавалось полетать на этом самолете. Он старался, он знал о самолете все. Он любил эту машину и его старания были вознаграждены – он личный пилот полковника Хэ.

«Лэйгун» по своей сути был обычным орбитальным истребителем, предназначенным для дальних вояжей в стратосфере и коротких «прыжков» на низкие орбиты. Этот самолет был призван уничтожать обнаглевшие спутники условного противника. Но это – в прошлом, ныне, после того как всемирная сеть развалилась на несколько огрызков, больше половины спутников попросту потерялись. Они продолжали наматывать витки на своих орбитах, но управляющие модули на Земле их не видели.

Тогда истребитель еще не носил имя древнего бога. Сейчас старый фюзеляж модифицировали, а начинку – электронику, мозги истребителя – поменяли полностью. Именно «внутренности» «Лэйгуна» являли собой секретную разработку, которой предстояло сказать решающее слово в потенциальном бою.

Орбитальный истребитель лихо вырулил на полосу, тяга включилась на полную мощность, и тяжелая, груженная малым комплектом вооружения железная птица, понеслась вперед. Навстречу небесам.

Отрыв. Ни с чем не сравнимое ощущение. Особенно, когда не просто управляешь самолетом – когда ты его часть. Такое можно ощутить только в кресле пилота «Лэйгуна». Шэнь осторожно подвигал закрылками, «Лэйгун» послушно отозвался изменением курса. Руки пилота лежали на штурвале, но это лишь привычка и требование инструкции – в случае неисправности психопривода или «балалайки» пилот должен перейти на ручное управление. Капитан старался вести мощную машину как можно плавнее, чтобы не доставлять неприятных моментов пассажиру – перегрузки «Лэйгун» мог давать весьма нешуточные.

Справа и сзади в багрянце восхода было хорошо видно уходящее за горизонт пестрое пятно с несколькими десятками торчащих ближе к центру огрызков небоскребов – часть, пострадавших во время толчков, еще не успели полностью демонтировать, другие строили заново. Пекин, столица Народной Республики, половина территории которой сильно пострадала во время Катастрофы, быстро отстраивается, приобретая привычный блеск и величие.

– Капитан, – послышался голос Хэ, – вы позволите мне попробовать вести машину? Давно мечтал испытать «Лэйгун», так сказать, на себе.

В горле Шэня мгновенно пересохло. Разве мог пилот отказать полковнику? Хотя формально командиром истребителя был он.

– Конечно, – с трудом прохрипел Шэнь.

И тут же капитан ощутил появление второго пилота в виртуальной связке человек-машина. Авторизации «Лэйгун» у полковника не запрашивал – вшитый в «балалайку» полный доступ? Без сомнения, Хэ входил в число посвященных в Большие тайны Поднебесной.

Отключиться или продолжить совместный контроль самолета? Шэнь не знал как поступить. По инструкции, первый пилот не должен прекращать контроль машины во время полета. Полная передача управления второму пилоту подразумевалась только в случае повреждения «балалайки» или гибели первого. Но Хэ справедливо мог бояться вторжения в свою «балалайку», а там наверняка хранится то, что Шэню знать не положено. И тогда...

– Вы правильно делаете, что продолжаете контролировать полет, – сообщил Хэ. – Я не так уж часто летаю, поэтому помощь опытного пилота не повредит.

И добавил спустя пару минут:

– Вас все равно проверят после завершения задания. Так что расслабьтесь – никакие ваши действия... хм... не испортят вам жизнь.

Его проверят. Полное форматирование «балалайки» с отгрузкой данных на сервер Министерства государственной безопасности, допрос с возможностью применения психотропных препаратов, обыски и контроль личной переписки в течение как минимум полугода. Шэнь почувствовал, что спина покрылась испариной.

Зачем тратить столько сил на проверку какого-то капитана ВВС, который, скорее всего, и так ничего не знает. Пуля в голову – и вся проверка.

– Готов служить Народной Республике! – хотел отчеканить по форме Шэнь, но голос подвел, дрогнул.

Хэ вел «Лэйгун» уверенно. У него явно был не один час налета за плечами. И он не летал на «Лэйгуне», если хотел этого? Хотя, конечно, полковник человек занятой, выбрать время для развлечений людям его уровня трудно.

Самолет совершил несколько резких, рискованных маневров, заложил петлю Нестерова. Шэнь четко контролировал все действия полковника, но в коррекции управление не нуждалось – все элементы были выполнены безукоризненно. Для чего ему вообще нужен пилот? Чтобы найти виноватого, если с «Лэйгуном» что-нибудь случится в полете?

– Отличная машина! – снова восхитился Хэ. Управление он вернул капитану. – Я подремлю немного, разбудите меня, если я пропущу посадку.

– Есть! – ответил Шэнь. Как можно пропустить посадку истребителя, разгоняющегося в стратосфере до скорости, больше чем в десять раз превосходящей скорость звука?! Скорее всего, полковник просто поддерживал разговор.

Капитан прибавил тягу, закрылки поднялись, поворачивая машину носом к небу, крылья с тихим жужжанием изменили свою геометрию, превратив самолет в подобие ракеты, и «Лэйгун» устремился ввысь, в стратосферу, где воздух не такой плотный и не мешает двигаться с околосмическими скоростями.

Маршрут орбитального истребителя предполагал две посадки для дозаправки. Первая – на исконной территории Поднебесной, на базе возле Готана – одной из немногих западных территорий, уцелевшей после Катастрофы. Для второй дозаправки приземлились на территории провинции Казахстан, возле нового Среднеазиатского моря.

Во время полета Шэнь несколько раз украдкой наблюдал за «вторым пилотом» – командир экипажа обязан знать о состоянии своих подопечных, поэтому камеры наблюдения и биометрия располагались во всех обитаемых зонах «Лэйгуна». Полковник Хэ не спал. Он разложил на коленях раллер и с очень сосредоточенным видом что-то набирал на клавиатуре. Все два с половиной часа полета.

На подлете к цели данные о параметрах посадки автоматически загрузились в «балалайку» Шэня. «Лэйгун» был настолько совершенной машиной, что, имея в

распоряжении подобные «лоции», без труда мог приземлиться в автоматическом режиме. Собственно, это он и делал, капитан лишь следил за правильностью траектории приближения к точке. Выход на привычную глиссаду посадки в этот раз был не нужен – садиться они будут с помощью шахтного двигателя, способного удерживать тушу орбитального истребителя в любом положении. Вертикальная посадка. Прелесть и расточительство – шахтный двигатель потреблял столько топлива, что, исключив посадку, можно пролететь еще около сотни километров.

Авианосец «Зенг Хе» казался небольшой вертолетной площадкой с высоты, на которой завис «Лэйгун». Получив данные с корабля и обработав траекторию спуска, самолет резко ухнул вниз – шахтный двигатель умел разгонять машину в обе стороны. Резко, но плавно, без толчков, «Лэйгун» затормозил в паре десятков метров над отведенной специально для него площадкой с особо прочным покрытием, на секунду завис и медленно опустился на палубу авианосца. Турбина тут же смолкла, Шэнь услышал, как закрылась шахта установленного в вертикальной плоскости двигателя и отщелкнулись замки блистера кабины.

Впереди плескалось море, а сзади, на пару сотен метров, вдаль уходили два ряда тяжелых боевых вертолетов. Палуба хорошо освещалась, но море выглядело темным пятном – здесь, у берегов Африки, небо на востоке только начинало светлеть. «Лэйгун» обогнал солнце.

«Сеанс связи окончен», – гласили появившиеся на глазном наноэкране иероглифы. «Лэйгун» переключился в режим ожидания.

В это же мгновение площадка, на которой стоял истребитель, немного подалась назад и втянулась внутрь корпуса авианосца.

Блистер кабины, переломившись пополам, открылся. Шэнь отключил психопровод и снял летный шлем с маской. Полковник Хэ сделал все это раньше – его субтильная фигура ловко спускалась по приставленной лесенке. Техники стояли в темноте ангара, метрах в пятнадцати от самолета, и терпеливо ждали, когда смогут заняться машиной так, чтобы это не помешало высокому гостю. Рядом с «Лэйгуном» стоял только высокий человек в морской форме с погонами адмирала. Шэнь не видел раньше его, но знал, что эскадрой командует адмирал Бодуань.

На Шэня Бодуань не обращал никакого внимания. Он широко улыбался и приветливо кивнул Хэ, прижав руки к груди.

– Здравствуйте, товарищ адмирал, – чуть радушней, чем того требовал протокол, сказал Хэ.

– Здравствуйте, товарищ...

– Полковник Хэ, – подсказал гость. При прошлой их встрече его звали иначе.

– Товарищ Хэ, – закончил приветствие Бодуань.

13. Побережье Африки

– Черт бы побрал эту Африку! – злобно прошипел заключенный по имени Садах. Он снова зацепился за обломок корня, который обрубил Куцев, и разодрал себе плечо. Рванный рукав обильно намок красным.

Как только сошли на берег, он постоянно ворчал и жаловался на жизнь. Собственно, было от чего.

Добрались ранним утром, когда на востоке только появилась полоска грядущего восхода. Пока возились с катером, посветлело.

На берегу, где по всем канонам должна была простираться полупустыня, похожая на ту, что они видели на Тюремном острове, их встретили буйные и совершенно непроходимые заросли мангры. Воздушные корни мангровых деревьев, сплетающиеся в конструкции, которые вполне могли бы конкурировать с противотанковыми ежами, торчали из черной, пахнущей прелым жижи на высоту человеческого роста. Пройти насквозь не представлялось

возможным. Единственный вариант – прорубать просеку, вооружившись мачете.

Чем и занялись Куцев с Али. Другого варианта и не было – Мартин ранен и малоэффективен в рубке мангры, Мустафа... ну, капитан всегда остается капитаном. Даже в плену. И потом, мачете у них всего два.

Руки болели. Водянки на ладонях Куцев натер еще в шлюпке, когда орудовал веслами – в паре сотен метров от берега сдохла последняя батарея Ллейтона. Теперь водянок давно уже не было, их место заняли сочащиеся кровавым раны. А берег, столь желанный как бандитами, так и плененными моряками, встречал неприветливо.

Катер оставили у границы странного леса. Бросили якорь и крепко привязали конец к деревьям. Скорее всего, пара-тройка приливов оторвут его. В любом случае, толку от шлюпки теперь немного, да и возвращаться сюда они вряд ли станут.

– Откуда здесь такая растительность? – орудуя непривычным мачете, спросил Куцев. На расчистку дороги в пределах одного дерева уходило по пятнадцать-двадцать минут, а до твердой почвы, судя по всему, было еще метров двадцать. Да и там не похоже, чтобы заросли заканчивались.

Вопрос был риторическим, однако на него ответил Мартин:

– Наверное, где-то рядом в море впадает река. Пресная вода – она несет ил и дает жизнь деревьям. Мангровые леса полны живности, это кладовая природы.

– Дерьмо это, а не кладовая, – плюнул Куцев в мутную воду. – Уж лучше бы здесь была пустыня.

– Вот уж неуверен.

– Перемазались все, как черти, – продолжил ворчать Куцев.

Внешний вид действительно изрядно попортился. Одежда промокла, черный липкий ил, в который ноги проваливались до колена, казалось, был везде. Даже во рту, отчего Виктор непрерывно сплевывал, пытаясь избавиться от противного привкуса. Гнилое место.

Куцев получил чувствительный тычок стволом «дрели» по затылку.

– Меньше разговаривай! – рявкнул на него Штрайх.

Мерзкие твари. Правильно вас в «Африку» упекли. Неизвестно, чем провинились перед Анклавами, но место для вас, гниды, самое подходящее.

А теперь они еще пытаются выбраться из этого дерьма на горбу у Куцева. Виктор бросил короткий злобный взгляд на бывшего заключенного, а потом широко замахнулся мачете, вонзив острый клинок в воздушный корень мангры. Штрайх шарахнулся на полшага назад. Трусливая обезьяна. Главное – не переборщить, а то еще застрелит ненароком от испуга.

Последним в их странной команде шел Моралес. Куцев так и не понял, кем он был в «Африке». Но совершенно точно – не заключенным. Станный тип. Станный и опасный. От него так и веяло немой угрозой. И эта его манера смотреть словно бы сквозь собеседника безумно раздражала. Впечатление, что он постоянно пребывал в глубоком раздумье, не обращая внимания ни на что вокруг. Но это впечатление было обманчивым: Виктор не раз замечал, что Моралес реагирует на любые раздражители, причем скорость его реакции поражала.

Удар, еще удар. Сразу два витых воздушных корня с треском переломились, Куцев шагнул вперед и под ногами появилось твердое. Наконец закончилось это болото! Но заросли как будто не становились реже.

– Это дерьмо долго еще будет продолжаться? – спросил Куцев у Мартина, когда все выбрались на твердую землю. Крайс, похоже, кое-что знал о подобных зарослях.

– Не знаю. Зависит от количества влаги. Здесь почва твердая, значит, река довольно далеко. Если пойдем в правильную сторону – скоро выйдем из мангры.

– Знать бы, где эта правильная сторона.

Толстый Али сел прямо на землю и, морщась, облизывал растертые в кровь ладони. Отдуваясь, на островок суши вышел Мустафа. За ним тянулись влажные черные следы. Замечательные походные ботинки капитана были безнадежно испорчены, в них хлюпало.

Следом выбрался седовласый Гамми и двое бандитов. Один с «дыроделом», другой с «дрелью» в руках. Оружие оба взяли из арсенала моряков.

Последним появился Моралес. Ему все было нипочем. Можно подумать, что он не шел вместе со всеми через непролазные заросли, а гулял по парку. Только испачканные черным армейские ботинки и низ брюк говорили об обратном. На лице главаря все также присутствовало выражение полного безразличия к окружающему.

Моралес выбрался на берег, отряхнул с брюк и обуви налипшие комья ила и отошел в дальний угол небольшой опушки, на которой все расположились. Он оперся спиной на корни и прикрыл веки.

На шее у него болтались две «дрели», взятые про запас. Куцев отметил, что «дыродел» главаря торчал сзади из-за пояса. Он не нес его в руке. Излишняя самоуверенность?

Что-то подсказывало Виктору, что сейчас все изменится. Он не мог объяснить, почему так думал, не знал причин, но его подсознание настаивало, что сейчас самое время быть начеку, а не расслабленно отдыхать.

Как оказалось, Моралес тоже придерживался подобного мнения, а его расслабленность – не более чем отвлекающий маневр.

В какой-то момент, минуты через две, после того как из болота вышел главарь, Садех и Штрайх коротко переглянулись.

От Куцева не ускользнул этот вороватый взгляд, хоть он и не собирался вести наблюдение за своими конвоирами. Все произошло само собой, мозг, уставший от нахлынувших за последние двое суток событий, от недосыпа и голода, казалось, автоматически вычленил важные события.

Виктор поднялся и сделал несколько шагов в сторону Моралеса, словно бы намереваясь продолжить рубить заросли. Зачем он это сделал в тот момент, он не знал. Тело само решало, как поступить.

– Знаешь, босс, – начал Садех, поднимаясь.

Но Моралес не дал ему договорить. Он почти и не шевелился, казалось, даже глаз не открыл. Он только произнес: «Знаю». – И в его руке, словно по мановению волшебной палочки, вдруг появился «дыродел». Грохнул выстрел. Штрайх, как бы невзначай направивший ствол своей «дрели» в сторону главаря, всхлипнул и повалился на землю. Из рта у него пошла кровавая пена. Садех, обомлев от стремительности событий, изумленно смотрел на пистолет в своей руке, так и не направив его на Моралеса. Ему выпало прожить на полсекунды больше Штрайха.

И в этот момент на арену вышел Куцев. Когда Моралес начал стрелять, он стоял в метре от главаря. С мачете в руках. При всей своей прыткости, Моралесу никак не удалось бы поразить сразу три мишени, находящиеся в разных местах.

Виктор взмахнул своим весьма грозным оружием. Он не задумывался, куда бить, тело выбрало наиболее подходящую мишень – широкое лезвие летело на вытянутую вперед руку, крепко сжимающую вороной «дыродел», который неумолимо поворачивался черной дырой ствола в сторону Куцева. Мачете опускался острием вниз, но в последний момент Виктор передумал и успел повернуть оружие боком. Лезвие плашмя ударило по руке, лязгнув металл о металл, и «дыродел» отлетел в сторону.

Пролетев чуть больше метра, пистолет застыл у ног капитана. Мустафа не спеша нагнулся и поднял оружие.

– А теперь, Моралес, мы будем играть по нашим правилам, – сказал он, направив ствол в сторону главаря. Теперь уже бывшего: свою шайку он уничтожил собственноручно.

Моралес поднял голову, потирая ушибленную кисть, и взглянул прямо на Хопкинс-Джани. Стрелять из висящих на шее «дрелей» он как будто и не собирался.

– Я не против, – сказал он.

Куцев отметил про себя, что Гамми во время короткого боя продолжал спокойно сидеть, никак не реагируя на происходящее. Ему, похоже, было все равно.

– Кто вы, Моралес? – спросил Виктор, забирая у него автоматы. Оба на

предохранителе.

– Надзиратель. В прошлом. Потом на протяжении двух лет я был... королем «Африки». Боссом.

– Но почему вы не убили нас? Еще там, на острове?

Почему он убил своих головорезов ясно – банда задумала низвергнуть своего «короля».

– Застрелите этого гада, капитан, – прошипел Мартин, прижимая простреленную Моралесом руку к груди. У него были свои счеты с надзирателем.

На лице бывшего надзирателя наконец появилось проявление эмоций. Он был удивлен.

– А разве вы преступили закон? – спросил он.

14. Задолго до происшествия на Станции. Анклав Рио

Хоакин был единственным ребенком в семье.

Его отец, Хосе Моралес, работал на химическом заводе «Лас Корес Вивас». Не самая чистая работа. И не самая высокооплачиваемая.

Хосе было уже далеко за сорок, когда родился Хоакин. Изабелла, его жена, истово молилась Деве Марии, прося ребенка. В Рио сохранилось несколько католических храмов, отказавшихся вступить в лоно Католического Вуду после указа папы и проповедовавших истинную, непопороченную африканскими колдунами религию. Один из этих храмов и стал для Изабеллы источником искренней и сильной веры.

Химическое производство сделало свое дело – вожаемая беременность не наступала, и виной тому был Хосе. Так сказали врачи. Еще они сказали, что надежда есть, но она слишком мала, чтобы всерьез оценивать шансы. Понимая, что доходы семьи Моралесов невелики и экстракорпоральное оплодотворение не по карману этой паре, врач, хитро подмигнув молодой симпатичной пациентке, порекомендовал поискать здорового донора.

С тех пор набожная Изабелла не ходила к врачам. Медицина стала для нее прибежищем греха и порока.

Надеждам Моралесов суждено было сбыться лишь семнадцать лет спустя.

Хоакина воспитывали в строгости и почтении к канонам старой веры. Десять заповедей стали для него основополагающими принципами жизни.

Анклав Рио, растянувшийся на несколько десятков километров вдоль береговой линии Атлантического океана и уходящий высоко в нависающие над водой горы, оставался, по обыкновению, местом пестрым. Целые поселения, столетия назад получившие название фавеллы, не исчезали, несмотря на непрекращающуюся борьбу властей города Рио-де-Жанейро, а впоследствии – местного филиала Службы Безопасности Анклавов. Россыпи наползающих друг на друга трущоб росли на склонах гор, словно грибы после дождя. Строительство корпоративных небоскребов в этих местах не велось по причине большой крутизны склонов, территории оставались пустыми, а значит – лакомым куском для тех, кто не хотел тратиться на нормальное жилье, кто не желал работать и не признавал никаких правил. Сюда не совались даже безы – фавеллы были настоящим лабиринтом смерти для тех, кто решил бросить вызов сложившимся в них устоям.

Когда жители фавелл слишком уж нагнали, досаждая корпоративным территориям, СБА поговаривало рейды хорошо организованных армий. Фактически, безы зачищали территорию – особо буйных просто расстреливали на улицах; главарей и провокаторов, тех, кто отсиживался по норам, отлавливали и отправляли в «Африку». Остальные – простые «мирные» жители – потихоньку рассасывались из зоны боевых действий, расселяясь в окрестных трущобах.

Но все усилия безов шли прахом – если никто из застройщиков не брался возвести в зачищенном районе нормальные цивилизованные строения, а чаще всего так и бывало, спустя пару месяцев территория снова наполнялась сбродом, собирающимся из всех районов Рио.

Именно в таком месте и вырос Хоакин. В фавелле, где каждый в той или иной мере мог

считаться преступником, трудно было жить в соответствии с заповедями, которые юный Моралес впитал с молоком матери. Мальчик рос нелюдимым, он не играл на улице, не общался со сверстниками – Изабелла благоразумно рассудила, что уличные компании не самая подходящая сфера общения для ее сына.

Моралесы надеялись, что Хоакин сможет выбиться в люди, поступить в университет и, может быть, даже стать капером. Хосе копил деньги, отказывая себе во всем и тратя последнее здоровье на вредном производстве, где работал зачастую в две смены. Но Хоакин, к сожалению своих родителей, не блистал умом. Изабелла лелеяла мечту об образовании, но в глубине души понимала, что денег на учебу в университете не хватит, а на корпоративную стипендию рассчитывать не приходится. Но ей удалось сделать невозможное – она уберегла сына от улицы, где к пяти годам каждый становился вором.

Хоакин ходил в хорошую школу. Если, конечно, можно назвать какую-нибудь из школ в фавеллах хорошей. Он был бедно, но всегда опрятно одет, он не жил впроголодь. Он, но не его семья. Когда тебе девять лет, мир кажется интересным и разноцветным. Все возможности для тебя открыты. Хоакин не замечал, каких усилий стоит родителям сделать его детство именно таким. Не замечал до одного случая, изменившего всю его жизнь.

В тот день в Голо показывали «Марсианских крыс» – новый интерактивный фильм. Фантастика, настоящий шедевр современного виртуального кинематографа. Билеты стоили недешево, а для доходов Хосе – так и вовсе заоблачную сумму. Но старший Моралес знал, как хотел Хоакин посмотреть этот фильм.

Из-за природного недоверия системе, свойственной бедным людям, Хосе хранил большую часть сбережений в наличности. Поэтому деньги на билет были выданы именно ею – новенькими, приятно пахнущими краской, хрустящими банкнотами.

Хоакин не дошел до Голо всего два квартала. Два гребаных квартала, как он будет повторять много раз впоследствии. Но иногда в нашей жизни все меняется и из-за куда меньшей дистанции, чем два квартала растрескавшегося асфальта фавеллы в Анклаве Рио.

Их было шестеро. Почти ровесники, старше на год-два. Для них он был, что красная тряпка для быка – чистый, одет аккуратно, на лице улыбка. Он был не такой, как эти мальчишки, он не был озлоблен на мир, который вполне достоин того, чтобы его ненавидеть. Хоакин был обычным девятилетним ребенком, который мог бы жить внизу, на корпоративных территориях. Шоры, надетые Изабеллой на неиспорченный детский разум, сделали свое дело.

– Эй, полудурок, – услышал Хоакин, бодро шагая в направлении Голо. До кинотеатра оставались те самые два квартала.

Юный Моралес умел постоять за себя – никакие шоры не могли бы уберечь от обычных детских ссор. В школе частенько приходилось драться, но он никогда не ввязывался в драку, если можно было избежать этого. Заповеди требовали подставить другую щеку. И он это делал, снося обиды и оскорбления. Он только защищался – иначе было не выжить.

Поэтому, когда до его ушей донеслись окрики уличной шпаны, Хоакин, хоть и с испорченным уже настроением, продолжил шагать дальше, делая вид, что не замечает нападок хулиганов. Но пройти ему не дали.

Они сбили его с ног, главарь – коренастый черный парень с искореженной рубцом верхней губой и перебитым носом – склонился над ним и, схватив его за ворот рубашки, прошепелявил:

– Ты в Голо идешь? Билет покупать? У тебя есть дензята, ведь так?

Хоакин понял, что на «Марсианских крыс» он не попадет. Десять заповедей списком пронесли в голове. И насчет не убий, и по поводу щек. Но ведь там ясно говорилось – не укради! А его хотят обворовать. Вот эта мерзкая черная обезьяна хочет отобрать у него деньги, деньги его отца, который работал от рассвета до заката, подыхая от испарений той дряни, которую производила «Лас Корес Вивас».

Он резким движением боднул хулигана, разбив в кровь и так уже не единожды

сломанный нос. Черный, размазывая руками льющуюся красноватую жижу, дернулся назад. Но второй удар ногой в пах настиг заводилу и тот, завывая от боли, повалился на землю.

Хоакин не хотел драки, он не желал мериться силой с этой шайкой. Тем более что силы явно не равны. Но убежать ему не дали. Он не успел и встать, когда пятерка подопечных раненого черного накиннулась, колотя бедного Хоакина ногами. Не сдаваться помогала вера – вера в собственную правоту. Он не сделал ничего плохого, никого не тронул, это они, шайка подонков, напали. Удары сыпались сплошным потоком. Рубашка, разорванная и грязная, залита кровью, брюки порвались.

Досталось и нападающим – Хоакин отбивался, кусался, царапался. В него словно вселились бесы. Или это были ангелы гнева Господня?

К моменту, когда к месту схватки прибежал Хосе, которого позвали соседские мальчишки, заметившие плачевное положение Хоакина, трое из шести нападавших выбыли из хватки, получив тяжелые травмы от неистовствующей жертвы. Но и Хоакин был плох – его лицо, разбитое и окровавленное, невозможно узнать, сломано несколько пальцев и ребер, левая рука слушалась плохо: вывих или перелом.

Хосе набросился на шпану, быстро раскидав малолеток. Несмотря на численное превосходство, силы в сравнении со взрослым мужчиной были неравны.

Хоакин попытался подняться, но не смог. Глаза его бешено вращались, он ничего не понимал и был на грани обморока. Рыдая, Хосе поднял сына, намереваясь отнести его в больницу.

Но попасть в руки медиков Хоакину было не суждено. Минут через десять прибежали черенки. Заступить за обиженных младших. Настоящие отморозки.

Битвы не было, одуревший от утренней дозы синдина предводитель черенков застрелил Хосе сразу. Без лишних разговоров. Хоакина они не тронули – то ли решили, что он и так не жилец, то ли вообще не заметили.

Но юный Моралес выжил. Мать отдала его монахам Католического монастыря. Там Хоакина выходили. С тех пор он стал нелюдим, с лица не сходило мрачное выражение, словно застывшая маска, приклеившаяся к нему навечно.

Он закончил школу. Не с отличием, но – закончил. Мать хотела, чтобы он поступил в училище, стал человеком. Но Хоакин неожиданно ослушался.

Еще в старших классах он влился в одну из уличных банд. Этот мрачный и хладнокровный молчун, каким сделался Хоакин, прославился в междоусобных войнах, которые вели банды. Он расправлялся с конкурентами с неимоверной жестокостью.

Ему стали доверять, он приобрел авторитет. Но делал это, как выяснилось позже, лишь с одной целью.

Хоакин нашел поставщика синдина. Мелкого, как раз под стать их шайке. Убедил главаря, что такое дело им по зубам – что сложного в том, чтобы толкать наркоту шпане из района? Поставщик казался не особенно надежным, поэтому идти за товаром Хоакин уговорил всех – в случае, если наркоторговцы заартачатся, численный перевес должен быть на стороне банды.

Он все просчитал. И количество людей, и их расположение, и скорость, с которой они смогут понять, что происходит.

Хоакин убил всех – и поставщиков, и своих. Собственно, своими он их не считал. Своих у Хоакина не было. Он был один против всего мира. И в этот раз в схватке победил он. Зло должно быть наказано – вот что стало главной целью его жизни.

Безов он вызвал сам. И дождался их, охраняя кейс, забитый ампулами с синдином. Несколько недель он провел в тюрьме филиала СБА. Его проверяли и перепроверяли. А потом вызвали к какому-то начальству, выслушали его историю и... предложили поступить в Университет на спецфакультет.

Так он стал офицером СБА. Так он стал надзирателем в «Африке». Так он смог карать зло ежедневно.

15. Территория племени Хаммар

Ритмичный бой барабанов звучал над саванной, ветер разносил дым десятков костров. Хаммар готовились к празднику. Кулфу объявил, что пришел час выказать последние почести умершим предкам и отправить их на другой берег к Сыну Солнца Тому. Мяса убитых на охоте буйволов должно хватить.

В саванне, недалеко от границ поселения племени, выросли невысокие пирамидки из камней. Дома духов. Чтобы закончить церемонию, осталось положить последний камень. Тот, что хранит в себе душу умершего. Но прежде необходимо выполнить ритуал, о котором расскажет Кулфу.

Келле нездоровилось с самого утра. Барабаны раздражали, отдаваясь вспышками боли внутри головы, едкий дым костров разъедал глаза и заставлял чихать. Все тело налилось какой-то непонятной тяжестью, шевелиться было трудно.

Люди хотели помочь Келле. Он тоже отправился в саванну, чтобы построить пирамиду – дом Афы. Но силы покинули его. Каждый камень, который ему удавалось найти в траве, казалось, весил несколько тонн. Келле удавалось пронести его самое большее пару метров, после чего ему приходилось присаживаться, чтобы отдышаться.

Маза рассказали всем, что произошло на охоте. Они восхищались Келле и – боялись его. Никто из маза так и не понял, отчего вдруг некая непонятная сила заставила их тела двигаться, направила их туда, куда было нужно. Им не приходилось думать или что-то решать, за них это сделали духи, пришедшие по зову Келле. Маза помнили, как их ноги стали быстрыми, будто лапы гепарда, а руки сильными, словно стадо слонов.

У Хаммар было мясо, были буйволы, даже одна молочная корова. Но они боялись духов, настроение которых очень переменчиво: сегодня они помогли на охоте, а завтра могут от обиды или еще по какой непонятной прихоти привести все племя к гибели. И вестником коварных духов оказался Келле.

Хаммар понимали, что, выказав уважение к юноше, которому благоволили духи, они могут надеяться на расположение предков. Но теперь они боялись Келле.

– Нам необходимо разделить мясо одного буйвола на части, чтобы каждому досталось по куску, – говорил Кулфу.

Сегодня колдун облачился в праздничное одеяние: голову украшала огненная грива густо намазанных охрой дредов, на шее висело ожерелье из зубов льва, плечи накрывала накидка из шкуры гепарда, на запястьях – золотые браслеты. Вещи из прошлого – сейчас Хаммар не смогли бы добыть ни одного из компонентов наряда. Разве что охру, но и ее еще нужно было найти. Хаммар стали слабыми, а мир вокруг них – диким. Племя умирало, это понимали все.

– Сожгите мясо на погребальном костре, а золу развейте по ветру в саванне. Накормите камень предка, успокойте голод духа и положите камень в жилище духов. Если Сын Солнца будет милостив к нам – духи найдут дорогу на другой берег реки, – продолжал вещать колдун.

Люди внимали каждому его слову, боясь что-то перепутать. Если духи останутся с живыми – беды не избежать. Разгневанные предки могут уничтожить все племя, могут наслать болезни, наводнение или засуху. Хаммар, выросшие в мире, где люди летали в космос и управляли самолетами силой мысли, искренне верили в духов. Они знали, что саванна населена этими невидимыми существами, что все живое подчиняется неслышным указаниям предков, что сама природа существует по воле Сына Солнца Тому, которому служат духи.

Они верили в это, они знали. А значит – так оно и было. Во всяком случае, в этой части мира.

«Прикажи им, останови безумие», – шептал назойливый голос внутри головы. Келле озирался, пытаясь найти того, кто это говорил, но вокруг была только трава да ветер, наполненный дымом погребальных костров.

– Мы должны проводить духов, – пробормотал Келле. Он старался уговорить самого себя. Выполнить обряд необходимо, он это понимал, но что-то внутри противилось.

«Пусть он прекратит!» – Голос внутри не просил. Он требовал. И он... Возможно, Келле лишь показалось, но голос, звучащий у него в голове, паниковал.

– Кто ты? – прошептал Келле, сдавливая голову ладонями. В висках пульсировала боль, перед глазами плыли темные круги. Едкий дым врывался в легкие, раздирая их изнутри.

Кожа под руками была горячей, гораздо теплее нагретого на солнце камня. Казалось, еще мгновение, и пот, что редкими капельками спускался по лбу, зашипит и обратится в пар. Юноша прикусил дрожащую нижнюю губу.

«Останови его, Келле, сынок».

Афа?

«Сейчас нет пути для нас. Останови церемонию!»

Отец?

Келле прислушивался к тихому голосу, которого словно бы и не было. Трава, шуршащая на ветру, стрекотание цикад, потрескивание земли под ногами – все эти звуки сливались воедино и обретали силу и смысл. Саванна говорила с ним. Духи хотели, чтобы их кто-нибудь услышал, они жаждали достучаться до оставшихся здесь, в реальности, до живых. Слышал их только Келле.

Но как же Кулфу? Он призван говорить с духами, он несет их волю племени. Что значат его слова, что значит церемония, которую он затеял? Обман?

«Обман! Кулфу не говорил с нами. Никогда. Ни сейчас, ни раньше!»

«Отец?» – Келле с ужасом понял, что не может вспомнить, как звучал голос отца, когда тот был жив. Поэтому он никак не мог узнать его теперь, когда Афа обратился в духа саванны.

«Да», – был ответ. Но саванна шептала и тысячами других голосов. Все духи их племени, все Хаммар, что не дошли до этих благословенных мест, были здесь. И говорили с Келле.

Юный маза выпрямился. Перед глазами все расплывалось, идти было трудно – казалось, что земля прыгает под ногами. И как жег горло дым костров!

Вот уже их деревня. Там, впереди, виден Кулфу. Колдун стоит среди собравшихся Хаммар и говорит от имени духов.

Лжец!

«Останови его!»

Как жарко. Келле провел ладонью по лбу – кожа мокрая, пот заливает глаза. Дышать становится все труднее.

– Остановитесь! – Келле кажется, что он кричит, но на самом деле из его горла вырывается лишь слабый хрип.

Но его слышали. Хаммар обернулись. Даже Кулфу прекратил свою лживую речь и воззрился на Келле.

– Остановитесь, – задыхаясь, прошептал юноша. – Духи не хотят отправляться на другой берег.

Ноги ослабли, стали ватными, и он опустился на землю, непрерывно вытирая заливающий глаза пот.

Все Хаммар были свидетелями того, что Келле общался с духами. Не верить ему нет никаких оснований.

– Если духи останутся среди нас, – возразил Кулфу, – может случиться беда.

Слова колдуна едва пробивают пелену и шорох тысячи голосов, которые говорят одновременно. Но они говорят об одном и том же:

«Останови их! Прекратите церемонию!»

«Лживый старик! Ты же ничего не знаешь о духах, ты ни разу в жизни не слышал их голоса. Откуда тебе знать, что будет, если предки останутся здесь?»

– Прекратите церемонию, – прошептал Келле.

Кулфу склонился над юношей. Он внимательно всмотрелся в его лицо, потрогал горячий, покрытый испариной лоб.

– Ты болен, Келле, – тихо сказал он и обратился к Хаммар: – Помогите отнести его в мой дом.

– Прекрати, – прошипел Келле.

Он уже плохо понимал, что происходит. Куда его несут? Люди мелькали вокруг, несколько раз в поле зрения появлялось лицо Кулфу. Все вокруг мельтешило и расплывалось. И только шепот духов становился все громче.

Келле уложили на пучке сухой травы, расстеленной в жилище колдуна.

– Закончите церемонию, – велел Кулфу людям, – вы теперь знаете, что надо делать.

– Но Келле сказал... – возразил кто-то из маза.

– Келле не колдун! – резко возразил Кулфу. – Он просто болен. Он бредит. Я попрошу духов забрать его болезнь. Иди!

– Духи не желают отправляться на другой берег, – тихо, но отчетливо произнес Келле.

Сомневавшийся маза остановился на пороге хижины.

– Духи никогда не хотят уходить! – зло крикнул Кулфу. Ему надоели сомнения его людей. – Они уже так давно среди нас, что забыли свой путь. Наша обязанность открыть им врата, отпустить к Сыну Солнца.

Маза вышел. Но Келле, отчаянно крутя головой, сказал колдуну:

– Сын Солнца сам решает, когда ему ждать своих слуг. Он, а не ты. Ты не колдун, Кулфу, ты не говоришь с духами.

– Келле, ты болен. Я помогу тебе. Успокойся, скоро все пройдет.

Колдун порывлся в разнообразной снеди, кучей валявшейся по всей хижине, нашел небольшой пузырек и открыл его. Внутри был насыпан белый порошок.

Он поднес Келле порошок и чашку с водой.

– Выпей это. Лекарство уймёт жар и убьёт болезнь.

Келле помотал головой. Кулфу улыбнулся.

– Выпей. Это лекарство. Оно из прошлого мира. У меня еще немного осталось. Духи тоже помогут тебе, но с лекарством им будет проще.

Голоса духов не затихали, но теперь они как будто отдалились, слились в монотонный шум. Теперь Келле не мог понять их слова.

Келле высыпал в рот горькое снадобье и быстро запил водой.

«Духам все равно, что я пью», – пришла в голову мысль, но слишком поздно – он уже успел проглотить порошок.

– Я слышу духов, – сказал он. – Они просят остановить церемонию, говорят, что время еще не пришло. Сейчас путь на другой берег закрыт для них.

– Успокойся, – усмехнулся колдун. – Это не духи, это болезнь говорит в тебе. Духов людям слышать не дано. Есть только знаки, которые они оставляют для нас. Я умею читать их, – он сделал ударение на слове я, – а не ты. Путь в иной мир не бывает закрыт. Тому всегда ждет своих слуг.

– Будет большая беда. Предки не смогут вернуться назад. И на другой берег они не попадут. Они сгинут в реке, – пробормотал Келле.

Кулфу, не ответив, вышел наружу.

Юноша, преодолевая боль, скрутившую все тело, сделавшую ноги слабыми и мешающую думать, поднялся. Нужно их остановить. Любой ценой. Если этого не сделать, Хаммар больше не станет. Сегодня, завтра – неважно, но придет день, и в мире не останется ни одного Хаммар. Народ, уничтожающий духов собственных предков, не может существовать дальше. Люди – это их Традиция, а Традиция – в людях. Эти две составляющие великого бытия не могут существовать друг без друга. И то, что делал Кулфу... Он обманывал свой народ, вел его к верной гибели. Он ошибался или делал все намеренно? Сейчас это неважно, важно остановить церемонию.

Келле тер шею. Ему казалось, там болтается толстый канат, который душит его. Но там

ничего не было. Пальцы натыкались лишь на ставшую вдруг слишком толстой кожу. Что с ним происходит?

«*Ты умираешь*», – прошептали духи.

Странно, но страха Келле не испытывал. Возможно, потому, что духи были с ним.

«*Но ты не умрешь*». – В голове засмеялся голос Афы. Теперь он узнал его. Так смеялся только он – отец Келле.

Конечно, он не умрет. Духи помогут ему, он нужен им здесь. Он нужен Хаммар, а духи, сколь бы хитры и коварны они ни стали в бесплотном существовании, тоже Хаммар, они должны заботиться о живых. Иначе кто позаботится о самих духах?

Язык стал большим и не помещался во рту. Лицо распухло, губы превратились в два неповоротливых комка грязи, глаза отекали и едва открывались. Келле судорожно тянул воздух, но, казалось, только тонкая струйка могла прорваться внутрь, чтобы наполнить кислородом кровь. Он задыхался, воздуха слишком мало.

Люди еще не успели уйти к погребальным кострам. Кто-то, увидев опухшего Келле, в ужасе завизжал. Наверное, сейчас он представлял собой жуткое зрелище.

Хаммар окружили юношу, но никто не приблизился. Люди боялись прикасаться к нему. Вокруг мельтешили лица, лица, лица... Кулфу. Он тоже здесь. В глазах колдуна застыл ужас – он не знал, что происходит с Келле. Смешно. Келле попытался улыбнуться, но раздувшиеся губы лишь скривились в адской ухмылке. Наверное, Хозяин Ночи выглядел краше, чем он сейчас.

– Остановите церемонию. – Голос Келле сделался хриплым и каркающим. Он изменился настолько, что юноша сам его не узнавал. Но звучал голос громко. Или это потому, что тихо вокруг? – Не нужно сейчас проводов! Затушите костры! Дым разъедает духам глаза!

Келле говорил что-то еще. Мысли путались. Он перемешивал свои ощущения со словами духов, но люди – все, даже Кулфу – внимали его словам. Они слушали, пока ставший огромным, раздувшийся Келле вдруг не умолк и не упал на землю без чувств. Тут же в пыль рухнули еще четырнадцать маза – те, чьими телами Келле управлял во время охоты.

– Мы не будем провожать духов на другой берег, – решительно заявил кто-то. Это было последнее слово. Хаммар, сомневавшиеся в правильности слов колдуна, начали расходиться, а Кулфу оставалось только одно – уступить.

В то же мгновение опухшее лицо Келле внезапно, словно по чьей-то команде, начало возвращаться к своим обычным размерам. Руки Хаммар подхватили его бездыханное тело. Юноша вздрогнул и судорожно задышал. А Кулфу остался там, где стоял. Ему казалось, что он слышит тихий, словно шелест ветра в траве, смех.

16. Побережье Африки

– Его нужно убить! – настаивал Мартин. – Застрелите его, капитан. Вы же видите, на что способен этот сукин сын. Он пускает нам пыль в глаза. Он не упустит своего шанса, если тот ему когда-нибудь представится.

– А если не представится? – спросил Мустафа.

Капитан вальяжно полулежал в ветвистых корнях мангового дерева. В руке он держал дымящуюся сигару – нашел в рюкзаке одного из убитых Моралесом бандитов.

Самого Моралеса, а вместе с ним и Гамми, связали. Оба пленника сейчас лежали здесь же, на опушке, под корнями соседнего дерева. Моряков особенно не волновал тот факт, что их бывшие порабитители слышали обсуждение своей судьбы. Разговаривать они не мешали, так как Куцев, который связывал пленников, предусмотрительно заткнул обоим рты. А что они услышат – все равно унесут в могилу. Не здесь, так дальше, в глубине материка. Куцев не очень-то верил в перспективу спасения.

– Он будет мертв – вот наилучшая гарантия того, что этот гад ничего не выкинет, –

возразил штурман. Простреленная Моралесом рука, судя по всему, болела, поэтому мнение Крайса можно было считать предвзятым.

– Ну да. – Капитан длинно и шумно выпустил вверх струю ароматного дыма. – С вами сложно не согласиться. Но вам его не жаль?

Мустафа улыбнулся. Виктор не понял – чему. Не то ему казался смешным факт, что Моралеса может быть жаль, не то он просто издевался над Мартином.

– Нет, – коротко ответил штурман и отвернулся.

Ему было жаль. Еще как было. Он штурман, а не убийца, рука болит, ее прострелил ненавистный Моралес, но убивать людей Крайс не привык. Не научился. Сам убить не смог бы, только советовать. А он, Виктор Куцев? Наверное, да, смог бы. В памяти предательски возникли обрывки воспоминаний его бурной молодости. Те, что он всеми силами прятал. От себя самого, прежде всего. Смог бы. Однозначно – смог. И убивал.

– У нас много вещей. Нам все не унести, – встрял в разговор Куцев.

– Вот, – поднял вверх указательный палец Мустафа. – Ты прав, Виктор.

– Правильно, – сказал Али и сбросил с плеч раздутый и тяжелый рюкзак. – Пускай несет.

– И еще один момент, – добавил Мустафа, затягиваясь. – Что с навигацией, штурман?

Мартин взглянул на экран прибора, настойчиво моргавшего светодиодами, предвещающим скорое отключение из-за севшего аккумулятора, и покачал головой.

– Пару часов назад два спутника опять исчезли. Возможно, науковцы проводят какую-то настройку.

– Мы знаем об этих местах только по картам. А Моралес здесь жил и работал долгие годы. Ведь так, Моралес, ты знаешь, где искать цивилизацию?

Связанный, лежащий в позе эмбриона надзиратель интенсивно закивал и что-то промывчал. Жить хочет. Понятное дело, кто ж не хочет?

– Вот видите, Мартин, нам не обойтись без его помощи. А ваша простреленная рука... ну, можете ударить его в отместку. Только не переусердствуйте, а то он потеряет ценность как вьючное животное.

Крайс поджал губы и отвернулся. Нет, он точно не смог бы убить. Вот так, безоружного связанного человека. Скорее всего, даже с целью самозащиты не смог бы. «Выставлять Мартина в охранение лагеря не стоит», – подумал Куцев.

– Еще один вопрос повестки – что делать со вторым. У которого номер один-три-семь-шесть на лбу написан. Он тоже пробыл в Африке энное количество лет, но за пределы тюрьмы не выходил, так что в ориентировке на местности этот – существо совершенно бесполезное.

Где это Мустафа набрался таких словечек: «животное», «существо»? Он говорил о человеке, пусть и преступнике, бывшем заключенном, словно тот был куклой или самое большее домашней зверушкой. Сколько Куцев знал капитана, с детства, когда он капитаном еще не был, тот был отзывчивым и добрым парнем. Виктор не мог вспомнить, чтобы известный ему доселе Мустафа называл человека существом.

– Оставьте его, капитан, – неожиданно рьяно вступился Али. – Он тоже вещи нести будет.

– Но он и есть будет, – размышлял Мустафа. – Стоит его оставить, если он будет нести больше, чем съест.

– Он вон, тощий какой, – сказал Али. – Много вряд ли ест.

Капитан усмехнулся, а Виктор подумал, отчего это Али вдруг вступился за Гамми.

– Хорошо, – подвел итог капитан, – пока оставим обоих. Там видно будет, какой от них прок.

И кивнул Куцеву.

– Вытащи кляп у нашего уважаемого надзирателя, грозы преступников всего мира.

Куцев подумал, что работа с пленными, похоже, теперь вменяется ему лично. Он вынул скомканную тряпку, которой был заткнут рот Моралеса. Тот, сморщившись, с отвращением

начал отплевывать набившийся в рот ворс.

– Тебя как зовут? – спросил Мустафа у Моралеса.

– Хоакин.

– Скажи, Хоакин, здесь есть человеческие поселения? Цивилизация вообще есть на этом гребаном континенте?

– Была. А после землетрясения я из окрестностей «Африки» не выбирался.

– И как далеко отсюда она была?

– В сотне километров на юго-запад от тюрьмы был какой-то городок. Названия не помню. Ближе, но отсюда на запад, были карьеры. Там рядом ютились временные поселения обслуживающего персонала. Но у них имелось полное снабжение. Я там бывал пару раз по работе. И туда вела хорошая дорога – руду, после обработки – чего там с ней делали, я не специалист – везли сразу в Момбасу, в порт.

– Найти дорогу сможешь?

– Ну... – Моралес пожал плечами, насколько это было возможно со связанными за спиной руками. – После землетрясения здесь все сильно изменилось.

– Да уж, мы заметили. Мартин дай ему карту.

Крайс полез в рюкзак за коммуникатором. Все приборы приходилось выключать, когда в них не было необходимости – заряжать аккумуляторы было негде.

– И развяжите ему руки.

Не ожидая указаний в свой адрес, Куцев пошел освобождать пленника.

– Найди здесь эту дорогу, – сказал капитан Моралесу.

На экране отображался вид на местность со спутника. Картинка полуторалетней давности. Тогда берег, где сейчас они сидели, располагался в глубине материка, хотя Афарский треугольник уже провалился, образовав Африканское море. На картинке было видно не менее десятка дорог, несколько раз пересекающихся.

Моралес, не отрывая глаз от экрана коммуникатора, потер затекшие запястья. «Человек действия, – подумал Куцев, – решительный и деятельный, ни минуты простоя. Другой на его месте сначала занялся бы исключительно руками». Сам Куцев, пожалуй, сделал бы именно так. Тем более что старается он не для себя. Впрочем, поправился Виктор, и для себя тоже – выйти из этих диких мест Моралес хотел не меньше, чем моряки.

Бывший надзиратель, закусив нижнюю губу и наморщив лоб, водил глазами по карте, что-то прикидывая в уме. Наконец он прочертил пальцем грязную полосу на экране коммуникатора и, ткнув в выбранное им место, сообщил:

– Пожалуй, это она.

Эмоции, окончательно понял Куцев, не прерогатива этого человека. Таким тоном, каким произнес фразу Моралес, можно было бы обсуждать достоинства качества йогурта, выданного за завтраком: «Пожалуй, сегодня подавали нужный сорт йогурта», – а не дорогу, которая, возможно, спасет им жизнь.

– Мартин, сориентируйтесь на местности. Али – займись завтраком. Виктор – разбери оружие и распредели вещи, – Мустафа снова занял руководящий пост.

Под корнями засуетился связанный Гамми. Кляп все так же не давал ему права голоса.

– Чего хочет *этот*? – поинтересовался капитан.

«Нет, Мустафа определенно очень изменился. Здесь, в Африке? Или это случилось давно, только в нормальной жизни в глаза не бросалось?» – подумал Куцев и подошел к заключенному, чтобы освободить его от кляпа.

И снова вернулось странное навязчивое чувство, что их с Мустафой встречу в Ланданабадском пабе четыре года назад кто-то подстроил. Не к добру это – каждый раз, как начинала обостряться непонятная паранойя, следовал приступ. Синдин, мать его, убийца и обольститель. Тело помнит его, разум – понимающий и не желающий его знать – пытается сдаться, хочет проиграть. И только воля...

Виктор лихорадочно растер лицо. Щеки немного занемели, но в целом пока можно было терпеть. Одна надежда – на волю. И на болеутоляющее, на те таблеточки с резиновым

привкусом.

Холодный пот прошиб Виктора – а вдруг забыл?! Он резко содрал со спины рюкзак, который, казалось, уже к ней приклеился, расстегнул молнию и пошарил внутри рукой. Вот он, небольшой тубик. Ладонь с благоговением погладила прохладную поверхность. Не время еще, не сейчас.

Рюкзак Куцев положил на переплетение ветвей – незачем таскать тяжесть на привале. Память подсказывала о чем-то еще, о какой-то вещи в рюкзаке, но она не была важна. Хотя нет – он ведь положил туда фотографию родителей! Снова взвизгнула молния. Рамка на месте, стекло не разбилось.

– Не нужно тратить консервы, – шепелявя пересохшими языком и губами, сказал Гамми, когда Куцев вытащил из его рта тряпку. – Здесь полно еды.

– Где? – не понял его Виктор.

– Здесь. Вокруг. Посмотрите – здесь живности хватит, чтобы прокормить полк.

Куцев оглянулся, рассматривая заросли пристальней. Действительно, чуть не под каждой веткой сидел если не краб, то какая-то маленькая рыбка, смешно подпрыгивающая в грязи. А уж насекомых здесь... Нет, насекомых он есть не будет. Во всяком случае, пока. Не оголодали они настолько.

«Но Гамми и Моралес прожили на острове, почти в пустыне, два года, – подумал он. – Наверное, им и не такое приходилось есть».

А ведь Гамми безусловно поднаторел в поисках подножного корма. Если суждено застрять в этих диких зарослях надолго, цены ему в вопросах добычи пропитания не будет.

Куцев аккуратно развязал – веревка могла понадобиться еще – путы, стягивающие руки и ноги заключенного. «Бывшего заключенного», – решил он. Они оба теперь здесь с ограниченной свободой.

– Иди, помогай Али, – сказал Виктор Гамми. – Тебя как зовут?

– Гамми.

– Это имя?

Седовласый человек улыбнулся. «А ведь ему не так много лет, – подумал Куцев, рассматривая довольно молодое, почти без морщин, лицо, обрамленное нечесаной копной седых волос. – Лет тридцать пять – тридцать семь. Не больше. Мой ровесник».

– Нет, это прозвище. Я на детской студии редактором работал. А имя... Сергей меня зовут.

– Виктор, – представился Куцев и протянул руку. Гамми серьезно пожал ее.

Куцев не понял связи между детской студией и кличкой Сергея, но подумал о том, как странно может повернуться судьба: человек из благополучного мира, с до безобразия мирной профессией и – заключенный «Африки». Где бы был он сам, если бы не та встреча с Мустафой?

Опять!

– Иди, помогай Али, – повторил Куцев и полез в рюкзак за обезболивающим.

17. Восемь дней назад. Пригород Пекина

Два человека всматривались в большой голографический экран, лежащий горизонтально, словно стол, изучая что-то в переплетениях объемного узора. Один из них – довольно молодой, невысокий и худой, – покусывая ноготь на указательном пальце правой руки, с интересом водил левой по картинке, замеряя и прикидывая расстояния. Второй – много старше, грузноватый – стоял немного поодаль, заложив руки за спину и смотря на голоэкранный с некоторой долей самодовольства: то, что отображалось, было его заслугой.

– Вы думаете, это он? – наконец нарушил молчание молодой.

– Мы не уверены, – ответил второй. – Но все факты указывают на то, что больше никому.

Молодой улыбнулся. В его улыбке без труда можно было разглядеть нечто хищное. Он

словно бы предвкушал некий пир, на котором врагу предстояло выступить в качестве основного блюда.

– Но как вы его нашли?! – удивился молодой. – Я потрясен вашей прозорливостью, товарищ Фа!

Фа, похоже, нисколько не был смущен лестью молодого человека. Да и лестью это, собственно, не являлось – действительно товарищ Фа приложил немало усилий и ума для того, чтобы сейчас показывать эту карту. Точнее, чтобы знать, что показывать.

– Это не прозорливость, Хэ. Это упорный и кропотливый труд.

Хэ почтительно склонил голову.

– Вот, смотри, – Фа резко двинул пальцем, и объемная карта сползла немного в сторону. – Впервые мы обнаружили это здесь.

Перед ними одиноко возвышалась посреди равнины гора, с неровным, осыпавшимся когда-то южным склоном. Фа показывал на область, расположенную недалеко от самой горы, километрах в двадцати от ее подножия к северу. Со всех сторон выбранную им точку окружали глубокие, изрытые правильными террасами ямы. Карьеры. Лишь небольшой участок среди этой технологической вакханалии оставался нетронутым. Именно его Фа и показывал своему молодому визави.

– Но как вы нашли его?! – удивился Хэ. – Здесь же ничего нет. Только карьеры и каменистая пустыня?

– Это саванна. Хотя ты прав – здесь она каменистая. На самом деле мы не можем быть уверены, что они окопались здесь. Тот, кто создавал все это, хорошо постарался. *Очень хорошо*. Простым осмотром здесь ничего не добиться. Их выдали две вещи – температура и...

– Температура? – переспросил Хэ и смутился, поняв, что перебил старшего: – Простите, товарищ Фа.

Пожилой едва заметно кивнул – Хэ был прощен.

– Да, именно температура. В этой зоне, – Фа отдал команду голографическому проектору через «балалайку», и карта раскрасилась в иные цвета: от черного к красному, – несколько более горячих участков, чем вся остальная саванна. Здесь нет вулканов. Откуда тогда тепло?

На карте, переключенной в режим теплограммы, зону интереса окружали несколько более красных, чем основная палитра, участков.

– Кроме того, мы проанализировали количество углекислого газа в атмосфере над этим местом. Полученные данные вкупе с теплограммой подтверждают мое предположение. В тех же точках концентрация углекислоты выше, хотя уловить это трудно – газ быстро растворяется в атмосфере.

– Они дышат, – догадался Хэ.

– Именно, – улыбнулся Фа. Ему было приятно, что молодой человек понимает его мысли.

Хэ был товарищу Фа как сын. Они познакомились, когда Фа был моложе, тогда он не считал себя стариком, а Хэ и вовсе был совсем еще юнцом. Фа разглядел в молодом человеке, диковатом, почти потерявшем себя в вакханалии уличных бандитских войн и синдине, неустрашимого и верного воина. Именно воином был Хэ.

Несмотря на внешнюю сдержанность, молодой человек был отличным бойцом. И способ ведения войны его интересовал в последнюю очередь – он был хорош как в рукопашной, так и в качестве оператора ракетных комплексов в тактическом бою с применением ядерного оружия. Он чувствовал бой, его сила скрывалась не в мышцах, но в голове и сердце.

Фа собирал информацию обо всем необычном. О людях, о явлениях, о вещах. Он много мог бы рассказать. Его ценили в Народной Республике, пользовались его услугами. Он был тенью – ни в каких документах имя Фа не упоминалось, но много где можно было найти следы его участия.

Так он узнал о драном воробье с отвагой дракона. Фа заинтересовался молодым преступником, познакомился с ним. С первого взгляда было понятно, что Хэ от дракона досталась не только сила – его сердце тоже принадлежало этому величавому богу. Он был избранником богов, но однажды потерял путь, который боги показали ему. На счастье юного Хэ, в Поднебесной был Фа. Старик немного разбирался в сложностях путей, что изобретали для людей боги. И он не ошибся в своем выборе.

Стремление к цели и уважение к богам – вот две составляющие, двигавшие мир вперед. Фа был уверен в этом, он знал наверняка. И Хэ проникся этой мыслью. Он стал лучшим, самым преданным, самым сильным. Никто не знал имени Хэ, каждый раз молодой дракон назывался новым. Тем, что подсказывал ему Фа. Но в этот раз он должен выполнить предначертанное под собственным именем.

– К сожалению, – продолжил Фа, – мы потеряли слишком много времени. Мы искали не там. Африка сильно пострадала от Катастрофы, устроенной Чудовищем, даже эта гора – ты видишь? – сильно разрушена. Я считал, что здесь лаборатория сохраниться не могла. Похоже, я ошибался – они слишком хорошо подготовились.

– Чудовище? – Хэ не понимал всех тонкостей и переплетений Традиций. Тем более чужих.

– Нет, – сказал Фа, но тут же осекся: – Вряд ли. Чудовищу больше не нужен этот мир, оно выполнило свое предназначение. Разве что в виде развлечения...

– У нас есть информация с места? – спросил Хэ.

Умный мальчик. Не лезет на рожон. К чему рисковать, прыгая очертя голову с обрыва в мутную воду, если сначала можно узнать, что скрывает река на дне? И совсем необязательно самому спускаться вниз.

Но не в этот раз.

– Нет. Это, – Фа указал ладонью на голограмму, занимающую полкомнаты, – все, чем мы располагаем. Самые свежие данные. К счастью, нам удалось заблокировать систему слежения еще полтора года назад, а навигационные спутники в этой зоне наши машинисты пока успешно сбивают с толку. Да и «Науком» помогает – затеяли передислокацию всей системы. Информация эксклюзивна – для всех остальных спутники недоступны. Это случайность.

Случайность для людей или выбор богов?

– Беспилотные зонды?

Фа легонько покачал головой. Но от молодого человека не ускользнуло движение наставника – Хэ всегда спешил, он был нетерпелив. Привычка, выработанная в пору его существования в банде, где прав тот, кто сказал первым и громко (если, конечно, после этого остался в живых), никак не хотела исчезать. Он понимал, что товарищ Фа много опытней, он его наставник, все, что нужно, он сообщит сам. А если Фа чего-то не говорит, значит, Хэ этого не нужно знать. И спрашивать старшего, особенно предполагая его недогадливость и недалекость – верх бестактности.

Будь на месте Хэ кто-нибудь другой, в лучшем случае, его бы больше никогда не ждали в этом доме. Но юному дракону прощалось все.

– Простите, учитель, – Хэ склонил голову. Он был пристыжен.

– Беспилотные зонды, – наставник оставил реплику молодого человека без внимания, – исчезли. Понятно, что нагло вторгаться в логово не стоит – можно спугнуть важную птицу. Но ведь зонды иногда теряются. Здесь, – палец Фа пронзил изображение полуразрушенной горы, – все три зонда потерялись на самом деле. Это ведь тоже наводит на некоторые подозрения?

– Несомненно. Не прячься надежней, чем это необходимо.

Фа улыбнулся – умный мальчик.

– Отправлять в Африку экспедицию бессмысленно.

Хэ кивнул. Это было понятно даже ребенку. Любую диверсионную группу вычислят на подступах. Захват ничего не решит – сама лаборатория никому не нужна. Нужна

информация, данные, что хранятся в ее сети. А с информацией расставаться никто не желает – одна команда с «балалайки» хозяина, нажатие одной клавиши, и захватчики получают только пустое место на дисках. Даже тот, кого Фа искал столько лет – он ценен, именно он создает новые технологии, которые не знали равных, он, без сомнения, знает всю кухню и без сонма файлов, но воспроизведение всего цикла из памяти наверняка займет не один год. Технологии, которые они искали, были слишком сложными.

Когда на кону стоит так много – в этом мире у всех есть хозяева. Даже у самих хозяев. До верха добраться могут лишь единицы. И это не преувеличение – истинных хозяев мира можно пересчитать по пальцам на одной руке. Да и то, хватит руки калеки с неполным набором перстов. В общем, заполучить профессора живьем им вряд ли удастся.

Тогда зачем наставник рассказывал это все Хэ?

Молодой человек открыл было рот, но в этот раз сдержался. Наставник сам объяснит все, что нужно.

– Возьмешь «Лэйгун», – сказал Фа.

Глаза Хэ загорелись.

– Да, да, «Лэйгун». Ты же давно хотел опробовать нашу новую машину в деле. Председатель дал добро.

Разумеется, с такой машиной, как «Лэйгун», требовалось личное разрешение Председателя. Самолет существовал всего в двух экземплярах. Секретный проект Поднебесной, сила, способная сокрушить целые армии противника, «Лэйгун» как бы не существовал. Был орбитальный истребитель, от которого никто не ждал того, что умел «Лэйгун». И использование таинственной машины в любом внешнем деле значило только одно – проект мог перестать быть секретным. Это не умаляло достоинств истребителя, но лишало его главного преимущества – неожиданности. На войне нет ничего более страшного, чем непредугаданный ход соперника.

– Через семь дней при посадке случится авария на «Чанчень». Тебе предстоит спасти тайконавта. Это преданный сын Народной Республики. Условия в точке несанкционированной посадки суровые.

– Тайконавт?

– Разумеется, погибнет. Условия суровые, – повторил Фа. – Верный солдат готов совершить подвиг ради своей страны.

Хэ кивнул. Правильно – лишняя нагрузка будет только тормозить операцию. Сам тайконавт вряд ли знает об ожидающей его участи. Но настоящий китаец всегда готов к подобному повороту событий – в этом Фа прав, говоря о верном солдате.

Молодой дракон прикинул в уме, во сколько юаней обойдется вся операция. Даже с учетом того, что многих деталей он не знал – а значит, и не считал их, – сумма получалась астрономической.

– Неужели это того стоит? – пробормотал он.

Фа взял молодого человека под руку и повел прочь из комнаты. Они неспешно миновали еще одну большую и светлую комнату, затем вышли в длинный темный коридор с деревянной лестницей, ведущей на второй этаж, и пошли дальше – к выходу в большой просторный сад.

Хэ неоднократно отмечал, что в этом странном небольшом доме ничего не было сделано просто так. Каждая деталь интерьера, каждая вещь, лежащая на специально отведенном ей месте, создавала неповторимый уют и... И что-то еще было во всем этом. Хэ никак не мог понять – что.

Говоря о таинственных особенностях дома, достаточно упомянуть тот факт, что после Катастрофы, когда Пекин и его окрестности изрядно трянуло, он был единственным из целой череды правительственных резиденций в этом районе, который никак не пострадал. Несмотря на суперсовременные проекты и сверхсейсмоустойчивые конструкции соседних особняков.

И сад...

– У дома невероятная аура, – сказал Хэ, когда они вышли наружу. Молодой человек плохо разбирался в таких высоких материях, как ауры, но этот дом он действительно чувствовал. Дом был как будто живой, напоминал могучего дремлющего зверя, добродушного и милого, но лишь для своих. Дракона.

– Это дом генерала Ляо.

На лице Хэ отразилось немое удивление. Удивление и восхищение. Хэ знал, кто такой Ляо. Вернее, кем он был. Великий человек. Ляо исчез. Скорее всего, его больше нет в числе живых. Однако, если верить Фа, Ляо невозможно убить. Исчезновение великого человека приписывалось Чудовищу.

– Этот проект много дороже, чем ты можешь себе представить, – все-таки Фа слышал оброненную Хэ фразу. И не оставил ее без внимания. Значит, молодому дракону нужно знать о цене, которую заплатит его народ. – Но проект того стоит. Ты знаешь, что русские затеяли возню у самых наших границ. Санкт-Петербург слаб и беспомощен. Россия не представляет особой угрозы, они сами в себя не верят. Но эта их новая Сибирская Республика...

Фа покачал головой.

– Собирище целеустремленных, деятельных обезьян. У них нет ничего, у них нет собственной Традиции. Это и пугает – пустота засасывает, она растворяет в себе.

– Но ведь мы вместе с сибиряками строим железнодорожную ветку на Станцию. В лучшую жизнь. Они помогают нам спасти наш народ, – удивился Хэ.

– Наше спасение здесь, здесь наша Традиция. А миры, которые открыло Чудовище...

– Но... – начал было Хэ, но наставник словно и не слышал его.

– Мне страшно, Хэ. Но мы справимся. И то, что ты добудешь для нас в Африке, сделает нас непобедимыми.

18. В последние пару дней. Тюремный остров

Через проем окна, кое-как закрытый куском треснувшего, зазубренного по краям стекла, четверка была видна хорошо. Илюмжинов, как обычно, во главе. Не надо обладать сверхъестественным слухом, чтобы понять, о чем они там говорят.

Вайс нервно выстукивал на столешнице какой-то маршевый ритм, зубы остервенело грызли нижнюю губу, глаза неотрывно наблюдали за происходящим снаружи. Иоганн не знал, что делать. У него имелось несколько вариантов решения проблемы, но он никак не мог решить, какой предпочтительней.

Моралеса не было уже второй день. Разговоры ходили разные, но у Вайса особых сомнений не вызывало, что Хоакин не вернется. Что с ним случилось – это уже вопрос десятый. Первым в повестке стояло – как остаться живым ему самому.

Как удержать власть, призрачную и совершенно ему ненужную, уже не волновало. Вайс к власти никогда не стремился и, если бы не Моралес...

А что Моралес? Ведь Иоганн сам выбрал этот путь – путь страха за себя и чувства превосходства перед другими. Он дрожал от одного только взгляда босса, от Моралеса исходило постоянное ощущение угрозы, из страха Вайс выполнял все его прихоти, был готов исполнить любой приказ. Иногда даже предвосхищал повеления начальника, надеясь снискать похвалу. Но на похвалу Моралес был скуп. Сволочью он был, надо сказать, порядочной, этот Моралес.

Иоганн резко стукнул кулаком по столу. Моралесовому, кстати, столу. Со стопки в углу посыпались бумаги.

Все у него тут аккуратненько, все учтено, разложено по полочкам. Вайс, не глядя, вернул упавшие листки на место – чего их читать, большую часть он сам и написал. Личный ординарец Моралеса. Доверенное лицо по особым поручениям самого короля «Африки»! Вот теперь приходится расхлебывать близость к августейшей, так сказать, особе.

Итак, настало время действовать. Только как? Моралес никогда ни с кем не советовался. Никто не знал, что босс выкинет в следующий момент. А решения у него были

предельно жесткие, но, надо отдать ему должное, и – предельно эффективные. А что мог он, Вайс? Слабый, не приспособленный к военным условиям машинист?

«Так, не раскисать!» – сказал он сам себе.

Вариантов на самом деле было не так уж много. Сразу расстрелять заговорщиков – вон, их там уже семеро собралось. Те тоже мнутя, не решаются революцию устраивать. Может быть, все обойдется? Нет, нечего себя утешать, все держится на страхе перед Моралесом – прошло всего три дня, а вдруг он вернется? Пока еще время есть, но с каждым часом надежды все меньше.

Добровольно отречься от власти и объявить выборы нового правителя? Да не нужна ему эта власть, нате, забирайте! И заберут, долго упрашивать не придется. Только его в живых не оставят – зачем нужен Вайс, он слишком много знает. Нет, отречение это заведомый проигрыш.

Иоганн был убежден, что оба варианта только спровоцируют хаос – урки тут же начнут войну, выясняя, какая из группировок круче. Так что тогда?!

Нужно найти Хоакина. Куда бы тот ни запропастился. Куда, в конце концов, он мог деться с острова?

Вайс видел только один вариант избежать проблем – отправиться на поиски Моралеса. Если босса все-таки удастся найти, это устранил ненужные трудности и возвысит его в глазах самого Хоакина. Если не удастся – как минимум Вайс сможет избежать прямого столкновения с претендентами на опустевший престол, его просто не будет здесь во время мятежа. Хотя это будет уже не мятеж, это будет вакханалия.

– Гаарс, займись сборами, – сказал Иоганн одному из охранников Администрации поселения «Африка». Именно так Моралес предпочитал называть этот сарай. – Мы отправляемся на поиски босса.

Гаарс, вечно насупленный детина с огромными кулачищами, бросил недоброжелательный взгляд на нового начальника, но, ничего не сказав, вышел из кабинета. Моралесова, опять же, кабинета. Никто не желает признавать здесь Вайса. Даже эти мордовороты, прикормленные Хоакином. Не все из них были профессиональными бойцами. Большинство вообще не отличалось какой-то особенной физической силой. У них была только одна общая особенность – все были готовы без колебаний отдать за Моралеса жизнь.

Хоакин умел найти подход к каждому. В этом ему не откажешь. Бывало, что даже боссу изменяло природное чутье – он не знал, чем взять очередного проходимца. Вернее, с чутьем у Моралеса как раз было все в порядке – лишних в «Африке» не водилось, если не знаешь, чем себя занять, причем так, чтобы быть полезным всему Поселению и Моралесу лично, то жизнь – развлечение не для тебя. Если босс не находил применения человеку, значит, это не человек. Это еда.

Те, кто выжил во времена великой чистки первых месяцев после землетрясения, боготворили Моралеса. Не все, но большинство. Остальные были живы лишь по одной причине – они зачем-то понадобились боссу. Кто-то этого не понимал, однако сути вопроса их непонимание не меняло.

А Вайс так не умел. Не знал он, чем занять людей, чем привлечь их. Как убедить, что нужен им. Ведь он и сам сомневался в собственной нужности. Вот Хоакин сомнений не ведал. Если бил, то бил сразу, без замаха. Если любил, то... Хотя, никого этот гад не любил.

Экспедицию собрали пару часов спустя. Илюмжинов все так же топтался под окнами Администрации вместе с медленно, но неуклонно растущей сворой поклонников нового порядка. Ничего, подождите немного, и место за этим вот исцарапанным столом будет ваше.

Утро давно уступило место полудню, но Иоганн решил выходить немедленно. Каждая минута на счету – каждое мгновение ожидания приближало час его свержения.

Нагрузились самодельными рюкзаками, заполненными в основном едой и оружием.

– Куда идем? – спросил Гаарс, когда они вышли за пределы Поселения.

Это был единственный вопрос, на который Вайс мог ответить, не испытывая сомнений. Просто он знал. Уходя, Моралес сообщил ординарцу, остающемуся за старшего, куда

отправляется.

– К берегу. На восток.

Гаарс недоверчиво посмотрел в глаза Иоганну, пожал плечами и пошел в указанном направлении. Остальные, пятеро из охраны Администрации, пошли за ним. Вайса они не считали начальником – никто не стал ждать его.

Иоганн, сняв свой «дыродел» с предохранителя и передернув затвор – пускай оружие будет готово стрелять в любой момент, – пошел следом.

Привалов на ночь не делали. Солнце еще не успело подняться высоко, когда, миновав очередной пригорок, они увидели тонкую голубую полосу моря. Следов отряда Моралеса не обнаружили, но это нормально – если босс также предпочел не устраивать привалов, особых следов и не было. Более того, нет никакой гарантии, что их отряд шел той же дорогой, что и предшественники.

– Вайс, люди устали, – сообщил делегированный к липовому начальнику, идущему метрах в тридцати сзади, Гаарс. – Надо бы остановиться, завтрак устроить.

А то он не знал. Сам устал как собака. Иоганн еле волочил ноги. Он не хотел останавливаться, боялся, что может уснуть и потерять контроль над отрядом. Как будто он у него был, этот контроль.

– Хорошо, – возражать мнению большинства Вайс все-таки не решился. – Полчаса. Нам нужно спешить – у босса давно должна была закончиться вода, а пополнить запасы здесь негде.

Кто бы мог подумать, что он будет так печься о судьбе Моралеса. Ненавистного садиста. Не было дня, чтобы Вайс в мыслях не пожелал ему смерти. А вот, оказывается, как все обернулось – без Моралеса, страшного и отвратительного, Иоганн был никто. Даже меньше, чем пустое место: он был бельмом на глазу всей колонии. Смерть – вот единственная судьба для него.

«Но кто, черт возьми, сделал так, что тебя ненавидит все Поселение?!» – мысленно закричал Вайс. Только другой голос внутри тут же ответил ему:

«Тебя бы давно сожрали, если бы не Моралес».

После привала отряд спустился с высокого вала на широкий песчаный пляж. Долго по берегу идти не пришлось – следы пребывания здесь отряда Моралеса нашлись быстро. Истоптаный песок у самой кромки прибоя, три трупа и оранжевый катер. Судя по цвету – спасательный.

Трупы опознать было несложно. Двое из отряда босса и этот слабоумный здоровяк, что жил где-то в горах в глубине острова. Бублик, кажется. Все трое застрелены из «дыродела». Возможно, стреляли те, кто приплыл сюда на шлюпке. Остается лишь вопрос, куда они делись после этого. И куда вместе с ними подевался Моралес. Кстати, вспомнил Вайс, во всем отряде «дыродел» был только у босса. Он это точно знал, сам выдавал всем оружие. И положенные отметки в таблице сделал – кому, что и сколько патронов. Прихоть босса: всему строгий учет.

И вот, что еще непонятно – откуда приплыла шлюпка?

Иоганн внимательно рассматривал следы на песке. Натоптано было, словно здесь ходило целое стадо, а не небольшой отряд. Вот, четыре гильзы от «дыродела». Правильно, у Бублика в груди две дыры. Стреляли отсюда, недалеко от катера. А это что?

Рядом со стоявшей шлюпкой на песке не очень отчетливо, но вполне заметно красовалась полуразмытая прибоем вмятина. Вайс не сомневался, что, если сдвинуть стоящую кормой в воде шлюпку в море, останется точно такая же полоса. Только немного почетче.

Стало быть, шлюпки было две. Вот и понятно, куда подевались хозяева катера. Скорее всего, с ними уплыли Моралес, Садах и Штрайх. Их захватили?

Вайсу слабо верилось, что Моралеса мог кто-то захватить. Этот дьявол словно видел все ходы врага на два шага вперед. Он знал о намерениях противника еще до того, как противник вообще появлялся. Упреждающий удар – вот его надежное и безотказное оружие.

Три трупа, аккуратно сложенные в рядок за пригорком, могли навести на мысль, что природная расчетливость и прозорливость на этот раз изменили боссу. Но Вайс себя не обманывал – всех троих убил Моралес. Это очевидно. Он не знал, зачем Хоакин поступил именно так, но был уверен, что причины у того были.

Факт ярким, угнетающим волю пятном висел прямо в воздухе – Моралес их бросил. Сбежал. Удрал в море. А они теперь предоставлены сами себе.

Что это он такое бормочет? Кто такой Моралес, бог, дьявол?! Он обычный человек, сумевший подчинить себе полторы сотни преступников, чудесным образом выживших в страшной Катастрофе. Сумевший подчинить ПОЛТОРЫ СОТНИ уголовников!

Нет, босс был непростым человеком. Да и человеком ли он был – перед глазами Вайса проплыли сцены из его ночных кошмаров. Да, каждую ночь он просыпался в холодном поту, снова и снова видя, как толпа обезумевших от страха и голода истощенных людей, потерявших всякое подобие человеческого облика, голыми руками рвут на части тела тех, кого Моралес отдал на пропитание. Еще живые тела. И глаза Хоакина: застывшие, смотрящие поверх копошащейся людской массы, измазанной кровью. Он всегда смотрел сквозь людей, никогда – в глаза собеседнику.

Иоганн понимал, что тогда иначе было нельзя, еды слишком мало, а ртов много. Нужно было как-то уравновесить число едоков и запасы пищи. Но не таким же образом!

Однако упорный голос внутри продолжал твердить, продолжал шептать, каждую ночь повторяя одно и то же: «Мы выжили». И не только выжили, но и смогли построить какое-то, пусть и жалкое, подобие стабильного общества.

Только страх, сковывающий, не дающий мыслить и сводящий спазмом желудок, никуда не делся. Иоганн хорошо помнил, как вскакивал по каждому зову босса, исполнял каждую его прихоть, старался из последних сил. Если бы нужно было порвать анус, чтобы выполнить очередное задание Хоакина, он бы, не раздумывая, сделал и это. Что угодно, лишь бы не стать *едой*.

Вайс потряс головой, прогоняя не вовремя нахлынувшее наваждение. Ненавистный Моралес, посланник ада. Где он, сволочь?! Почему он бросил своих рабов в столь неподходящее время?!

Иоганн понял, что рассудок его немного помутился.

– Пошли, – кто-то дернул его за плечо. Гаарс.

Тупой уголовник. Он же ничего не понял, он еще надеется найти своего пахана. В этом весь Моралес – для уголовников он был паханом, для слабых духом – отцом и защитником, для нерешительных – указующим перстом, для интеллектуального меньшинства колонии – гадом, но удобным компромиссом между властью урок и хаосом.

– Куда?

– Будем искать босса. Его труп мы не нашли, значит, им удалось скрыться.

Логик, мать его. Вайс пожал плечами. Ему, собственно, теперь все равно. Пошли так пошли.

В воздухе коротко просвистело и с сухим треском стукнуло о борт катера. Тяжелый корпус шлюпки слегка вздрогнул, а прямо напротив Вайса на оранжевой поверхности борта образовалась маленькая круглая дырочка. Тело среагировало раньше, чем Иоганн успел понять, что это такое. Он больно стукнулся животом о влажный песок, крикнув от удара, и только тогда его осенило – дырка от пули.

Его отряд бросился врассыпную. Гаарс рванулся к нему, видимо, решив укрыться за катером. Но спринт уголовника окончился неудачей – тело Гаарса с лопнувшей, словно переспевший арбуз, головой, рухнуло у самого носа шлюпки.

Черт, из чего они там стреляют? Нашли разрывные пули? Не иначе.

– Вайс, отойди от катера, скотина! – послышался с пригорка визгливый голос Лимарека. Прихвостень Илюмжинова. Пришел доказать преданность новому боссу. Стало быть, в Поселении уже произошла смена власти. Или власть только делят?

Вайсу было все равно, на трон он не претендовал. Твердо Иоганн был уверен только в

одном – назад, в Поселение, ему дороги нет.

– Отойди, я сказал, от катера! – Ори, ори, сволочь. Горло уже сорвал, холуй илюмжиновский.

Мозг, хоть и выбитый из колеи страхом, лихорадочно перебирал варианты. Где-то ведь должно быть спасение. Им нужен катер. Зачем? Уплыть за Хоакином? Вряд ли, Хоакина они желают встретить меньше всего. В таком случае, куда?

Что-то они там увидели. Там, в море. Что-то, чего Вайс не заметил в тусклом свете утренней зари с пригорка, а отсюда, снизу, этого не было видно. Слишком далеко? Вероятно.

Что бы там ни плавало, это интересовало илюмжиновцев. Значит, вполне могло подойти и ему, Иоганну.

Вайс подобрал под себя ноги, сделал движение назад, будто бы собирався действительно отползти от катера, и одним стремительным рывком столкнул тяжелый катер в воду. Казалось, он сдвинул по меньшей мере гору. В штанах что-то треснуло – не иначе анус таки порвался. Ничего, это для себя, а для себя не жалко.

Два фонтанчика взметнулись прямо из-под ног Иоганна. Хорошо гады стреляют. Оттуда метров двести, поди. Шаг, еще – совсем рядом просвистела третья пуля и срикошетила в воду, едва коснувшись покатога борта катера. Все, шлюпка больше не скребет килем по дну. В два движения, которые дались Вайсу из последних сил, он взобрался на крытый нос и, прокатившись, нырнул внутрь шлюпки.

С берега доносились редкие выстрелы. Почем зря не палили – у обеих сторон каждый патрон на особом учете, шквальный огонь не устроишь. Но в сторону шлюпки больше не стреляли.

Слышались крики и топот. Бабах – крики смолкли: кто-то нарвался на пулю. Все это Вайс фиксировал периферией сознания. Ему было не до идущего на берегу боя. Шлюпка, теперь *его шлюпка*, тоже от берега не особо далеко. Как же это, черт возьми, запустить? Где у нее включается мотор? Да где у нее вообще мотор-то?

Должен быть сзади. Блин, как неудобно – борт низкий, приходится ползать. Так и есть, сзади, вот он – мотор. И что дальше? У него должна быть батарея. И кнопка с надписью «On/Off». Вот она. Как это он ее сразу не обнаружил.

Вайс понял, что хихикает, словно в его жизни не было ничего смешнее того факта, что он сразу не заметил кнопку. Так и рехнуться недолго. Черт, как жить-то хочется!

Дрожащий палец жмет на треклятую кнопку. Пятый раз уже жмет. Никакого эффекта. Что же это?!

– Давай, заводись. Давай! – всхлипывал Вайс. По щекам катились слезы.

Он понял, почему в него не стреляли. Боялись повредить лодку. Сам Вайс им на фиг не нужен.

Не получите, твари!

– Вайс, скотина, ты бросил нас! – это Хашимото. Свой. Нет уж, милый Хашимото, своих тут ныне не осталось. Ты уж прости, родной, но не свой ты мне. И ждать тебя я не буду.

За бортом отчетливо раздавался ритмичный плеск – кто-то шел к шлюпке. Успеет? Если этот треклятый двигатель не заведется, разумеется, успеет. Чего тут успевать, он же никуда не плывет?

Иоганн еще несколько раз безрезультатно ткнул в кнопку. Ничего. Нужно что-то другое, надо придумать что-нибудь. От кнопки толку не будет.

Вот эта выемка. Для чего она? В форме изгибов стенок полости, смотревшейся инородно на гладкой поверхности корпуса мотора, было что-то очень знакомое. Что-то из прошлой жизни. Он видел такое раньше. Точно видел. Это...

Да! Это же гнездо для батареи Ллейтона!

Чего радуешься? Это – гнездо. Батареи нет, мотор не заведется!

Плеск совсем близко, в нескольких метрах от шлюпки.

– Ты мне за все заплатишь, душегуб проклятый, – чуть не над ухом Вайса раздался

шипящий голос Хашимото.

– Обойдешься! – громко крикнул в ответ Иоганн.

Он наконец вспомнил про «дыродел», который торчал у него за поясом. Встать, чтобы прицелиться в Хошимото, Вайс побоялся. Он вытянул руку с пистолетом из-за борта, повернул ствол в ту сторону, откуда доносился голос, и трижды нажал на курок. Эх, много пуль израсходовал, их всего было пять!

После первого же выстрела раздался сдавленный стон Хашимото, и звук приближающихся по воде шагов стих. Японец продолжал стонать – видимо, его задело не столь уж серьезно, – но преследование прекратил. Хотя бы на время.

Вайс стремительными, конвульсивными движениями разгребал набросанный на полу шлюпки хлам. Здесь явно оставили то, что не было нужно. Это еще раз доказывало, что шлюпок было две, и все, что могло пригодиться, увезли. Надо думать, батареи Ллейтона с этого катера тоже забрали.

Нет, не все! Есть одна, вот она, родная.

Иоганн поднял батарею, аккуратно держа ее в дрожащих руках, словно священный Грааль, зачем-то поцеловал и воткнул в положенное ей место. Мотор слабо пискнул.

Ну, давай, заводись!

Кнопка «On/Off» тихо клацнула, и в этот раз мотор ответил ровным гудением. Это было лучше любой музыки мира! Он, Иоганн Вайс, спасен. Спасен!

Он быстро пополз вперед, к штурвалу. Маленький круглый руль находился в носовой надстройке, над небольшим кубриком. Место рулевого закрывал прозрачный плексиглас, поэтому мостик отлично простреливался. Делать нечего – Вайс плюхнулся в кресло, сразу дернув рычаг на «полный назад». Стрелки не заставили себя ждать: плексиглас тут же покрылся сетью трещин, а справа разверзся рваной раной. Трещины это хорошо, через них не видно, где мишень.

Мотор взвыл, катер ринулся кормой вперед. Надо развернуть его, у кормы слишком большое сопротивление – не разгонишься.

Куда он плывет, Вайс в тот момент не думал. Он уплыл с этого треклятого острова! Он спасся. Он был свободен, черт побери!

19. Недалеко от подножия горы Кения

Маленькие темные черточки, похожие на игрушечных человечков – две ручки, две ножки. А голову им забыли приделать. Хромосомы. Хранилище интереснейшей информации, трафарет, по которому ферменты соткут из синтезированных белков... Да, что захочешь, то и соткут. Не велика премудрость, можно состряпать любого монстра, главное, чтоб хватило фантазии. Другая проблема, а что с этим монстром делать потом.

И как его, чучело хромосомное, заставить жить. «It's alive», – как любил говаривать в порыве творческого экстаза первый в истории, пусть и фантастический, гетрансплантолог, носящий очень звучное и широко известное имя Франкенштейн. Чем там он оживлял своих чудовищ? Кажется, атмосферным электричеством. И, ясен пень, человеческой любовью.

Да уж, с любовью последнее время стало как-то затруднительно. В дефиците у людей ныне любовь.

Пальцы, не привыкшие к простому, теребили маленькую пластиковую карточку. Визитка. «Винченцо Бальдуччи», – написано серебром по темной глянцевой поверхности. Именно так его звали, когда он последний раз был жив.

Тогда он являлся подданным Европейского Исламского Союза и даже некоторое время как правоверный европеец совершал положенный намаз. Пять раз на день. Потом надоело – тратить столько времени на бестолковые упражнения на моленном коврике он не мог себе позволить. И в общем-то всем окружающим было глубоко наплевать на то, сколько раз в день Винченцо Бальдуччи расстилает этот самый коврик. Ну, кроме разве что соседей, до которых нет дела никому во всем мире.

Спокойно жить не давало другое. Его мозг. Точнее – то, что он знал, то, что он мог узнать. Ему было неинтересно просто смотреть на восход солнца, просто ходить на работу – на хорошую высокооплачиваемую работу в очень уважаемой конторе. Деньги не были нужны, в средствах он давно не нуждался. Ему было скучно наблюдать за вещами, разум требовал вещи создавать. Разумеется, предварительно разузнав, как там внутри они устроены.

Он снова заглянул в окуляр микроскопа. Хромосомы делились, как им и было предписано природой. Ею и еще, совсем немного, хозяином визитки с именем Винченцо Бальдуччи.

Работа близилась к завершению. Три опытных образца спокойно посапывали на минус первом уровне в саркофагах. Отчего их всегда трое? У людей вообще какая-то сверхъестественная тяга к числу три. Дети трехмерного мира. Всем наплевать, что измерений намного больше. Несть им числа, так сказать.

Винченцо прекрасно знал, что случилось с миром. Даже знал – почему. Хотя об этом не рассказывали в новостях и не писали в сети. Как видно, колдуны из древней Традиции достигли своей цели. Но Винченцо, в сущности, было все равно – его мало интересовали дела Верхнего и Нижнего миров. Ему вполне уютно в Срединном, оборудованном длиннющим списком законов существования пространства и времени. Кому нужны эти Традиции? Познание устройства своего родного мира – вот настоящее занятие для людей. А боги... Их дела, пожалуй, его совсем не касались. Он намеревался стать богом здесь. И почти добился этого.

Винченцо регулярно просматривал все важные новости. Несмотря на катаклизмы, здесь, в лаборатории, сеть работала исправно. Очень уж хорошо все было налажено. Он точно знал, что над головой каждые восемь часов пролетает небольшой спутник. Он транслирует пару сотен каналов, для самых разных нужд. И один из них посылает сигнал только для лаборатории. Точное расписание работы сети хранилось в «балалайке» Винченцо.

Вторжения можно не опасаться – на многоуровневом сервере стоял отличный шлюз: информация могла поступать только внутрь и ничего наружу. Отчеты он отправлял через незарегистрированный коммуникатор, который соединялся с миром по второй линии.

Все отчеты отправлены. Сегодня он запаковал в архив и отослал последний. Что дальше?

Нет, он далек от мысли, что те, кто получает информацию, развернут архив у себя (вот совершенно неинтересно, где они), почитают и станут налаживать производство. Будь он тем наивным пареньком, который не мог спать ночами из-за обилия мыслей, посещавших буйную голову, наверное, такой сценарий показался бы совершенно логичным. Но тот паренек давно умер. Очень давно, даже и не вспомнишь точно, сколько лет прошло. И звали его совсем не по-европейски – Григорий Андреевич Воронцов. И умер он в весьма раннем возрасте, погиб в автомобильной катастрофе. Сгорели три мобили, четыре обугленных трупа, практически – испепеленных. В одном анализ ДНК и опознал почившего, стало быть, Григория. А какие надежды подавал парень – профессором стал в двадцать восемь лет!

Эх, ДНК – невероятное изобретение природы. Дары из Верхнего мира. Винченцо не любил упоминания о Традициях, но слишком уж хорошо был знаком с ними, чтобы тупо отвергать вмешательство высших сил.

На экране перед престарелым Винченцо светились столбцы цифр и букв. Заклинание, способное изменить мир. По сути – тоже некоторая Традиция. Ведь многие в это верили. Верили истово и беззаветно. А что еще нужно богам? Что еще нужно, чтобы боги могли рождаться?

На самом деле именно мешанина знаков на экране была последним посланием, которое он должен отправить заказчику. Ключ. Без него проект работать не будет. Этого никто не знает, понять можно, лишь завершив полный цикл. Но ведь все равно поймут.

Винченцо не питал никаких иллюзий. Ключ был пропуском для него. Очередным пропуском в очередную жизнь. Черт, сколько у него их еще будет? Словно у кошки – у нее,

говорят, девять жизней. Хотя ни в одной из тридцати восьми кошачьих хромосом он такого не замечал.

Он прекрасно осознавал, что делиться технологией нельзя. Никогда раньше он не отдавал технологию, только образцы. Прежде удавалось договориться. Сейчас заказчик требовал полную информацию. Профессор не отказывал, но и делиться тайным знанием не собирался. Стоило ли упоминать, что никакой заказчик не потерпит несоблюдения условий контракта, когда в проект вложено столько средств?

– Профессор, пришел очередной пакет данных с модели «Координатор», – послышался голос Булимара, одного из его ассистентов. – Есть интересные факты. Вам стоит посмотреть.

Хороший парень Булимар. Равно как и остальные ассистенты. Верные помощники. Единомышленники. Но Винченцо никогда не питал привязанности к коллегам. Его продукция, модели, как он их называл, вот его дети. «Координатор» – очередная модель. Винченцо еще не успел полюбить этого паренька. Слишком малый срок, он еще не стал близким, понятным и своим. Ему еще предстоит. Если, конечно, удастся завершить проект.

Лаборатория была построена на славу – когда мир потрянуло, здесь, на глубине нескольких сотен метров, только немного растрескались своды, да пару образцов посыпало пылью с потревоженного потолка. Образцы, кстати, пришлось выбросить. Тот, кто проектировал эти катакомбы, учел все тонкости сейсмической активности местных пород. Профессор проверял проект лично. И виртуальный и само строительство. Разумеется, инкогнито – никто не знал имени заказчика. Правда, основную когорту разработчиков, знавших слишком много о подступах, пришлось устранить. Нормальная практика.

Строительство подземелий обошлось в круглую сумму. Почти столько же стоило сохранить ее в тайне. Но это окупит себя. Как обычно – с лихвой.

Запасов в хранилищах тоже было много. Даже теперь, по прошествии почти трех лет, их оставалось еще прилично. Хватит не на один год. Но ничто не вечно. Да и собрались они здесь для конкретной цели, а не просто пожрать. Так что пришло время решать. А решить Винченцо никак не мог. Он завершил проект, тот, что ему заказали. Осталось передать заказчику опытные образцы и вот этот цифровой ключ, и счета пополнятся, он изменит внешность, имя, биографию. И...

А что «и»? Его отпустят на все четыре стороны? Вот уж дудки. Не идиот же он, этот таинственный заказчик. И Профессор тоже не идиот. И заказчик это понимает. Все понимают, но делают вид, что честные. У всех есть свои подстраховки. Вот знать бы, что они затеют на этот раз. А если все-таки...

Заказчик, скорее всего, покупал технологию не для себя. На продажу – продукция завода, работающего по технологии Винченцо Бальдуччи, сегодня пользовалась бы особенным спросом. Спрос на подобный товар был всегда, но сейчас, после того, что произошло с миром, он возрастет в несколько раз. Даже – на несколько порядков. Так что всем есть за что бороться.

А бороться начали еще загодя – то предложение, что появилось однажды в его раллере, все еще там. Можно открыть и перечитать. Каким образом они выследили его? На этот вопрос Винченцо ответить не мог, но понимал, что при желании задача решается. Но вот как смогли они найти доступ в его сеть? Этого ученый не понимал. Поэтому отказываться от предложения столь могущественного претендента разумный человек не стал бы.

Винченцо и не стал. Тем более что, на удивление, эти люди не требовали поделить секретом производства изобретения профессора. Они всего лишь просили оказать небольшую услугу. Которая, впрочем, вполне могла стоить Винченцо жизни. Но и помощь взамен они тоже обещали.

Стоит ли идти до конца? Ученый не знал ответа и на этот вопрос. Никто не может знать свою судьбу, что бы там ни толковали адепты Традиций.

Новые игроки в этой странной игре означали новые опасности. Но и размер выигрыша тоже мог увеличиться – ставки росли пропорционально числу участников. И кто знает, какой фортель может выкинуть в этой игре крупье? У того, кто сдает карты, возможность

передернуть всегда появляется первой.

Уголки губ Винченцо поползли вверх – ему всегда нравилось чувствовать собственное превосходство над другими. Благодаря уму, он всегда опережал противников как минимум на один, а то и на три хода. Он был убежден, что наука – это то, что заставляет мир меняться. Наука, а не Традиции. Дань прошлому, пыль тысячелетий.

Что бы они там ни сотворили на своей Станции, тоже не обошлись без науки. Только им не удастся запрять в оглобли Традиции его, Винченцо Бальдуччи. Имя в конце можно заменить на любое другое из списка, их там уже предостаточно.

– Переведи данные на мой коммуникатор, – сказал он Булимару.

– Сделано.

Винченцо открыл присланный ассистентом файл. Грохот барабанов, все мелькает, вздрагивает. Что это они там устроили?

Он краем глаза наблюдал за происходящим на экране, продолжая заниматься с хромосомами. Черные игрушечные человечки решили переполовиниться и слиться с сородичами. Мейоз у них там происходит с последующей заранее и тщательно спланированной рекомбинацией.

На коммуникаторе картинка прыгает вверх и вниз, улетает куда-то в сторону. Координатор слишком активен, вот сообщение о запуске программы поддержки. В общем-то, ничего нового, подобное он уже применял на других моделях. Только физика, в психотропном воздействии нет необходимости. Куда он там полез? Скачет по каким-то камням.

Хорошо, показатели отличные. Пройдет парень с такими показателями где угодно. А всего-то сорок процентов в режиме «виртуальная кинетика». Эх, люди, люди. Не знаете вы своего счастья, не ведаете возможностей собственного организма. Все вам «пингвины» да «саранчи» подавай. Совсем разучились пользоваться телом. Мозги не пускают, за здоровье боятся. А шимпанзе – небольшая невзрачная обезьянка – спокойно волочит за собой полтонны и не пыхтит. Ей, бедняге, невдомек, что это очень тяжело, вот и тащит.

На экране коммуникатора прямо на зрителя падал огромный валун. Черт, он же раздавит Координатора! Такой был экземпляр! Жаль, второго Координатора среди этих недоразвитых нет. Не каждый может стать главным в группе, а этот мог. Куда его понесло?

Любую технологию можно усовершенствовать – заказа на Координатора никто не делал, просто Винченцо было очень интересно: могут ли несколько человек стать одним? В успехе эксперимента Профессор уверен не был, скорее даже отчаялся дожидаться хоть каких-нибудь результатов. Все-таки прошло полтора года – и ничего. Но этот прыткий паренек оказался тем самым малым. Он сумел объединить группу и сейчас стремительно учился управлять ею. Только кой черт понес его на эти камни?!

Винченцо отвлекся от хромосом и, не отрываясь, следил за событиями на экране. Кинетика выросла до семидесяти семи процентов. Нет, не успеть, слишком быстрый рост, скелет не выдержит. Падающий камень быстрее.

Изображение снова заплесало, смазлось, пошло рябью. «Сбой подключения», – всплыла внизу надпись. Размазало парня. Надо отправить группу, может, еще не все потеряно, возможно, его еще удастся вылечить.

По экрану поползли ряды цифр: сетевой маршрутизатор пытался снова настроиться на потерянный сигнал. Что-то моргнуло, и изображение перешло в белый шум. Нет, все-таки восстановил сигнал. Показатели физики запредельные, но быстро приходят в норму. Изображение почти не прыгает, только качается слегка вверх-вниз. Это из-за одышки – такой прыжок не каждый день случается исполнять.

Координатор цел. Это хорошо. Только что-то здесь было не так. Не мог он успеть, никак не мог.

Винченцо запустил запись сначала. Разбил фрагмент с валуном на части, рассчитал прогноз движения всех фиксируемых объектов. Получалось, что траектория валуна и объекта пересекались в ноль шесть секунды. Слишком большое пересечение, чтобы

отделаться одышкой, пусть и в количестве пятьдесят шесть вдохов в минуту. Спустя двадцать секунд – уже двадцать два, никаких повреждений.

И почему исчез сигнал? Из-за удара? Перегрузка мощностей? Не было там перегруза, конечно, если контроллер не врет. А врать ему совершенно незачем.

Он просмотрел запись еще раз. Кадр за кадром. Ничего. На какое-то мгновение ему показалось, что он увидел, как изображение прочертила темная полупрозрачная полоса, но на следующем кадре начинался «белый шум». Обычная помеха, сбой кодировки исчезающего сигнала.

– Булимар, – Винченцо вызвал ассистента через «балалайку», – организуйте непрерывный контроль над моделью «Координатор».

– Я знал, что вам это понравится, – усмехнувшись, ответил Булимар.

20. Три недели назад. Эль-Париж

За окном вдаль убегала серая полоса воды. Неспешные воды Сены продолжали свое вековое движение, несмотря на все катаклизмы. Эль-Париж, город с историей, длящейся тысячелетия, оставался по-прежнему прекрасным и по-прежнему хранил тайны центурионов, королей и шейхов.

– Так вы считаете, нам стоит в это ввязываться? – спросил Абдель Амет аль Саид.

Шейх продолжал смотреть в высокое окно. Его глаза блуждали по слегка наклоненному силуэту Эйфелевой башни на том берегу Сены: неизменная спутница Эль-Парижа пошатнулась, но устояла. Совсем скоро ее приведут в нормальное состояние – на символах нельзя экономить. Премьер-министр размышлял, он не хотел ввязываться в авантюры, слишком неподходящее сейчас для этого время, но информация, которую принес глава внешней разведки, была очень заманчива. Если дела обстояли именно так, как описывал Халид аль Халили, Исламский Союз мог получить приличную фору в гонке за Полигон №13.

Мертвый объявил всему миру, что там, на холодном Кольском полуострове, на Станции, ждут всех желающих. Всех, без исключения. Конечно, будет контроль. Конечно, кого-то не пропустят – это неизбежные трудности, без этого никуда. И перегибы на местах будут – никто и не надеется, что врата в иные миры распахнутся на ширину горизонта. Все просто не пролезут. Да и незачем пускать в новый мир всяческий сброд – не для того Кауфман старался. Все это аль Саид прекрасно понимал. Да и остальные руководители государств, надо полагать, тоже.

Но никто так и не оставил идеи вторгнуться на территорию сказочного Полигона №13 московской корпорации «Науком», а по сути – базы Мертвого, пределы богатств на которой даже трудно себе представить. Ни для кого не было секретом, что Полигон №13 мог бы решить материальные проблемы целого государства. И тогда возникал вопрос: что лучше – мифические иные миры, в которых никто не бывал, или переполненная всем, чего душа пожелает, включая новую энергию, так необходимую миру, базу снабжения. Пока ни у кого не было реальной возможности заполучить Полигон в свои руки, выбор закономерно останавливался на первом варианте. Но вот куда бы склонилась чаша весов, получи государства шанс отобрать у Мертвого его оплот, премьер-министр не знал. Не знал, но склонялся ко второму ответу.

– Я показал вам все, что узнал сам, – ответил аль Халили. – Эксперты пришли к однозначному мнению: прятки храмовников в сравнении с этим – детская шалость. Подобная технология дала бы нам реальный шанс предьявить права на...

Начальник ведомства внешней разведки замолчал, увидев многозначительно поднятый вверх перст аль Саида. В нынешний век, собиравшийся стать Эпохой Цифры, уши могло иметь все, не только стены.

– Но каковы шансы ее получить?

– Это трудный вопрос, – немного помедлив, ответил аль Халили. – Мы знаем лишь

точку на карте.

– Разработчики?

– Есть список людей, которые могли бы сделать подобное... Но мы не знаем.

– Так стоит ли?..

Премьер-министр оторвался наконец от лицезрения прелестей Эль-Парижа и обратил взор на аль Халили. Тот, едва заметно, одними глазами кивнул.

– Хорошо, – согласился Абдель Амет аль Саид. – Как мы ее добудем? Ваши машинисты готовы сотворить чудо?

– Нет. Мы прошупали сеть: подступов нет. Взломать ее мы однозначно рано или поздно сможем, но до того момента вряд ли будут хранить ценную информацию для нас. Взлом должен производиться на месте, изнутри.

– Что смогут бойцы там, на месте?

Шейх до сих пор не знал, где та самая точка на карте. И не стремился узнать – чем меньше людей владеет информацией, тем надежнее ее хранение.

– Я думаю, у нас есть лучший вариант, – заговорщицким тоном сообщил разведчик.

Премьер вопросительно поднял бровь.

– Помните выгодное приобретение, которое нам удалось сделать в Цюрихе три года назад? – Глава разведки показал зажатый в правой руке небольшой черный цилиндр. На лице премьера отразилось удивление – он узнал этот предмет.

– То самое? То, на которое вы возлагали большие надежды? – аль Саид сделал акцент на слове «вы», чтобы дать понять, что он не забыл прокол внешней разведки в том деле. Несмотря на то, что в мире многое изменилось. Слишком дорогой оказалась покупка.

Аль Халили кивнул. На лице застыла улыбка, которую вполне можно было бы назвать самодовольной.

– Но ведь вы потеряли объект, – и снова он выделил «вы».

– Не совсем. Объект может быть утерян только в случае его физического уничтожения.

– А разве?..

– Нет. Просто у нас не было доступа.

– Что-то изменилось за прошедшее время?

– Все изменяется, уважаемый Абдель. Особенно теперь.

Похоже, аль Халили настолько уверился в собственных силах, что начисто забыл о приличиях. Если его уверенность не соответствует действительности, его карьера закончится. И он это понимает.

– Дело в том, что объект застрял. И, хвала Всевышнему, застрял он совсем недалеко от точки. Проблема заключается в том, что объект самостоятельно не сможет добраться до места. Но решение существует. Особенно в свете нынешнего хаоса с доставкой больших проблем быть не должно.

– Вы уверены, что это надежный вариант?

– Абсолютно. У меня есть рекомендации предыдущих владельцев. Это действительно впечатляет. Если хотите ознакомиться...

– Нет, – отрезал премьер-министр. – Это ваша прерогатива. Я лишь хочу быть уверен, что Исламский Союз не ударит в грязь лицом.

Аль Халили покорно склонил голову.

– Во всем есть свои недостатки. К сожалению, уважаемый Абдель, я не могу ничего гарантировать. О зоне предполагаемой операции почти ничего не известно, мир изменился. На все воля Аллаха, но я питаю очень большие надежды на наше швейцарское приобретение. Поверьте, в этом мы не прогадали.

Премьер-министр улыбнулся, хотя темные, почти черные глаза оставались все так же бесстрастны. Он снова обратил взор к виду, открывающемуся за окном. Эль-Париж хорош в любое время года, но сейчас – поздней весной – его красота особенно неотразима. Должно быть, пейзаж, на который смотрел аль Саид, не менялся несколько столетий кряду. Почти не менялся, мелкие отличия найти можно – например, в начале двадцатого века башня,

построенная Эйфелем, стояла прямо и ее верхушку не венчала антенна сетевого ретранслятора, выполненная в форме звезды и полумесяца; люди были одеты иначе, и их затылки украшали разве что шляпы – «балаалайки» не носил никто. Но в остальном это был все тот же Эль-Париж: те же мостовые, те же мосты, те же виды. Все та же возня в попытках поделить неделимый мир.

Абдель вздохнул – другого выхода у него не было. Миллионы лет эволюции, протекавшие по воле Всевышнего, не оставляли людям иного выхода. Только в миры, открытые Чудовищем, но в верности этого пути сомневались многие.

– Может быть, отправить туда «Магавир»? – премьер хотел простого решения. Он был убежден, что сложные задумки порождают сложные проблемы. «Все просто» – так учил Мухаммед. Но люди любили усложнять, в сложностях часто терялась истина.

– Не в этот раз, – возразил глава внешней разведки. – Спецназ будет слишком заметен.

– Собирается ли кто-то еще отправиться за интересующей нас информацией?

Улыбка, все еще витающая в уголках губ Халида аль Халили, исчезла, оставив место мрачноватому недоумению. Он мог и промолчать, и так было ясно, но все же аль Халили ответил:

– Мы, к сожалению, пока не располагаем подобной информацией. Но исключать такую возможность нельзя.

Премьер-министр резко повернулся. Глава внешней разведки едва заметно вздрогнул, видимо, ожидая гневного взгляда главы Исламского Союза, но аль Саид лишь развел руками.

– В таком случае нам нужно спешить, – сказал он. – Мы не можем допустить, чтобы подобные технологии оказались в руках наших друзей. Они и так достаточно сильно нас ненавидят.

– Мы могли бы начать операцию через три-четыре дня – наша эскадра постоянно базируется в нескольких сотнях миль от предполагаемой зоны высадки.

– Так начинайте же.

– Прошу меня простить, уважаемый Абдель, но мне кажется, что лучше немного повременить. Это как раз тот случай, когда стоит спешить не спеша. Лишние движения нашей эскадры могут спровоцировать усиление интереса к данному региону со стороны наших друзей. У меня есть план, который на первый взгляд может показаться слишком сложным. Но на самом деле он безупречно подойдет для реализации наших задумок. Денежные риски присутствуют, но люди, необходимые для выполнения операции, уже есть.

– Они достаточно надежны?

– Поверьте, – аль Халили улыбнулся, – достаточно надежности ведомства, которым я руковожу.

– Ну что ж, – премьер-министр сел в большое кожаное кресло, жестом предложив собеседнику сделать то же самое, – если выгода от приобретения технологии превосходит имеющиеся риски, давайте перейдем к обсуждению деталей.

Разведчик, устроившись во втором кресле, достал из стоящего рядом портфеля раллер, открыл его и, повернув экраном к премьеру, сказал:

– По самым приблизительным оценкам, выгода покроет практически любые потери. А теперь – детали...

21. Саванна. Там, где раньше была Кения

Опять жара. Вот, что доконает его в этой треклятой Африке. Уж лучше был бы мангр с его влажной духотой и грязью. Там хотя бы не пекло солнце.

Гамми провел рукой по белым волосам. Свальявшиеся от грязи, жесткие, словно пакля. Седина немного спасала от палящего зноя, что лился потоками с неба, но все равно припекало изрядно.

Рюкзак, который тянул к земле, надоел страшно. Кроме того, что тяжело, было просто обидно – здесь, в Африке, Гамми оказывался рабом при любой власти. Но выбирать не

приходилось.

Гамми дернул за ляжки, поправляя сползший назад рюкзак. В натертых плечах стало жечь сильнее. Одно только радовало душу – у этого скота Моралеса рюкзак еще больше. Вон, пытит, морда красная. Но не жалуется. А что толку жаловаться? Некому здесь жаловаться.

И еще донимало зудение в бедре. Нанокapsула не унималась ни на секунду. Больно не было, но слишком уж навязчивое ощущение.

Когда он добрался до берега, там, на Тюремном острове, ощущение достигло своего максимума, Гамми был уверен, что нанокapsулу активировал кто-то из моряков. Только он никак не мог понять – кто: ни один из них не выказал к заключенному ни малейшего интереса. Тогда он решил, что, вероятно, еще не пришло время раскрыть карты. Тем более что так некстати вмешался Моралес. Этот как обычно – спать спокойно не сможет, если не изгадит жизнь другим людям. Но теперь Гамми начал сомневаться, что звали его именно моряки с танкера.

Сигнал нанокapsулы изменился. Он становился то сильнее, то слабее. Создавалось впечатление, что источник сигнала, который нужно было обнаружить, перемещался вокруг. Да уж, игры в горячо-холодно не получилось. И снова все карты путал Моралес. Вот же скотина! Гамми в сердцах плюнул в пыль.

Он неоднократно задавался вопросом, кто те люди, что установили в его бедре нанокapsулу, которую, как и обещали, не поймал ни один наноскоп. Скорее всего, они работали на СБА. А на кого еще они могли работать? Кто еще мог упечь его сюда, в «Африку»?

«На самом деле, – подумал Гамми, – упечь в «Африку» мог кто угодно. Состряпать дело, передать его в СБА, предварительно договорившись с офицерами, сколько нужно вломить клиенту. Никаких проблем – в СБА тоже люди работают, им тоже нужны деньги, у них тоже есть знакомые. Если клиент неинтересен СБА, то никто не станет глубоко вдаваться в подробности, кто из сотрудников постарался, чтобы очередной «особо опасный преступник», гроза Анклавов и корпораций, оказался в «Исправительном учреждении №123».

В любом случае, повод отправиться в «Африку» был – дома у Звездецкого действительно лежал синдин. И сам он никогда не использовал зелье храмовников. Несложно сложить два и два, чтобы в итоге получить торговлю наркотиками.

Или все-таки не было у него никакого синдина? Когда Гамми задумывался о своем прошлом, мысли начинали путаться. Он помнил, что работал редактором на детском интерактивном канале, вспоминал фамилии и лица сотрудников, друзей и приятелей. Но все воспоминания казались какими-то ненастоящими, пластилиновыми. Память будто подсовывала заготовленные кем-то другим ответы на вопросы, которые могли возникнуть у сознания. «Ты торговал синдином, – говорил тихий голос из темноты. И память нехотя подсовывала картинки: толстяк Леха, ампулы с прозрачным, как слеза, раствором, богемные вечеринки, деньги на счете, Ерохин. Если копать глубже, Звездецкий переставал понимать, кто все эти люди. Он не знал никакого Лехи, не бывал на богемных вечеринках, да и Ерохина с синдином... Впрочем, последние два пункта отчего-то казались настоящими. Хотя реальных воспоминаний о них не было.

За время, проведенное в «Африке», Гамми неоднократно пытался восстановить в памяти собственную жизнь. Не последние события, что привели его в раскаленные злым солнцем казематы, а всю жизнь. Детство, родителей, учебу – или что там было до того, как он стал редактором. Но ничего... Перебирая в голове события давно минувших дней, он то и дело натывался на зияющую пустоту: память изобиловала черными дырами и белыми пятнами. Слишком глубоко Гамми никогда не копал – становилось страшно, и мозг сам собой бросал это занятие.

И вот еще один вопрос – чего хотели от него те люди? Кем бы они ни были – безы или какая частная лавочка, это не имело особого значения. Значение имела лишь информация,

кто он, Сергей Звездецкий? Редактор детского интерактивного канала? Для чего тогда мог понадобиться какой-то явно силовой структуре представитель столь мирной профессии? Концы не сходились.

И Моралес: он хоть и сволочь, но мужик проницательный. Туповат, но в людях разбирается хорошо, этого у него не отнять. Ведь он всегда смотрел на Звездецкого с подозрением. Не то знал что-то, не то – подозревал. Хотя, если знал, к чему было устраивать этот цирк на катере? Гамми вдруг вспомнил, как разозлился Моралес, когда не смог ударить его. Что это с ним такое? Звездецкий, конечно, умел постоять за себя, но и суперменом, способным голыми руками положить роту солдат, тоже не являлся.

Гамми сам понимал, что с ним что-то нечисто. И эта «нечистота» как раз и нужна тем, кто активировал нанокапсулу. Больше всего мучил вопрос – для чего он им нужен, что намерены получить от него те люди?

Стоило ли сейчас задумываться об этом? Наверное, нет. Сейчас главным было выбраться из треклятой Африки – тюрьма она или континент! И другой возможности сделать это Гамми не видел. Значит, он будет искать хозяев нанокапсулы, чего бы это ему ни стоило.

Внезапно раздавшийся звук выстрела заставил Гамми вздрогнуть. По какому поводу стрельба? Метрах в тридцати справа он заметил бьющееся в траве тело. Косуля. Стрелял толстяк – Али.

– Вот вам и свежая еда, – самодовольно сообщил толстяк и добавил, обращаясь к Моралесу: – Здесь мне определенно нравится больше, чем в твоей «Африке».

Бывший надзиратель бросил на азиата мрачный взгляд, вытер со лба крупные капли пота и, не произнеся ни слова, побрел дальше.

Косуля затихла, и Али отправился к исчезнувшей в траве туше.

– Здесь лучше не шуметь, – заметил капитан, озираясь.

Гамми был полностью согласен с предположением Мустафы. Он не мог объяснить, чего опасался, но ощущение, что толстяк поступил неправильно, не отпускало.

– Почему? – спросил Али.

– Здесь могут быть люди, – объяснил капитан.

Раз уж они все равно никуда не идут, Гамми стянул с плеч надоевшие лямки и упустил тяжелый рюкзак на землю. Внутри что-то звякнуло.

– Мы же людей и ищем, – подал голос штурман.

Но от Гамми не ускользнул тот факт, что предводитель моряков внимательно оглядел саванну, будто искал кого-то. Тех самых людей он и искал. Похоже, капитан не забыл, что самым страшным существом на этой многострадальной планете был человек.

– Али, срежь с туши мясо на ужин и уходим. Быстро, – скомандовал капитан и добавил, обращаясь к раненому штурману: – Мы ищем спасение, а не людей.

Гамми заметил, что Виктор положил свой рюкзак, взял «дрель» на изготовку и пошел навстречу Али, исчезнув по грудь в высокой густой траве. В воздухе повисла напряженность. Один лишь Моралес, не обращая ни на кого внимания, продолжал идти дальше.

В саванне было тихо. Слишком тихо, подобная тишина всегда заставляла Гамми чувствовать беспокойство. Только легкий ветерок шелестел в высокой траве. Нигде ни малейшего движения.

Моралес, подобно танку, пер сквозь высокую траву, не обращая внимания ни на что и ни на кого. Надзиратель успел отойти метров на двадцать, когда вдруг послышался его вскрик, за которым последовало длинное ругательство. Он совершенно не стеснялся в выражениях. Никто не понял в тот момент, что же произошло, а Моралес скинул ношу, резко развернулся и, пригибаясь к земле, как солдат под обстрелом, засеменял к отставшему отряду.

Надзиратель еще не успел добежать до остальных, когда из уст Виктора сорвалась не менее витиеватая брань.

Гамми знал, что тишина эта неспроста. Теперь причина странных происшествий стала понятна – из высокой травы быстро, словно чертики из табакерки, появлялись черные,

словно антрацит, туземцы, завернутые в длинные выгоревшие на солнце красные тряпки и увешанные какими-то побрякушками. Одни, два... шесть. Всего их было шестеро. Спустя полминуты Гамми понял, что обсчитался – седьмой туземец невысокого роста был едва заметен в густой траве, но отчетливо виднелось копье, острие которого тот упер в грудь незадачливому охотнику-толстяку. Али продолжал сжимать в руке охотничий нож, измазанный кровью косули.

На землю рядом с Гамми шумно опустился Моралес. Рубашка справа промокла красным, из плеча торчало древко стрелы.

Негр, тот, что держал у шеи толстяка копье, пробурчал что-то на каком-то экзотическом воркующем наречии, кивнув Виктору, который так и не успел направить на захватчиков «дрель». Язык был непонятен, но чего туземец хотел от Куцева, ясно и без слов. Виктор осторожно положил оружие на землю и поднял руки. От «дрели», впрочем, отходить не стал.

Был еще и восьмой. Этот явно исполнял в шайке роль лидера. Он единственный держал в руке настоящее оружие – «дыродел». Интересно, есть ли в нем патроны? Хотя в сложившейся ситуации от пистолетов и автоматов белых толку немного.

На лице у всех туземцев было одно и то же выражение – надменность вкупе с отвращением. Судя по всему, они видели в белых пленниках низших существ, вторгшихся на их территорию.

У всех на головах витиеватые прически из разнокалиберных косичек, которые хорошо скрывали затылки. Но Гамми был уверен – «балалайки» у них не установлены. Исключением являлся только предводитель, тот, что продолжал размахивать «дыроделом». У него на затылке, из гнезда для «балалайки» вместо индивидуального чипа торчала какая-то мешанина из ленточек, монеток и всякой мелочи, типа звериных зубов. Сеть в этих краях, надо думать, все равно не работала.

Какая дикость. Гамми и не предполагал, что в мире есть люди, не подключенные к сети. Рука непроизвольно пощупала заглушку, торчащую в его собственном затылке.

Наверное, туземцы давно преследовали их, прячась в высокой траве.

– Это была их косуля, – сказал Гамми капитану.

– Что значит их? – возмущенно спросил тот, не оборачиваясь.

– Мы на их территории. Все, что здесь водится, – принадлежит им.

– Вы убили нашу добычу, – с сильным акцентом по-английски заявил главный. Тот, что с «балалайкой» и «дыроделом». Надо думать, до Катастрофы он был городским родственником этих ряженных полудурков.

– Я же говорил, – заметил Гамми.

– Мы приносим свои извинения, – громко и четко произнося слова, сказал капитан.

– Нам не нужны извинения!

– Косулю тоже можете забрать.

– Она мертвая, – небрежно пнув тушку ногой, возразил предводитель дикарей. На лице застыла гримаса отвращения. «Они что же, – подумал Гамми, – живых косуль едят?»

– Значит, вам не придется на нее охотиться, – попытался урезонить его капитан.

Аргументы обеих сторон были исчерпаны, пауза затягивалась. Туземцы понимали, что белые люди вооружены лучше, наверняка им удастся убить одного или двух, но остальные положат их. Для этого достаточно одной «дрели». С другой стороны, капитан, похоже, не планировал терять своих людей.

– Чего вам надо? – с пренебрежением в голосе, спросил Мустафа. Руки он опустил и медленно пошел к туземцу с «дыроделом».

Сзади за поясом у него торчала рукоятка пистолета. Все оружие, которое белые люди несли с собой, осталось при них. Бросить заставили только «дрель», которую Куцев держал в руке.

– Стреляешь хорошо? – тихо спросил капитан, проходя мимо Гамми. Тот легонько кивнул в ответ. Мустафа взглядом показал в кого надо стрелять – в того дикаря, что

приставил копьё к горлу Али. Гамми ничего не оставалось, как развести руками – попасть он мог, но мишень была довольно далеко.

В свое время Звездецкий частенько отправлялся на стрельбище попрактиковаться в стрельбе из пистолета. Ему нравилось чувствовать себя «настоящим мужиком», и стрелял он совсем неплохо.

Главарь с украшенной лоскутами «балалайкой» двинулся навстречу.

– Стой! – истерично выкрикнул он.

– Так что вам надо? – снова задал свой вопрос капитан и продвинулся еще на пару метров. Еще шаг, и Гамми сможет дотянуться до торчащей из-за пояса рукоятки пистолета. – Мы не планировали задерживаться здесь надолго.

Тон Мустафы четко указывал, кто здесь главный. И дикарь это понял – он неуверенно мялся с ноги на ногу, вскидывал оружие, направляя ствол то на капитана, то на Виктора, замершего рядом. Он не знал, что делать дальше.

– Мы возьмем ваше оружие и все вещи, – наконец ответил туземец.

– Ну, родной, это ты махнул, – усмехнулся Мустафа и наконец поравнялся с Гамми. – Нам все это тоже пригодится.

Главарь гневно бросил несколько отрывистых фраз сородичам, те переглянулись и пошли к капитану.

Гамми посмотрел на Мустафу – тот все понял и резко двинулся вперед, одновременно наклоняясь. Куцев, не сводя глаз с предводителя дикарей, медленно кивнул. Время действовать.

Гамми оценил расстояние до того, кто продолжал держать копьё у груди Али. Метров тридцать. Главаря с «дыроделом» снимет Виктор, его «дрель» лежит прямо у ног.

Мустафа будто бы споткнулся, повалившись на дикаря, который подошел к нему первым. На пару секунд этот туземец стал небоеспособен – из-за повисшего на нем капитана он не смог бы замахнуть копьём.

Гамми выхватил «дыродел», снял предохранитель и навскидку, почти не целясь, выстрелил в намеченную жертву. Конечно, был риск попасть в толстяка. Но времени на рассматривание мишени через прорезь прицела не было.

Еще до того, как дикарь уронил копьё и, смешно дернувшись, повалился на землю, послышался характерный визг «дрели»: Куцев осыпал пространство вокруг себя смертельным веером свинца.

Гамми попал туда, куда и собирался – точно в левый висок. В тот момент он не успел удивиться, откуда у него такая меткость. Руки действовали сами по себе, выбирая новую мишень, подобно системе автоматического наведения на цель. Выбор был прост – все враги резко отличались цветом кожи и одеждой, поэтому Гамми стрелял во все, что имело черно-красный оттенок. Кожу на шее рассекла пролетевшая в сантиметре от сонной артерии стрела, но это Гамми заметил, когда бой уже завершился.

Обойма «дыродела» предводителя дикарей и в самом деле оказалась пустой. Гамми проверил лично. Современное оружие – это не луки с копьями – бой длился не больше двадцати секунд. Восемь трупов со стороны противника, царапина на груди у Али, рассеченная кожа на шее Гамми и раненый Моралес – с их.

– Али, заканчивай с тушей и уходим, – отдал распоряжение капитан. – А то на устроенный нами тарарам сейчас сбежится все племя. С толпой таких недоразвитых нам не справиться.

Его, похоже, совершенно не выбила из колеи схватка. Будто для него было обычным делом расстреливать дикарей на обед. «Хотя, – подумал Гамми, – капитан как раз ни в кого не стрелял, всю... работу сделали он и Виктор».

А вот Али был далек от спокойствия – пухлые руки моториста мелко дрожали, нож, которым он разделявал тушу, то и дело валялся из рук.

Гамми опустил глаза на пистолет. Он продолжал держать оружие в руке. В обойме оставалось два патрона. Мустафа не то забыл о «дыроделе», отданном пленнику, не то

решил, что Гамми можно доверять.

Звездецкому не приходилось убивать людей. Ни раньше, когда он жил в благополучном Анклаве, ни здесь, в «Африке». Странно, но расстреляв только что троих человек, он не испытывал никаких угрызений совести. Ожидал, что они появятся, но на душе было совершенно спокойно. Он защищался – наверное, в этом все дело.

Вокруг суетились Куцев и капитан. А Гамми стоял, глядя на зажатый в руке «дыродел», и внутри у него все медленно закипало. И шторм грозил вырваться наружу.

Бывший заключенный резко развернулся, направив пистолет на сидящего на земле Моралеса. Вот и настал час расплаты! Бывшая жертва с оружием в руках перед поверженным бывшим палачом. Все в прошлом, в настоящем только выбор – жить или умереть. И в этот раз на кону жизнь Моралеса.

– Сейчас ты умрешь, тварь, – прошипел Гамми.

Руки дрожали, палец нерешительно ощупывал спусковой крючок пистолета. Но он уже знал, что не выстрелит. Если бы был готов застрелить эту мразь, предупреждать не стал бы.

Моралес поднял глаза на Гамми. Он молчал. Его лицо было искажено гримасой боли, и Гамми понял, что надзиратель ранен серьезней, чем полагали сначала.

– Дай-ка это сюда, пока не поранился, – недовольно проворчал капитан, выдернув из ослабевшей ладони Гамми «дыродел».

Стыдно, повел себя как последний идиот.

Гамми рассматривал землю у себя под ногами. На него никто не обращал внимания, но ему казалось, что все исподтишка наблюдают только за ним – а что еще выкинет этот придурочный?

Черт его знает, почему он так поступил. Точно, не из милосердия. Не поднимая головы, Гамми протянул руку сидевшему на земле Моралесу. Тот секунду помедлил и принял предложенную помощь.

Теперь Гамми был уверен – Моралес, конечно, сволочь, но он личность, подобные люди вызывают уважение.

22. Территория племени Хаммар

Тонкие лучики утреннего солнца, пробивающиеся через щели в соломенной крыше, приятно щекотали лицо. Уже поздно, сегодня Келле спал долго.

Все тело болело, словно его избили несколько маза сразу. В глазах пекло, поэтому открывать их совсем не хотелось. Но опухоль с лица и шеи исчезла, дыхание стало свободным. Келле промышчал несколько звуков – голос тоже стал обычным, без того устрашающего хрипа, что вырывался из его рта вчера.

Его разбудило солнце и какой-то неразборчивый шум. Шум доносился издалека, вроде бы это шумели Хаммар, но отдельных слов Келле разобрать не мог. Ему показалось или на самом деле в общий хор добавлялось несколько чужих кричащих голосов?

Келле потянулся, покрутив руками и ногами, чтобы согнать ночную неподвижность, и поднялся, резко открыв глаза. Уже совсем светло. Наверное, так поздно Келле не просыпался никогда в жизни.

Он находился в своем доме. В хижине его семьи, которую он делил с двумя сестрами, матерью и женой дяди. Кроме Келле, мужчин в доме не было. Больше никто не пережил землетрясения и похода.

Шум и ругань, доносившаяся с улицы, не прекращалась. Келле затолкал в рот пригоршню утоли, оставленной матерью специально для него, и вышел.

Шумели на окраине деревни, у самой саванны. Судя по размерам толпы, там собрались чуть не все Хаммар. Что могло случиться?

Подойдя ближе, можно было разобрать – хотя для этого требовалось напрягать слух – отдельные слова Кулфу. Колдун что-то кому-то объяснял. Остальные Хаммар просто галдели, возмущенно потрясая кулаками в воздухе.

Из толпы выбрался Бона. Брат что-то тараторил, но из-за общего шума Келле ничего не понял из его слов.

– Бона, что там стряслось? – спросил Келле.

Брат непонимающе посмотрел на юношу, переводя взгляд с него на толпу, и продолжил гневно выкрикивать какие-то неясные угрозы, ни к кому конкретно, впрочем, не обращаясь. Он не сразу понял, что перед ним Келле.

– А, это ты, – наконец узнал он брата. – С тобой все в порядке?

– Да. Что здесь происходит?

– Сумбуру, – коротко ответил Бона. – Говорят, что мы забрали их буйволов.

– Это же были дикие буйволы, – возразил Келле. Он почувствовал, что всеобщее возмущение начинает завладевать и им.

– Вот мы им так и говорим. А они... – Бона вдруг встрепенулся, нырнул в толпу, откуда послышался его срывающийся на хрип голос: – Да ему надо голову оторвать!

Видимо, Бона выражал мнение большинства, потому что толпа вдруг подалась вперед, туда, где, как предполагал Келле, и стояли пришедшие Сумбуру. Понятно, что пришельцы вооружены, иначе им давно бы уже оторвали головы на самом деле.

– Остановитесь! – выкрикнул Кулфу. Колдун был где-то впереди. Вел переговоры. – Мы можем все решить миром.

Келле не понял, кому предназначались последние слова – Сумбуру или своим. Мирные переговоры грозили окончиться провалом. К согласию не располагал и тот факт, что Сумбуру говорили на другом языке, и они с Хаммар плохо понимали друг друга. Если уж быть до конца честным, то не понимали вовсе.

– Хаммар – вольный народ! – провозгласил Кулфу. В его голосе отчетливо слышалась уверенность в собственной правоте и раздражение непонятливостью Сумбуру. – Хаммар вольны охотиться, где захотят. Саванна не ваша. Буйволы, что бегают по саванне, – тоже. Не вы вырастили тех коров, не вы привели их сюда. И не вам решать, кто будет охотиться на них!

Ответом колдуну была длинная гневная речь одного из Сумбуру. Келле, пробравшийся к тому времени ближе к месту основных событий, прислушивался, пытаясь понять хоть что-то. Но кроме знакомых слов «корова», «травы» и «земля», ничего не разобрал.

Хаммар – человек семьдесят – выстроились полукругом, тесня пятерых пришельцев к высокой траве саванны. Двое Сумбуру держали в руках оружие белых: у одного пистолет, у другого – «дрель». Оставшиеся трое были вооружены копьями.

Сумбуру – высокие, головы на две выше Келле – носили длинные повязки из выцветшей на солнце материи и целую россыпь бус на шее. На Хаммар они походили мало как чертами лица, так и телосложением.

Келле знал, что Сумбуру жили в этих краях задолго до того, как сюда пришли Хаммар. Кулфу был не прав: территория саванны, конечно, официальных границ не имела, никто не додумался устраивать здесь Анклавы, но охотничьи угодья и пастбища делились между различными племенами. И та долина, где охотился Келле с остальными маза, принадлежала Сумбуру.

Другое дело, что буйволы действительно не были домашними и бродили где им вздумается. Животные не знают границ, им все равно, чью траву есть.

Сумбуру, размахивая «дрелью», продолжал что-то бурчать. Его глаза сверлили злобным взглядом Кулфу, но колдун смотрел на пришельцев надменно.

Во взгляде Сумбуру, хоть и полным ненависти, напротив, ясно читался испуг и неуверенность. Чего он боялся? Того, что Хаммар больше? Вряд ли. Хаммар больше сейчас. Сумбуру никуда не переселялись, их страна не лежала на дне нового моря, их племя не постигли катаклизмы, выпавшие на долю Хаммар. Келле не знал точно, но особо не сомневался, что Сумбуру, по меньшей мере, в сотню раз больше, чем его соплеменников. Так что возможность войны между племенами исключалась – Хаммар не продержатся и полдня.

Чего тогда боялся этот огромный черный человек, словно жезлом размахивающий оружием белых?

– ...Масаи настаивали, и мы пропустили вас, отдали вам часть земли, – продолжал гневно басить Сумбуру.

Внезапно Келле осознал, что понимает слова пришельца. Нет, звуки его речи не изменились, если продолжать слушать ушами, то слова все равно оставались бестолковым бормотанием. Но в голове эхом отдавался смысл того, что говорил Сумбуру. Причем перевод немного запаздывал. Снова духи? Келле не был в этом уверен.

– Ваш народ не должен охотиться на наших землях. Все, что убито на земле Сумбуру, принадлежит Сумбуру! – продолжал оратор. С последними словами он грозно потряс перед собой «дрелью».

Оружие не заряжено, понял Келле. Понял?! Как он мог это понять?! Он же никогда не держал оружие белых в руках. Но вместе с тем он точно знал, что «дрель» в руках парламентаря Сумбуру не заряжена. И знал – почему.

Назойливую мысль, что таинственные знания, появляющиеся в голове сами собой, явление не совсем нормальное, Келле старался спрятать поглубже. В данный момент источник чудесных сведений не имел особого значения – нужно использовать все, что может помочь.

– Мы. Приносим. Свои. Извинения, – медленно, чеканя слова, сказал Келле на языке Сумбуру. Он произносил слова на родном наречии, но что-то внутри головы подсказывало, как это сказать на языке чужаков.

Все – и Хаммар, и Сумбуру – застыли от неожиданности. Наибольший эффект умение Келле говорить на чужом языке произвело на Кулфу. Он замер, не сводя глаз с юноши, его губы что-то беззвучно шептали.

– Тех. Животных. Что. Мы. Убили. На. Вашей. Земле, – словно робот продолжал выдавать слово за словом Келле. Говорить приходилось дважды: сначала шепотом на языке Хаммар, потом громко на наречии Сумбуру. – Уже. Нет. Остались. Живые. Но. Они. Не. Ваша. Собственность.

Парламентар с незаряженной «дрелью» ожил, скрестил руки на груди, потом снова выпрямил их, вспомнив об оружии. Он нахмурил брови, глядя на маленького Келле сверху вниз, и, нарочито понизив голос, сказал:

– Все животные с нашей земли – наши!

На последнем слове он демонстративно ударил себя в грудь кулаком свободной руки.

– Ты говорил только об убитых животных, – урезонил его Келле. – А эти коровы живы.

На секунду повисла тишина. Молодой маза напряг слух, стараясь поймать за шорохом трав в саванне голоса духов. Но тщетно – трава была просто травой, а ветер затих и заставил саванну замолчать.

– Мы обещаем больше не вторгаться на земли Сумбуру, – пообещал Келле.

Трудно сказать, почему он решил сделать именно так. Никогда раньше Келле не поступал подобным образом: сказав последнюю фразу, он повернулся и, не дожидаясь ответа, решительно пошел, протискиваясь сквозь притихшую толпу сородичей. Сумбуру крикнул, не зная, что ответить, и все-таки сложил длинные костлявые руки на груди.

Переговоры были окончены, точки над «i» расставлены.

Испортил все Кулфу. Келле понимал, что колдун, являющийся главным лицом Хаммар, вождем, не мог смириться с подобным поведением молодого маза. Никто не позволял юноше перебивать вождя и вступать в его разговоры с чужаками, даже несмотря на то что переговорщики не понимали друг друга.

– О чем ты с ним говорил?! – требовательно выкрикнул Келле колдун.

– Я обещал, что мы больше не будем охотиться на их земле.

– Откуда ты знаешь их язык?

Келле сам не ведал ответа на этот вопрос. Он прислушался, изо всех сил – к ветру, к шорохам саванны, к потрескиванию хижин Хаммар, к шуму людей. Нет никаких признаков,

ничего хотя бы отдаленно напоминающего голоса духов.

Он не знал ответа. Единственное, в чем был уверен, это в том, что знание языка Сумбуру ему дали не предки. Это был тот, кто помогал охотиться, тот, кто заставлял тело Келле двигаться так, как не мог двигаться ни один человек в саванне. Юноша пытался понять, как эта странная сущность внутри него связана с духами предков. И не находил ответа. Судя по всему, духи предпочитали не вступать в отношения с этой частью Келле. Предки не боялись непонятного, но оно им не нравилось.

– Не знаю, – неуверенно пробормотал Келле. – Мне показались знакомыми слова этого человека.

– И ты... – В голосе Кулфу послышалась ярость, в которую перерастало его возмущение.

– Пускай Келле разговаривает с чужаками! – вдруг раздался чей-то голос. В такой толпе трудно разобрать чей. И остальные Хаммар зашумели, соглашаясь со смельчаком.

Бросить вызов колдуну племени означало навлечь на себя и свою семью гнев духов и немилость Тому, Сына Солнца. Но вера в способность Кулфу говорить с духами предков сильно пошатнулась среди Хаммар. Однако страх вызвать гнев самого колдуна – человека властного и могущественного – оставался.

Кулфу, насупившись, рассматривал толпу, пытаясь понять, кто из Хаммар осмелился противоречить ему. Но люди говорили все одновременно.

– Хорошо! – рявкнул колдун. Его рык перекрыл гомон, и люди мгновенно утихли. – Пускай Келле говорит! Но знайте: духи отплатят Хаммар за непослушание!

– Кого мы должны слушать? – послышался голос из толпы.

– Духи сказали, что чужаки должны умереть! – провозгласил Кулфу.

С этими словами колдун вытащил из-под шкуры леопарда, в которую был облачен, пистолет и протянул его Келле. Увесистый «дыродел» лег в руку юноши, вороненая сталь приятно холодила ладонь. Оружие убийства, верная машина для уничтожения себе подобных. Откуда это у Кулфу? Скорее всего, нашел в развалинах города возле карьера, брошенного после катастрофы белыми. Только выглядит пистолет совсем новым. И это оружие заряжено. Келле немного подбросил «дыродел», взвешивая его в руке – полная обойма, сообщил кто-то невидимый внутри головы.

Откуда этот голос?! Духи не могли знать, какой вес у заряженного пистолета. Сам Келле тоже – он никогда раньше не держал в руках огнестрельного оружия. Тогда как он узнал? С некоторым удивлением, Келле осознал, что ему совершенно не страшно, а потом понял причину собственной смелости – если бы с ним происходило что-то плохое, дух его отца обязательно сказал бы об этом.

Сумбуру не уходили, они ждали ответа колдуна, понимая, что этот невысокий юноша, которого почему-то слушает все племя, здесь ничего не решает. Пистолет в руках колдуна они не видели.

Келле посмотрел на оружие, потом на Кулфу. Колдун хотел, чтобы он убил Сумбуру. Но для чего? Неужели Кулфу не понимает, что это означает начало войны, в которой исчезнет даже само имя Хаммар?! В это Келле поверить не мог – колдун мог быть кем угодно, только не дураком. Тогда чего он добивался?

Внезапно руку обожгло, словно огнем. Келле вздрогнул и выронил пистолет. Он не станет убивать Сумбуру. Духи не хотели этого. И он сам не хотел.

– Духи не хотят убийств, – прошептал Келле. Слышал его только Кулфу, стоящий совсем рядом.

Юноша протиснулся сквозь толпу, обратно к ждущим ответа Сумбуру.

– Убирайтесь! – выкрикнул он им. – Я же обещал, что Хаммар больше не будут ходить в ваши земли.

– Кто ты такой?! – картинно размахивая руками, крикнул в ответ переговорщик с незаряженной «дрелью» и, показав пальцем на Кулфу, добавил: – Пускай он говорит с нами!

Колдун, расталкивая онемевших Хаммар, выбрался из толпы. В его руках был

пистолет.

Сумбуру отступили, увидев оружие, парламентар взмахнул «дрелью», опустил ее, его глаза забегали, ища помощи своих соплеменников. Видимо, вспомнил, что оружие не заряжено. Трое других оцетинились копьями.

– Духи говорят со мной! – прорычал Кулфу, обращаясь к Келле.

– Мы дважды видели, как духи помогали Келле, – выкрикнул из-за спины колдуна Бона, – а от тебя слышим только пустые рассказы!

Кулфу обернулся лишь на мгновение. Егохватило, чтобы увидеть наглеца, осмелившегося перечить колдуну. Черный пистолет плюнул огнем, над саванной прокатился гром выстрела, и брат Келле, безвольно запрокинув голову, рухнул в пыль.

Хаммар, обескураженные и напуганные смертью сородича, бросились врассыпную. Кто-то бежал быстро, спеша спрятаться за ближайшими хижинами, кто-то медленно ковылял, надеясь узнать, чем закончатся переговоры с Сумбуру, но через полминуты на пыльной прогалине в высокой траве саванны остались только чужаки, колдун и Келле.

Теплый ветер, прилетевший из недалекой пустыни на севере, раскачивал длинные стебли пожелтевшей травы.

«*Не шевелись*», – шептала трава. Это духи предков, наполняющие собой все вокруг, вдыхающие саму жизнь в саванну, снова говорили с Келле. Он слышал их. И он верил предкам.

Сумбуру, медленно пятившиеся назад, спешили укрыться в густой траве. Парламентар с незаряженной «дрелью» что-то бормотал. Келле снова не понимал его, то существо, что поселилось в голове, не переводило слова чужаков. Похоже, оно никак не могло ужиться с духами предков.

– Ты ничего не знаешь, сосунок, – говорил Кулфу, медленно приближаясь к Келле. Ствол пистолета был направлен в грудь юноше. – Ты все испортил! Хаммар должны стать великим народом, Хаммар будут повелевать всеми племенами в округе. И ты не помешаешь мне сделать так!

– Тебе помешают духи, – тихо проговорил Келле. – Опомнись, Кулфу, ты же Хаммар, ты должен следовать советам предков!

Колдун усмехнулся.

– Ты сумасшедший, – сказал он. – Нет никаких духов. Есть только люди. Глупые и слабые. Их удел служить умным и сильным. Таким, как Хаммар. Таким, как я! Но это будет уже без тебя, идиот.

Время будто бы замедлилось для Келле. Он видел, как Кулфу медленно поднимает руку с пистолетом, как его указательный палец неторопливо давит на курок. Нечто внутри головы юноши, то, что переводило слова Сумбуру, мгновенно вернулось из небытия, оно что-то делало с его телом, мышцы напряглись, наполняясь кровью, перед глазами мелькали варианты уклонения от пули, которая вот-вот должна вырваться из черного как ночь ствола.

«*Не шевелись!*» – продолжала шептать трава.

«*Замри*», – завывал ветер.

«*Стой*», – стрекотали цикады в саванне.

Духи знали, что нужно делать. Духи знали все в саванне. Они определяли жизнь здесь. Их воля была волей Тому, создателя всего сущего на Земле. На земле Хаммар.

Палец дернул спусковой крючок. И ничего не произошло, лишь боек тихо цокнул по патрону. Курок под пальцем Кулфу еще раз провалился назад. И еще. Вороной «дыродел» отказывался выпускать пулю в сердце Келле. Колдун резко опустил руку, направив ствол в землю, и снова нажал на курок – грянул выстрел.

Кулфу медленно приближался, не переставая давить на спусковой крючок. Осечка следовала за осечкой, и только один раз пистолет изрыгнул пламя: рука стрелка дрогнула, и ствол ушел в сторону. Пуля просвистела в метре от Келле.

А потом пистолет крикнул, и курок заклинило. Кулфу нетерпеливо бросил оружие в высокую траву.

Правая нога Келле легонько дернулась – напрягшиеся по чей-то команде мышцы не выдержали ожидания. Но сам юноша не сдвинулся с места. Он выполнил волю предков, и они спасли его.

– Духи существуют! – сказал он подошедшему Кулфу.

23. Авианосец «Зенг Хе»

Стакан тихонько тренькнул. Массивная туша авианосца начала маневр разворота, двигатели отработывали полный ход, заставляя вибрировать корпус огромного корабля.

Хэ оторвался от созерцания пошедшей мелкой рябью поверхности чая и переставил стакан подальше от края стола.

– Когда мы выйдем из слепой зоны? – спросил он Бодуаня.

Адмирал что-то с интересом чертил на сенсорном экране панели управления. Лицо его было сосредоточено.

– Завтра, ближе к обеду, – ответил он.

– Что говорят... союзники?

В последнее слово Хэ вложил столько сарказма, что не усмехнуться Бодуань не смог. После Катастрофы политическая обстановка в мире, и без того далекая от дружественной, приобрела характер ожидания – войны не избежать, но пока непонятно, на кого имеет смысл напасть. Да и уверенности, что не нападут на тебя, тоже никакой не было. Объект, против которого все «дружили», сошел с дистанции, окопался в своем Анклаве и последнее время не давал о себе знать.

«Хотя сбрасывать Мертвого со счетов ох как не стоит», – подумал Хэ. Еще он подумал, что мысль его, наверное, совсем не оригинальна.

Станция по-прежнему оставалась лакомым куском, тот, кто владел новой энергией, по существу, владел миром. Но Мертвый на мир не претендовал. *Почему-то* не претендовал. До сих пор никто не смог понять – почему. Он открыл дорогу в иные миры всем желающим. Рекламу в новостях не давали, но руководства государств были в курсе. Пока потока переселенцев не было – до Станции как-то нужно добраться. Да и об иных мирах знали только со слов Чудовища, вернувшихся с той стороны никто не видел.

У Мертвого были другие планеты, полностью, все в его власти. Но он оставался здесь и на этот мир тоже прав не заявлял. Это казалось странным.

– Союзники ропщут. Не заметить «Зенг Хе» сложно. Исламский Союз и Конфедерация прислали официальные ноты с просьбой объяснить необходимость присутствия у берегов Африки нашей эскадры.

– Мы спасаем тайконавта? – удивился Хэ. Он не знал всех тонкостей политической игры. В общем-то, они и не были ему столь уж интересны. Спрашивал, просто чтобы поддержать разговор.

– Нет, что ты, – покачал головой адмирал. – Мы посланы для усиления союзнической группировки. Будем охранять танкеры, везущие нефть из аравийских скважин. Тайконавт еще в космосе.

Хэ кивнул.

– Остатки нефти – это все, что у нас есть сегодня.

– Это все, что у нас было последние сорок лет, – возразил Бодуань. – Новую энергию никто так и не увидел. Был только миф, которым кормил всех Кауфман. И надежда, родившаяся уже мертвой, что Кауфман не обманет.

Адмирал оторвался наконец от упражнений с экраном.

– Так что «Зенг Хе» подвернулся случайно. Тайконавту просто «повезло», что мы здесь, – усмехнулся он.

Авианосец поворачивал на север. Его путь лежал в воды Аденского залива, где начнется боевое патрулирование корабля. Настоящее патрулирование – охотников полакомиться чужой нефтью хватало.

Хэ был в курсе, что в трюмах «Зенг Хе» прячется несколько огромных цистерн. На случай встречи с одиноким танкером, попавшим в затруднительное положение из-за случайно оброненной морской мины. С волками жить, как говорится.

«По сообщениям Министерства иностранных дел Европейского Исламского Союза, — раздалось из динамика включившегося коммуникатора, настроенного на новостные каналы, — мировая общественность выражает глубокую озабоченность присутствием китайского авианосца «Зенг Хе» в водах Индийского океана. По заверениям официального Пекина, судно направляется в зону патрулирования союзнических ВМС, относящуюся к наиболее опасным участкам морского пути транспортировки нефти из аравийских месторождений. Однако китайские танкеры не следуют через Суэцкий канал, поэтому присутствие эскадры, усиленной авианесущим крейсером, вызывает сомнение в оправданности масштаба мер, предпринятых Народной Республикой. Европейский Исламский Союз и Конфедерация Католического Вуду уже выразили свой протест китайским властям. В то же время, договор...»

Хэ отключил коммуникатор.

— Вспокоились союзники, — подвел итог адмирал. — Теперь будут обмениваться протестами и заверениями. Но формально мы можем здесь находиться, так что все законно.

Бодуань перешел к голографической карте.

— Вот, посмотри: мы получили интересные данные со спутника. Снято пару часов назад.

Хэ двинул рукой, поудобней поворачивая карту. Внимательный взгляд выхватывал участки рельефа зоны, где предстояло проводить операцию. Полковник не видел никаких заметных отличий от той картинки, что показывал ему в Пекине Фа.

— Я это уже видел.

— Ты не туда смотришь. Я понимаю, — Бодуань улыбнулся, — у нас разные специализации. Меня больше интересует море.

Хэ перевел взгляд на синюю гладь океана. Точно, вот то, о чем говорит адмирал. Полковник дал команду на увеличение изображения: у одного из новых островов в нескольких милях от берега стоял корабль. Большой корабль.

По внешним признакам судно не вписывалось в привычный для военно-морских сил облик: широкий корпус, надстройка на корме и — самое главное — кричащая слепяще-белая раскраска палубы. С таким колером о маскировке можно забыть даже в сильный туман.

— Что это за судно?

— Танкер. Точнее — супертанкер. Название с имеющегося ракурса не видно. Судно под флагом Исламского Союза. Посмотри еще вот здесь, — карта пришла в движение, картинка увеличилась, и перед мужчинами возник длинный песчаный берег, на котором ярким пятном выделялся оранжевый катер. — Спасательная шлюпка. Скорее всего, с него.

Картинка на коммуникаторе резко изменилась, видимо, Бодуань переключил режим просмотра, дав команду через «балалайку». На фоне темно-синей водной глади дергаными движениями пронесся, выписывая круги, небольшой остроносый кораблик. Покрутился у берега и ушел в глубь Архипелага. «Большая моторная яхта, — отметил Хэ. — Скорее всего, на борту она имеет реактор».

— А это что?

— Моторная яхта премиум-класса, — подтвердил предположения полковника Бодуань. — Маленький вертолетоносец в своем роде.

— Откуда здесь подобное богатство?

— Не знаю. Судов такого класса во всем мире не больше десятка. Большая часть принадлежит аравийским шейхам. Опознать яхту не удалось, на запросы сети ее бортовой компьютер не отвечает. Нахально прорываться... сам понимаешь.

— Разумеется. Товарищ Фа в курсе?

— В первую очередь.

Слишком много внимания этому не самому привлекательному клочку суши в

последнее время. Это никак не может быть случайностью. О лаборатории, закопанной в африканской глуши, известно не только товарищу Фа? Понятно, о ней знают те, кто ее построил. На яхте прибыли хозяева? Тогда кто на танкере? Или это простое совпадение? Все-таки цель располагалась в другом месте, лаборатория почти в пятистах километрах южнее. И не на этом небольшом острове. Что тогда они все забыли здесь?

– А что на острове? – спросил Хэ, двигая изображение из стороны в сторону.

В поле зрения попадали низкие горы и пустынная равнина с редкими одинокими зелеными точками деревьев. Потом промелькнула пестрая, словно покрытая разнокалиберными прыщами, площадка. Полковник остановил прокрутку. Несомненно, это было человеческое поселение.

– Что это такое? – удивленно спросил он.

– Не знаю. Но где-то в этих местах раньше располагалось «Исправительное учреждение №123», или попросту – «Африка». Возможно, это она.

– «Африка»?! – удивился Хэ. – Как могли они выжить в этом аду?! Здесь же все вверх дном перевернуло во время толчков.

– Не знаю. Я же говорил, моя прерогатива – море, – улыбнулся адмирал.

Странно: «Африка», танкер, яхта. Хэ внимательно следил за новостями – последние дни Исламский Союз о пропаже танкеров не заявлял. Пиратский захват? Возможно. Но не заключенные же «Африки» захватили судно. Почему тогда корабль стоит именно у этого острова? Или Бодуань ошибается насчет тюрьмы СБА?

Слишком много вопросов. В расчете, с которым была выверена вся операция, и так много неизвестных. А тут появлялись неучтенные данные. Отработанный план грозил развалиться прямо на глазах.

«Нам туда не надо», – успокоил себя Хэ. Но на душе скребли кошки. Хорошо, что картинку, которую он сейчас рассматривал, не мог видеть никто из чужаков – спутник уже больше года надежно блокирован машинистами Поднебесной. И все же в этой части мира происходило что-то непонятное.

– Тогда ответь мне, моряк, отчего потерпевший крушение танкер не дал в эфир SOS? В новостях ничего не сообщают о пропавшем судне.

– Хэ, ты представляешь себе, сколько стоит залитая в танки корабля нефть?

– Он груженный?

– Да, это очевидно: посмотри, какая у него осадка. Так вот, внутри этого титана где-то около полумиллиона тонн черного золота.

Хэ от удивления приподнял брови. Да уж, такая сумма могла составить бюджет не самого маленького города.

– Согласно международным договоренностям, бесхозное судно принадлежит нашедшему.

Тогда понятно – команда танкера просто хотела выжить. Только что их ждет на этом острове с палаточным городком бывших заключенных? Был ли у моряков выбор? Похоже, что нет.

Но все-таки то, что танкер оказался недалеко от зоны предстоящей операции, именно сейчас не могло не настораживать. Начальству виднее – Фа не мог не знать о танкере. Если бы старик считал, что операция под угрозой, Хэ уже получил бы необходимые указания.

И потом, на их стороне преимущество – под палубой ждет «Лэйгун». Этот самолет мог многое. Хэ привык всегда надеяться только на себя, он верил в собственные силы. Когда начиналась активная фаза операции, в молодого полковника МГБ будто вселялись демоны, он сам становился демоном – мозг работал четко, словно раллер с пригоршней «поплавок» внутри, а тело превращалось в мощное оружие, которое, казалось, способно проникать сквозь стены. Но «Лэйгун» поможет усилить перевес сил в сторону Хэ многократно. Жаль только, что он сам не сможет управлять чудесной машиной. Разрываться на две части, чтобы находиться во время операции в двух местах, Хэ не умел.

– Скажи, Хэ, ты полностью доверишь этому капитану?

- Шэню?
- Да, ему.
- Он китаец, – коротко ответил полковник.

Для Хэ этим было сказано все. Шэнь – гражданин Народной Республики, офицер. Он может искать собственную выгоду, чего-то бояться, иметь собственное мнение. Но, когда дело касалось интересов страны, все это отходило на второй план.

– Много рисков, – вздохнул Бодуань. – В любом случае, капитан будет знать слишком многое. Если он не дурак – а в таком случае, его бы не выбрали, – он вполне понимает, что его ждет. Он может запаниковать. У товарища Фа есть замена Шэню?

- Нет.
- Товарищ Фа знает, что делает, но второй пилот для «Лэйгуна» не помешал бы.
- Товарищ Фа считает, что откладывать операцию нельзя. И потом – тебе не кажется, что мы знаем много больше Шэня?

– Мы – другое дело! – отрезал Бодуань.

– Мы тоже китайцы. Мы с тобой настоящие солдаты. Такие же... как и капитан Цу Мин Шэнь, – перед последними словами Хэ запнулся, будто подавился.

Шэнь поведет «Лэйгун» к месту аварийной посадки космического челнока. Точное место неизвестно – так сообщат в официальных сообщениях пресс-центра Министерства тайконавтики: ведь единственный спутник, что курсирует над Восточной Африкой, не работает. Во всяком случае, не работает для всех, кроме Народной Республики. Так что Шэнь будет искать челнок, зависая в нескольких точках.

В одной из них высадится Хэ. Прыгать придется без парашюта, долго светиться нельзя. Но полковник готов к подобному – не в первый раз.

Шэню нужно на самом деле найти космический корабль, провести съемку объекта и предъявить миру погибшего тайконавта. Только после того, как сделанные капитаном кадры попадут в сеть, «Лэйгун» вернется к месту высадки полковника. К тому времени Хэ уже должен быть готов. А дальше... Дальше для тех, кто зарылся под землю, начнется настоящий ад.

Раздумья Хэ прервал снова включившийся коммуникатор. Начался очередной выпуск новостей:

«По сообщениям Аэрокосмического агентства Конфедерации стран Католического Вуду, над территорией Африки потерпел крушение китайский челнок «Чанчень». Пресс-центр Министерства тайконавтики Китайской Народной Республики уже успел дать разъяснения – при торможении космического челнока произошел сбой в управляющем компьютере, из-за чего «Чанчень» вошел в атмосферу до достижения расчетной точки. Китайские власти не исключают возможность атаки тритонов на сеть ЦУПа. Сейчас проводится тщательная проверка всех компьютерных сетей Министерства тайконавтики.

Также Пекин заявил, что авианосец «Зенг Хе», направлявшийся в Аденский залив с целью патрулирования, будет временно оставлен на рейде в экваториальной зоне. Спасательную операцию планируется провести силами авианосца. Поиск челнока затрудняет отсутствие визуализации в районе катастрофы, поскольку спутник, покрывающий северную часть Африки, вышел из строя чуть больше года назад.

Напомним, что запуск «Чанчень» был первым космическим полетом, осуществленным после всемирной Катастрофы. На борту корабля находился тайконавт Ли Чен Кси. На его счету это второй полет.

Власти Народной Республики и мировая общественность надеются, что инцидент с «Чанчень» не станет препятствием к возрождению космической программы.

Несмотря на разразившийся экономический кризис, Китай планирует выделить многомиллиардные средства на развитие космической программы. Уже на конец этого года Народной Республикой запланирован полет нового челнока «Чуансинь». Этот факт не может не настораживать – сеть, повсеместно подвергшаяся разрушению и фрагментации, напрямую зависит от спутников. Если Народная Республика получит

монополию на управление космическим оборудованием, обеспечивающим бесперебойную работу сети, она фактически станет ее хозяином. Мировая общественность выражает глубокую озабоченность фактом того, что Поднебесная может получить доступ к управлению всеми «балалайками» мира. Однако руководство корпорации «Науком», которая по собственной инициативе помогает наладить бесперебойное вещание на всей поверхности планеты, пока воздержалось от комментариев.

Конфедерация Католического Вуду уже заявила о возобновлении... »

Как обычно – масса слов и ноль логики. «Мировая общественность» спит и видит, когда Китай пошлет в космос очередной корабль, и вместе с тем «выражает глубокую озабоченность» тем же событием. Хэ особенно не вникал в услышанное. Следить за хитросплетениями логики СМИ, это не его работа. Товарищ Фа новостей не смотрит, но ему докладывают о важных событиях. Он делает выводы, к которым прислушивается сам Председатель. А дело Хэ – выполнить возложенную на него миссию.

Операция действительно была рискованной. Но именно поэтому ею и поручили заняться Хэ. Или он не прав, думая так?

Хэ привык, что находится на особом положении – любимый воин товарища Фа. Он числился в чине полковника Министерства государственной безопасности Народной Республики, однако на деле никогда не бывал внутри здания МГБ. Он никогда не получал приказов от кого бы то ни было, кроме товарища Фа. И ни разу в его голове не возник вопрос: почему так?

Происходящее казалось само собой разумеющимся. Хэ всецело доверял могущественному старику, он его боготворил и любил как... нет, не как отца. Так можно любить Родину. Фа для него был всем.

Хэ жил только благодаря тому, что когда их банду накрыла полиция, товарищ Фа почему-то заинтересовался странным молодым человеком. Если говорить честно, натурально погибающим от синдина и плюющим на собственную жизнь подонком.

Половину дружков положили на месте, остальных увезли в кутузку. Хэ пробыл в застенках два дня. Впечатлений хватило на всю оставшуюся жизнь. На третий день его отвели на допрос. Били – долго и с умением. Сейчас Хэ понимал, чего добивались следователи. Тогда ему казалось, что они просто издеваются, что в полицейские идут только прирожденные садисты.

Он сильно ошибался. И насчет полицейских, и насчет садистов. Люди, методично избивающие Хэ, оказались сотрудниками МГБ. Допрос с пристрастием закончился вердиктом, что Хэ им подходит. Для чего, он не знал.

Потом были два дня в тюрьме госбезопасности – намного комфортнее, но неизвестность пугала больше, чем мордобой. «Уж лучше бы сразу убили», – подумал тогда Хэ.

В МГБ с ним больше не беседовали. Молчаливый человек с бесстрастным, словно у робота лицом, пришедший утром третьего дня, сделал Хэ укол, и очнулся он уже в доме Фа.

Какой пост занимал товарищ Фа в правительстве Китая, Хэ не знал до сих пор. Ни должности, ни звания. Просто – товарищ Фа.

И теперь, когда Фа сказал, что ему нужно отправиться к черту на рога, в африканскую жару, Хэ не стал спрашивать, зачем. Его это не касалось.

Была цель. Подробностей Хэ не знал. Да и не было никаких подробностей – он шел наудачу. Аналитики оценили шансы получить искомую Фа информацию в пятьдесят с небольшим процентов. Этого достаточно – лучших условий не будет. И времени на тщательную подготовку каждого шага тоже. Тем более что никто не знал, какой шаг окажется следующим. Ступить в верном направлении – вот задача Хэ, мастера импровизации, когда дело касалось силовых операций.

Нет, Шэнь не подведет. Не может он подвести Родину и лично товарища Фа. В любом случае, Хэ не позволит ему провалить операцию.

И потом – Шэнь все равно ничего не знает. Знать – это не его прерогатива.

24. Саванна. Там, где раньше была Кения

Красное, уставшее за день солнце медленно опускалось за горизонт. Над равниной стояла легкая дымка, светящаяся в багровых лучах заходящего светила, воздух вокруг наполнился светом и какофонией стрекочущих на все лады насекомых.

Ровную как стол саванну разрывал глубокий провал с осыпающимися краями. Шрам на растерзанном теле Африки, оставшийся в наследство от землетрясений двухлетней давности.

– Там может быть вода, – сказал Мартин, заглядывая в темноту расщелины.

Вода, которую они взяли с катера, подходила к концу, а пополнить запасы пока было негде. Учитывая достаточно густую растительность и наличие, хоть и небольшое, животных, вода должна быть где-то поблизости. Но источники пока что не попадались.

– Почему? – охрипшим голосом спросил Мустафа.

– Потому что вода течет вниз, – объяснил Моралес.

Все обернулись на бывшего надзирателя. Это была его первая реплика с тех пор, как Мустафа расспрашивал про дорогу. Моралес шел наравне со всеми, но видно, что давалось ему это с большим трудом – глаза ввалились, губы потрескались, лицо исказила гримаса боли. Он изо всех сил старался не показывать свою слабость, но получалось это плохо. Легкое ранение плеча угрозы не представляло, но штанина на левой ноге совсем промокла от крови – во время короткого боя кто-то из дикарей успел бросить копье. Оно попало Моралесу в бедро. Рана не очень глубокая, но активный поход сейчас был не для надзирателя.

– На острове в расщелинах часто можно найти источник, – объяснил он.

– Нужно спускаться. – По выражению лица Мустафы было ясно, что он не хочет лезть в преисподнюю. – В любом случае нам нужно где-то укрыться на ночь. Дикари в красных тряпках от нас не отстанут – если они нашли своих, то за нами идет отряд.

Куцев, вытянув шею, заглянул за осыпающийся край. Стена разлома уходила вниз почти отвесно. Дно разлома исчезало во тьме. Виктор опустил рюкзак на землю, взял камень и бросил его вниз. Камень то и дело натывался на выступы, увлекая за собой целый дождь осыпающейся следом гальки, так что определить таким способом глубину провала не удалось.

– Глубоко, – констатировал Гамми.

– Мы здесь не спустимся, – заметил Куцев.

Как бы то ни было, в этом месте и не перебраться на противоположную сторону – стены разделяла пропасть шириной метров в восемь.

– Обычно в подобных разломах легко найти участок с пологим спуском, – сказал Гамми.

Похоже, на Тюремном острове ребята здорово поднаторели в спелеологии. «В выживании они поднаторели», – подумал Куцев.

– Пошли, – отдал команду Мустафа и двинулся направо. Там был север.

Куцев вздохнул и снова натянул на плечи лямки осточертевшего рюкзака. Он не рассматривал, но, судя по всему, кожа на плечах частично отсутствовала. За время длинного перехода плечи привыкали, наверное, они просто устали болеть, и Виктор забывал про них. Но после короткого перерыва, как сейчас, боль возвращалась, всеми силами напоминая о себе при каждом движении. Черт возьми, он сделал большую глупость, что снял рюкзак сейчас.

Спуск обнаружился километра через три. Здесь стена уходила вниз, разделяясь на несколько ступенек и уступов, по которым можно было спуститься. Большую часть пути катились по осыпающейся гальке.

Моралесу спуск дался особенно тяжело. Куцев шел следом за надзирателем. Несмотря на грохот сыплющихся следом камней, Виктор отчетливо слышал сдавленные стоны каждый раз, когда Моралес был вынужден опереться на левую ногу. Он помогал себе рукой, кожу на

ладони содрало острыми камнями, и даже в сумеречной мгле Куцев ясно различал темные полосы крови, остающиеся за Моралесом.

Спустившись вниз, надзиратель не стал останавливаться. Он лишь взглядом спросил у Мустафы, куда двигаться. Капитан пожал плечами, предоставив Моралесу самому определиться с направлением – все-таки у бывшего короля «Африки» опыта в таких делах больше. Моралес пошел в темноте назад, на юг.

Воды здесь не было. И Гамми и Моралес склонялись к этой мысли. Слишком сухой грунт.

Для ночевки нашлось отличное место – стена расщелины, словно подрытая, уходила вбок, формируя довольно просторную площадку, накрытую низкой крышей. Здесь включать фонари можно было безбоязненно: сверху света никто не увидит.

Добытого днем мяса было жаль, но его пришлось выбросить. Жаркая погода не располагала к длительному хранению, мясо уже приобрело не самый приятный душок.

Поели консервы. Мустафа смиростивился и выдал по порции пленным.

Куцев жевал разогретую синтетическую тушенку, не чувствуя вкуса. Собственно, чувствовать было особенно нечего. Виктор так устал за последние дни, что оставалось лишь одно желание: поскорей доесть эту пресную синтетическую дрянь и заснуть хотя бы на пару часов.

Но надеждам не суждено было сбыться – Мустафа назначил Куцева охранять лагерь первым. По два часа на каждого. В роли пленных была хоть какая-то прелесть: Моралеса и Гамми в охранение не ставили, они могли спокойно спать всю ночь. Так что Виктору предстояло еще два часа бороться со сном.

В кромешной тьме делать это было трудно. Виктор то и дело клевал носом. Он пробовал бить себя по щекам, старался думать о чем-нибудь напряженном, например, об их дальнейшей судьбе, но всех усилий хватало минут на пять, не больше. Потом мозг, никого не спрашивая, проваливался в сладкую дрему, и просыпался Куцев от удара о каменистый пол. Ложиться или хотя бы опереться на что-то Куцев себе не позволял, иначе дозорный давно бы перестал выполнять возложенные на него функции.

– Не спишь? – послышался в темноте тихий голос.

Виктор вздрогнул. Это был Мустафа. Проверка или хочет чего?

– Стараюсь, – признался Куцев. – Получается плохо. Но пока получается.

– Хотел поговорить с тобой.

– Что-то случилось?

Капитан усмехнулся.

– Мы в Африке, – сказал он.

Действительно, они в Африке. Куцев уже привык, что нужно куда-то идти и что-то искать – что-то мифическое и призрачное, потому что никто из них не знал, что именно им нужно на этом испепеленном солнцем континенте. Они искали спасения, но не знали, как это спасение выглядит.

– Может, все-таки стоило остаться у танкера? – высказал сомнение Куцев.

– Если помнишь, то от места швартовки мы уплыли не по собственной воле.

Да, он помнил. Уплыли по воле Моралеса. А уж он-то знал толк в жизни на Тюремном острове. Бывший надзиратель был там королем, даже больше – богом. Но все равно предпочел сбежать в неизвестность. Ведь он не знал об окружающем остров мире ничего. Даже до материка они добрались чудом, никто и не подозревал, какая дистанция отделяет Тюремный остров от большой земли. Но они добрались. Стоило ли теперь терять веру в спасение?

Куцев вздохнул. Потерять можно то, что было. В спасение здесь он не верил никогда.

– Моралес плох, – сказал Виктор. – Ему надо как-то помочь. Он не сможет идти с грузом долго.

– Не сможет, значит пускай остается здесь. Задерживаться из-за него мы не будем. – Капитан говорил жестко, голосом, лишенным эмоций.

– Он человек, Мустафа.
– Он маньяк, решивший, что способен в одиночку победить все зло мира. По его милости мы все оказались здесь.

– По-моему, ты этого и хотел.

– Да, я хотел спросить у тебя одну вещь, – сменил тему разговора Хопкинс-Джани. Ему было неприятно говорить о Моралесе. Судя по всему, Моралес был ему не интересен, ни как личность, ни как тема для обсуждения.

Мустафа был его другом. Именно был. А сейчас? Виктор задумался, что связывает его с Мустафой теперь. Он обязан Хопкинс-Джани своей карьерой, его жизнь не рассыпалась в пыль, как истлевшая книга, только благодаря Мустафе. Но остался ли он другом Куцеву? Отчего-то до сегодняшнего дня Виктору не приходил в голову этот вопрос.

И снова внутри поднималась волна параноидальных мыслей: встреча с Мустафой в Ланданабаде не была случайной. Не была случайной, не была случайной, была не случайной...

Куцев очнулся от довольно громких свистящих звуков. Оказалось, что это его дыхание. Во рту стоял стойкий вкус резины, в горле саднило.

– Полегчало? – Это Мустафа. Откуда он здесь? Ах да, он же пришел о чем-то поговорить. Только когда Виктор успел выпить таблетку?

– Что это?

В груди прекратило отвратительно kloкотать, сердце бросило попытки проломить брешь в ребрах и в голове немного прояснилось. Но он по-прежнему ничего не видел. Хотя, это нормально, сейчас ночь.

Куцев пошарил рукой вокруг себя. Пусто, только галька. И рюкзак далеко. Куда подевался тубик с таблетками? Потерять заветное обезболивающее здесь было бы очень некстати.

– Где? – прохрипел он.

– Я убрал, – ответил Мустафа. – В рюкзак.

Куцев кивнул, потом понял, что в темноте капитан все равно не видит его.

– Ты чего спать не идешь? – спросил Куцев. Сам он с удовольствием отдался бы в соблазнительные объятия развратника Морфея. Но он на часах, его вахта закончится... он попытался узнать время с помощью «балалайки», но та не работала, сети здесь не было. Черт, как неудобно без привычного личного чипа. Наручных часов Куцев не носил.

– Мне нужно узнать у тебя одну вещь, – в третий раз попытался начать разговор Хопкинс-Джани. По голосу было ясно, что это начинает его раздражать.

– Какую?

– Скажи, ты не заметил ничего странного на корабле?

– Что ты имеешь в виду? Необходимость аварийного отключения реактора не в каждом рейсе случается.

– Я имею в виду работу всей системы. Автоматику.

– Ты же видел отчеты, – удивился Виктор. Полный отчет с записью событий и логами корабельной сети автоматически загружался в память «балалайки» капитана. Так произошло и на этот раз, Куцев был в этом уверен.

– Я видел отчеты, – нетерпеливо прошипел капитан, – я хочу знать твое мнение. Ты был там, в реакторном отсеке, все видел своими глазами. Тебе ничего не показалось странным, не таким, как должно было быть?

Куцев задумался, вспоминая события того дня. Казалось, с тех пор минул не один год. Перед глазами четко стояли цифры, сообщающие о состоянии реактора. Небольшой перегрев, автоматика боролась с ним успешно. Вой сирены... нет, это было уже позже. А в тот момент... Что-то было, что насторожило Виктора. Что-то, что его напугало.

Точно! Лифт. Не сам лифт, а то, что в нем случилось, когда Куцев спускался к реактору. Лифт отключился. Полностью.

Это не было сбоем в простеньком лифтовом процессоре или перепадом напряжения в

сети. Такое случается. Редко, но бывает. В тот раз лифт выключился весь. И не только он. Все на корабле на мгновение замерло, чтобы запуститься вновь через секунду.

Шум вентилятора, вот что вспоминалось Виктору. Точнее, его отсутствие. Вентиляция в лифте не отключается никогда: кабина содержит слишком мало воздуха, чтобы там можно было находиться долго при отключенном вентиляторе. Поэтому аварийная система – светящиеся ободки кнопок, дающие тусклый свет, и вентилятор – никогда не прекращала работу. Она имела автономное питание.

Отключить ее могла только одна сила – главный компьютер корабля, посчитавший вдруг, что сам вентилятор или его автономный элемент каким-то мистическим образом угрожают безопасности судна.

А потом цифры на наноэкране сменились. Куцев вспомнил, что еще тогда подумал, что система перезагрузилась. Но после того, как лифт снова поехал, стало уже не до системы – реактор стремительно и очень уверенно начал превращаться в ядерную бомбу.

– Система перезагружалась, – тихо сказал Куцев.

Собственное открытие ошарашило его. Система никак не могла перезагрузиться сама, без ведома человека. И даже в случае штатной перезагрузки должна быть причина – зависание жизненно важных программ, сбой оборудования, расхождение контрольных кодов. Ничего этого не было! Никаких сообщений об ошибке не поступало, это Куцев хорошо помнил. Но, если предположить, что он что-то забыл или перепутал, в логах, упокоившихся в «балалайке» Мустафы, тоже ничего не значилось о предшествующих нарушениях. Удивленный голос Хопкинс-Джани это подтвердил:

– Почему перезагружалась?! Кто отдал команду?

– Я не отдавал. Ты, я так понимаю, – тоже. Больше ни у кого нет доступа.

– Тогда как?..

– Подожди, – оборвал капитана Куцев. – Еще реактор. Собственно, активную защиту пришлось запустить именно из-за того, что автоматика сработала слишком поздно. Кроме того, данные, поступающие мне в «балалайку», не совпадали с тем, что показывали датчики в реакторном отсеке. Я думал, мне померещилось – все-таки не каждый день приходится стоять рядом с атомной бомбой, готовой разродиться цепной реакцией в ближайшую пару минут. Но теперь я уверен, что так и было на самом деле – компьютер врал. Причем врал намеренно, а датчики работали штатно.

– Не начинай эти сказки о самозародившихся искусственных интеллектах, – театрально жалобным голосом попросил Мустафа.

– При чем здесь это?! – не понял его Куцев.

– Ты же сказал, что компьютер врал.

– Его можно научить это делать. Подсказать – как. А потом уничтожить следы вмешательства и, собственно, самого события, перезапустив систему с нуля. Вот о чем я тебе толкую.

Повисла тишина. Какая-то гулкая она была здесь, под землей. Видимо, отголоски звуков саванны, долетавших сюда, перерождались, блуждая в бесконечных лабиринтах эха подземелья.

– Кто мог это сделать? – похоже, Хопкинс-Джани перебрал в голове все варианты и не нашел ответа.

Версий было немного.

– Ты?

– Нет, конечно. Зачем бы я спрашивал?

– Я этого тоже не делал.

В ответ раздалось какое-то невнятное мычание. Куцев не понял, что хотел этим сказать Мустафа, и продолжил:

– Значит, остается два варианта – Мартин или Али.

– Почему два? А ты не допускаешь, что на судне мог быть кто-то пятый? Кто-то, о ком мы ничего не знаем?

Ну что ж, такая версия тоже имела право на жизнь. Только тогда этот таинственный пятый однозначно был смертником. Или смертниками в данной ситуации были они, а оставшийся на борту пятый отделался лучевой болезнью легкой степени, которую подлечит после того, как его заберут сообщники?

Как ни крути, но вторым вопросом – или он был первым? – оставалась цель этих действий. Захват судна пиратами? Наверное, другой версии Куцев придумать не смог.

– Да, – согласился с ним капитан, выслушав мнение Виктора, – похоже, что так. «Хеллеспонт Стар» стоит на рейде, команды на борту нет...

– Мария Селеста.

– Что? – не понял Куцева Мустафа.

– Летучий голландец. Помнишь ту старинную легенду? Он назывался «Мария Селеста».

– М-м, – промычал Хопкинс-Джани. – Не помню. Так вот, «Хеллеспонт Стар» теперь, по сути, потерянный корабль. Кто найдет, тот и хозяин. Сложная схема, но соблюдены рамки законности, не подкупаешься.

– Правильно. Для того чтобы осуществить план, нужно было лишь убрать нас с судна. А мы и сами были рады убраться – радиация, грабеж...

Больше всех на высадке настаивал именно Мустафа, вспомнил Виктор. Он не хотел даже рассматривать вариант с ожиданием помощи на борту.

Все-таки во всех этих странностях с Мустафой было что-то не то. И встреча в Ланданабаде четыре года назад: случайность ли?

Стоп, стоп! Прекратить паранойю! Виктор почувствовал, что его взор, несмотря на непроглядную темень вокруг, начинает заволакивать туман, дыхание сбивается, голова идет кругом. Уймись, черт возьми!

Наверное, Куцев все-таки потерял ориентацию на какое-то мгновение. А когда, тряхнув головой, согнал нахлынувший вдруг морок, то увидел перед собой лицо Хопкинс-Джани – глаза уставшие, но борода, как обычно, аккуратна и причесана – подсвеченное тусклым неживым светом.

– У тебя там раллер, что ли? – догадался Виктор.

– Да, надо посмотреть одну вещь, – сказал Мустафа. – Ты спи, теперь мое дежурство.

Виктор хотел ответить, что, мол, ладно, будет он спать, с удовольствием будет, но не успел – уставший мозг, получив разрешение, отключился почти мгновенно.

25. Недалеко от подножия горы Кения

Раз за разом Бальдуччи прокручивал запись, пришедшую с последним пакетом данных. Он ничего не понимал. Такого в экспериментах еще не случалось.

Все показатели, бегущие несколькими столбцами в правой половине экрана, указывали на то, что Координатор должен умереть. Именно так – должен. Не может быть, умрет, не летальный исход возможен – умереть с такими данными по физике он был просто обязан. Но не умер.

Этот их недоумок, считающийся главным, дал Координатору антибиотик. Даже сенсоры нейросоединений гнезда не смогли определить состав. Какая-то адская смесь из явно просроченных и частично деградировавших биологически активных соединений.

Идиот! Надо же было додуматься лечить лихорадку Рифт-Вэйли антибиотиками. Где он их, интересно, взял? Не иначе подобрал на какой-то помойке, оставшейся от местных городов.

Хотя откуда он мог знать, что у Координатора окажется аллергия на снадобье и разовьется анафилактический шок? Если быть честным, то и сам Профессор этого не знал. Но на кой черт было давать пацану это просроченное дерьмо?!

Реакция организма была однозначной – падение артериального давления до нуля и мощный отек Квинке. Насыщение крови кислородом стремительно падало – воздух в легкие

практически не поступал. Бальдуччи остановил запись трансляции, просматривая данные. Нет, никакой надежды. Только профессиональные реаниматологи и современные препараты могли спасти Координатора от смерти. И то, шансы пятьдесят на пятьдесят, если не меньше.

Вот сердце отказывается биться, срывается на фибрилляции. Координатор что-то бормочет. Откуда у хилого пацана столько сил? «Остановите Церемонию», – вот, что он говорил. Строка перевода слов Координатора медленно ползла вниз. Остальные слова переводчик осилить не смог: слишком неразборчиво они были произнесены.

Что у них там за Церемония? Не нравились Профессору все эти церемонии. Очень уж веяло от них...

Медленное, покадровое воспроизведение дальше. Давление по нулям, сердце наконец бросило попытки возродить тело к жизни, функция почек отсутствует, мозг... вот в мозге активность кипит. Последние мгновения жизни – так всегда бывает. Тем, кому посчастливилось вернуться из этого безвременья, часто рассказывают басни о тоннеле со светом в конце и о блаженном чувстве отделения души от тела. Бред умирающего мозга. Тело Координатора вздрагивает раз за разом. Это агония. Рядом падают в пыль здоровые тела еще четырнадцати человек. Их не отпускает угасающий разум Координатора. Надо же, какое сильное сознание!

Изображение и звук рвутся, экран то темнеет, то становится белым. Отовсюду звуки и шорохи, вокруг какая-то возня. Кто-то что-то громко говорит – слова уже разобрать невозможно – странным булькающим голосом, словно говорящий захлебывается. И наступает тьма.

Сенсоры констатируют смерть носителя. Окончательную и бесповоротную. Другой не бывает. Конец фильма.

Именно так и подумал вчера опечаленный гибелью очень хорошей модели Бальдуччи, когда выключил запись в этом месте. А, как оказалось, зря. В смысле, зря выключил.

Дальше начиналось самое интересное. Программа продолжала настаивать, что физическая оболочка носителя мертва, однако спустя пару минут восстановилось звуковое сопровождение. Бальдуччи слышал, что происходило там, в саванне, а значит, слышал и Координатор. Этого никак не могло быть: мертвые уши слышать не могут. Но они слышали! А потом, еще через восемь минут, снова начало биться сердце, и показатели физического здоровья, прочно закрепившиеся на цифре ноль, медленно, но уверенно поползли вверх.

Профессор вернул запись к моменту смерти. Активность мозга почти нулевая. Если не присматриваться, то нулевая совсем – редкие единичные сполохи активности коры правого полушария. Все медицинские стандарты позволяют констатировать в таком случае смерть мозга, восстановлению такой размах жизнедеятельности не подлежит.

Может быть, ученые ошибались, считая остановленный и лишенный кровоснабжения мозг мертвым? Но все данные указывают на то, что сохранение информации – памяти, рефлексов – в подобной ситуации невозможно. Нейроны крайне чувствительная штука, они не могут жить без регулярного и сбалансированного питания. И все же, то, что Винченцо видел сейчас на экране коммуникатора, опровергало все существующие на сегодня теории.

Или не опровергало? Крамольная мысль второй раз вылезла на поверхность сознания Профессора. Ее очень хотелось упрятать подальше, слишком уж она не нравилась хозяину. Но факты были перед глазами, прямо на экране, где столбик цифр в правой половине стремительно изменялся от меньшего к большему. И восстанавливались не только физические показатели – активность нейросоединений тоже росла, потихоньку подтягиваясь к исходным значениям.

Такое Бальдуччи уже видел однажды. Лет десять назад, у католиков Вуду. Тогда его звали иначе, фамилию он вспомнить не мог, а имя было Карл. Странно – никакой ностальгии по старым именам он не испытывал. Даже по данному ему от рождения – давно забытому и занесенному в анналы жертв ДТП Анклава Москва.

Вуду. А ведь их религия, облагороженная светлой идеей христианства, которой никто так и не сумел воспользоваться, родилась где-то здесь, в Африканских просторах. Это потом,

попав на далекий остров Гаити, колдуны Вуду, назвавшие себя позже хунганями, разработали целую систему, обнаружив ее у христиан и поняв, что систематизированная вера получит куда больше сторонников, чем беспорядочные рассказы о духах предков и Сыне Солнца Тому.

Именно так, религия – это система. В ней нет логики, нет смысла. Только чувства и вера. Последовательные учения и ритуалы. То, что дает силу Традициям, что вдыхает в них жизнь и дарует власть. Порождает то, что Профессор не мог принять. Система вызывает резонанс в Верхнем и Нижнем мирах. Человеческие чаяния, надежды и вера дает жизнь богам, порождая неведомые флуктуации в других измерениях Вселенной.

Так вот в тот день, случившийся много лет назад, Профессор присутствовал на обряде Католического Вуду. Попал он туда не случайно, хотя так и могло показаться. Ему было интересно увидеть то, что не получалось познать посредством науки – точного инструмента, позволяющего вгрызаться в самую ткань мироздания, изменять течение времени и создавать новые образы грядущего. Именно наука, а не Традиции.

Теперь он знал, что заблуждался. А тогда... тогда он своими глазами видел, как хунганы, окруженные несколькими мамба, достигли религиозного экстаза, их глаза остекленели, тела, казалось, подчинялись чему-то свыше. Это как раз была ерунда – обычный массовый психоз. А вот результат действия не укладывался в голове до сих пор.

Своими дикими танцами и завываниями, перешедшими впоследствии в самую настоящую оргию, хунганы заставили подняться мертвеца. Того, кто ожил, они называли зомби. Но черный парень, грудой мертвого мяса валявшийся на каменном полу храма каких-то полчаса назад, вполне живо реагировал на происходящее, хотя и явно не до конца понимал, что же с ним произошло.

Бальдуччи считал увиденное фокусом, обманом вудуистских колдунов. До сегодняшнего дня.

То, что произошло с Координатором – таким же черным парнем, как тот в церкви Иисуса Лоа, – очень напоминало ритуал католиков Вуду. Только в этот раз Бальдуччи видел не только шоу с воскрешением, но и данные, полученные с сенсоров в организме воскресшего. И сомнений в том, что Координатор был мертв перед тем, как возродиться к жизни, не оставалось.

Снова Традиция, опять высшие силы, существование которых Бальдуччи пытался опровергнуть – не простыми голословными заявлениями, но разработанной и тщательно проверенной теоретической базой. Традиции пытались помешать ему, встревали в его дела. Снова все доказательства, собранные годами, летели к черту.

«Балалайка» сообщила, что у него есть вызов. Булимар. Наверное, нашел то, о чем его просил Профессор. Легкий щелчок пальцами активировал вызов.

– Готовы данные по хлорофиллу, о которых вы спрашивали, – сообщил ассистент.

– Хорошо. Сбрось файл мне. Займусь отработкой новых векторов. Как дела со вчерашним внедрением?

– Все в порядке. Хлорофилл усвоен клетками на девяносто восемь процентов, отторжения не наблюдается. Векторы активировались. Питание полностью автономное, подключение в любых условиях в пределах суши. Морскую версию пока не отработывали.

– Пока и не нужно. Она еще не готова, возможно, появятся некоторые поправки.

– Но ведь заверченный файл...

Булимар имел в виду ту информацию, которую они отправили заказчику. Огромный массив данных содержал подробную инструкцию по производству модели типа «Дендра» – все функции согласно спецификациям заказчика. Только Булимар ничего не знал о ключе.

– Проект закончен, – вздохнув, согласился Профессор. – Но файлы никогда не бывают завершены. Запомни это, Булимар. У природы нет предела для совершенства, его невозможно достигнуть. Поэтому мы будем двигаться дальше и дальше...

Бальдуччи понял, что его слова начинают напоминать проповедь – ту мозгодробительную галиматью, которой с упоением потчевали людей адепты всех

известных Традиций.

– Продолжайте работу. У нас еще многое впереди, – сказал Профессор и отключился.

У Булимара и других молодых ученых, что посвятили жизнь науке, действительно все было впереди. В случае, если в этот раз история завершения проекта не повторится. Правда, надежды на это было немного. Основной вопрос, который интересовал Бальдуччи – когда? У него уже все готово, о подстраховке он всегда думал в самом начале проекта. Поэтому-то и был до сих пор жив. Поэтому мало кто догадывался, что длинный список имен, начинающийся с Григория Воронцова, это один и тот же человек. А его разработки...

Впрочем, он и сам не знал, где все его разработки теперь. Профессора особенно не интересовало, как его изобретениями воспользуются заказчики. Движение вперед – вот главная задача, которую он перед собой поставил. А все проекты – лишь шаг на пути к достижению цели. Чей-то заказ, щедро оплаченный. Деньгами и, надо думать, чей-то кровью. Но что могла значить кровь десятков и даже сотен людей по сравнению с возможностью изменить будущее, поменять ход истории.

Традиции тоже стремились к этому. Достаточно включить новостной канал, чтобы узнать, чем закончились их игры.

Все чаще Профессор мысленно возвращался к тому странному посланию. Которого не могло быть, но было. Отправители хотели найти «крысу», внедрившуюся в их стройные ряды. Где эта «крыса» и кто она – Бальдуччи не знал. У него были свои подозрения, но, когда подразумевается больше одного варианта ответа, данные нельзя считать достаточно точными. И все чаще он задумывался о том, что истинная цель таинственных отправителей заключалась в другом – они, точно так же, как Профессор, не хотели распространения разработанной им технологии. То, что они знали о проекте «Дендра», особых сомнений не вызывало, слишком уж непрозрачно намекали они на то, какие данные следовало «потерять» в сети. Оставался открытым вопрос, не было ли у них самих намерений завладеть технологией. Тем более что визит их сюда более чем реален.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что, скорее всего, на дележ еще не падшей туши лаборатории соберется целая стая стервятников – «потерянные» файлы мог прочесть кто угодно, кроме той самой «крысы», располагающей достаточным количеством терпения и умений.

Бальдуччи открыл присланный ассистентом файл. Быстро пробежал глазами строчки отчета – результат устраивал. Еще есть что усовершенствовать, но в целом вполне годится. В любом случае, заказчик получил именно эту версию использования хлорофилла. А остальное Булимара не касалось.

Три модели, которые хранились в саркофагах, были полностью жизнеспособны. Проект «Дендра» можно считать законченным, а значит – пора собирать вещи. Проект «Координатор», который мог бы здорово усовершенствовать тех тварей в саркофагах, не был завершен. Да и в изначальную версию заказа эту функцию никто не включал. Так что «Координатор» – дело будущего.

Профессор вздохнул – всегда жаль оставлять насиженные места, тем более столь замечательно оборудованные, как это – и подключил психопривод «балалайки» ко включенному раллеру, стоявшему на его столе. Вряд ли удастся забрать с собой все наработки, так сказать, во плоти. Обычно уходить приходилось быстро. Это скорее напоминало бегство, чем исход. Поэтому, самое ценное – в «балалайку», оттуда на специальный наночип, зашитый под кожей. Большинство наноскопов, даже стационарных, этот чип не видели, а, учитывая тот хаос, что царил в мире сегодня, гарантия сохранности данных почти стопроцентная.

Бальдуччи открыл ящик стола, используя специальный магнитный ключ. Там чемоданчик с четырьмя плоскими футлярами. В каждом – новая «балалайка» с записанной на ней жизнью. Не чужой – просто вымышленной. Над этим трудились хорошие писатели. Жаль, их пришлось ликвидировать. А «балалайки» профессор проектировал сам: про индивидуальные чипы он мог рассказать много нового даже производителям и машинистам,

что их программировали.

Там же лежал заряженный «дыродел», кредитка с номером и изрядной суммой на счете – имя пользователя можно было задать потом – и пачка наличности на всякий случай. Набор беглеца.

Ну что ж, все на месте. Скоро он будет готов закрыть проект. Жаль, конечно, еще многое можно было бы улучшить. Но... Время не ждет.

Пока продолжалось копирование данных, Профессор вытащил из верхнего ящика стола большую книгу. Старинный бумажный фолиант в глянцевого обложке с красочной, хоть и немного поблекшей, картинкой. «Все о деревьях», – гласила слегка облесшая золоченая надпись. Красивое популярное издание прошлого. Просто красивая книга, никакой науки.

Бальдуччи нашел закладку. Любимая страница. Руки, аккуратно переворачивая листы поблескивающей глянцевого бумаги, осторожно открыли искомое место.

«Баобаба», – прочитал он заголовок. – *«На обширных просторах цветущих африканских степей – саванна есть и древесные жители. Главным образом, зонтиковидная акация и знаменитый баобаба. Коренастый, с необычайно толстым стволом (иногда 45 метров в окружности) и широкой, но невысокой кроной, баобаба является настоящим долгожителем, нередко доживая до возраста пяти тысяч лет...»*

26. Авианосец «Зенг Хе»

Рука нехотя ковыряла палочками слипшуюся лапшу. Синтетическая лапша с синтетической котлетой – стандартный рацион для команды «Зенг Хе».

Шэня еда не занимала. Вообще не хотелось есть. Его сознание точили мрачные мысли. И та странная штука, что называли совестью, тоже не давала покоя.

Должен ли он? И кому он должен? Для кого, собственно, он обязан стараться?

Да, он военный. Он обязан подчиняться приказу, его жизнь принадлежит Китайской Народной Республике. Полностью и безраздельно. В том и заключается служба – ты отдаешь свою жизнь за право продолжать существование, в котором нет проблемы выбора. Тебя кормят, поят и одевают. За тебя принимают решения и разделяют ответственность. Что бы ты ни натворил, на какую бы сделку с собственной совестью ни пошел, всегда есть отговорка – был приказ.

Сейчас приказа не было. И это не давало покоя. Ожидание смерти – вот, что грызло его изнутри. Какой из него теперь боец?!

И не давал покоя долг – он солдат, он должен быть готов отдать жизнь за страну.

Пускай, капитан много раз представлял, как гибнет в бою, сраженный пулей. Нет, он не страдал от суицидальных настроений, однако картина смерти, достойной настоящего мужчины, вновь и вновь вставала перед внутренним взором. Но ведь здесь нет никакого боя. Здесь вообще никого нет, кроме диких туземцев. Да и в существовании дикарей Шэнь не был уверен. За что тогда, скажите, он должен сложить голову?

Оставалось странное ощущение, что мысли эти лезли в голову откуда-то извне, словно кто-то невидимый стоял за спиной и постоянно нашептывал на ухо. Кто-то обиженный и уверенный в своей правоте. И это зудение очень мешало – мешало соображать и нормально воспринимать происходящее.

Вчера в новостях сообщили об аварии на космическом челноке. Чуть ли не десятая часть бюджета Народной Республики ушла на то, чтобы устроить этот спектакль.

В том, что авария запланирована еще до старта, капитан не сомневался. Иначе по какому поводу они с Хэ появились здесь до того, как каналы новостей сообщили о падении космического корабля. Теперь Шэню стало понятно, кого он должен был спасать в африканской пустыне. Точнее – в саванне. Тайконавта.

Капитан не сомневался, что последние наставления, которые он получит перед вылетом – их, скорее всего, загрузят прямо в «балалайку», а не сообщат лично – предпишут ему ликвидировать тайконавта. Героя своей страны и, учитывая сложившуюся ситуацию, мира.

А главной задачей капитана станет доставить куда-то Хэ. Куда-то в глубь Африканского континента, в саванну. Поднебесная решила распространить свое влияние на дикарей? Смешно. Только Шэню совсем не хотелось смеяться. Задание как задание. Лишь голос, неслышимый, ненастоящий, но такой навязчивый, продолжал упорно долдонить откуда-то из параллельных пространств. Странное ощущение – будто внутри головы кто-то снимал слой за слоем, обнажая чувствительную и уязвимую сердцевину сознания.

Мертвый тайконавт, мертвый капитан ВВС и герой. Хэ? Вряд ли, Хэ не тот человек, который станет светиться. Хотя и о его судьбе, надо думать, заботились без него самого. Уровень, где решали за Хэ, был, несомненно, выше, чем тот, что вершил судьбу Шэня, но сути это не меняло. Приказ.

Но голос-то прав – он не хочет умирать! Не хочет исчезнуть из жизни, быть вычеркнутым навсегда. У капитана не было родственников. Родители погибли в Увэе, дядя, живший в приграничном с Россией Ичуне, исчез. Больше у него никого не осталось.

После катастрофы на Станции, когда землетрясениями разрушило больше половины китайских городов, легко было списать потерю файла на аварии в сетевом оборудовании. Был Цу Мин Шэнь, и нет Цу Мин Шэня. И не было никогда.

– Товарищ капитан, – послышался чей-то голос. Реальный голос, из этой вселенной.

Шэнь вздрогнул. Перед ним, немного склонив голову в почтительном поклоне, стоял молодой лейтенант. Глаза его были серьезны и указывали на стол перед Шэнем. А справа, оттуда, где сидели еще несколько офицеров авианосца, раздавались неприятные смешки.

Капитан опустил глаза и понял причину веселья – в раздумьях он вывалил содержимое тарелки на стол и размазывал лапшу несчастными куайцзу.

Несколько секунд Шэнь с непониманием на лице рассматривал результат своего некультурного поведения, затем резко встал, поклонился лейтенанту, выразив благодарность, и стремительно удалился из столовой.

Шэнь брел по длинным коридорам авианосца. Огромный корабль, без «балалайки» здесь можно заблудиться. Он шел, не разбирая дороги, то и дело натываясь на матросов и офицеров.

Что он мог сделать? Что он должен был сделать? Он, офицер военно-воздушных сил Народной Республики, давал присягу на верность своей стране. Он привык смотреть в глаза смерти и выступать от ее лица. Он всегда был и сейчас оставался верен Родине. Но почему Родина требует, чтобы он умер? Так глупо и бессмысленно? Или Хэ – это не Родина?

Капитан вспомнил полковника. Хэ – странное имя. Скорее всего, ненастоящее. И звание – Шэнь ни разу не видел на Хэ погоны. В каком роде войск он полковник?

А адмирал Бодуань поздоровался с ним, как с давним приятелем. Хотя Хэ чуть не вдвое моложе его.

Шэнь слышал об адмирале. Бодуань слыл человеком сдержанным и не терпящим панибратства. Во флоте его знали все. И все знали, что обращение к адмиралу не по уставу, даже с неподобающей интонацией, может стоить карьеры. И это в лучшем случае.

Тогда как можно объяснить поведение Хэ? И его это «здравствуйте, товарищ адмирал» с улыбкой на лице и до того, как он спустился на палубу? Так можно здороваться со старым приятелем, с которым по долгу службы необходимо соблюдать субординацию.

Значит, Хэ вхож в высшее военное руководство Поднебесной. Но Шэнь никогда не слышал ни о ком по имени Хэ. Откуда взялся этот маленький, даже хрупкий подросток, который называется полковником и который на короткой ноге с адмиралом Бодуанем?

Внимание капитана привлек какой-то шум. На корабле шумело непрерывно – мощные электромоторы непрестанно вращали винты, передавая вибрацию на корпус. К этому гулу Шэнь привык быстро – в сравнении с самолетом на авианосце было слишком тихо. Но шум был другим, новым.

Звук доносился из-за закрытых дверей. Точно, оттуда.

Шэнь приблизился к двери, но открываться она отказалась. Видимо, сенсор реагировал не только на присутствие человека, но и на сигнал «балалайки». Чип Шэня в списке доступа

не значился.

Вдруг створки мягко разошлись в стороны, шум усилился. В дверях появился молодой человек в мундире со знаками отличия лейтенанта. Увидев Шэня, моряк подобрался и, резко взметнув руку вверх, отдал честь. Капитан тоже восторженно встрепенулся, но вовремя сообразил, что на нем нет головного убора, поэтому лишь коротко кивнул.

За спиной лейтенанта через еще не успевшую закрыться дверь Шэнь увидел длинный ряд терминалов с экранами и несколько открытых раллеров на столе. Центр управления, главное место на авианосце. Именно отсюда исходили все команды, которые получали летный и плавсостав. Здесь принимались решения, в этом месте машинисты добывали информацию, обрабатывали ее, а руководство решало, как поступить с добытыми данными.

Вот что ему нужно! Раллер!

В голове Шэня родилась абсолютно идиотская мысль, которая казалась ему верхом логики. Другого выхода не было. В принципе, в этом он оказался прав, если не считать, что побег с авианосца, о котором задумался капитан, тоже выходом не являлся.

Бежать! Прочь отсюда!

Но как же долг перед Родиной, как быть с интересами его страны?!

А как быть с интересами Хэ?! Кто он такой, какие интересы представляет? Капитан нет-нет да и задумывался: а насколько интересы страны совпадают с интересами правящей элиты? Одно ли это и то же? И каждый раз все больше и больше убеждал себя, что – нет. Так с чего бы тогда он должен погибать ради Хэ и того, кому служит таинственный полковник?!

Его учили не задумываться о смысле приказов. И он не задумывался. На смысл приказа плевать, приказано пилотировать «Лэйгун», и Шэнь с радостью и должным рвением его выполнит. Но умирать из-за... Собственно, он даже не мог понять, из-за чего суждено умереть. Из-за «Лэйгуна», из-за Хэ, из-за того, что ждет их в саванне?

Шэнь стремительно двигался по коридорам, не обращая ни на кого внимания. Он цеплял, едва не сбивая с ног, попавшихся на пути моряков и, не останавливаясь, продолжал свой путь. Он знал, вспомнил, где можно добыть раллер.

Конечно – раллер Хэ остался в «Лэйгуне». Словно картинка отпечаталась в памяти – полковник несуществующих войск захлопывает свой компьютер и бросает его на сиденье второго пилота. Внутри истребителя доступ имели только два человека – сам Хэ и Шэнь. Ведь он – пилот секретного самолета, именно эта привилегия и ведет его напрямик к смерти и забвению.

Мгновенной вспышкой вышедшее из равновесия сознание озарилось мыслью, что огромным водопадом, каскадами накатывающим на нормальную логику бытия, на него накатывает безумие. Но лишь на мгновение – подобному теперь не было места в рассуждениях Шэня.

Он шел к ангару. «Лэйгун» стоял в отдельном, специально охраняемом боксе. Странно, «балалайка» подсказывала повороты, но коридоры авианосца казались настоящим лабиринтом: капитан несколько раз сбивался с пути и попадал на палубу, а не в располагающиеся под ней ангары. Никаких сбоев – чип работал штатно, заливая поле зрения красным мерцанием, оповещавшим о том, что Шэнь пропустил нужный поворот. Приходилось начинать все сначала, но взбунтовавшееся сознание снова теряло нить Ариадны. Раз за разом из открывшихся створок дверей в лицо ударял жаркий удушающий воздух. Африка, здесь Африка, напомнил себе Шэнь.

С третьей попытки он наконец попал на нужный уровень и в нужный коридор. Очередная автоматическая дверь вывела его в длинное темное помещение. Автоматика идентифицировала «балалайку» входящего, капитан приписан к летному составу авианосца, поэтому доступ сюда для него открыт.

По центру тянулась длинная дорожка, которая заканчивалась подъемником, поднимающим воздушные суда на палубу. В случае необходимости система доставки работала очень быстро – Шэнь неоднократно видел подобную в действии. Справа и слева от подъемного механизма тянулись два ряда вертолетов. В этом ангаре стояли восемь тяжелых

машин производства московского «Наукома». Учитывая сложившиеся обстоятельства, корпорация «Науком» являлась условным врагом Поднебесной. Да и всего остального человечества тоже. Но по сути – лучшего вооружения в мире не существовало, приходилось идти на компромиссы. Шэнь знал, что каждая машина, каждый пистолет, произведенный заводами «Науком», проходил тщательную проверку на наличие спрятанных программных вирусов и троянов, способных отслеживать и при необходимости перехватывать контроль над боевой единицей, имеющей управление через сеть.

В следующем ангаре находились палубные истребители. Отличные машины, но до «Лэйгуна» им далеко. Персональный ангар доверенного ему самолета Шэнь нашел без труда – перед дверьми стояли двое караульных. Охрана была вооружена сканером и стационарным наноскопом.

Сеть сообщила о приближении «своего», караульные расслабились, приготовив инструменты проверки подлинности вместо оружия. «Балалайка» капитана подозрений не вызвала. Еще бы, ведь она была подлинной. Наноскоп тоже не выявил крамолы. Хорошо, что все совершенство Цифры так и не научилось заглядывать в мысли.

В процессе проверки оба караульных не проронили ни слова.

Двери ангара распахнулись. Караул демонстративно занял позицию спиной ко входу – смотреть на орбитальный истребитель им запрещалось. «Интересно, – подумал Шэнь, – техников, которые осматривали самолет по прибытии, тоже ликвидируют?» Мысль показалась забавной, но тут же вспомнились звуки выстрелов на палубе вчера после заката. По спине пробежал холодок – Шэнь тогда подумал, что тренируется личный состав.

Скорее всего, так и было. Какая такая великая ценность в этом истребителе, чтобы он оставлял за собой хвост из трупов. Но не стоило забывать, что чудесная машина создавалась именно как орудие убийства. Массового и изощренного.

«Лэйгун» стоял перед ним. Мощный, пузатый, как свой небесный прототип, орбитальный истребитель производил впечатление лишь одним своим видом.

Шэнь забрался по приставленной к фюзеляжу лесенке к кабине. Сканер отпечатков пальцев, тихонько пискнув, считал узор пальцев, компьютер самолета проверил данные «балалайки» Шэня. Все нормально, «Лэйгун» признал своего пилота – блистер кабины с тихим шипением приподнялся и, разломившись на две половины, открылся.

Раллер лежал именно там, где должен был. Где его оставил Хэ.

Вытянув руки, чтобы взять компьютер, Шэнь понял: пальцы ощутимо дрожат. А если он ошибался насчет предположения о проверке? Что, если никто не собирается ликвидировать его по окончании операции? Ведь это же бред: он – офицер ВВС, на его счету не одно успешно выполненное задание, и это ничем не лучше и не хуже! Только голос, который теперь не нашептывал, а оглушительно кричал внутри головы, подсказывал совсем иное.

Если он откроет раллер Хэ, выбор будет сделан: на компьютере полковника наверняка достаточно государственных секретов для того, чтобы не только убить вора, но и на всякий случай испепелить и развеять по ветру его мозг.

Должно быть, раллер защищен десятком многоразрядных паролей, сканером отпечатков пальцев, сетчатки, «балалайки» и черт знает чего еще.

«Не трогай!» – кричала та часть сознания, которая еще надеялась на благодарность власти.

«Открывай. Или для чего тогда ты вообще сюда пришел?!» – вопила вторая половина, которая хотела только одного: выжить любой ценой.

Тихо клацнул замочек крышки. Экран раллера зажегся светодиодной подсветкой, побежали строчки загрузки. Никаких паролей и кодов доступа! Шэнь в это просто не мог поверить.

Это ловушка! Его проверяют. Не иначе Хэ сидит сейчас где-нибудь с адмиралом и наблюдает за его действиями. На что способен этот предатель?

Теперь пути назад нет. Только бежать!

Шэнь вытянул проводок психопривода и подсоединил «балалайку» к раллеру Хэ. Нужно отключить персональный чип. Полностью.

Как и у всех военных в Народной Республике, у Шэня стояла «невывинимайка». «Балалайку» нельзя было вытащить без специального оборудования. Если ему удастся бежать с авианосца, его все равно найдут – «балалайка» постоянно на связи и вычислить ее местоположение дело пары секунд.

Открыть содержимое чипа. Так, файлы, данные, память, профессиональные программы. Коды и пароли – именно по ним система распознает своих, с их помощью Шэнь попал в этот особый ангар.

Закрытая область данных. Это еще что?

Шэнь был не простым капитаном ВВС. Еще он был машинистом, легальным ломщиком. Прошел обучение всем премудростям цифрового взлома, отрабатывал методики на самых защищенных серверах мира. ВВС лишь прикрытие и направление работы – по сути, основой деятельности капитана являлся взлом систем управления полетами противника.

Именно благодаря умениям ломщика, а не мастерству пилотажного искусства, Цу Мин Шэнь стал пилотом «Лэйгуна». А теперь знания должны помочь избавиться от этого смертельного подарка судьбы.

Нет ничего отвечающего за отключение чипа. Не новость, капитан знал об этом заранее. Он знает, как обмануть сеть, как сделать свою «балалайку» невидимой. В работе на благо Поднебесной приходилось не только защищаться – в сети хранилось немало китайских вирусов, способных сломить вражескую защиту, к которым у Шэня был доступ. Теперь они пригодятся для, так сказать, личного пользования.

Память ловко выбирала нужные программы, отправляя их на битву с защитой «балалайки». Была лишь одна проблема, которую Шэнь чувствовал, но предпочитал не задумываться – он не знал, откуда в его памяти эти данные, не помнил, как и когда раньше пользовался этими программами. И вместе с тем был твердо уверен, что все это ему знакомо.

Вот сюда. Перезапуск. Проверка. Есть! Программа «балалайки» – секретный армейский софт – изо всех сил борется с внедренным Шэнем пришельцем. Капитан знает – защите удастся победить. Но у него есть время. Возможно, когда его вирус будет сломлен, он доберется до места, где можно будет вынуть «невывинимайку». Глупый каламбур, но нет ничего невозможного.

Мысль о том, как он будет добираться до какого бы то ни было места, появляться никак не хотела.

Все, теперь быстрее бежать. Даже если Хэ не следил за своим раллером, визит Шэня в особый ангар не останется незамеченным.

Рука потянула крышку компьютера вниз, но глаз зацепился за «скрытую область». Что это? В стандартном наборе «балалайки», будь она хоть трижды военной «невывинимайкой», ничего подобного не стояло. Открыть?

«Зачем тебе это нужно?» – спросил внутренний голос, исполненный сомнения. Если б только знать, как он был прав!

Молниеносными движениями капитан вскрыл механизм защиты «скрытой области». Стандартные алгоритмы, часть из них Шэнь вроде бы сам и писал когда-то давно. Надежная штука, но не до неприличия. Первый алгоритм – отключен. Второй висит сбоку, создан специально, чтобы его не заметили. Но это опасно для тех, кто не знает. Второй заслон тоже вдребезги.

На экране раллера открылось окно, быстро заполняющееся полем бессмысленных знаков. Кодирование. Такая последовательность Шэню знакома. Только он никак не мог вспомнить – откуда. Руки сами набирают нужные символы, раллер открывает все новые файлы, «балалайка» работает на пределе. Что он делает?!

Шэнь вспотел, нещадно ныло в глубине головы, за глазами. Он понимал, что вот теперь точно может попасться – работа шла исключительно по наитию, никаких точных данных.

Шаг, еще один. Непонятная последовательность одних знаков сменяется другой, столь же непонятной. Не тот код. Но система молчит, действия капитана для нее приемлемы. Вторая попытка. В точку!

Глаза стремительно бежали по строкам, потом необходимость читать исчезла – расшифрованные данные загрузились в открытую область «балалайки». Губы капитана задрожали, из горла вырвался сдавленный стон.

Суки!

Шэнь вырвал из затылка психопривод, руки наотмашь захлопнули крышку раллера, не заботясь о целостности компьютера.

Твари!

Разум перебирал эпитеты, какими хотелось наградить того, кто сделал это, но подходящего не находилось. Все были слишком мягкими для этих...

Подонки!

Шэнь вышел из бокса, где стоял «Лэйгун» – совершенное оружие и его проклятие, – и быстрым шагом направился прочь из ангаров. Караульных он не заинтересовал. Разве что горящие ненавистью глаза могли вызвать подозрения – Шэнь уже полностью контролировал себя.

Самый простой способ выбраться с авианосца – прыгнуть в море с палубы. Фактически этот способ был единственным: палуба двумя языками взлетно-посадочной полосы нависала над носом и кормой судна, с нее можно было погрузиться в воду далеко за винтами. Но требовалось немало безрассудства, чтобы прыгнуть в бурлящее за кормой море с высоты пятнадцати этажей.

Шэнь надел спасательный жилет, проверил надежность застежек. Второй жилет он на всякий случай взял в руки. И прыгнул.

Сильный удар о воду отключил перегруженное событиями сознание капитана ВВС КНР.

27. Движения в темноте

Ночное небо, черное, словно антрацит, ярко поблескивающий полированными сколами, почти не давало света. Луны видно не было, зато прямо над головой отчетливо раскинул хвост Млечный Путь. Глубина неба, казалось, притягивала, засасывала, проглатывая бrenную землю вместе со всеми ее обитателями.

Но темнота не мешала. Напротив, он видел все, его – только ночные твари саванны. Пару раз пытались подойти гиены. Убивать неразумных животных он не стал. Получив чувствительный тычок в бок, зверюги поняли, что ошиблись в выборе добычи, и ретировались в высокой траве.

Саванна жила. Тихо шуршали змеи и какие-то мелкие твари вроде мышей, слышался осторожный шорох чьих-то когтей в нескольких десятках метров за спиной – похоже, его преследовал шакал. И не было жары. Последний факт казался самым замечательным.

Но звери его не интересовали. Он пришел не за добычей. Его интересовали люди.

Найти их не представляло особого труда: люди оставляли слишком много следов. Несколько тысячелетий жизни в цивилизации, приучившие людей полагаться на разум и вещи, а не на ощущения, начисто лишили их приспособляемости к естественным условиям обитания. Даже местные дикари, так и не научившиеся пользоваться «балалайками», недалеко ушли от своих городских собратьев.

Надломанные ветки редких деревьев, следы в пыли, потерянные стрелы и обрывки одежды. Все это словно светящимся пунктиром вело к человеческому поселению. А когда ноздри Кречета уловили слабый, но устойчивый запах дыма, найти деревню труда не составило.

Одна лишь проблема – расстояние. Пришлось часа полтора бежать легкой рысью. Тело Кречета было вполне готово к подобным экзерсисам, но силы все равно расходовались зря.

С другой стороны, с этими недоумками много сил и не понадобится. У него не было даже оружия, только большой охотничий нож, который ему выдал оператор, однако этого вполне достаточно. Если бы не щедрость оператора, он вполне справился бы и голыми руками.

Деревня дикарей представляла собой небольшой участок саванны с вытоптанной сотней пар ног травой и застроенной плетеными из той же травы и прутьев хижинами. Убогое зрелище.

Негры, замотанные в длинные тряпки, перекинутые через одно плечо, были похожи на одноруких инвалидов, закутавшихся в странного покроя плащи. Почти все были худые и высокие. Макушка Кречета едва доставала до плеча среднего дикаря. Но размер противника не имел никакого значения.

В деревне горели три больших костра. Возле каждого сидели по трое-четверо мужчин. По всей видимости, караульные. Все вооружены копьями, рядом лежали луки со стрелами, у двоих «дрели». На глаз Кречет не мог определить, заряжено ли оружие, а прикинуть их вес не получалось: «дрели» безучастно лежали на земле, их никто не трогал.

Значит, сначала нужно убрать тех, кто мог первым дотянуться до автоматов. Остальные караульные отправятся к праотцам секундой позже. И главное – работать без шума. Дикарей слишком много. Противостоять Кречету у них не хватит сил, но в суматохе можно пропустить нескольких убежавших или спрятавшихся. А программа четко оговаривала условия – уничтожить всех.

Он осторожно подкрался к костру на восточной окраине. Задержался в траве на минуту – необходимо время, чтобы перестроился метаболизм. Сигналом к началу послужило ощущение жара. Казалось, что его опустили в котел с раскаленным металлом: клетки в ускоренном порядке всеми силами производили аденозинтрифосфат, клеточные мембраны не выдерживали, и энергия, которую организм был не в силах удержать, выделялась в виде тепла.

Мозг переключился в боевой режим, мысли остались где-то в ином мире. Теперь существовала только цель. Мозг превратился в машину, вычисляющую наиболее оптимальную траекторию движения, максимально эффективную стратегию и точно наводящую удар.

То, с чем не справлялись нейроны, обрабатывала «балалайка». Не совсем простая, разумеется.

Мир превратился в безумно четкую картинку, состоящую из ближайшей мишени и всего остального. Нужные детали тут же вычленились из общего фона и учитывались ровно до того момента, пока имели значение. Одновременно мозг получал от «балалайки» прогнозы поведения целей.

В мгновение ока Кречет превратился в совершенный механизм убийства. Он стал тем, для чего был создан.

Невысокий Кречет стремительно выскочил из укрытия, резким ударом кулака проломил череп сидевшего рядом с «дрелью» дикаря и снова исчез в темноте. «Дрель» в пыли саванны больше не лежала.

Потребовалась всего доля секунды, чтобы понять, что магазин автомата пуст – оружие слишком легкое. «Дрель» снова упала в пыль, теперь уже никому не нужная – Кречет утратил к ней интерес, а остальные перестанут что-либо хотеть через совсем небольшой промежуток времени.

Второе появление Кречета в свете большого костра, разбрасывающего искры вокруг, негры пропустили. Они только обнаружили, что их товарищ лежит на спине, вытаращив остекленевшие глаза в бездонное небо, когда два коротких удара ножа – интервал менее десятой доли секунды – прервали их никчемные жизни. Сквозное ранение сердца и рассеченная трахея со вскрытыми сонными артериями. В пыли, совсем рядом с огнем, темным пятном расплзалась лужица. Пересохшая земля жадно впитывала кровь – хорошее подспорье для травы, что начнет расти здесь уже завтра.

Кречет позволил себе эту мысль – все равно требовалось около пяти секунд, чтобы перебраться ко второму костру. На западную окраину поселения дикарей.

Здесь «дрели» нет, караульных два. Он появился в кругу света, словно выросший из-под земли джинн. Бедняги даже сообразить ничего не успели. Не исключено, что они вообще не заметили того, кто оборвал их жизни.

Третий костер – центр деревни. Трое караульных, «дрель» и еще пара длинных, замотанных в грязные красные тряпки дикарей, которым не спится. Не стоит отвлекать караульных. Хотя какие из этих черномазых караульные...

Нож дважды вонзился по косой под девятое ребро, самым кончиком разорвав стенку аорты. Со стороны костра, должно быть, показалось, что опершиеся на копья помощники караула разом поперхнулись.

Тела первых жертв еще не успели коснуться земли, а Кречет уже заходил с другой стороны костра, резкими ударами рукоятки кинжала выбивая шейные позвонки трех караульных, сбившихся в кучу. Они слушали веселый рассказ друзей. Они так и умерли – ничего не понимая, глядя друг на друга удивленными, быстро стекленеющими глазами.

Все. Теперь рутинная работа. Живых остаться не должно. Пребывая в боевом режиме, Кречет не мог думать. Это обстоятельство не только увеличивало в разы скорость его реакции на происходящее вокруг, но и устраняло самую неприятную для воина часть сознания. Кречету не было жаль. Никого. Ни детей, ни женщин. Для него не было разницы, кого убивать: существовали только цели, которые надлежало уничтожить.

Потом, когда мозг переходил в обычный для бойца его класса режим, он мог задуматься о содеянном. Но не хотел. Его создатель постарался на славу – рефлексией и депрессиями Кречет не страдал.

Он методично заходил в каждую хижину, уничтожая все, что двигалось. В каждом доме спало по десять-двенадцать человек, но скорость реакции Кречета впечатляла – никто так и не издал ни звука. Удары – каждый до миллиметра выверенный и без вариантов смертельный – сыпались на жертв с такой скоростью, что никто просто не успевал проснуться до того, как Кречет добирался до последнего жильца хижины.

Спустя сорок минут все было кончено.

Кречет присел у догорающего костра. Измотанное запредельной нагрузкой тело теперь мерзло. Руки, густо измазанные в крови, заметно дрожали. Сейчас нужно вывести из организма излишек адреналина, иначе клетки зря израсходуют столь нужную энергию.

Рядом с трупами караульных стоял глиняный сосуд. Надо думать, с водой. Кречет поднял кувшин и жадно выпил всю жидкость. Вода оказалась затхлой и теплой, но Кречету было все равно.

Когда мышцы восстановили нормальную активность и тело вышло из оцепенения, Кречет прошел по деревне, выпив еще несколько литров воды. Он съел какие-то запасы дикарей, не опасаясь того, что еда могла быть несвежей: совершенный организм боролся с инфекцией столь же эффективно, как с людьми. Спустя пятнадцать минут Кречет помочился в догорающий костер и счел, что готов отправиться в обратный путь.

Он тщательно вытер нож травой. Оружие нужно вернуть оператору и крови на нем быть не должно. Ничто не должно напоминать о том, на что Кречет способен, о том, что произошло ночью. Потом, облившись из оставшегося кувшина водой, боец не менее тщательно стер следы крови со своего тела.

Все, теперь можно отправляться назад. Времени мало, скоро рассвет.

Невысокая фигурка, которая могла показаться стороннему наблюдателю даже тщедушной, быстро и неслышно скользила на фоне моря звезд. Кречет бежал обратно. Он пополнил силы, и теперь тело готово двигаться долго, не зная усталости.

За его спиной посреди саванны оставалось место, еще вчера принадлежавшее людям. Уже через несколько минут гиены и шакалы начнут драться, выясняя, чья очередь раньше. Впрочем, там хватит на всех. Через пару дней от деревни ничего не останется, только кучки сухой травы, что раньше были хижинами.

Но пока падальщики не осмелились приблизиться к своим прошлым повелителям, под безлунным черным небом саванны лежали девяносто три трупа.

Среднее время соприкосновения ноль целых тринадцать сотых секунды на одну цель. «Не самый лучший показатель», – подумал Кречет, легко огибая попавшийся на пути куст.

28. Утро в саванне. Моралес

Нога болела. В бедре будто что-то дергало и копошилось. Моралес смотрел несколько раз – нагноения вроде бы не было. Но все равно болело сильно.

Сейчас стоило отлежаться, дать ноге отдохнуть. Хорошо бы еще промыть рану и обработать чем-нибудь типа йода. Но подобная привилегия теперь не для него.

Хоакин понимал, что стал обузой для всего отряда. С такой ногой он далеко не уйдет. И цацкаться с ним никто не станет. С последним пунктом Моралес был полностью согласен: в этом мире каждый сам за себя. Не заслужил ничем таким выдающимся Хоакин Моралес особого к себе отношения.

В расщелине все еще было темно. Если верить ощущениям, наверху только-только занимался рассвет.

Хоакин аккуратно поднялся, стараясь не потревожить в темноте спавшего рядом с ним Гамми. Свидетели не нужны – неизвестно, что придет в голову капитану, сочтет ли он нужным оставить надзирателя в живых.

Рюкзак стоял рядом. Огромный, кажущийся монолитной глыбой. Нет, он не станет ничего оттуда брать. Это не его вещи. Да и шорох возни может разбудить остальных. Если собрался уходить, медлить не стоит.

Капитан выставил караул с той стороны, откуда они пришли. С юга расщелину никто не охранял. Туда Хоакин и решил направиться.

Сбоку кто-то завозился. Гамми. Так Моралес и не узнал, что за фрукт этот Звездецкий, заключенный номер один-три-семь-шесть. Тихонько зевнул и улегся. Он что, ходил куда-то? Отлить, наверное. Куда ему еще идти? Да и не выпустили бы его.

Идти по изрезанному провалами и торчащими в самых неподходящих местах острыми камнями дну расщелины оказалось труднее, чем Моралес предполагал изначально. Сильно подвела больная нога.

Идти предстояло еще долго – он помнил, сколько они прошли, пока появился спуск. Так что назад идти как минимум столько же плюс неизвестно сколько до места, где можно будет подняться на поверхность.

И что делать на поверхности? В испепеленной злым африканским солнцем саванне? У Хоакина был план, которым он не стал делиться с капитаном, но удастся ли его осуществить? Прежде всего нужно найти воду. Пить хотелось неимоверно, если он не найдет воды сегодня, то завтра ему уже не встать. Так что первый пункт повестки сегодняшнего заседания готов. Можно от доброты душевной потом вернуться за моряками. Об этом пока рано думать.

А дальше куда? Для чего он вообще рвался сюда, на материк? Хотел уйти из «Африки», выбраться в нормальный мир, пожить по-человечески хотя бы немного. Одна беда – нормального мира больше не существовало. А «Африка»... «Африка» стала для него домом. Самым настоящим, созданным собственными руками.

И какой тогда выход? Сознание, подстегиваемое пульсирующей болью в проткнутой копьём дикаря ноге, подсказывало только один выход. Не дождетесь! Его зовут Хоакин Моралес, можно по слогам повторить для тех, кто не понял. Никогда Моралесы не выбирали простых путей. Тем более таких – лечь и сдохнуть может только безвольное животное. А он человек. Он – Хоакин Моралес!

Моралес понял, что последние несколько минут бормочет в такт шагам собственное имя. Пускай. Пусть все знают, что он идет, пусть камни вокруг слышат это.

Он настолько вжился в рваный ритм шагов, что не сразу сообразил, что стало светло.

Сверху, в далекий узкий разрез, злобно прищурившись, пылало солнце. Дарящее жизнь на протяжении миллионов лет светило, похоже, решило окончательно разделаться с этой частью света. Черт возьми, жарко даже здесь, на глубине пятнадцати метров.

Хоакин потерял счет времени, часов у него не было. Нога болела сильнее, видимо, воспаление все-таки началось. Несколько раз он обнаруживал себя облизывающим сухой пыльный камень. И он все время что-то бормотал. Хотел доказать всем камням вокруг, каждому жучку, который осмелился вылезти из норы на его пути, что он здесь не просто так, что его зовут Хоакин Моралес и этим все сказано. Жучки, кстати, здесь водились совершенно отвратительные на вкус.

Сначала Хоакин решил, что бредит. Но помраченное сознание на этот раз не подвело – впереди действительно раздавался шум льющейся воды. Отвесные стены разлома отражали звук, искажая его и распространяя довольно далеко, поэтому определить расстояние до источника было невозможно.

Казалось, вот, за следующим поворотом, он сможет наконец припасть пересохшими растрескавшимися губами к прохладной живительной влаге, окунуться в мокрую прохладу, остудить тело, которое мучил жар солнца и воспаления. Но поворот открывался в следующую змеящуюся пещеру, где не было ни капли воды.

Нога уже не болела – Хоакин ее просто не чувствовал. Конечность волочилась следом, представляя собой ненужный обременительный кусок мяса. Без него Моралес смог бы двигаться быстрее. Совершенно точно, намного быстрее. Но у него не было ножа, чтобы отрезать никчемную плоть.

Если бы он мог идти быстрее. Если бы мог... Он бы давно уже напился вожаделенной влаги и тогда... Там, наверху, много дорог. На самом деле Хоакин знал их больше, чем рассказал капитану. Хитрый европеец хотел узнать все. Но Моралес тоже не лыком шит. А капитан не дурак – понял все правильно. Именно поэтому Хоакин был все еще жив. Или он уже не...

Онемевшая нога неловко подвернулась, зацепившись ставшим вдруг непомерно тяжелым ботинком за очередной выступ, Моралеса бросило в сторону. Камни, всюду эти предательские камни, подумалось ему, прежде чем острый осколок скалы, торчащий из стены, впился в висок.

Мир резко перевернулся, по глазам резануло ослепительным огнем горячего солнца. «И всюду солнце», – это была последняя мысль Хоакина, прежде чем мир, сожженный светилom дотла, исчез окончательно.

Яркие блики весело прыгали по водной глади. С волны на волну – впереди, метрах в пяти, сверху падала мощная струя, от которой кольцом расходилась по воде рябь. Наверное, это рай? Хотя с чего это Хоакин взял, что врата рая для него открыты?

Рука быстрым движением нырнула под промокшую рубашку, пальцы ткнулись в крестик с распятием. На месте. Хоакин вытащил крест и, задержав на секунду взгляд на влажно поблескивающей серебряной поверхности, поцеловал его. Спаси и сохрани.

Рывком перевернувшись, Хоакин уперся ногами в близкое дно. Твердое – под ногами был камень. Он аккуратно встал на обе ноги. Точно, ноги было две, и обе он чувствовал. Так и есть, это рай. Иначе откуда бы взялась вторая нога – Моралес точно помнил, что колотил по ней камнем, пока не оторвал от тела. Тогда идти стало легче.

Он опустил взгляд вниз. Левая штанина полностью распорота. Из воды торчала белая незагоревшая коленка, по которой редкими тонкими струйками сбегала вниз розовая жижа. Почему розовая? Ах да, он же был ранен. Но откуда нога?

В памяти начала медленно проступать действительность. Рано биться в ворота Царствия Небесного. У него еще здесь остались дела.

Рана на бедре, в самом веру – Хоакину повезло, еще пару сантиметров вверх, и копьe пронзило бы бедренную артерию – зияла страшным багрово-сизым цветком с опухшими и какими-то истерзанными краями.

Он набрал в ладони воду – действительно прохладную, как ему и представлялось, – и

сделал несколько жадных глотков. Он уже пил, теперь Хоакин вспомнил. Выпитая жидкость быстро наполняла организм, разбавляла загустевшую кровь. В голове немного прояснилось.

После удара в висок на какое-то время Моралес потерял ориентацию. Совсем. Он не лишился сознания, оно всего лишь помутилось. К счастью – временно.

Сейчас память возвращалась. Вдоволь, до черноты перед глазами, насмотревшись на солнце, Хоакин вскочил и, не помня себя, рванулся вперед. Его бросало из стороны в сторону, несколько раз он бился головой о камни еще. Потом его стошнило. Чем-то желтым и горьким.

Он кричал что-то вверх, ругал собственную ногу, которая, похоже, вознамерилась известить его. Но эти вопли никто не слышал. Только жуки и ящерицы, безразлично вззирающие на обезумевшего человека.

А потом, когда левое бедро взорвалось каскадом невыносимой боли, вырвавшейся вдруг из небытия онемения, Хоакин впал в неистовство. Он рвал плоть, колотил по ноге острым камнем. Он хотел отомстить ненавистной конечности, но подсознание не обманешь, оно понимало, что нужно.

Острые найденного Хоакином булыжника сделало свое дело, распоров плоть над большой гематомой, собравшейся глубоко под кожей. Свернувшаяся кровь уже начала гнить, отравляя организм токсинами. Еще немного, и Хоакин на самом деле отправился бы к райским вратам договариваться с апостолом Петром насчет вида на жительство. Но, видимо, за вратами рассудили иначе.

Больно было невыносимо. В глазах потемнело, Хоакин взвыл, словно смертельно раненный зверь, и, выбросив окровавленный камень, побежал вперед, не разбирая дороги.

За очередным поворотом показалось небольшое озерцо, в которое сверху лилась потоком вода. Ноги поехали в размокшей грязи, и Хоакин, подняв веер брызг, рухнул в водоем.

Сейчас нога болела. Болела, мать ее! Значит, ткани живы, значит, он выздоравливает. Конечно, о настоящем выздоровлении говорить пока не стоило, но, насколько он разобрался в ранах, дело шло на поправку. Дыру камнем он проковырял широкую, больше гнойник образоваться не должен. А остальное...

Хоакин снова вытащил из-за пазухи распятие и, произнеся несколько слов на португальском, поцеловал его. Остальное, как Господь распорядится.

Подняться наверх оказалось очень трудно. Размокшая глина, покрывающая склон, ведущий на поверхность, была скользкой, словно лед. Хоакину предстояло взобраться по этой горке наверх.

Но другого пути не было. На всем пройденном Моралесом отрезке стены стояли отвесно, а дальше озерца расщелина заканчивалась и выходила на поверхность как раз тем самым скользким склоном.

Хоакин здраво рассудил, что прибывающая довольно мощным потоком вода должна куда-то вытекать, иначе вся расщелина, по которой он шел, превратилась бы в русло реки. Скорее всего, где-то здесь и было старое русло какого-то ручья, как и люди, выдернутого из привычной жизни толчками землетрясений. Моралес предполагал, что можно найти более простой путь из провала наружу – вместе с вытекающей водой.

Щель нашлась справа. Но она оказалась столь узкой, что в нее с трудом пролезала рука. Речи о том, чтобы выйти здесь, быть не могло. Так что оставался единственный путь – вверх, прямо по небольшому водопаду.

Первая попытка закончилась неудачей. Руки сорвались, и Хоакин с размаху влетел в грязь лицом, скатившись назад.

Здесь нужно было выработать какую-то тактику, нахрапом это препятствие не взять. Моралес выбрал небольшой камень, напоминающий формой кинжал. Размахнулся и воткнул его в грязь – каменное острие довольно глубоко погрузилось в слипшийся грунт, – подергал из стороны в сторону. Медленно выползает, зараза, но все-таки держится. Можно попробовать.

Он так и пополз: вонзая каменное орудие в грязь и подтягиваясь. Самым сложным моментом было удержаться в промежутке, когда камень приходилось выдернуть и воткнуть снова, теперь уже чуть выше. Раненую ногу то и дело сводило болезненным спазмом, пару раз удержаться не удалось и он, расплескивая воду, съезжал вниз. Приходилось все начинать сначала.

Но спустя час или полтора голова Хоакина показалась из щели, в которую текла вода. У самого края рос толстый пучок пожухлой травы. В этой Африке все пожухлое, он уже привык к этому.

Резким движением Хоакин выбросил камень, натерший к тому времени на ладонях не одну мозоль, и, что было сил, ухватился за траву. Травы было много, можно не опасаться, что не выдержит.

Перебирая руками по траве, потом по влажной, но уже не такой скользкой земле, Моралес наконец выбрался из подземелья. Хотелось прилечь, закрыть глаза и поспать хотя бы полчаса. Но этого он не мог себе позволить – Хоакин лежал на небольшом островке, окруженном мелкими, но достаточно широкими ручьями. В размокшей грязи по обеим сторонам от потока было видно множество следов. Среди них отчетливо выделялись кошачьи отпечатки: здесь утоляли жажду львы, и если звери решат прийти на водопой сейчас, Хоакину сильно не поздоровится.

Преодолевая боль и усталость, Моралес поднялся. Сначала на колени, потом встал полностью. В ногу снова вернулась боль. После купания, несмотря на палящее солнце, немного познабливало.

Нужно найти какой-нибудь антибиотик, иначе инфекция его доконает. Только где здесь взять лекарства? Вариант один – дойти до ближайшего поселения, пускай и брошенного пару лет назад. По опыту обустройства жизни в «Африке», Хоакин знал, что под обломками рухнувших зданий может сохраниться много полезного. Особенно такая мелочь, как пузырек с антибиотиком.

Он плохо представлял, куда вывела расщелина. Но, повертев головой, быстро наткнулся взглядом на черную узкую полосу, змеей убегающую за горизонт. Это была дорога, одна из тех, по которой грузовики Всемирной рудной компании везли добычу из карьеров в порт. До того, как половина Африки провалилась на дно моря. Теперь, судя по торчащим из всех щелей в асфальте пучкам травы, дорогой никто не пользовался. Собственно, найти на дороге людей Хоакин и не надеялся.

Остается понять самому, для чего он пришел сюда. Хотел добраться до города? Вот дорога, иди и будет тебе город. Мертвый город, попирающий саванну своими уродливыми обломками. Может быть, даже удастся вызвать помощь, как надеялся Хоакин. Но что ждет там? Новая «Африка»? Или здесь остались одни мертвецы?

Хоакин вспомнил встречу с туземцами. Нет, здесь были люди. Другие, не похожие на тех, которых он привык видеть рядом с собой. Люди, нашедшие свою гармонию в природе, а не в бурлящих Анклавах, обитатели которых отдали собственную жизнь на волю Цифры. Там не люди, а ходячие «балалайки». Там прошлое этого мира. Здесь...

Стала жизнь здесь будущим? Или она лишь часть давно забытого прошлого?

Хоакин не знал. Он не привык стоять на месте, не привык сомневаться.

В саванне он нашел длинную прочную палку, которую использовал как костыль. Корявый сучок натирал левую подмышку, но идти стало намного удобней.

Палка глухо стучала по асфальту. Стук... стук... Куда бы ни вела дорога, она давала возможность двигаться вперед. А там – видно будет.

29. Индийский океан, недалеко от побережья острова Сомали

Шлеп... шлеп... шлеп...

Звук осточертел донельзя. Его однообразие донимало даже больше, чем усталость и стертые руки.

Шлеп... шлеп...

Какой же он идиот! Радость переполняла Вайса, он наконец сбежал с этого треклятого острова. Он стал свободным!

Вопрос только, отчего сбежал. Здесь, в открытом океане, Иоганн точно ничто не держало. Плыви куда хочешь, никаких ограничений – берега, и того нет.

Шлеп... шлеп...

Батарей Ллейтона они бросили в лодке неспроста. Глупо надеяться, что уплывшие в открытое море люди станут оставлять хоть что-то, что могло бы помочь в путешествии.

Батарея сдохла меньше чем через час. Ее просто выбросили за непригодностью. Но, нагревшись на солнце, элемент питания протянул из последних сил еще немного.

Поняв, что лодка лихо плывет, срезая носом мелкую волну, а в него никто не стреляет, Иоганн оглянулся – один короткий взгляд, ему совершенно не хотелось рассматривать ненавистную «Африку», – берег превратился в узкую полоску у самого горизонта. Все, теперь его точно никто не достанет.

Иоганн спустился с мостика вниз, нашел весла, упрятанные в широкие борта, зацепил уключины и...

Шлеп... шлеп... шлеп...

Сколько продолжалось это шлепанье, сказать трудно. Долго – единственное ощущение о прошедшем времени. Солнце уже клонилось к закату, небо побагровело.

О цели путешествия Вайс задумался, когда руки начали соскальзывать с весел из-за того, что покрылись склизкой влагой из лопнувших пузырей. Эйфория мнимого освобождения оказалась настолько сильной, что Иоганн даже не чувствовал боли в стертых ладонях. Он свободен!

Мысль о том, что он давно уже должен был добраться туда, куда хотели попасть уголовники из шайки Илюмжинова, пришла слишком поздно. Если у берегов Тюремного острова и был какой-то корабль, Вайс проплыл мимо, оставив надежду на спасение за горизонтом. Можно было вернуться. Одна беда – он не знал, за каким горизонтом был берег и, следовательно, тот корабль.

Он пробовал плыть по компасу. Благо приборная панель катера сохранилась в неприкосновенности. По всем признакам, остров должен находиться на западе. Но несколько часов гребли не дали никакого результата. Не то Иоганн ошибался с направлением, не то начал петлять на одном месте. Кроме того, не стоило сбрасывать со счетов и течения.

В животе урчало до неприличия громко. Сразу вспомнились времена, когда Моралес разрешил жрать рабов. Когда все завалы были разобраны и запасы подсчитаны. Иоганн ни разу не ел человеческое мясо. Он всегда вспоминал это с гордостью, хотя руки начинали дрожать, когда картины из недалекого прошлого вставали перед глазами.

Он помнил, как ржал Илюмжинов с друзьями, а у Вайса в горле словно застрял увесистый булыжник, который он намеревался проглотить, но не смог. Тогда в животе урчало точно так же. Только в руках он держал теплый еще котелок с жидковатым бульоном, в котором обнаружил ребро. Маленькое человеческое ребро. Двенадцатое.

В тот раз он нашел в себе силы выплеснуть содержимое котелка прямо в раскосые сощуренные глаза луноликого Илюмжинова. Моралес не разрешил бить Вайса, но в момент, когда Иоганн решил поступить именно так, о мести уголовников он не думал.

Скоты! Они еще устраивали игры, выбирая обед на сегодня. А рабы тоже не гнушались вчерашних товарищей – ели их сырыми, им было не до гурманства.

Вайс шумно сглотнул набежавшую слюну и понял, что есть ему совсем расхотелось.

Иоганн, обмотав растертые ладони лоскутами, которые оторвал от рубахи, пошел обследовать доставшееся ему судно. В кубрике было пусто, только два спасательных жилета. Не самая нужная в нынешних обстоятельствах вещь. На корме, среди вороха всяческого тряпья и каких-то непонятных бумаг с цифрами, он нашел пластиковую бутылку с несколькими глотками воды, оставшимися на доньшке.

Вайс лихорадочно открыл крышку – пить хотелось уже давно, губы пересохли и

потрескались, – прильнул к горлышку, запрокинув голову, но остановился. Воды было мало, а пополнить запасы негде. Он аккуратно выпил два глотка и тщательно закрутил крышку. А как хотелось выпить все до дна! И еще столько же. И повторить.

Он отнес бутылку в кубрик, располагавшийся на носу под мостиком. Там было прохладней, пускай вода охладится. Количество ее не прибавится, так хоть удовольствие от питья получит.

Шлюпку немного покачивало на легкой волне. Выходя из каюты, Вайс задел сиденье маленького диванчика, какие располагались по обоим бортам, и заметил, что обитое кожзамом сиденье легонько приподнялось. Действительно, ни к чему тратить место попусту, там должен быть сундук!

Иоганн поднял крышку и не поверил своим глазам – под сиденьем хранился целый арсенал. Имелся даже «ревун» – тяжелый пятиствольный крупнокалиберный пулемет. Хороший запас, там, в «Африке», он пригодился бы. Но какой от оружия прок посреди открытого океана? Отстреливаться от акул?

Вайс закрыл сундук и вышел на корму. Лучше бы они тут воду оставили. Хотя была же бутылка.

За бессмысленным перебиранием оставшегося от хозяев шлюпки хлама Иоганн провел еще около часа. Или немного больше.

Солнце уже слилось с горизонтом, словно растворяясь в глубине океана, когда из-за борта послышались редкие, но совершенно отчетливые всплески. Вайс осторожно высунул голову над леером, всматриваясь в водную рябь. Метрах в тридцати от шлюпки безумный хаос пляшущих багровых бликов, щедро рассыпанных по поверхности океана ныряющим за горизонт светилom, нарушало какое-то движение. Да, точно – плеск доносится оттуда.

Что это может быть? Крупная рыба, дельфин? Это может либо стать едой, либо несет в себе угрозу. В обоих случаях пригодится оружие.

Иоганн осторожно, стараясь не шуметь, сходил в каюту и взял «дыродел». Сначала хотел вооружиться «дрелью», но подумал, что автомат, выплевывающий пули чуть не со скоростью звука, хорош для устрашения скучковавшейся толпы, а не для прицельной стрельбы.

Когда он вернулся, неуклюже пригибаясь будто под обстрелом, плеск никуда не исчез. А лучше бы его не было. Вайс не знал, как поступить. Выстрелить в мельтешение огней? И что это ему даст? Ясно, что там не лодка.

Крикнуть, позвав пловца, обнаружив свое присутствие? Так маловероятно, что тот сам не заметил ярко-оранжевую спасательную шлюпку совсем не миниатюрных размеров. И вообще – с чего он взял, что там человек?

Все-таки надо выяснить, что там. Иоганн положил «дыродел» на дно шлюпки, рядом с банкой, взялся за весла и, с силой сжав зубы, тихо застонал. Как же больно рукам! Черт бы побрал эти весла! Но что оставалось делать? Он поднял весла в воздух, опустил их в воду и рванул рукоятки на себя. В ладони словно вонзилась сотня иголок. Шлюпка продвинулась вперед метра на три. Нужно развернуть ее, иначе он проплывет мимо.

Иоганн налег на правое весло. От боли потемнело в глазах. Или это солнце скрылось за горизонтом? Вайс обернулся: нет, почти половина огненного диска еще торчала над водной гладью. Рывок, еще один. Плеск сделался заметно ближе. Все-таки это человек, кто еще мог так плескаться?

– Эй! Кто там?! – выкрикнул Иоганн.

Ему не ответили, но и плеск не затих.

Вайс повернулся, вглядываясь в сверкающую водную гладь. Вот он. Или она. На секунду Иоганну показалось, что он различил человеческую руку, но мгновение спустя снова все исчезло.

Нужно еще повернуть шлюпку – пловец все так же остается справа по борту.

Яркий диск солнца, казалось, на секунду задержался, чтобы в последний на сегодня раз посмотреть на Иоганна Вайса, и нырнул в безбрежный океан, оставив мир в быстро

меняющих цвет с багрового на сизый сумерках. Блики на воде исчезли, будто кто выключателем щелкнул.

В воде действительно был человек. Теперь, когда вода не отсвечивала, его стало хорошо видно – яркая оранжевая точка, время от времени взмахивающая рукой. Скорее всего, человек греб чисто автоматически, с подобной активностью движений он не скоро добрался бы куда-нибудь. Откуда он здесь?

Иоганн снова налег на весла. Пловец, похоже, в критическом состоянии, не утонул только благодаря спасательному жилету. Нужно вытащить его.

Шлюпка послушно поворачивалась острым носом в сторону пловца. Удар веслами, еще один. Несмотря на боль в ладонях, Вайсу нравилось ощущать, как легко лодка рассекает воду.

Но разум не остановить, мысли рождаются непрестанно. Сознанию свойственно все подвергать сомнению, во всем находить резоны.

Зачем он спасает пловца? Чем он мог помочь этому обреченному на смерть человеку? Поделиться последним? Но у него самого не намного больше. Да, у него есть лодка и десяток глотков воды, он не выбился из сил окончательно и не рискует захлебнуться в любой момент. Но что это меняет? Сам Иоганн в точно таком же положении, как этот пловец в оранжевом спасжилете.

Руки опустились, весла легли на воду. Шлюпка продолжала двигаться по инерции, и в какой-то момент Иоганна вывел из раздумий рывок вправо. Весло дернулось, проехав несколько сантиметров в уключине.

Длинно выругавшись, Вайс повернулся к воде. За весло держался пловец. Он тянул весло на себя, словно пытался вырвать его из рук Вайса. Глаза человека были безумны, широко открытые, они, не мигая, уставились на Иоганна, а рот, непрестанно шевелящийся, бормотал что-то непонятное.

– Бань-чу, во-герен, – услышал Вайс невнятное бормотание.

Он ничего не понял из слов пловца. И это немудрено – человек в спасжилете был китайцем. Из-под оранжевого материала плавсредства выглядывала промокшая, но вполне узнаваемая военная форма. Вайс не сильно разбирался в знаках отличия, но больших сомнений в том, что на пловце надета форма ВВС Народной Республики, у него не возникло. О том, что человек имеет отношение к авиации, недвусмысленно говорила эмблема с крыльями на лацкане кителя, о происхождении из Поднебесной – обильно сдобренный иероглифами и пятизвездным флагом спасжилет.

Правой рукой китаец неистово дергал весло, в левой держал второй спасательный жилет. Похоже, пальцы на оранжевой ткани плавсредства свело судорогой, и поднебесник просто уже не мог их разжать, чтобы выпустить ненужный и мешающий плыть предмет.

Иоганн осторожно наклонился, стараясь не выпасть за борт, схватил китайца за ворот жилета и потянул на себя. Пловец никак не хотел отпускать весло. Видимо, он слишком долго пробыл в воде, утратив всяческую надежду на спасение, и теперь не хотел расставаться с попавшей в руки опорой.

– Брось весло! – заорал на него Вайс.

Громкий крик вывел китайца из оцепенения, глаза его сфокусировались на лице Иоганна, губы замерли, оставив рот полуоткрытым, а правая рука вцепилась в борт шлюпки. Опасаться, что пловец сможет перевернуть катер, повиснув на борту, не стоило – слишком большой вес у лодки.

Вайс взглянул в лицо китайца: несмотря на природный желтый оттенок кожи, на ней отчетливо проступала синева, губы темно-фиолетового, даже немного землистого оттенка, нижняя челюсть дрожит. Зубы не клацали лишь потому, что китаец держал рот открытым. И глаза – Иоганн ожидал увидеть в них безумие, но в глубине черных зрачков таилось иное: там он нашел отчаяние.

Вцепившись одной рукой в банку, второй он изо всех сил тянул китайца за ворот спасжилета.

– Забирайся, – прошипел Вайс.

Китаец вроде бы ожил, дернулся вперед, уткнулся лбом в борт. Потом в шлюпку с глухим пенопластовым стуком упал спасательный жилет, который поднебесник держал левой рукой, и дело пошло быстрее. В два рывка Вайс затащил пловца в лодку, и оба обессиленные повалились на дно, тяжело дыша.

– Ты кто такой? – поинтересовался Иоганн, когда дыхание немного восстановилось и стало возможно говорить.

– Во-герен, – словно заклинание, повторил свою фразу китаец.

– Вайс, – представился Иоганн. Он не знал, что означает «вогерен», но счел это именем.

30. Территория племени Хаммар. Полтора года назад

Поход оказался долгим. Слишком долгим, чтобы у Хаммар остался хотя бы один шанс выжить. Не осталось ничего – ни коров, ни коз. Люди умирали десятками каждый день. Не хватает еды, вода ушла из обычных для нее мест. И все же можно остановиться, можно жить, но здесь повсюду люди: местные племена, которые жили в этих краях испокон века, пришедшие из городов, как правило, сородичи живущих в саванне. Места для Хаммар не находилось нигде.

Кулфу понимал: еще несколько месяцев пути, и его племя исчезнет. Не останется на земле больше ни одного Хаммар. Болезни и голод убивают его людей. Пришло время делать выбор. Только из чего выбирать, Кулфу не знал.

Хаммар разбили лагерь в саванне. Около сотни изможденных, измученных бесконечным походом человек – все, что осталось от большого некогда племени. Люди устали, они шли несколько дней кряду. Нужно было остановиться хотя бы на пару дней, пополнить запасы охотой, найти воду.

В походе они сталкивались с отрядами местных жителей – высоких людей, которые называли себя Масаи и Сумбуру. Местные вели себя вызывающе, особенно масаи, но все же разрешили остановиться на территории, считавшейся их собственностью, на два дня.

Колдун отобрал пятнадцать молодых маза, к которым прибил Келле, сын Афы. Это был передовой отряд, с которым Кулфу планировал провести разведку предгорья высокой горы, видневшейся неподалеку. Он знал, что гора носит имя Кения.

Отряд отправился в путь на рассвете. Солнце еще не разогнало ночную прохладу, опустившуюся на саванну, идти было легко и приятно.

– Кулфу, почему духи предков не помогают нам? – спросил молодой Келле.

Колдун хорошо знал его отца, Афу. Это был настоящий Хаммар, чтущий бога Тому и духов умерших предков. К сожалению, Афа погиб на краю саванны, пытаясь спасти скот, попавший в ловушку из глубоких трещин в земле.

Сам Кулфу давно испытывал сомнения насчет существования духов. Несмотря на то что он регулярно сообщал племени о том, что сказали ему предки, на самом деле никаких духов он не слышал. Никогда. Ни раньше, ни сейчас. Кулфу задумывался, что могли бы посоветовать предки, если бы они на самом деле говорили с ним. И решения приходили. Возможно, их и действительно подсказывали колдуну духи. В любом случае, Кулфу был уверен, что не стоит рассказывать людям, что никаких голосов нет, не стоило отбирать у них веру, тем более сейчас.

– Духи всегда с нами, – многозначительно ответил Кулфу.

– Но почему тогда Хаммар никак не могут найти пристанища?

– Духи мудры, – сказал колдун, – но они коварны. Духи – это не люди. Они были людьми, но сейчас их существование стало иным, у них нет больше тел, им неведомы проблемы с едой, не нужна вода. Они не помнят, что значит жить. Наш мир для них не лучшее место. Их мир – это страна на другом берегу реки.

– Но ведь реки больше нет, – прошептал Келле. В его глазах Кулфу увидел неподдельный ужас: юноша искренне переживал о том, куда отправятся духи.

– Река – понятие условное, – объяснил колдун. – Берег, на котором живут духи, не в нашем мире. Он там, где правит Сын Солнца Тому. Но помочь отправиться туда духам предков могут только живые.

– Почему тогда мы не делаем этого?

Парнишка умен, но задает слишком много вопросов. Кулфу считал себя достаточно мудрым, он не опасался, что какой-то юнец заведет его в тупик своими вопросами, но Келле начинал раздражать его.

– Потому что духов стало слишком много. А живых – слишком мало. Мы не сможем провести церемонию проводов как положено. Если духи останутся недовольны, они могут начать мстить и наслать на людей беды и болезни.

Келле секунду промолчал и задал вопрос, над которым Кулфу почему-то никогда не задумывался:

– Но ведь духи тоже Хаммар. Зачем им вредить своему народу?

Наивный пацан. Своему народу могут навредить и живые. Только объяснять это Келле не стоит, лучше рассказать что-нибудь о духах, это укрепит его веру.

– Духи – это не люди, – повторил колдун. – Нам неизвестно, чего и почему они хотят. Они хотят иначе, чем люди. Понял?

Келле молча кивнул, но Кулфу видел, что юноша сомневается. У него были какие-то свои мысли, которыми он не захотел делиться с колдуном.

Подножия горы отряд Хаммар достиг довольно быстро. Солнце поднялось высоко и нестерпимо палило. После того как земля перевернулась, светило, что всегда дарило жизнь земным существам, словно обезумело. Казалось, весь этот мир решил сойти с ума, и людям не оставалось ничего другого, как пытаться приспособиться к новым правилам игры. Хаммар пока это удавалось плохо, они по всем статьям проигрывали взбесившейся природе.

Ближе к горе саванна становилась все более безжизненной. Кусты и одинокие деревья почти исчезли, пучки травы сделались меньше и ниже. В камнях, которыми была усыпана ссохшаяся земля, сновали лишь ящерицы и змеи. Это место не годилось для жизни, здесь Хаммар не могли оставаться надолго. Может быть, на горе?

Но Кулфу понимал, что серый голый камень, торчащий в нескольких километрах впереди, еще меньше подходил для жизни людей, чем эти пустынные места. Похоже, в мире больше не было места для Хаммар.

Скоро саванна уступила место каменным осыпям. Кулфу замечал недовольные взгляды маза, идущих с ним. Идти стало трудней, острые и обжигающе горячие камни вонзались в ступни, воздух раскалился. Даже ветер, дувший по ущелью, обдавал тела Хаммар волной удушающего тепла. Пора было поворачивать назад.

Отряд остановился у гигантской ямы, огромными полукруглыми ступенями уходящей далеко вниз. Левый склон ямы ополз широким языком обвала. Кулфу знал, что это такое. Карьер. Здесь белые добывали что-то, вытаскивали из земли камни и увозили их далеко к морю. Какая-то руда. Теперь карьер стоял брошенным, пыльной язвой уродуя первозданный ландшафт саванны.

– Здесь должно быть поселение, где жили рабочие карьера, – сказал один из маза. – Нужно его найти. Там могут быть уцелевшие вещи.

Кулфу бросил на маза, осмелившегося первым заговорить с колдуном, злобный взгляд. Последнее время молодежь стала позволять себе слишком многое. Духи не одобрили бы такое поведение. И слабости колдуна, управляющего племенем, точнее, тем, что от него осталось, не одобрили бы.

– Городок вон там, – колдун показал рукой. В паре километров на пригорке, с другой стороны карьера, действительно виднелись следы человеческого поселения. Именно следы – городок был полностью разрушен землетрясениями.

Отряд отправился по краю карьера к остаткам поселения. Шли молча, никто не донимал колдуна расспросами.

«Люди распустились, – снова подумал Кулфу. – Раньше такого не было». До

катастрофы маза, прежде чем обратиться к колдуну, обязаны были принести дары и на коленях приблизиться к навесу, под которым он восседал. Раньше все было иначе. Если бы кто-то год назад сказал ему, что какой-то маза станет указывать ему, колдуну племени, что и где искать, он убил бы его, провозгласив жертвой духов. Так было всегда, так было заведено у Хаммар с начала времен. И духи всегда выказывали благосклонность своему народу. А сейчас?

Впрочем, какие духи?! Кулфу был прагматиком, он верил в духов и богов только в целях поддержания власти и порядка в племени. Он заботился об этих молодых ублюдках, которые теперь позволяли себе спорить с ним. Кулфу бывал в городах, в мире белых людей, в племя иногда возвращались их братья, ушедшие на поиски лучшей жизни, но не нашедшие ее. Он знал, что мир намного больше саванны, в которой жили Хаммар, что Омо – не единственная река в мире. Что многие люди живут совсем иначе. Но он не желал жить той жизнью – сытой, удобной и комфортной, но опасной, вызывающей у людей зависть друг к другу. Он выбрал этот путь, путь его предков. И он будет отстаивать свой мир до конца.

Колдун взглянул на того маза, который говорил о городе белых. Идет по самому краю обрыва. Он легко может оступиться. Но...

Нет, такой способ решения проблемы не подойдет – Хаммар и так осталось слишком мало. Люди устали, они раздражены. Они возлагали надежды на своего вождя, на Кулфу, а он не смог их обеспечить ничем. Даже местом, где Хаммар могли бы жить, не боясь, что завтра их убьют более сильные местные племена.

В городке оказалось пусто. Обломки временных построек были разворочены, большая часть начала гнить. От свалки, в которую превратилось поселение, исходил отчетливый сладковатый аромат. У Кулфу не было особых сомнений в его источнике – под завалами, похоже, до сих пор оставались трупы тех, кто здесь жил. Даже падальщики саванны не смогли вытащить всех.

Здесь кто-то побывал до них. И наверняка не один раз. Все, что было ценного, отсюда забрали. Везде одно и то же – нет места для Хаммар в этом мире.

Взгляд Кулфу остановился на небольшой пластиковой коробочке. На крышке был нарисован сильно поцарапанный и выцветший крест. Аптечка. Это может пригодиться. Колдун открыл аптечку, порылся в лекарствах.

Почти все пришло в негодность. Несколько ампул – Кулфу не знал, что это такое, поэтому брать их не стал. Рассыпавшиеся таблетки. Он прочитал название – заковыристое слово, написанное латиницей, ни о чем не говорило Кулфу, но дальше значилось: «антибиотик». Это лекарство пригодится. Колдун достал пузырек, в котором носил специальный состав, необходимый для проведения некоторых ритуалов, выбросил содержимое – там все равно оставалось мало даже для одной церемонии – и насыпал туда порошок, образовавшийся из развалившихся таблеток.

Больше ничего стоящего в городе они не нашли.

Дальше за карьером начинался скалистый подъем на гору. Там искать было нечего, это место непригодно для жизни.

Кулфу резко ударил о камень посохом, с которым ходил постоянно, зажмурил глаза на несколько секунд и провозгласил, для убедительности подняв вверх левую руку раскрытой ладонью вверх:

– Духи сказали... – он сделал паузу, придавая фразе торжественности. Но на лицах маза он не увидел благоговения, одна лишь усталость. Плохо, очень плохо. Потерявший свою Традицию народ обречен на исчезновение. В это Кулфу верил безоговорочно и старался нести это в массы, – что нам нужно искать...

Договорить ему не дали. Кулфу смотрел на маза, он пристально следил за их лицами. Колдун ждал, когда кто-нибудь осмелится высказаться против того, что предлагает он от имени духов. Он видел, что сейчас кто-нибудь из них, скорее всего, тот, который решил взять на себя роль руководителя, отвернется и скажет, что они больше не хотят слушать Кулфу. Они выберут свой путь – путь в забвение.

Но прервали колдуна не маза. Его перебил негромкий, но настойчивый голос человека, говорившего на английском.

– Вы кто? – спросил белый мужчина мощного телосложения.

С ним были еще трое, двое белых и один азиат. Они вышли из-за огромного, нависающего над карьером булыжника, поэтому никто из Хаммар не заметил их приближения.

Маза дернулись, выставляя перед собой острые как бритвы копы, но Кулфу жестом остановил их. Против «дрели» и двух пистолетов копы были бессильны. Тем более в неумелых руках скотоводов.

– Мы племя Хаммар! – ответил Кулфу, гордо подняв голову. Белые должны понять, что Хаммар гордый народ и не собирается идти к ним в услужение.

– Дальше идти нельзя, – медленно произнес белый.

Похоже, он понимал, что облаченный в бычью шкуру с яркими, намазанными старой пересохшей охрой дредами Кулфу вряд ли бегло говорит по-английски. И он не ошибся. Для него Кулфу был дикарем. Для колдуна белый был... Нет, врагом он не был, он был чужим, пришельцем из иного мира.

– Нам нужно вернуться домой, – так же медленно, путаясь в словах, ответил Кулфу.

Чтобы вернуться, идти нужно назад. Но колдун отчего-то решил проявить неповиновение. Бессмысленное и безрассудное.

Много раз позже он будет думать, почему поступил именно так, отчего просто не ушел – ведь их отряду не нужно было идти туда, куда не пускали их белые. Но он так и не нашел ответа.

Белый, демонстративно выставив «дрель» перед собой, покачал головой. Хаммар не уходили, белые ждали решения. Собственно, решения было два: проиграть и уйти – тогда он больше не колдун племени, он может «насылать порчу духов» и убивать непокорных, но у него не останется уважения соплеменников, только страх, убивающий Традицию не хуже безразличия; и можно было дать маза команду атаковать этих белых и умереть. Физически, оставшись в памяти Хаммар, как значимый и уважаемый дух.

Но умирать не хотелось. Очень не хотелось.

Решение нашел один из белых, стоявших за спиной бугая с «дрелью». Он легонько дернул того за рукав, привлекая внимание, наклонился и что-то сказал в самое ухо. Кулфу слышал слова, но ничего не понял – человек говорил слишком быстро.

Белый с «дрелью» очень выразительно пожал плечами, поджал губы и почесал подбородок, размышляя о чем-то. Потом он упер указательный палец правой руки в штанину и поводил им из стороны в сторону, словно рисуя что-то. На какое-то время замер, закатив глаза, кивнул сам себе и, пробормотав быстро несколько слов себе под нос, обратился к Кулфу:

– У нас есть предложение: ты помогаешь нам, мы поможем тебе и твоему племени.

Кулфу не удержался, издав короткий изумленный вздох – белый говорил на языке Хаммар. Да, так он намного лучше понимал речь человека с «дрелью», но это было неправильно – его понимали и остальные Хаммар. А что-то внутри подсказывало Кулфу, что решать судьбу сделки предлагают ему одному.

– Что вы можете предложить? – тщательно выбирая слова, задал вопрос на английском колдун.

– Ты пойдешь с нами? – белый понял свою ошибку и тоже перешел на английский.

– Далеко?

– Не очень. С тобой будет говорить наш... главный, – он сделал небольшую паузу перед последним словом, видимо, выбирая понятный Кулфу термин.

– Хорошо.

Кулфу ответил сразу, не раздумывая. Племя Хаммар зашло в тупик. Он завел его туда, откуда выхода не было. И не стоило разбрасываться возможностями.

Главное – не пожалеть потом.

Маза остались на окраине разрушенного городка. Так сказали белые люди, и так приказал им колдун. Кулфу велел им возвращаться самим, если он не вернется до того, как солнце скроется за горой.

Впереди шел бугай, за ним Кулфу, следом – азиат, который все время держал оружие на изготовку и не сводил с колдуна настороженного взгляда. От него исходил отчетливый запах страха. В случае, если бы Кулфу решил сбежать от них, азиат не представлял бы никакой угрозы. Но подобных намерений Кулфу не имел.

Они спустились на дно карьера. Здесь была вода, но ни одно животное не пило ее. Понятно почему – та белая пыль, что осталась здесь со времен разработки карьера, делала воду мертвой, отравляя все живое. Очередное явление из прошлого мира, мира белых людей. Вот почему Кулфу никогда не хотел жить в нем.

Недалеко от оползня, снесшего когда-то почти половину стены, обращенной в сторону горы, в белой породе виднелось несколько черных, казавшихся бездонными, дыр. Здоровяк уверенно вошел в третью справа. Он явно ходил здесь не первый раз.

Внутри было прохладно, влажно и гулко. И сразу защипало в глазах и в носу. Кулфу чихнул несколько раз, потер нос, из которого вдруг полилась унижающая его слизь, но неприятное ощущение не прошло.

Азиат с пистолетом сказал что-то одному из своих. Кулфу не понял что. Но собеседник азиата ответил, что, мол, «хорошо» или «конечно».

В темноте тоннеля они несколько раз поворачивали, переходили в новые ответвления. Кулфу пытался запомнить путь, но вокруг было темно, да еще на глазах постоянно выступали слезы, и он быстро сбился, считая повороты и направления. Нет, самому отсюда не выбраться.

Потеряв ориентацию, Кулфу перестал обращать внимание на происходящее вокруг. Его занимали мысли о судьбе Хаммар. И о его собственной судьбе. Его власть пошатнулась, она, можно сказать, висела на волоске. Нужно что-то предпринять, нужно придумать...

Тихое жужжание вывело его из раздумий – перед ними распахнулись автоматические раздвижные двери: вежа из прошлого мира. Материал, из которого сделаны двери, твердый и прохладный. Искусственный. Вероятно, очень прочный. Кулфу слышал когда-то давно название этого материала, но никак не мог вспомнить слово.

– Титапласт, – усмехнувшись, подсказал бугай.

Да, именно это название. Следом одна за другой открылись еще четыре двери. Надежная защита. Что у них там, что они здесь прячут?

За последней дверью подземелье преобразилось – здесь было светло настолько, что Кулфу, глаза которого привыкли к полумраку освещаемого фонариком тоннеля, невольно зажмурился. Слезы потекли с удвоенной силой. Да что такое творится с его глазами? И нос совсем расклеился.

Азиат, показав пальцем на трущего лицо Кулфу, сказал кому-то, подошедшему к ним:

– Сделай ему...

Последнего слова колдун не понял. Но тот, с кем разговаривал азиат, исчез на минуту, а потом подошел к Кулфу, крепко схватил его за руку и приставил к коже какой-то инструмент, напоминающий пистолет, холодящий плоть металлом. Короткая боль, будто пчела ужалила, и человек с ненастоящим пистолетом исчез. Через несколько минут Кулфу почувствовал, что глаза перестали слезиться и с носом вроде бы все стало нормально.

Теперь он смог рассмотреть все великолепие подземелий белых людей. Если бы он не шел вместе с остальными по темным тоннелям, то ни за что не поверил бы, что они находятся под землей.

– Пошли, – здоровяк, что вел Кулфу, легко подтолкнул его под локоть.

Широкий, хорошо освещенный коридор убегал вдаль, постепенно заворачивая направо. Похоже, этот проход шел по кругу.

Они остановились около одной из дверей в глубине коридора, постояли там несколько секунд. Потом двери открылись, и они попали в просторную и очень уютную комнату.

Обычную комнату, какие бывали в любом хорошем городском доме.

В комнате за длинным черным столом, заставленным разными диковинными вещами, названия половины из которых Кулфу не знал, сидел человек. Тоже белый. Его растрепанные волосы были седыми, а лицо покрывала сеть морщин – хозяину кабинета было много лет.

Приведший Кулфу белый что-то быстро сказал седому, тот коротко кивнул, и провожатый вышел.

– Садитесь, – предложил хозяин кабинета, указав протянутой ладонью на черное кресло, стоявшее перед Кулфу.

Колдун сел. Пожилой белый что-то пробормотал, его нос недовольно поморщился, а потом он медленно, стараясь четко произносить слова, стал говорить на языке Хаммар. Несмотря на то, что он явно очень старался, получалось все равно не очень. Кулфу уже слышал слава Хаммар из уст того бугая с «дрелью», поэтому совершенно не удивился, услышав родную речь в исполнении старика.

– Вы занимаете высокий пост в своем племени, – сказал белый.

Кулфу не понял, утверждал он или спрашивал, но уточнил:

– Я колдун племени Хаммар.

Собеседник удовлетворенно кивнул. Перед каждым словом старик задумывался, как будто слушал кого-то невидимого для Кулфу.

– У меня есть к вам предложение. Вам нужна земля...

– Мы сами решаем, что нам нужно! – перебил его Кулфу. Он не собирался преклонять голову перед этим белым. И перед остальными – тоже.

– Несомненно, – не стал спорить старик. – Хаммар не из этих мест, если я не ошибаюсь?

– Нет, – немного помедлив, ответил колдун.

– Вам нужна земля, – повторил белый, – а мне нужны люди. Немного. Они вернутся домой, но мы их чуточку... изменим.

О чем он говорит? Как он изменит людей? Отрежет им руки? Ноги? Или головы заменит? Кулфу не понимал.

– Что мы получим взамен?

Старик расплылся в довольной улыбке.

– Вот это уже деловой разговор. Лично вы... как вас, кстати, зовут, господин колдун?

– Кулфу.

– Лично вы, Кулфу, получите вот эту вещь, – он показал небольшую полупрозрачную бутылочку. – Достаточно одной капли, чтобы несколько десятков ваших врагов скосила страшная неизлечимая болезнь.

– Но ведь эта же болезнь может убить и Хаммар.

Белый снова улыбнулся.

– Приятно иметь дело с дальновидным политиком, – сказал он. Некоторые слова были сказаны на английском, но Кулфу понял его. – На этот случай есть другая бутылочка. Нужно дать по капле каждому человеку из твоего племени, и Хаммар зараза будет нестрашна. Вы станете наводить ужас на местные племена, вас будут бояться и делиться с вами землей. А куда им деваться – побеждает сильнейший, ведь так?

Очень заманчивое предложение. И как все гладко получится, как легко свалить все на гнев духов, наславших болезни на головы чужаков, решивших встать на пути Хаммар.

Кулфу уже рисовал в воображении картины мирового господства на местном уровне. Вот только пока непонятно, чем нужно расплачиваться.

– Что вам нужно от моих людей? – решил уточнить он.

Белый поднял со стола небольшую плоскую черную штучку треугольной формы, обрамленную маленькими желтоватыми полосками – контактами.

– Вы знаете, что это?

Кулфу знал. Как знал и то, для чего здоровяк, что привел сюда, посмотрел на его затылок, подняв волосы, перед тем как войти в тоннель.

– «Балалайка», – кивнув, сказал колдун.

– Да. Вы вдобавок еще и образованный человек.

Кулфу совершенно не трогала лесть белого. Скорее даже раздражала. Старик упивался своей образованностью, собственной цивилизованностью, в ценности которой Кулфу очень сомневался. Белый многое знал из того, что окружало их здесь, в этой комнате. Но он ничего не знал, и колдун точно видел это в глазах старика, о духах. Ни о духах Хаммар, ни о каких других. Он плевал на эту часть мира. И впервые за долгие годы Кулфу почувствовал, что, несмотря на то что он сейчас в чужом и враждебном мире, духи Хаммар защищают его. Странно, но это чувство совсем не удивило его. Неужели он все-таки верил в существование духов?

Колдун ждал ответа. И получил его.

– С вами пришло шестнадцать человек, – уже без тени иронии продолжил белый. – Мы установим им всем такие «балалайки». Я получу некоторые данные, которые мне нужны. Вы – снадобье с болезнью и противоядием. Кроме того, ваши люди, те шестнадцать, получают возможность значительно улучшить свои навыки охотников и воинов. Не сразу, со временем.

– Я не продаю Хаммар, – сказал Кулфу и поднялся.

Куда и как отсюда выйти, он не знал. Да и согласен он был заранее на все, что ему могли предложить белые. Если бы они хотели убить Хаммар – у них была возможность сделать это много раз.

– Не надо столь громких слов! – повысил голос старик. – Сядьте! Мы оба понимаем, что у вас просто нет выбора. Я предлагаю вам сделку, выгодную нам обоим. И вашему народу в первую очередь. Надеюсь, вы понимаете, что мне не составит труда приказать своим людям, чтобы они силой привели сюда оставшихся снаружи бойцов?

– Тогда почему вы просите у меня разрешения?! – закричал Кулфу, но сел обратно в кресло. Он был подавлен.

– Мне нужно не просто установить «балалайки» в головы дикарям. – Старик виновато улыбнулся, но в глазах его не было и тени сожаления об оброненных словах: – Простите, Кулфу, но Хаммар не самая прогрессивная часть человечества. Я должен наблюдать, как будут они работать. Для этого мне нужен свой человек среди испытуемых. И чтобы они не трогали устройства и вообще – не обращали на них особого внимания. Вы это можете устроить?

– Они все умрут?

Старик как-то странно всхлипнул, потом рассмеялся. Громко, запрокинув голову.

– С чего вы взяли? – спросил он. – Риск, конечно, есть, но он невелик. Я же вам сказал: со временем эти шестнадцать ди... человек станут лучшими воинами и охотниками вашего племени. Это я вам обещаю. Да, и о том, откуда у них появились «балалайки», они ничего помнить не будут. Так что вы – в полной безопасности.

– А если я не соглашусь?

– Тогда вы не выйдете отсюда. И ваш отряд не вернется домой.

Кулфу посмотрел на старика. Его взгляд был полон злобы, он обещал собеседнику все кары, какие только мог придумать способный к фантазиям разум колдуна, но белый выдержал и не отвел глаза. Он даже не моргнул. Перед Кулфу сидел по-настоящему сильный человек, очень сильный.

– У Хаммар нет дома, – сквозь зубы процедил колдун и добавил: – Я согласен.

Старик довольно улыбнулся.

– Читайте, что дом у вас уже есть, – он щелкнул пальцами, и перед ними, прямо на столе, появилась маленькая саванна с горой и карьером. Прямо как настоящая. Белый ткнул пальцем в часть саванны восточней горы и сказал: – Я бы рекомендовал вам вот это место.

31. Саванна. Там, где раньше была Кения

Гамми осторожно пошевелил пальцами, потом руками. Ощущение, будто тело залили

холодцом – мышцы напряженны, движения скованны. Он осторожно приоткрыл глаза. По ту сторону век царил серый непроницаемый полумрак.

Гамми приподнялся, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить соседей. Хотя бы несколько минут относительной свободы, пока не проснулись новые хозяева. Рядом, положив головы на свои рюкзаки, в одинаковых позах спали капитан и Куцев, а чуть поодаль, метрах в семи, клевал носом толстяк Али. Ему, судя по всему, выпало нести караул в утренние часы. Штурман лежал, подтянув простреленную Моралесом руку под себя, у самой стены. Гамми смотрел на раскинувшуюся перед ним идиллию и думал, что, если бы у него был «дыродел», никакой Али в карауле не помог бы спящим. Четыре выстрела практически в упор – никто среагировать не успеет.

Только смысла в этом было немного. Максимум, чего бы он достиг – это возможности избавиться от ненавистного рюкзака. Да и это тоже утопия: слишком много необходимого придется нести для себя. А куда нести? Здесь же вокруг одни дикари.

«Может, попробовать сбежать от этих к дикарям?» – подумал Гамми. Сомнительное мероприятие. Негры в тряпках прямо спят и видят, когда к ним прибьется замечательный человек по фамилии Звездецкий с красивой татуировкой на лбу за номером один-три-семь-шесть.

Все-таки Моралес, скотина, его достал. Не получилось там, на острове, справиться с задачей здесь. Но он так и не узнал, кто активировал нанокапсулу.

И тут Гамми понял, что сигнала, зудящего где-то в глубине правой ноги, больше нет. Он резко поднялся, всматриваясь в спящих моряков. Кто из них? Трое спят, один делает вид, что сторожит. Никто не среагировал на движение бывшего заключенного.

Секундочку! Как это – трое спят. А где Моралес?! Где эта, мать его, тварь?!

Гамми осмотрел всю каменную нишу, в которой ночевал отряд, но следов тюремного головореза нигде не было видно. Сбежал?!

– Али! – тихо позвал он.

Европеец вздрогнул, мотнул головой, сгоняя морок сна, но все равно было видно, что он никак не может сконцентрировать взгляд.

– Тебе чего? – недовольно пробурчал он.

– Где Моралес?

– Спит, – коротко ответил Али, привалился спиной к стене и снова закрыл глаза.

– Где спит? Здесь его нет.

– Как – нет? – Это был голос капитана. В нем не было тревоги, просто вопрос.

– Если он не стал невидимым, то его здесь нет, – Гамми улыбнулся.

Капитан включил фонарь, у окружающего их пространства тут же появился объем, прорезанный резкими тенями. Сразу стало ясно, куда ушел Моралес – четкие следы рифленых подошв его армейских ботинок вели к низкому своду, спускающемуся почти до самого пола. Там вполне мог пролезть человек. Именно это и сделал Моралес: в узкой щели на пыльных камнях виднелось несколько темных полос засохшей крови.

– Сбежал, гад! – констатировал Мустафа.

Гамми тихонько засмеялся. Ему вдруг представился Моралес в роли вождя какого-нибудь из местных племен. Суровый взгляд поверх голов преданных дикарей, шкуры-клыки-пирсинг – все как полагается – и рука, выпускающая из «дыродела» пули, одну за другой, повергающие врагов великого белого вождя целыми пачками. Хотя «дыродела» у него теперь нет. Ничего, Моралес не пропадет, лук какой-нибудь приспособит.

– Надо было его сразу пристрелить, – безразличным тоном произнес Али.

– Я же вам говорил, – послышался хриплый со сна голос штурмана.

Действительно, штурман говорил. Гамми помнил это. А вот Али – как раз наоборот, обрадовался возможности облегчить свой рюкзак, отдав большую часть ноши Моралесу. Еще тогда Гамми показалось странным рвение, с которым толстяк вступился за него и надзирателя. Он искал причину, почему их следовало оставить в живых. А вот теперь Али утверждает, что Моралеса нужно было пристрелить. Отчего такая перемена мнений?

Ответ мог быть лишь один – тогда Моралес был зачем-то нужен Али, а теперь нужда в нем отпала. Или европеец понял, что ошибся. Но что могло связывать Моралеса и этого моториста из Европейского Исламского Союза?

– Вы, Мартин, кажется, были уверены, что он обязательно воспользуется шансом? – усмехнулся капитан.

– Вот и результат, – ответил штурман, потягиваясь, – он сбежал.

– Но никого не тронул. Хотя, наверное, мог бы. В любом случае, нам Моралес ничем не помешает. Правда, придется утяжелить наши рюкзаки.

Гамми шумно сглотнул набежавшую слюну. Это как раз по его душу. Сомнений, что большая часть содержимого рюкзака, который нес надзиратель, достанется именно ему, не возникало. Душегуб хренов! И кто их, надзирателей, подбирает – наверное, большого профессионализма человек: Моралес умудрился изгадить жизнь заключенному даже собственным отсутствием. Парадокс!

– Не уверен, – это был Виктор.

Он единственный, кто выглядел относительно свежим и выспавшимся. Куцев усиленно тер предплечье правой руки. Делал он это абсолютно машинально, но Гамми в неверном свете фонаря успел заметить там засохшее бурое пятно. Или показалось – когда он посмотрел во второй раз, рука инженера была чистой.

– В чем? – не понял его капитан.

– В том, что Моралес нам не сможет помешать.

– То есть?

Гамми тоже не понял, что имел в виду Виктор. Хотя ему, по идее, глубоко наплевать на проблему моряков, Гамми прислушивался к разговорам. Как ни крути, а идти им все равно вместе. Вот знать бы еще: куда и зачем.

– Он знает, куда идем мы. А куда пошел он – нам неизвестно. Возможно, Моралес знает больше, чем рассказал нам. Он вообще себе на уме. Если он сольет информацию о нашем танкере в сеть...

– Нас все равно уже нет на танкере, – спокойно возразил капитан. – Нам это ничем не грозит.

– Только без нефти нас никто не станет спасать, – возразил Куцев.

– Я же говорил, что этого гада надо убить, – снова вставил свое мнение штурман.

Нет, ну это уже был полный бред. Моралес, охотящийся за танкером, – такого Гамми не мог представить себе даже в страшном сне. Разве что если танкер загрузить заключенными – хорошая возможность для Моралеса устроить маленький плавучий ад. Но нефть – нет, это утопия. Тем более...

– У него нет «балалайки», – сказал Гамми.

– В каком смысле? – спросили одновременно капитан и Али.

Гамми усмехнулся. Он понимал их – когда живешь в *нормальном* мире, где есть сеть, где люди пользуются «балалайками» чаще, чем нижним бельем, фраза «у него нет «балалайки»» действительно звучит дико. Но факт оставался фактом.

– В самом прямом.

Чтобы им стало понятней, Гамми повернулся и поднял длинные седые волосы, собранные в хвост, демонстрируя торчащую в гнезде заглушку.

– У Моралеса точно такая же.

– Но ведь он не заключенный.

– В «Африке» сеть давно не работает. «Балалайка» там без толку.

– И все же... – Виктора не оставляли подозрения.

За завтраком допили последнюю воду. Теперь главной целью были поиски питья. Гамми сумел убедить капитана, чтобы его отпустили пройтись по окрестностям.

Вода здесь должна быть. Слишком буйная растительность, слишком много животных, чтобы предположить, что до источника очень далеко. Вместе с Гамми отправился Куцев.

Самым замечательным было то, что можно пройтись без рюкзака. На плечах лямки

натерли две красные, покрывшиеся за ночь подсохшей коркой, полосы. Солёный пот раздражал раны, и они сильно саднили.

Гамми искал признаки, по которым можно найти воду. Лучший способ – идти по следам зверей. Животные не размышляли над вопросом, куда бы сегодня сходить. У них в жизни было только два направления: поесть-попить и потрахаться.

В сущности, у людей все точно так же. Только человек делал вид, что стремления его куда возвышенней, пытаясь оправдать природные мотивы массой бессмысленной возни, побочным продуктом которой и являлась цивилизация. Со всеми ее «дыроделами», «балалайками», танкерами и прочей дребеденью, до которой зверью не было никакого дела.

Ему, зверью, нужно думать о пропитании. Поэтому все следы, в конце концов, приводили к водопою или охотничьим угожьям. Поскольку угожья у всех были разные, то место, куда ведет большинство следов, – это именно водопой.

Логика была безупречна, и скоро за очередным невысоким пригорком показалась небольшая, по щиколотку глубиной, речушка. Скорее даже ручеек. В центре русла, представлявшего собой размокшую топкую грязь, текла прозрачная на вид вода. В черной грязи виднелось множество отпечатков – следы копыт, лап и птичьих когтей. Гамми отметил, что здесь бывали львы.

– Отлично, – сказал Куцев, снимая свой рюкзак, набитый пустой тарой. Обратно придется нести немалый груз, но сейчас он почти невесом.

Куцев хотел набирать воду прямо из ручья, но это было неправильно. Следовало вырыть небольшую ямку, соорудив что-то вроде запруды, и дать воде отстояться. Иначе в канистры из мелкого ручья попадет слишком много грязи.

В любом случае вода была не самого лучшего качества – разогретая на солнце, сдобренная изрядным количеством навоза и птичьего помета, она вне всякого сомнения кишела всевозможными паразитами. Но выбирать не приходилось. Хотя перед употреблением стоило хотя бы прокипятить ее.

Гамми показал Виктору, что надо делать. Куцев принялся рыть отстойник охотничьим ножом, а Гамми нашел большой плоский камень и тоже подключился к работе.

Они оба были мокрыми насквозь. Трудно сказать от чего больше – от воды или от пропитавшего одежду пота: солнце стояло в зените и палило без устали.

«Интересно, – подумал Гамми, – в этих краях когда-нибудь бывают тучи?» За три года, что провел здесь, он видел дождь лишь однажды – после серии толчков, случившихся почти два года назад, ливень лил, не переставая, дней шесть. В карьере, где работали заключенные, на дне образовался неглубокий грязный пруд. Скорее всего, это был результат природных катаклизмов, произошедших на всей планете. Но с тех пор дождя не было ни разу. Даже туч Гамми больше не видел.

Упитанная мышь деловито выползла из травы и припала к лужице в следе от чьего-то копыта. Потом присела и смешно умылась. Это их мир, им здесь хорошо.

Внезапно воздух разрезал пронзительный крик, и с неба упала стремительная тень. Виктор непроизвольно выдернул из-за пояса «дыродел».

Это был сокол. Сапсан. Острые как бритвы когти вонзились в плоть грызуна, мышь тихо, но пронзительно заверещала. Но вопль боли тут же оборвал резкий удар мощного клюва, загнутого острием вниз.

Сапсан перехватил добычу, бросил злобный взгляд на людей, неотрывно наблюдающих за сценой соколиной охоты. Клюв птицы приоткрылся и отправил людям недовольное ворчание. Темно-коричневые крылья взметнулись вверх, резко ударили, и сапсан с зажатой в когтях добычей взмыл в небо.

Маленькая, но отважная птица. Сапсан, замечательный охотник. Еще в Древнем Египте эту птицу почитали как самого любимого из богов пантеона. Сегодня Гор исчез вместе с давно сгинувшей в веках Традицией. Лишь мертвые камни, пытающиеся достать вершинами небо, незыблемыми истуканами стояли на плато Гиза.

– Ты заметил? – спросил Гамми.

– Что?

– На лапе у сокола?

Правую лапу сапсана перехватывала небольшая кожаная петелька. Гамми знал, что это такое – опутенка. Их используют охотники. Но почему только одна? Да и откуда здесь охотники-соколятники?

– Это охотничий сокол, – объяснил Гамми. – Быстрая птица. Сапсан.

– У-у, – промычал Куцев и, наклонившись, поплескался себе в лицо воды.

Глаза Виктора мгновенно сделались какие-то осоловелые, он с силой потер себе грудь, будто его скрутил приступ стенокардии, а потом несколько раз стукнул стволом пистолета по лбу. На загорелой коже остались две заметные ссадины. Он еще несколько секунд посидел так, отрешенно глядя в пространство, потом потряс головой и вроде бы пришел в себя.

– Ты в порядке? – поинтересовался Гамми.

Куцев посмотрел на него, потом на пистолет, зажатый в руке – видимо, ему пришла в голову та же мысль, что пятью секундами раньше посетила голову Гамми: Сергей вполне мог его разоружить и убить, но не стал этого делать – и ответил:

– Вполне. Давай канистры.

Гамми подавал емкости Куцеву, тот быстро наполнял их мутноватой еще водой. Но Звездецкого не оставляла мысль о соколе: если здесь была охотничья птица, значит, где-то неподалеку должен быть охотник. Конечно, охотником мог оказаться очередной дикарь, но соколиная охота, насколько он знал, не пользовалась особой популярностью среди нецивилизованного люда. Тогда откуда здесь сапсан?

В конце концов, Гамми убедил себя, что опутенку сапсан мог таскать несколько лет, последний раз охотившись с человеком еще до Катастрофы. Это как раз объясняло то, что опутенка была одна.

Правда, сомнительно, что сокол стал бы терпеть натирающий лапку ремешок в течение двух лет. Острый клюв легко расправился бы с опутенкой в несколько приемов.

Гамми поднялся и посмотрел в ту сторону, куда улетел сокол, прикрыв глаза от слепящего солнца ладонью. Саванна. Насколько хватало глаз, везде одно и то же – желто-зеленая трава и редкие низкорослые деревца. Сейчас не было видно даже крупных животных.

Нет, все-таки сапсан, скорее всего, живет сам, потеряв своего охотника-человека во время землетрясения.

– Что там? – спросил Куцев. После того странного случая настроение его явно испортилось.

– Ничего. Нужно уходить отсюда – слишком тихо, – сказал Гамми.

– Я тоже об этом подумал.

Они упаковали наполненные канистры обратно в рюкзаки, кряхтя от натуги, взвалили их на плечи, и пошли назад. Шли молча, оба то и дело оглядывались, словно ожидали увидеть несуществующих преследователей.

Остальные ждали их в условленном месте. Пока Гамми с Виктором добывали воду, капитан со товарищи устроили привал. Странно, но Звездецкий перестал испытывать раздражение каждый раз, когда ему четко давали понять, где его место. В этой компании он раб, но лучшей участи ему не найти. Сбежать в саванну? Эта мысль посещала его все реже в виду полной ее несостоятельности. Бежать здесь некуда. Можно убежать от людей, но от себя не убежишь. Нет никакого смысла менять заключение на Тюремном острове на материковую саванну, где к тому же существовали конкуренты – местные племена, активно отстаивающие права на собственные территории.

Гамми тоже дали еды. И даже немного разгрузили рюкзак. Последнее было не жестом доброй воли, а необходимостью: капитан понимал, что далеко с такой поклажей их узник не уйдет.

Совсем скоро отряд вышел на дорогу, о которой говорил Моралес. Шоссе убегало до

горизонта в обе стороны. Полотно пересекали широкие трещины. Густо поросшие травой, но идти по асфальту было намного легче. Правда, во всем есть свои недостатки – разогретый солнцем за весь день асфальт превратился в отличный радиатор, отдающий небу тепло широкими дрожащими струями горячего воздуха.

Капитан то и дело доставал из кармана коммуникатор, включал его и с недовольной миной рассматривал что-то на его экране. При этом он отчего-то постоянно поглядывал на Куцева.

Странная компания. Гамми давно заметил, что все моряки и особенно капитан имеют привычку постоянно что-то рассматривать в своем багаже. Причем делать это они предпочитали тайком, видимо, надеясь, что никто не замечает их действий.

– Далеко еще? – вытирая со лба пот, спросил у капитана Куцев.

Гамми тоже очень интересовал этот вопрос. Еще хотелось узнать, далеко от чего, но он предпочитал помалкивать, наблюдая. Он надеялся все-таки разгадать намерения моряков. Пока что картинка не складывалась.

Мустафа протер экран коммуникатора о рубашку, снова заглянул в него и ответил:

– Не очень. Километров семь, не больше.

Значит, пункт назначения все же был. Что они задумали?

Гамми внимательно смотрел на европейцев. То на одного, то на другого. Штурман, озабоченный ноющей раной, доставшейся ему от Моралеса, особого участия в выборе пути не принимал. Ему, похоже, все равно, куда идти. Но Моралеса, подумал Гамми, он бы сейчас не отказался встретить – взгляд Мартина Крайса то и дело падал на болтающуюся на груди «дрель».

Через семь километров, как и обещал капитан, они пришли. Гамми наконец узнал – куда.

Шоссе уходило в глубь небольшого поселка. Скорее всего, раньше здесь жил персонал карьера, расположенного неподалеку. Здесь, в Африке, всяческих рудных компаний, карьеров и шахт хватало с избытком. Каким-то чудом сохранился практически нетронутым кусок саванны, по которому прошел отряд. Возможно, там не было нужных кому-то ископаемых или разработки просто не успели начаться.

Границу поселка четко очерчивал уткнувшийся в покореженный асфальт изломанный шлагбаум. По всей видимости, его снесли бампером грузовика. Дальше...

То, что располагалось за шлагбаумом, поселком назвать уже было нельзя. Метрах в тридцати от въезда стоял первый дом. Раньше стоял, два года назад. Теперь дорогу перегородивала куча искореженного пластика, изломанные балки, почти не тронутые ржавчиной, погнутые листы кровли. Городок превратился в руины.

Гамми уже видел такое раньше – постройки «Африки» после землетрясения представляли собой еще более печальное зрелище. Здесь дома, построенные из пластиковых панелей и металлических каркасов, скорее сложились, чем рассыпались на груды осколков, что произошло с кирпичными и бетонными строениями «Исправительного учреждения №123». Да и трясло в этих краях, судя по всему, не так сильно.

– Вот она, – сказал Куцев, показав рукой вперед.

Там, куда показывал инженер, возвышалась ажурная конструкция, высотой метров пятнадцать. С облезших перекладин свисали гроздьи проводов. Гамми не знал, что это такое, но эта штука интересовала капитана.

Что, черт возьми, они ищут в этих развалинах? Ведь капитан вел отряд именно сюда, именно эту вышку он и хотел найти.

Ответ не замедлил сообщить сам капитан.

– Точно, она. Ретрансляционная вышка. Но сигнала нет.

Осмотр вышки не оставлял сомнений в причине отсутствия сигнала – паутина проводов свисала с верхних ярусов, некоторые из антенн болтались, а основной кабель, уходящий вверх по опоре, был перерублен. Причем на обрубке, торчавшем из коробки распределителя, ясно виднелись следы топора, оставшиеся от нескольких неудавшихся попыток – тот, кто

сделал это, с топором обращаться не умел. Сам топор, окрашенный красной краской, родом с пожарного щита, валялся тут же, метрах в трех от опоры. Все указывало на то, что кто-то намеренно вырубил здесь сеть.

Однако обрубленный кабель был ерундой в сравнении с тем, что располагалось на переплетении ферм ажурной конструкции. Там, на высоте пяти-шести метров над землей, висел туго примотанный оборванными проводами человеческий скелет. Руки мертвеца были раскинуты в стороны, плотно примотанные проводами к металлической перекладине, а ноги, на которых все еще каким-то чудом держались истертые кроссовки, свободно болтались в проеме между двумя Л-образно расходящимися опорами. Словно распятие над входом в церковь.

Что тут у них происходило? Гамми в немом ужасе рассматривал все вокруг, и взгляд начинал ловить все новые и новые детали произошедшей здесь когда-то трагедии: везде – на улицах, среди обломков домов в перевернутом и смятом, словно по нему колотили гигантским молотом, грузовике виднелись тщательно обглоданные падальщиками и выбеленные ветром кости. Человеческие кости, какие-то внутри одежды, по которой угадывался род занятий хозяина при жизни, другие – разбросанные отдельно, некоторые даже частями.

И не все эти люди погибли во время толчков. Только сейчас Гамми заметил, что топор лежал среди таких же останков – последняя работа, доставшаяся пожарному инструменту, судя по всему, состояла в отсечении головы этого бедняги. Острие топора оборвало жизнь человека в момент, когда он пытался дотянуться до опоры вышки ретранслятора. Как раз в том месте, где по ней взбирался вверх кабель. Чего ради им далась эта вышка? Нет, они не спасались бегством, они не искали способ выжить здесь, как делали это обитатели «Африки» под чутким руководством Хоакина Моралеса. Они упорно чего-то хотели от ретранслятора.

Мустафа длинно выругался. Даже в тюрьме Гамми не слышал столь витиеватых выражений. Капитан подошел к скелету с отрубленной топором головой, наклонился над немного откатившимся в сторону черепом и вытащил из затылка гнездо нейросенсорного подключения вместе с установленной в него «балалайкой». Чип был выключен, но в его памяти должны сохраниться последние сорок восемь часов жизни этого несчастного. Хопкинс-Джани выдернул «балалайку» и спрятал ее в свой рюкзак. При этом капитан пробурчал что-то вроде: «Это на него очень похоже». Что Мустафа имел в виду, да и правильно ли понял Гамми бормотание капитана, он не знал.

– Как-то мне здесь не нравится, – сказал тот, вытащил коммуникатор, внимательно сверился с изображением на нем и пошел дальше, к выходу из поселка. Куцев двинулся вместе с ним.

Гамми поправил рюкзак – без толку это, все равно на плечах скоро голые кости останутся – и пошел следом.

– Сеть здесь в любом случае не работает, – сказал капитану Виктор.

Мустафа оглянулся, оценивая, могут ли его услышать остальные. Видимо, решил, что не могут, но Гамми слышал его слова хорошо.

– Может, оно и к лучшему, – сказал капитан и добавил странную фразу: – Отсюда слишком далеко.

32. Авианосец «Зенг Хе»

Кулак с силой опустил на ни в чем не повинный стол. Мелкий электронный скарб, лежавший на нем, дребезжа, подпрыгнул.

– А я тебе говорил, – заметил Бодуань. – Теперь из-за твоего капитана срывается весь график. Тайконавт ждет, челнок опустился в пустыне несколько часов назад. Сам понимаешь, мировое сообщество ждет наших действий, я не могу откладывать спасательную операцию. Я вынужден доложить ситуацию руководству. И потом – график движения в зону патрулирования...

– Зона патрулирования подождет, – резко бросил Хэ. – Мы здесь не за этим, если ты вдруг забыл.

Они находились в каюте адмирала вдвоем. Если бы кто-нибудь слышал их разговор, то счел бы Хэ человеком пропащим – разговаривать в подобном тоне с адмиралом флота мог только кто-то из высшего генералитета, кто-то стоящий выше самого Бодуаня. А таких было немного. Хэ, простой полковник, после подобного тона должен быть разжалован и отдан под трибунал.

Но услышать слова полковника никто не мог – несмотря на то что Бодуань лично проверял свою каюту на наличие прослушивающих устройств, Хэ удостоверился в этом еще раз сам. «Балалайки» обоих лежали на столе.

– У меня есть приказ, дорогой мой полковник, – парировал адмирал. – Я не могу его нарушить.

– Твой приказ – слова Фа. Я думаю это не нужно напоминать лишний раз.

Бодуань почтительно кивнул. Фа он тоже знал. Именно старик и познакомил их с Хэ. Именно потому, что Хэ был любимчиком Фа, ему позволялось говорить с адмиралом подобным образом.

Тон Хэ не был вызван непочтением, он лишь хотел решить возникшую проблему, решения пока не было, он нервничал, поэтому... Да пошел он, в конце концов, этот Бодуань! Ничего, потерпит ради общего дела.

– Кем ты намерен заменить Шэня?

Хэ бросил исподлобья на адмирала изучающий взгляд. Бодуань не был посвящен во все детали операции. Он не знал, что Шэня заменить некем. Слишком сырым был проект «Лэйгун», слишком мало времени на подготовку. Хэ не испытывал уверенности, что без Шэня обойтись не удастся, но испытывать уверенность – не его ума дело. Уверенность испытывать будет Фа, а полковник выполнит любое его слово.

– Я намерен найти этого наглеца! – прошипел Хэ.

– Если он еще жив, трибунал приговорит его, ты же понимаешь.

Хэ, прищурившись, глянул на адмирала – для чего он ломает комедию?

– Трибунал не для тех, кто работает на товарища Фа, – объяснил он.

– Трибунал для всех одинаков, – возразил Бодуань. – Просто не для всех наказание исполняется сразу.

– У Шэня в любом случае нет иного пути.

Поиски сбежавшего капитана представляли собой действительно большую проблему. Спутник уже на втором витке безрезультатно прочесывал океан, в надежде найти маленькую точку, которая может оказаться плывущим человеком. Океан слишком большой, примерно с тем же успехом можно искать иголку в стоге сена, как говорят русские, которых так боится товарищ Фа. Нет, так неправильно думать, товарищ Фа никого не боится. Но опасение – нормальная реакция любого разумного человека. Фа беспокоила судьба его страны, и он видел реальную угрозу ее интересам. И пытался решить проблему всеми, доступными ему способами.

«Балалайка» Шэня молчала. Никакого сигнала не поступало в сеть. Когда пришла весть об исчезновении капитана, Хэ ломал голову, как он смог это устроить. Ведь у него стояла «невынимайка», как у любого матроса на этом корабле. Вытащить ее без чьей-нибудь помощи он никак не мог.

Но проверка передвижений капитана по кораблю поставила все на свои места – Шэнь брал раллер полковника, который тот так непредусмотрительно оставил в кабине «Лэйгуна». Доступ в кабину истребителя не имел никто. Никто, кроме Шэня. И, конечно, самого Хэ. Да, это был промах. Хорошо, что он не хранил в памяти раллера никаких стратегических данных.

Правда, в голове Шэня и без того хватало данных, за которые любой условный противник отдал бы дивизию.

Хэ стиснул зубы – не видать вам головы Шэня, он, Хэ, приложит все усилия, он найдет

беглого капитана.

Интересно, что еще пилот нарыл в своей «балалайке»? Мог ли он сломать защиту? Скорее всего – да. Если, конечно, захотел это сделать. Сам Шэнь вряд ли сумел бы. А вот... Сомнительно, но полностью исключать такую возможность не стоило.

– Извини, Хэ, но утром я отдам приказ выйти на позицию в зоне патрулирования, – сказал Бодуань после некоторого раздумья. – Если Пекин не изменит программу, а это – вряд ли. С тайконавтом что-нибудь придумают. У меня приказ создать оптимальные условия для проведения операции. Чтобы у ... хм, союзников не вызвать никаких подозрений.

– Приказ товарища Фа... – начал было полковник, но Бодуань его перебил:

– Это и есть приказ товарища Фа. Кстати, он знает о твоём капитане?

Хэ еще сильнее стиснул зубы и тихо зарычал. Его раздражала манера Бодуаня постоянно демонстрировать ему свое превосходство.

– Шэнь – не мой капитан. И я найду его.

– Тебе видней, – усмехнулся адмирал. – Но скоро истекут все сроки вашего старта. С тебя спрысят.

Хэ и сам это понимал. Он не боялся гнева Фа, не боялся возможного трибунала. Ему было стыдно, он не оправдал высокого доверия, оказанного ему учителем. На островах в таких случаях полагалось вспороть себе брюхо в пароксизме приступа самоуничтожения. Варвары. Впрочем, от островов почти ничего не осталось, их можно списать со счетов.

– Адмирал, – сказал Хэ. Выражение его лица не утратило резких, хищных черт, но в голосе появились просительные нотки, – я прошу немного приостановить выход в точку. Я должен... Мы обязаны...

– Двигателям требуется периодический отдых. Защита от перегрева катушек, – глядя в иллюминатор с односторонней прозрачностью, сказал Бодуань. – Поэтому иногда приходится на время сбавлять обороты.

Уголки рта полковника едва заметно взлетели вверх.

– Спасибо, товарищ Бодуань, – сказал он.

– К чему такой официоз? Но выход в точку откладывается лишь на четыре с половиной часа.

Хэ коротко кивнул адмиралу и вставил «балалайку» в гнездо на затылке. Перед глазами тут же выплыл желтый конвертик сообщения и, прокрутившись пару раз, улетел в левую часть поля зрения. Послание от капитана войск связи Джень Лу Мина. Обычная служебная записка.

Коснувшись указательным пальцем правой руки стены, Хэ открыл сообщение. Капитан сообщал об успешной установке трех вышек сетевых ретрансляторов в высокогорных районах Народной Республики, сильно пострадавших во время землетрясений двухгодичной давности. В сущности, там трясло и до сих пор, но на ретрансляционные вышки Хэ было наплевать, этим занимались совсем другие люди.

Вернувшись в свою крошечную каюту – обстановка на корабле была более чем аскетичной, – Хэ вытащил из кармана карту, сверился с данными, полученными в служебной записке, быстро посчитал с помощью калькулятора «балалайки» результат и набрал полученные цифры на коммуникаторе, с которым никогда не расставался.

Этот коммуникатор не регистрировался в сети, но имел официальную цифровую подпись МГБ КНР. Сегодняшний код приняли на том конце, и на экране появилось лицо капитана Джень Лу Мина. Хэ каждый раз шарахался от маячившей в его коммуникаторе прыщавой физиономии – никак не мог привыкнуть к этому типу, которого даже не знал. А может, капитана Джень Лу Мина и не существовало в природе. Это не имело значения. «Балалайку» снова пришлось вынуть – фиксировать разговоры, что велись по этому коммуникатору, строжайше запрещалось.

Целый отдел машинистов, сидящих в бункере где-то недалеко от Пекина, проверил безопасность канала и дал разрешение на подключение.

– Здравствуйте, товарищ Фа, – Хэ склонил голову перед появившимся на экране

изображением старика.

– И тебе – здравствуй, – проскрипел Фа в ответ.

Выглядел старик не очень, будто только что проснулся. Хотя в Китае уже вечер, подумал Хэ. Похоже, он недоволен. И на то есть причины.

– Слышал, что начало операции задерживается, – сказал Фа.

Стоит ли юлить и объяснять про перегретые двигатели авианосца? Товарищ Фа не тот человек, которого стоит обманывать. Ложь – это для политиков, а Фа ищет путь, ему нужно знать все обстоятельства.

– Шэнь сбежал, – просто сообщил Хэ.

Старик кивнул. Он уже знал.

– Найди его. У нас нет для него замены, ты же знаешь. Операцию можно отложить. Но времени мало – я думаю, все завершится в ближайшие дни.

– Но тайконавт...

– Тайконавт – не твоя проблема! У челнока ресурс жизнеобеспечения трое суток. Это официальные данные. Бодуань получил соответствующие распоряжения.

– Спасибо, товарищ Фа, – Хэ опустил глаза. – Я обязательно исправлю свою ошибку.

На лице старика появилась гримаса недовольства. Он считал пристыженную мину своего ученика актерской игрой? В таком случае он заблуждался.

– Это не твоя ошибка. Нельзя использовать непроверенные технологии в важных делах.

Фа вздохнул и высказал вслух то, о чем подумал Хэ:

– Но времени на проверки у нас не было.

– Я справлюсь и без него, – уверенно заявил полковник.

Он на самом деле верил в свои слова. В чем сомневается Фа? В его умениях? В том, что взятие объекта в одиночку может быть ему не под силу? Он же опытный диверсант. Хэ понимал, насколько важной может стать полученная им информация. И он хотел добыть ее любой ценой.

Но найти Шэня посреди океана – утопия. Тем более, нет никакой гарантии, что этот ненормальный не кормит сейчас омаров на дне.

Фа отрицательно покачал головой.

– Перестань, Хэ, – как-то очень по-отечески произнес он. – Ты же все понимаешь. Нам не нужен сам объект – я не сомневаюсь в твоих способностях, ты, скорее всего, сможешь проникнуть туда и один. Но мы не получим главного – информации. Мало знать, что нечто существует в мире, важно знать, как это сделать. Без «Лэйгуна» ты бессилен – они просто уничтожат данные. Или перебросят их в другое место, и мы никогда не найдем их снова.

Он помолчал секунду, пристально глядя в глаза полковника.

– Найди Шэня. Хоть из-под земли достань его. И заставь работать.

Экран коммуникатора стал черным – связь прервалась. То ли Фа решил, что разговор окончен, то ли машинисты сочли дальнейшее поддержание связи небезопасным. В любом случае, все было сказано еще в самом начале их беседы.

Хэ переключил коммуникатор на канал новостей. Экран озарился яркими красками. Ведущая новостей с кудельками на голове на фоне картинки, отдаленно напоминающей китайский челнок, восторженно вещала о постигшей Народную Республику неудаче. Канал Анклава Франкфурт. Варвары.

«...падение космического объекта зарегистрировано аэрокосмическими службами всего мирового сообщества. Как сообщает ESA, потерпевший крушение объект действительно может являться китайским челноком «Чанчень». Изменение траектории объекта при входе в стратосферу позволяет предположить, что космическому кораблю, возможно, удалось совершить аварийную посадку в восточной части Африканского континента. Однако подробности этой трагической вехи мировой космонавтики остаются скрытыми от нас, поскольку Восточная Африка входит в одну из так называемых мертвых зон планеты. Напомню, что цивилизованному миру до сих пор ничего не известно о том, что происходит в этих мертвых зонах – контроль над территорией со спутников наблюдений и

радиовещаний полностью утрачен.

Пока руководство Китая воздерживается от комментариев. Остается непонятным, почему до сих пор не предпринимаются попытки спасти экипаж космического корабля. Как мы сообщали ранее, китайский авианосец «Зенг Хе» находится недалеко от места крушения челнока, однако данных о начале спасательной операции мы не получили. Опасения мирового сообщества ...»

Все как обычно – мировое сообщество опасается. Кто такое это мировое сообщество? Виртуальный зверь, пожирающий сам себя, вот что это такое. Понятное дело, ему приходится опасаться.

В дверь постучали. Хэ поднялся и открыл. На пороге, вытянувшись в струнку, стоял лейтенант. Связист. Как в старину, пришел доложить лично.

Разумеется, «балалайку» Хэ еще не вернул на место, а любые новости он распорядился докладывать незамедлительно.

– Разрешите доложить, товарищ полковник? – отчеканил тот.

Хэ, не привыкший к армейской дисциплине, тут же подобрался и принял полагающийся для его звания вид.

– Докладывайте.

– Капитан Ли приказал срочно сообщить вам, что в море обнаружен катер.

– Катер? – не понял его Хэ. При чем здесь катер, им же поручено найти пловца.

– Так точно! Спасательная шлюпка. В восемнадцати милях к югу.

– Спасибо, лейтенант. Можете быть свободны.

Конечно же, катер! Хэ совсем недавно видел спасательный катер на берегу одного из новых островов. Яркое оранжевое пятно, такое сложно было бы пропустить где угодно. Наверняка это он и был. Значит, катер теперь в океане.

Слишком мала вероятность, но...

Секундочку! Если Шэнь на этой шлюпке, значит, он бежал с авианосца не просто так. Его побег был тщательно спланирован заранее.

Нет, это бред. Тащить сюда танкер ради того, чтобы сбежать с корабля? Хотя была еще яхта. Откуда у Шэня могли быть такие связи, чтобы организовать подобный спектакль? Нет, слишком сложно.

Если, конечно, не предположить, что организатором был не Шэнь. А кто тогда? Европейцы? Что они могли знать о «Лэйгуне»? Насколько Хэ знал о степени секретности, которая была присвоена проекту «Лэйгун», утечка информации практически исключалась. Но ведь КПД никогда не равняется ста процентам.

Полковник поднялся в центр управления навигационным комплексом. Капитан Ли ждал его там. На экране большого коммуникатора, стоявшего перед капитаном, красовался ярко-оранжевый катер посреди ультрамариновой сини океана. Тот самый катер, что показывал ему Бодуань двумя днями раньше. Со стоявшего на рейде у острова европейского танкера.

Есть на борту этого судна Шэнь или нет – это еще нужно узнать. Но вот куда плыла эта шлюпка?

– Мы обнаружили катер, – сообщил Хэ адмиралу через «балалайку». – Недалеко от авианосца. Нужен вертолет.

Внезапно смолк гул и вибрация, с которой Хэ уже свыкся и перестал замечать – двигатели «Зенг Хе» остановлены.

– Я уже в курсе, – адмирал был недоволен. Интересно чем – тем, что приказ Фа нарушил какие-то его планы или, что бал здесь правит Хэ, а не он? – Вертолет выгружают.

– Спасибо, адмирал, – нарочито вежливо поблагодарил полковник.

– И постарайся закончить побыстрее, – бросил Бодуань и отключился.

Все-таки у него были свои планы относительно Африки. Вряд ли такой человек, как Бодуань, мог позволить себе самостоятельность с огромным авианесущим крейсером. Обычная политическая возня в верхах: ВМС имеет свои интересы, а МГБ... А МГБ, как

обычно, никто не любит. И правильно – любить безопасников абсолютно не за что. Их стоит бояться и поэтому делать все на благо Родине.

Вертолет вернулся спустя сорок минут. Десантники ловко выбросили на палубу двух людей со скованными наручниками запястьями. Один из них был Шэнь. Второго Хэ не знал – загорелый до черноты, с черными курчавыми волосами, тощий, в драной, пропахшей потом одежде. Этот человек не понравился Хэ с первого взгляда. И особенное отвращение в нем вызывали глаза: хитрые, бегающие из стороны в сторону, ищущие, где лучше и безопасней. Этот человек был готов продать все, что угодно, за обещание оставить его в живых.

Хэ обязательно воспользуется особенностью пленника. Но позже. Сейчас его интересовал Шэнь.

Полковник разглядывал бледное, осунувшееся лицо капитана. Впрочем, капитаном он уже не был, он был предателем и дезертиром.

Шэнь лежал на палубе, уткнувшись щекой в холодный металл. Глаза его, полные злобы и ненависти, не моргая, смотрели на полковника. Он ненавидел Хэ, он ненавидел военных, он ненавидел свою страну. Наверное, он ненавидел и самого себя. Но это ничего, главное, что его нашли, а работать ради всего того, что он теперь ненавидел, Хэ сумеет его заставить.

Но Шэнь был предателем. Он не имел права на жизнь. И все, кто сейчас был на палубе, кто смотрел на них через иллюминаторы палубной надстройки, должны были увидеть то, что ожидали. Они должны получить подтверждение, что предателям нет прощения.

– Этого, – полковник кивком указал на человека с хитрым взглядом, – в карцер. А ты, гражданин Шэнь... больше не гражданин. Встать!

Шэнь, подобрав соскальзывающие по металлу мокрые ноги под себя, поднялся. Он продолжал испепелять взглядом полковника. Ничего, Хэ не сахарный, не растает.

– Вердикт трибунала будет однозначным, гражданин Цу Мин Шэнь, – негромко, но отчетливо произнес Хэ.

– Я – человек! – резко подняв голову, выкрикнул Шэнь и прыгнул, нацелившись на кобуру, висевшую на поясе полковника. Вайс, не знавший китайского, снова услышал то самое «во-герен».

Вряд ли он смог бы сделать что-нибудь со скованными за спиной руками, но реакция Хэ была молниеносной. Палец полковника дважды дернул курок, пистолет изрыгнул сизый пороховой дым, и Шэнь, закатив глаза, медленно опустился на палубу. На груди дезертира, пачкая промокший мундир, носить который он теперь недостоин, расплывались два алых пятна.

33. Городок Стоунвиль. К югу от горы Кения

Есть хотелось очень сильно. Но это ощущение было привычно и больших душевных страданий не доставляло. Вообще с душой был полный порядок – впереди маячила цель, почти ясная и четкая. Времени для простоя и самокопаний не оставалось ни минуты. Моралес был доволен.

Он шел по узкой дороге, кое-где проваливающейся в глубокие разломы и трещины – в таких местах приходилось делать длинный крюк в поисках подходящего перехода на ту сторону провала, – не обращая внимания на усталость и боль. Главное – не раздумывать, не уговаривать себя, что все плохо, что нужно остановиться, на чуть-чуть, хотя бы на пару минут, расслабиться и дать отдых больной ноге. А ведь организм протестует, требует от разума, чтобы его услышали, пытается бастовать – несколько раз раненую ногу сводило судорогой. Но останавливаться нельзя, если остановишься – больше не встанешь. Второй раз его истерзанное тело начать борьбу за выживание не сможет. На это просто не осталось сил.

Тело работало словно автомат: левая рука с палкой вперед, следом нога, в которой была только боль – это мешало, Моралес не чувствовал ногу и без дополнительной опоры упал бы, – следом здоровая нога, опора переносится на палку. Боль в левой подмышке, куда

вонзалась рогатина импровизированного костыля при каждом шаге, была даже в радость, она будила сознание, норовящее провалиться в небытие. Нельзя останавливаться, даже темп сбрасывать нельзя.

Точное расстояние до Стоунвиля Моралес не знал. Он давно потерял ориентацию, рамки восприятия, траченного интоксикацией и потерей крови, сузились до ширины дорожного полотна. Единственное, в чем он был хотя бы относительно уверен, что дорога выбрана правильно. Всем остальным забивать голову не нужно – дорога в любом случае выведет в Стоунвиль.

Хоакин бывал в городке раньше, еще до землетрясения, развалившего континент на части. В здешних краях Стоунвиль, названный так по основному роду занятий первых его поселенцев – рядом располагался карьер Всемирной рудной компании, где добывали камень, – был аналогом Кайфограда, выросшего у таинственного полигона «Науком» №13. Правда, Хоакин ничего не слышал ни о Кайфограде, ни о полигоне №13, поэтому сравнить ему было не с чем. В Стоунвиле предлагались развлечения на любой вкус. Как легальные, так и те, за которые вполне можно было угодить в гости к Моралесу, в не столь далекую отсюда «Африку».

Да, Хоакин помнил визиты в этот пыльный, облезлый, выгоревший под палящим солнцем до полного бесцветья городок. Помнил девочек в салоне мадам Лауренты, выпивку в баре на первом этаже того же салона. Девочки всегда побаивались его. Все, кроме Миранды. Хоакин ходил к Лауренте только ради нее – милое и нежное создание, настоящая девчонка, а не какой-нибудь трансер. Но с ней он никогда не спал, это казалось ему святотатством. Да и вообще – Стоунвиль не место для таких, как Миранда. Каждый раз, заходя к мадам Лауренте, Хоакин думал, что поможет девушке выбраться. Но не знал – как. Забрать ее он не мог: у него другой путь и в его жизни нет места любви. Моралес не умел помогать, его призванием было воздать должное ублюдкам.

Только сейчас он шел в Стоунвиль не к Миранде. Там была контора СБА, центральное, так сказать, звено на все окрестные трущобы. Фактически большинство карьеров в округе принадлежало корпорациям, а значит – Анклавам. Соответственно, охраной порядка на переданных африканскими государствами в аренду корпорациям территориях занималась СБА. Охранять тут особенно нечего, порядка все равно никакого. Но головная структура, вроде как руководящая всем процессом, была. И располагалась она именно в Стоунвиле.

Понятно, что никакого Управления теперь в городке нет. Да и от самого городка вряд ли много чего осталось. Но Хоакину требовалось другое. Он хотел найти то, что наверняка хранилось у этих неудачников, собранных здесь со всех отделений СБА – кто-то провинился, кто-то просто рылом не вышел. Там должен быть длинноволновой аварийный передатчик. Старинный, как антиквариат имеющего филиалы по всему миру салона «Шельман, Шельман и Грязнов», но надежный и работающий без всякой сети. В «Африке» такой тоже был, но ему не повезло – несмотря на прочный титапластовый корпус, передатчик не выжил после прямого падения на него балки перекрытия. Удар груды бетона в несколько сотен тонн массой не выдерживал даже титапласт.

В Стоунвиле управление СБА квартировало, как и остальное население городка, в каркасном пластиковом сарайчике. В подобных местах все было временным – выгребли камень, и больше Стоунвиль никому не нужен. И это на руку Хоакину: в утлом сооружении просто не было деталей, которые могли повредить аварийный передатчик. Главное, чтобы не подвел аккумулятор.

Но о передатчике лучше не думать. Идти через раскаленную саванну к какому-то передатчику, будь он хоть трижды аварийным, совсем не хотелось. Хотелось лечь, закрыть глаза и поспать. Хотя бы немного, хотя бы часок, лучше – два. Но не идти к передатчику.

Лучше думать о Миранде. О том, какая у нее гладкая кожа и какие красивые глаза. Огромные и голубые, как два озера. И хотя Хоакину сравнить было не с чем – живя в Рио, он особенно не обращал внимания на женщин и вообще вел предельно целомудренный образ жизни, – он был уверен, что таких, как Миранда, больше нет нигде.

Там можно будет и отдохнуть, в салоне у мадам Ларенты. Поспать, поесть. Может быть, пообщаться с Мирандой. Просто поговорить... Но сначала найти передатчик.

Хоакин понял, что мысли начинают путаться. Только бы не упасть, надо выбирать дорогу, чтобы не споткнуться. Встать он уже не сможет. Пока тело, как автомат, идет, нельзя позволить ему отключиться.

Если Хоакин правильно представлял собственное местоположение, от того места, где он выбрался из разлома, до Стоунвиля было километров сорок-пятьдесят. Не больше. Если он ошибся, то городка не видать – лишний десяток километров Хоакин просто уже не осилит. В правильности направления сомневаться не приходилось: несколько часов назад он миновал развилку, на которой стоял выцветший указатель с надписью «Стоунвиль». Там еще было указано расстояние, но ниже названия краска облупилась, и цифру не удалось разобрать. Какая разница? Если знать точный размер дистанции, цель ближе все равно не станет.

В городок он пришел на закате. Солнце заливало саванну ярким рубиновым светом, в Стоунвиле только-только начинали загораться неоновые огни, аляповатыми пятнами разукрашивающие убогие пластиковые фасады. Настоящая жизнь лишь начиналась. Работяги вернулись из карьера пару часов назад, успели принять душ, приодеться и сейчас сидели во всевозможных кафешках и барах, утоляя голод и надираясь дешевым пойлом в стельку. Завтра-то выходной. И как это Хоакин забыл, что сегодня пятница?

Моралес брел по пустынным улицам, засыпанным нетленными обрывками пестрого пластика от всяческих упаковок и обломками рухнувших два года назад строений. Небо быстро темнело, а здесь давно не было электричества, чтобы разогнать непроглядную тьму ночной саванны. Но Хоакину казалось, что город полон жизни, что улицы залиты огнями, и толпы людей снуют по тротуарам в поисках развлечений во время уик-энда. Скоро здесь вообще не протолкнешься – обычно на уик-энд стекался весь люд из окрестных карьеров.

Вон там, за поворотом, как раз и стоял двухэтажный особняк. Салон мадам Лауренты. Но туда он заглянет позже. Хотя огни над входом так и манят, трудно устоять. Главное – работа, напомнил себе Хоакин. Нужно найти этот чертов аварийный передатчик. Зачем передатчик нужен, уже не вспомнить. Да и какое это теперь имеет значение? Главное, найти...

Что-то еще он хотел здесь найти. Что же? Нет, не в конторе СБА. А где? Ага! Догадка мелькнула, стоило лишь взглянуть на скромную лавку мсье Авартюра. У него был аптечный отдел. Конечно же, Хоакину нужен антибиотик. Для чего? Наверное, кто-то приболел в «Африке», а свои запасы закончились – такое бывает, больных много, а поставка только на следующей неделе. Ну, не помирать же народу, Хоакин поможет. Не для того их, голубчиков, в «Африку» прислали, чтоб помирать. Ими Хоакин занимается собственноручно, создает личный ад каждому, так сказать. И нечего пытаться улизнуть в ад общественный – для подонков, что содержались в «Исправительном учреждении №123», и ад был местом, которое они могли испортить. Нет уж, «Африка» – самое для вас подходящее заведение.

Надо зайти в лавку. По пути – зачем потом делать круг, возвращаясь назад? Хоакин открыл стеклянную дверь. Длинные металлические колокольчики приятно звякнули над головой, сообщая хозяйину, что пожаловал посетитель. Хоакин улыбнулся.

Но в лавке было пусто. И темно. Куда же подевался свет, который он видел с улицы? Ведь сквозь стекло витрины улица, и так неплохо освещенная фонарями, озарялась ярким светом люминесцентных ламп, льющим изнутри лавки. И куда подевался мсье Авартюр? Что-то здесь было не так. Определенно произошло что-то нехорошее.

Руки, ободранные со стертыми в кровь ладонями, рывками отбрасывали, гнули и ломали то, что мешало. Благо преимущественно здесь был пластик. С камнем Хоакин не справился бы.

Где-то здесь стоял большой стеклянный шкаф, выполнявший функцию витрины. Там лежали коробки с лекарствами, антибиотики – тоже. Хоакин это точно помнил. На складе

теперь ничего не найдешь – слишком все перемешалось.

Стоунвиль, огни, люди... Какая чушь! Копание в руинах лавки мсье Авартюра привело Хоакина в чувство. Надолго ли? Нужно успеть, пока сознание не отключилось окончательно. Тогда спасения точно не будет.

В который уже раз Хоакин задавал себе вопрос, зачем он уплыл с острова? Там, в «Африке», был его дом. Плохой и жестокий, но его. Хотя теперь-то какая разница?

Только не рефлексировать, это верный путь к забытию! Он не сильно, но резко ткнул себя в ногу около раны. От боли перед глазами заплескали огоньки, но в голове немного прояснилось. Только цель и способ ее достижения. Сейчас ничего больше не существует. Где, черт возьми?!

Ага! Вот он. «Глобафлоксацин» – написано на коробке. Точно, он помнил, «флоксацин» – это у антибиотиков такое название. Срок годности? Да какая к чертям разница?! Как будто есть из чего выбирать.

Руки ловко содрали картон упаковки. Как его? Как угодно, иголкой в мясо, как же еще? Хоакин вонзил иглу в бедро, прямо сквозь штанину – ближе к ране, так должно подействовать лучше – и надавил на поршень. Не идет, зараза! Испортился, что ли? Да нет, тут другое. Вот эта желтенькая планочка, ее надо выдернуть. Поборники безопасности хреновы, так и коней двинешь, пока шприц в рабочее состояние приведешь.

Жидкость проворно ушла в мышцу. На борьбу с микробами.

Среди обломков он нашел еще две коробочки с антибиотиком. Цвета они были другого, но название значилось такое же. Скорее всего, разные дозировки. Не до выбора. Хоакин затолкал коробки в карманы, скомкав картон. Пара уколов в день, должно помочь.

Взгляд упал на коробку с длинным труднопроизносимым названием и окрыляющей подписью ниже «обезболивающее». Не думая, Хоакин сделал себе укол и этого лекарства. Когда он, то и дело спотыкаясь о торчащие во все стороны обломки, выбрался из того, что осталось от лавки мсье Авартюра, боль действительно затихла. Она не исчезла совсем, но будто бы спряталась где-то за горизонтом, посылая сюда лишь отголоски, подобно закатному солнцу, наполняющему мир неверным светом сумерек.

От Стоунвиля, каким его видел Хоакин всего несколько минут назад и каким он действительно был двумя годами ранее, не осталось и следа. Сегодня посреди саванны, изрытой оспинами карьеров, лежала безликая свалка, памятник человеческой беспечности. Городок был разрушен полностью, ни одного уцелевшего здания. Впрочем, как и в «Африке».

Здание управления СБА пострадало на удивление мало. Рухнула одна из торцевых стен, следом за которой сложилась и крыша. Внутри даже можно было войти, почти не разгребая завалов.

Аварийный передатчик был на месте, где ему и положено – в самом пыльном и неприметном углу. До случившейся в мире Катастрофы никто не верил, что эти монстры могут понадобиться.

Аккумулятор? Хвала небесам, источник питания лежал рядом, как и предписано инструкцией, отсоединенный от передатчика. Иначе давно сел бы. Нужно подключить батарею. Вот в это гнездо. Так, готово. Что теперь? Включить и нажать кнопку. Она тут одна – не ошибешься. Все предельно автоматизировано.

Аварийный передатчик слабо пискнул и выдал на маленький жидкокристаллический экранчик надпись об успешно выполненной операции. Длинноволновой эфир пополнился сигналом SOS, с указанием координат передатчика. Если кто-то слушает эту волну, его обязательно услышат. Хоакина больше беспокоил вопрос, захотят ли его спасать. Но он надеялся, что неординарность ситуации привлечет к ней внимание.

Все, задача выполнена. Теперь можно позволить себе немного отдохнуть.

Еды не было, но в остатках той же комнаты, в которой обнаружился передатчик, стояла большая, литров на тридцать, канистра, наполненная водой. Стенки полупрозрачной полиэтиленовой емкости покрылись густыми зелеными пластами водорослей, содержимое

сильно отдавало болотом, но Хоакин был рад, что удалось найти хотя бы это – без воды он вряд ли дотянул бы до утра.

Проглотив несколько больших глотков дурно пахнувшей теплой жижи, Моралес без сил повалился на пол рядом с работающим аварийным передатчиком и заснул. Он сделал все, что от него зависело. Теперь оставалась только надежда.

34. Территория племени Хаммар

Снаружи доносился какой-то шум. Этот маленький ублюдок снова собирал толпу. Интересно, для чего на этот раз?

Номинально Кулфу оставался колдуном племени, его главой. Но это лишь номинально. На самом деле в его силу больше никто не верил. А зря. Кулфу настоящий колдун, он многое может. Знания, доступные только колдунам, никуда не исчезли. И никто из Хаммар, кроме него, не владел ими.

У Кулфу не было преемника, не было детей. Он до сих пор не выбрал ученика. Не так давно в роли ученика он видел Келле. Но как жестоко он ошибся в этом маленьком пацане. Что же такое случилось там, в саванне?

Все объяснения, которые Кулфу мог придумать, оказывались слишком неправдоподобными, чтобы быть правдой. В то, что отличный наукомовский пистолет просто так мог выдать столько осечек подряд и только тогда, когда ствол был нацелен в грудь Келле, Кулфу не верил. Он жил в реальном мире и верил его реалиям. Духи никак не вписывались в привычную Кулфу картину мироздания. Но что тогда? Могла ли такое сотворить «балалайка», стоявшая в голове Келле?

Старик говорил, что «балалайки» со временем сделают из маза хороших воинов и охотников. Насчет охотников он не ошибся. Может быть, тот фокус, что проделал Келле, и был первым проявлением искусства великого воина? Да нет, этот бред почище духов.

Нет, такое невозможно. Кулфу слышал о людях, которые умели каким-то образом управлять оружием. Через сеть. Он и раньше-то не особо доверял этим историям. Но ведь в «дыроделе», что дали Кулфу белые, не было никакой электроники. Или он ошибается – ведь оружие дали те самые люди, что установили в голову Келле «балалайку»? Но все сработало, когда Кулфу промахнулся, пуля вылетела, но пронеслась мимо Келле.

«Ничего, – думал Кулфу, – еще посмотрим, чье колдовство сильнее. На чьей стороне духи». У него были все необходимые ингредиенты. Большая часть сохранилась из прошлой жизни, что-то он собирал здесь – саванна в этих краях была почти такая же, как на родине Хаммар. Вот только не было великой реки Омо, одни лишь ручейки, часто пересыхающие и меняющие свое русло.

Все снадобья Кулфу хранил в полиэтиленовых пакетах. В поверье, что от пришедших из цивилизации белых людей вещей истинные снадобья Хаммар портились, колдун не верил. Глупости это все.

Несколько порошков. Все в правильно подобранной пропорции. Теперь немного нагреть. Цвет изменился, стал темнее – так и должно быть. Еще немного и нужно снимать, иначе эффекта не будет. Тонкая технология, такого белые люди не знают. А черные им не рассказывали, да и вряд ли расскажут. То, что знали клоуны из Католического Вуду, было лишь воспоминанием прошлого, жалким подобием того, что умели африканцы. Настоящие африканцы, из Африки. Хунганы все забыли, они породили своих ненормальных духов в тесных кварталах построенных белыми городов. Их духи никогда не бывали в Африке.

Узкий и острый как бритва ритуальный нож с удобной рукояткой из настоящей слоновой кости имел специальную бороздку, прямо над острой кромкой. Именно туда Кулфу специальной палочкой уложил получившуюся светло-серую пасту. Теперь любая рана, нанесенная клинком, наполнится снадобьем в нужном количестве.

Кулфу аккуратно вложил клинок в ножны, надел наряд из шкуры гепарда и вышел из своей хижины. Времена, когда в его доме жило несколько слуг, а у входа стояла охрана,

давно прошли.

Появление колдуна не осталось незамеченным. Для Хаммар он все еще оставался вождем. Но на лицах не было того благоговения, которое он привык видеть. На лицах читалась ненависть и неприязнь – они больше не хотели видеть Кулфу своим правителем.

– Люди из племени Сумбуру все равно вернутся сюда, – сказал Кулфу, когда понял, что его готовы услышать. Но Хаммар хотели услышать другое.

– Пускай Сумбуру больше не беспокоят тебя, Кулфу, – послышался знакомый голос.

Из толпы вышел Келле. Наглец смотрел на колдуна с вызовом и ненавистью. Он не желал мириться с его властью. Кулфу заметил, как сильно изменился Келле – его движения, взгляд, тон, с которым произносились слова. Юный маза чувствовал силу. Чего колдун не мог сказать о себе.

Но Кулфу сделал вид, что не услышал слов Келле.

– То, что случилось с миром, вынудило Хаммар оставить свои земли и двинуться на поиски лучшего. Я вел вас сюда, я нашел для вас это место. Вы должны слушать меня, духи предков помогут нам обрести свою страну заново! – выкрикнул он.

Люди стали неуверенно озираться – речи колдуна были для них привычнее. Они видели, что с Келле что-то не так. Пока им это на руку. Но что будет дальше, в кого превратится юный избранник духов? Хаммар боялись Келле.

Разумеется, рассказывать о «балалайках» Кулфу не собирался. Но сам он прекрасно знал, откуда у Келле такие необычные способности. Все происходило именно так, как и обещал тот белый. Келле стал отличным охотником, остальные четырнадцать маза, носившие «балалайки», замечательно справлялись с луками и копьями тоже. Еще один умер, когда попытался выдрать «балалайку» из затылка – а ведь Кулфу предупреждал их, что духи не желают, чтобы маза трогали их дары.

Теперь их осталось тринадцать, поправил себя Кулфу. Бону, этого смутьяна, брата Келле, он застрелил собственноручно. И «дыродел» не дал осечки, хотя у Боны тоже стояла «балалайка».

– Духи предков сказали, что мы можем забрать себе самые лучшие пастбища, охотиться в самых богатых дичью участках саванны! – продолжал агитацию Кулфу. – Сумбуру и Масаям придется потесниться! Так сказали духи!!!

Народ замер. Бедняги, они не знали, кому верить. Кулфу видел: еще один верный шаг, и власть вернется в его руки. У него были те бутылочки, что дал белый старик. В одной страшная болезнь, в другой – противоядие.

Однажды Кулфу вручил пучок сухой травы, сбрызнутый из бутылки с хворью, посланцу Масаев, пришедшему потребовать, чтобы Хаммар убирался с их земли. Надо думать, обещание, что тот умрет в страшных корчах, сбылось. Больше Масаи не заикались о «своей земле». Сумбуру еще не знали о способностях колдуна Хаммар. Сейчас пришло время и им узнать силу снадобья белых. Но этот мальчишка все испортил. Сумасшедший ублюдок!

Сумбуру должны умереть – теперь, когда у Хаммар появились коровы, будут нужны обширные пастбища. Все они были на землях Сумбуру. Порча, которую Кулфу собирался навести на врагов племени, окончательно убедит людей в том, что их вождь именно он. Но правильная политика предполагала сначала сделать Сумбуру врагами, а не договариваться с ними, как этого хотел Келле.

– Хаммар! Вы вольны охотиться, где захотите! Вы можете пасти свой скот там, где сочной трава! Духи благоволят нам!!!

– Ты ничего не знаешь о духах, – тихо, но отчетливо произнес Келле.

Люди, завороченные речью колдуна, вздрогнули. Толпа медленно расступалась, открывая проход для юного маза. Это не было знаком уважения, это было проявлением страха – никто не решался прикоснуться к Келле.

– Духи хотят иной судьбы для Хаммар, – продолжал говорить Келле.

Его голос был тих, а выражение лица спокойным и умиротворенным. Он словно бы и

не возражал, а разговаривал сам с собой, размышляя вслух. Но от его тона, от непоколебимой уверенности в собственной правоте, бросило в дрожь даже Кулфу.

Какой-то шепот раздался за спиной колдуна. Кулфу резко обернулся, но сзади никого не оказалось. Только ветер гнал по дорожке желтую пыль.

Голова шла кругом, шорохи и шепот как будто окружали его. Кулфу озибался по сторонам, но взгляд наткнулся лишь на изумленные, широко открытые глаза соплеменников.

Колдун повернулся лицом к подошедшему Келле, стараясь не отводить взгляда от смотрящих прямо на него глаз молодого наглеца. В них не было ни злобы, ни хитрости. Только уверенность в себе и презрение к ставшему бесполезным колдуну.

Кулфу нащупал нож, висевший на поясе под шкурой. Рука легла на удобную рукоять, и на душе стало немного спокойней. Он искал правды у оружия? А у чего еще нужно ее искать? Кулфу всегда любил прямые и логичные решения. Догадки и вымыслы, живущие в ненастоящем мире духи, были ему неинтересны.

– Народ не пойдет с тобой, – сказал Кулфу. На лице его застыла гримаса отвращения. Это выражение было абсолютно искренним.

– Народ уже со мной, Кулфу, – ответил Келле. – Оглянись.

Колдун поднял глаза: Хаммар все так же стояли полукругом, опасаясь приближаться к новому избраннику духов. Но за спиной Келле стояли те тринадцать маза, у которых в затылках работали особые «балалайки» белого из подземелья. На лице у каждого – решимость умереть за своего вожака. Щенок собрал себе стаю, он легко управляет ими. О чем-то подобном и говорил тогда старик. Вот и доказательство того, что духи совсем ни при чем. Но как объяснить это Хаммар?!

– Я вижу здесь лишь четырнадцать наглецов, осмелившихся бросить вызов колдуну племени, – сказал Кулфу. – Хаммар не с тобой.

– Хаммар не нужно быть с кем-то. Племя уповает на помощь духов предков, и на этот раз я донесу людям их волю без искажений.

– Что ты знаешь о воле предков?! – совершенно искренне выкрикнул Кулфу. Что бормочет этот щенок, он совсем сошел с ума.

– Я знаю о ней все. – Голос Келле не дрогнул, интонации не изменились ни на йоту. – В отличие от тебя.

– Духи покажут тебя, – воскликнул колдун и, выхватив нож, глубоко рассек кожу на груди Келле.

Юноша вздрогнул и опустил глаза на рану. Из глубокого пореза тут же хлынула кровь. Но уверенность улетучилась с лица Келле лишь на одно короткое мгновение. В следующую секунду он снова стоял с высоко поднятой головой, ни один мускул не дрогнул на его лице. Только правой рукой он сжимал кровоточащую рану.

Рана не смертельная. Да и вообще – не опасная. Ритуальный нож был нужен не для убийства – особый состав, приготовленный сегодня Кулфу, проник в кровь юного наглеца. Через пару часов ему захочется спать. Потом сонливость усилится. Через неделю Келле станет живым мертвецом, и Кулфу, если захочет, оживит его. Юноша будет жить, только если колдун даст ему другое снадобье. Если же противоядия не будет, он снова станет мертвым. Хунганы Католического Вуду называли это «зомби».

Резкий удар выбил нож из рук Кулфу. Второй удар, под дых, заставил согнуться и повалиться на землю. Тринадцать маза, тринадцать электронных зомби, управляемые Келле через «балалайку», действовали слаженно, словно один человек. В сущности, они и были одним человеком – все они в этот момент были Келле, который захватил их разум.

Белый старик, создавший эти особые «балалайки», рассказывал Кулфу, чего он хочет добиться. Колдун тогда не понял его слов, да старику особенно и не требовалось понимание собеседника: ему просто нравилось рассказывать о собственных изобретениях. Но теперь задумка старика стала ясна Кулфу. И задумка эта, судя по всему, полностью удалась.

Внезапно руки, бьющие Кулфу, исчезли. Он медленно поднялся на ноги. Люди смотрели на него, в их глазах читались противоречивые чувства: кто-то не мог поверить, что

подобное может случиться с колдуном, кто-то боялся того, что могло случиться дальше, кто-то просто по-человечески жалел Кулфу.

Тринадцать бойцов нового пророка Хаммар замерли по обе стороны от колдуна. Справиться с ними не было никакой надежды, даже не стоило и пытаться.

Келле медленно убрал руку от груди. На темной коже оставалось алое пятно крови, но рана... Кулфу не поверил своим глазам, в толпе пронесся изумленный возглас. Раны на теле Келле больше не было. Даже следа не осталось, только гладкая кожа.

– Теперь я буду говорить от имени духов.

Этот тон не подразумевал каких бы то ни было возражений. И зажившая рана – все смогли в очередной раз убедиться, что духи благоволят к Келле. В том числе и Кулфу. Или исчезнувший порез тоже работа необычной «балалайки»? Колдун не знал.

– Хаммар не нужна война. Мы – мирный народ. Мы всегда жили в мире с соседями, и духи не велят начинать войну.

Идиот! Ну почему Кулфу не настоял тогда, полтора года назад, чтобы и к его голове подключили «балалайку»?! Насколько бы все стало проще. А теперь ему оставалось лишь смотреть, как возрождение бывшего величия Хаммар, вдруг забрезжившего на горизонте, одним взмахом, одной фразой перечеркивается малолетним прохвостом!

– Я колдун племени, – возразил Кулфу. Но в его голосе не осталось и тени бывшего величия. – Мне управлять народом.

– Пускай люди сами выскажут свое мнение.

Тринадцать воинов нового колдуна расступились в стороны, освобождая проход к своему предводителю.

– С кем вы, Хаммар, выбирайте, – чуть громче произнес Келле.

Люди неуверенно зашевелились. Ясно, каков будет выбор. Они боятся, но ведь они видели чудо. Пускай остаются с кем угодно – все равно этот мерзавец не протянет больше недели. Ритуальный клинок сделал свое дело.

Кулфу неспешно снял с себя шкуру гепарда и бросил ее к ногам Келле. Он повернулся и пошел, не оглядываясь, в саванну. Колдун знал, что Хаммар стояли за спиной нового колдуна по имени Келле. Мальчишка оказался сильнее.

И дело не в «балалайке», она дает лишь возможности, но истинную власть, то, что делает человека вождем, президентом, председателем, получить от других невозможно. Это приходит свыше. Этим заведуют духи. Здесь Келле действительно обошел его.

Кулфу знал, куда идти, где искать ответы на интересующие его вопросы. Тот седовласый старик сделал Келле таким. Но отчего из всех шестнадцати маза, которым подключили «балалайки», только Келле стал... А кем, собственно, он стал? Вождем, колдуном? Кулфу не знал, как ответить на этот вопрос.

Келле повелевал людьми, он завораживал их. Но дело было не только в этом. Подобным фокусам можно научиться, можно искусно обманывать простаков всю жизнь, и тебя не раскусят. В конце концов, все колдуны не более чем искусные психологи. Ну, немногим более. Но Келле не обманывал, он, похоже, искренне верил в то, что говорил. И самое главное, духи – те самые духи, от имени которых он провозглашал свои решения, – ни разу не подвели его. Здесь было нечто большее, чем простой голос в голове, который, вероятно, создавала «балалайка».

Неужели духи и впрямь существуют?! Нет, в это Кулфу поверить никак не мог. Он опасался духов, он знал, это говорит древняя родовая память запуганных диких предков – ее никуда не денешь. Но верить в духов в век, когда одной бомбой можно уничтожить всю саванну... Слишком мелкими казались верования Хаммар на этом фоне. И было бы глупо согласиться с тем, что какие-то мифические духи наделили Келле подобными волшебными способностями.

Кулфу шел в тот самый карьер, где встретил группу белых, чтобы снова увидеть старика и спросить у него о многом. Кулфу сомневался и хотел узнать правду.

Он спустился на дно карьера. Туда, где в стене зияли несколько черных провалов.

Кулфу отлично помнил, какая пещера ведет в подземелье белых, но входить в черное жерло не решился – нет сомнений, что подземелье наспиговано многочисленными ловушками.

Но как дать им знать о своем приходе? Кулфу по праву рождения был колдуном. Он правил племенем с двадцати трех лет. Он не привык сомневаться и предаваться пустым раздумьям – народ не терпел колеблющихся правителей. Поэтому он воспользовался самым простым способом, который пришел на ум, не ломая голову разнообразными «а если».

Он встал, повернувшись к стене с черными провалами, и закричал изо всех сил:

– Я хочу поговорить с вами! Пустите меня.

Он не обратил внимания на то, сколько времени вопил. Судя по всему, не очень долго. Замолчал Кулфу лишь тогда, когда в одном из тоннелей показался белый человек. Это был тот самый здоровяк, что привел его сюда полтора года назад.

– Что тебе нужно? – спросил белый.

– Я хочу поговорить со стариком.

– Это невозможно, – коротко бросил здоровяк и повернулся, чтобы удалиться.

– Стойте, вы не можете так уйти! – выкрикнул Кулфу.

Белый остановился. Скорее от неожиданности, чем от слов колдуна. Он повернулся, и Кулфу понял, что тот смеется.

– Интересно почему? – сквозь смех выдавил из себя бугай.

– Мне нужно увидеть старика.

Здоровяк посерьезнел, его лицо приобрело суровое выражение. Такой вид лучше гармонировал с его телосложением.

– Ты больше неинтересен Профессору, – сообщил он.

– Но я следил за ними, за теми, кто с «балалайками». А теперь они вышвырнули меня. Что теперь со мной будет?

Бугай медленно пожал плечами. Похоже, он на самом деле раздумывал, что ответить колдуну.

– Как я вернусь в племя? – Голос Кулфу предательски дрогнул, перейдя на жалобные просящие нотки. Совсем непозволительное для колдуна поведение.

Белый еще раз пожал плечами, теперь уже уверенней, резким движением выдернул из кобуры пистолет и, почти не целясь, выстрелил.

Кулфу ничего не почувствовал. Лишь немного зачесалось в затылке. Он не успел даже осознать, что затылка у него теперь нет. Мир перед глазами колдуна померк, так и оставив неразрешенным вопрос: станет ли теперь Кулфу духом.

35. Саванна. Недалеко от горы Кения

Иногда возникало стойкое ощущение, что дорога бесконечна и их поход никогда не закончится. Ложное чувство – Куцев не был уверен насчет дороги, а вот конец похода маячил уже близко, ибо сил почти не осталось. Зря они пошли в эту чертову Африку, нет здесь никого, кроме дикарей с копьями. Никакой сети, ничего нет. И на помощь надеяться нечего.

Мустафа шел следом, жуя сигару. Она давно уже потухла, но капитан не замечал этого. Все устали, все шли из последних сил. И жара, казалось, становилась сильнее с каждым днем, еще немного, и начнут плавиться камни. Асфальтовое покрытие дороги после полудня превращалось в липкую черную жижу, поэтому люди шли по относительно свободной от растительности обочине.

Останавливаться приходилось все чаще. Не на привалы, просто останавливаться. Чтобы перевести дух, чтобы этот самый дух не испустить.

– Я больше не могу, – простонал Мартин и опустился на раскаленную землю. «Задницу ему, должно быть, печет крепче, чем голову», – подумал Куцев.

– Вставай, – не останавливаясь, охрипшим от жажды голосом проронил Мустафа.

Пить хотелось непрерывно. Даже после того, как желудок отказывался вмещать в себя

еще хотя бы глоток воды – все равно хотелось пить. Крайс сказал, что это из-за потери солей с потом. Ему видней, он судовой врач. Только теперь без судна. И толку от его знаний тоже никакого – все равно изменить он ничего не мог, только душу травил своими объяснениями.

– Нет, не могу, – помотал головой штурман и оперся на приклеившийся к спине рюкзак.

– Вставай! – рявкнул капитан. Оказывается, у него еще были силы на командный голос. Должность обязывала. – Ждать тебя никто не будет. Если хочешь подохнуть тут – пожалуйста. Гамми, не останавливаться! – Сергей подошел к Мартину, намереваясь помочь тому, но в итоге досталось и ему.

Мустафа прав – если сейчас остановиться, это будет конец. Они окончательно поджарят и так начавшие таять мозги на палящем солнце и идти дальше не смогут. Или просто не захотят. А так...

Хоть так, хоть иначе – никакого выхода Виктор все равно не видел. Отчего тогда не подохнуть по-человечески, в спокойствии, а не в томлении духа? И тела вдобавок.

Куцев осмотрел саванну. Движение головы вызвало легкое головокружение. Далеко на востоке, там, откуда приходило ненавистное солнце, в безоблачном небе маячили несколько черных точек. Нет, здесь по-человечески подохнуть не дадут, вон они, ждут, когда кто-нибудь из людей приляжет и начнет отдавать концы. Чего ждать – свежее мясо вкуснее. Да и стервятники, поди, не одиноки, ползающих гадов, гораздых полакомиться чужой еще не остывшей плотью, найдется достаточно.

Вопросом, куда они идут, никто, похоже, уже не задавался. Идти было привычной. Движение – жизнь, этим все сказано.

Только отчего-то Куцеву постоянно мерещились какие-то катакомбы. Он шел, переставляя ноги, шаг за шагом, все ближе к цели, которой не было. Мозги в таком режиме отключались. Состояние Stand by, к работе готов, но сейчас выключен, чтобы зря не расходовать энергию. И где-то в отдалении подспудно мерещились катакомбы.

Стоило задуматься о них, как видение исчезало, а взамен оставалось гадостное чувство, что вот сейчас его вывернет наизнанку, что нужно полезть в рюкзак, найти там... Да нечего там находить! Проклятый синдин! Но вогнать наркотик в кровоток, почувствовать, как сладостно он течет по сосудам, как нежно щекочет мозг... Очень хотелось, до зубовного скрипа.

Тюбик с таблетками Виктор больше не убирал в рюкзак, крышка торчала из кармана штанов. Там осталось немного, а приступы становятся все чаще. Наверное, это из-за недостатка соли в организме. Электролитные нарушения – так это назвал Мартин. Кстати, вот и он. Стонет, но идет – на корм стервятникам не хочется. Правильно, вряд ли приятно, когда тебя рвут на части клювом. Вот когда они придут...

Очередная таблетка наполнила рот привкусом жженой резины. Дрянь какая, но помогает.

Впереди показались какие-то камни. Пыльные и желтые, как все в этой треклятой саванне. Им тоже досталось от солнца. А под ними...

– Все, привал, – послышался голос капитана. Нет, он тоже устал, вон – еле языком ворочает. И сигару потерял.

... благословенная тень. Правильно решил Мустафа, отдохнуть нужно, иначе черти мерещиться начнут. А может, ну его, это спасение? Может, пулю в висок? Чего там – «дыродел», вот он, за поясом торчит, задницу натирает.

В тени тоже было жарко – из саванны веяло обжигающе горячим воздухом. Но все же лучше, чем ничего. Сюда бы бассейн с прохладной водой. Размечтался!

И насчет отдыха, как оказалось, Куцев тоже размечтался. После короткого обеда – есть все равно никому не хотелось, просто было необходимо – Мустафа подозвал Виктора к себе.

– Сбегай туда, – капитан показал пальцем направление. Впереди саванна вздымалась вверх, плавно переходя в склон какой-то полуразрушенной горы. – Разведай, что там. Здесь должны быть поселения, хоть что-то должно быть. Но осторожно.

Куцев задумался о цели разведки. Конечно, он знал, для чего это нужно. Те катакомбы... Тело в очередной раз скрутило в приступе болезненного спазма. Очередная таблетка с резиновым вкусом отправилась в рот. Плохо дело, очень плохо. Нет, Куцев не понимал цели разведки.

– На кой черт? – спросил он у Мустафы.

Капитан вздохнул с обреченностью висельника.

– Поселения – это люди, – объяснил он. – А там, где люди, опасность наивысшая. Или ты забыл, почему мы с танкера помощь не вызвали?

Нет, не забыл. Люди, как говорится, – звери. Куцев непроизвольно бросил взгляд на круживших в небе стервятников. Падальщики теперь парили заметно ближе. Чувствуют, что конец скоро. Нет, эти-то просто пожрать хотят, никаких извращенных интересов. Чего не скажешь о людях.

– Хорошо, – выдавил из себя Куцев. Идти решительно никуда не хотелось.

Он взял только фляжку с водой. Сначала, вспомнив страшную картину, что они увидели в городке, который миновали вчера, хотел взять «дрель», но передумал – автомат весил немало, а идти и так было тяжело.

Двигаться по саванне теперь было намного легче – растительность здесь сильно поредела, почва сделалась каменистой и осыпающейся под подошвами ботинок. Предгорье. Скала, под которой устроил привал их отряд, быстро скрылась из вида, так как подъем вдруг сменился довольно крутым провалом, и Куцев пошел вниз.

Странная местность – горы не горы и равнина не равнина. Длинные пологие склоны, переходящие один в другой и запутывающиеся в сложном переплетении.

Куцев прошел вперед пару километров. Камней вокруг становилось все больше, трава редела, а деревца, и без того чахлые в этих краях, перестали попадаться вовсе.

Где здесь могли быть поселения, о которых говорил Мустафа?

Очередной склон закончился холмом, за которым открывался глубокий каменистый провал. Стены не отвесные, но спуститься по ним будет очень непросто. Вид провал имел какой-то неестественный. Куцев всматривался в стены, ему казалось, что он когда-то раньше видел такое. Где, он же никогда не бывал в Африке?

Он осторожно пополз вниз, аккуратно переступая с одного крупного камня на другой, стараясь не вызвать оползня. Нет, все-таки здесь обвал был настоящим. Вот дальше, немного внизу и впереди, виднелось дело рук человеческих. Там был карьер. Огромная каменная яма, спиральными ступеньками уходящая глубоко под землю. И там действительно было поселение. На противоположной стороне карьера.

Если в городке остались живые, открыто ползти по склону не стоило – его могли легко заметить. Виктор добрался до относительно прочного, почти не осыпающегося участка и решил пройти дальше, повернув немного к югу. Так скалистый склон горы закрывал бы его от любопытных глаз, которые могли наблюдать из небольшого городка, примостившегося с восточной стороны карьера.

До встречи с Мустафой в ланданабадском пабе Виктор вообще дальше Европы не выбирался. Это Мустафа, можно сказать, вывез его, показал мир.

В памяти всплыла картина: он, пьяный, потерявший веру в жизнь наркоман, подносит ко рту кружку с элем, а в дверях появляется высокий статный с аккуратно постриженной бородой, одетый с иголочки Мустафа Хопкинс-Джани. Друг детства.

Куцев тогда не обратил на него ни малейшего внимания – ну, вошел и вошел, мало ли в паб народу заходит. А Мустафа, наоборот: застыл на пороге, лишь на секунду, всплеснул руками, стряхнув какую-то патлатую метелку, висевшую у него на руке, и бросился обнимать Виктора.

Виктор раз за разом прокручивал эту картинку в голове. Зачем – сказать не мог. Что-то не вязалось в ней, что-то было не так. Во всем этом происшествии присутствовала некоторая наигранность, так не бывало в жизни.

Когда Мустафа появился в дверях, Куцев не видел его лишь пару секунд, потому что в

третью секунду Хопкинс-Джани, раскинув руки для объятия и громко выкрикнув «Виктор!», шел к нему. И глаза его смотрели прямо на Куцева. Так, он вошел, значит, в паб, осмотрелся, увидел Куцева – осунувшегося, похудевшего и вообще изменившегося до неузнаваемости, – узнал его. И все это за пару секунд? Не слишком ли фантастично?

Кончик носа онемел, в пальцах бегали мурашки. Все тело начинал бить озноб, на лбу выступила испарина. Да какого черта с ним происходит?! Синдин, конечно, зелье сильное, зараза это, дрянь, но почему его начинало ломать каждый раз, когда он задумывался о странной встрече в ланданабадском пабе с Мустафой?! Какая тут связь?

Трясущимися руками Виктор выковырнул таблеточку из тюбика – на сегодня четвертая, – секунду помедлил и выбросил лекарство в пропасть. Во всем этом нужно когда-то разобраться. Почему бы не сегодня?

Внутренний голос, отличавшийся завидной трезвостью сознания, возразил, что обрыв, расположенный недалеко от человеческого поселения, несущего в себе потенциальную угрозу, не самое лучшее место для того, чтобы порыться в полустершихся воспоминаниях. Но ведь...

На какое-то мгновение он забыл обо всем. Даже давление в груди и дрожь в руках исчезли. Неужели они все-таки нашли то, что искали все эти дни?! Виктор никак не мог в это поверить и замер, боясь спугнуть свалившуюся на него удачу.

Перед его взором, на самой периферии – именно поэтому он и не заметил раньше – мерцали полупрозрачные значки, возвещающие о том, что его «балалайка» нашла сигнал сети. Слабенький, но вполне устойчивый.

Куцев, не веря своему счастью, двойным щелчком активировал мышь, вживленную в подушечку указательного пальца правой руки. Все работало. Открыл европейский новостной канал, который обычно слушал.

«Суннитские сепаратисты, окопавшиеся в Пиренеях, отказываются выполнить распоряжение официального Эль-Парижа о снятии пропускного режима внутри Европейского Исламского Союза. Как заявил министр внутренних дел шейх Абдул Ахмед Ариффи ат-Тантави, Исламский Союз был и остается единым государством, и Эль-Париж не намерен мириться с произволом, устроенным властями султаната Андорра. Пресс-центр эль-парижского дворца распространил заявление о возможном применении силы против сепаратистов.

Остается неясной судьба частного супертанкера «Хеллеспонт Стар», вышедшего неделю назад из порта Эль-Кувейт. Судно совершало очередной рейс под флагом Европейского Исламского Союза. Напомним, что супертанкеры класса «Хеллеспонт» способны взять на борт около полумиллиона тонн нефти, что, вне всякого сомнения, делает их лакомой добычей для пиратов. Однако никаких требований о выкупе ни владельцу судна, ни европейским властям предъявлено не было. Это оставляет надежду...»

Куцев невольно заслушался. «Балалайка», уловив интерес хозяина, увеличила маленькую картинку, висевшую в правой половине поля зрения. Симпатичная ведущая в хиджабе «haute couture» имела вид решительный и напористый.

Значит, об их исчезновении уже известно. Но корабль не засекали, этого и стоило ожидать – над Восточной Африкой курсировал только один спутник наблюдения и он, как и много чего еще в космосе, потерялся, а заменить аппарат не было никакой возможности: космические программы после катастрофы на Станции были повсеместно свернуты.

Только не тем он занят. Нужно не новости слушать, а запросить помощь.

Куцев задумался, куда отослать данные. Судовладельцу? Номер его «балалайки» известен только капитану. Просто в сеть? Глупость, граничащая с идиотизмом: там данные, конечно, найдут. Но не исключено, что это будут какие-нибудь черенки, которым и дела нет до пропавшего танкера. Тогда куда? Адресата нужно выбрать тщательно, чтобы не ошибиться. Кто станет спасать их? Виктор подумал и понял, что не знает ответа. Значит, придется возвращаться. Пускай Мустафа решает – он капитан, он должен владеть подобной информацией.

Мысль о Хопкинс-Джани вернула воспоминание о ланданабадском пабе. И о детстве, проведенном вместе, бок о бок – лучшие друзья.

А что, собственно, мешает это проверить? Странная мысль, раньше она никогда не приходила в голову Куцеву.

Формирование запроса: *«рейс № 346, Амстердам – Мюнхен. Пассажиры Куцев и Хопкинс-Джани»*. Фамилию Мустафы Виктор внес чисто машинально, подумав в тот момент, что руки дрожать перестали совсем – это было странно, ведь таблетку он выбросил.

«Результат поиска:

Рейс № 346, Амстердам – Мюнхен.

Пассажиры Зухра Куцева, Владимир Куцев, Виктор Куцев, Али-Энтони Хопкинс-Джани, Алия Хопкинс-Джани, Мустафа Хопкинс-Джани, Фатима Хопкинс-Джани.

Погибли в катастрофе 14 июля...»

Куцев понял, что медленно сползает вниз по склону – сил удержаться у него не было. Ноги стали ватными, руки опустились и болтались двумя бесполезными плетями. В голове пульсировала резкая боль, вызывающая при каждом ударе появление черных кругов перед глазами. Со лба крупными каплями катился пот. Виктор чувствовал, что вдохнуть не удастся, легкие никак не могли расправиться, наполняясь воздухом. Организм отказывался жить.

Куцев из последних сил выскребал заветный тюбик из кармана. Оказывается, он вовсе не Куцев. Виктор Куцев мертв. Вот уже четырнадцать лет, как его нет в числе живых. Равно, как и Мустафы Хопкинс-Джани. Кто же они такие, черт возьми?!

Непослушные пальцы откупорили крышку, целая горсть таблеток полетела вниз, отскакивая от камней. Последняя надежда, неужели он рассыпал их все?! Нет, в пластиковой тубе осталось еще пара. Он вытряхнул их в рот, обе. Знакомый резиновый привкус наполнил, казалось, всю голову. Понемногу начало отпускать. Что это за дрянь такая? Ему говорили, что это обезболивающее, что оно поможет справиться с синдромом отмены синдина. Только это все вранье – не было у него никакого синдрома отмены, была ложная память, в которой сознание постоянно находило бреши. Вот, что провоцировало приступы.

И встреча в пабе – разумеется, она не была случайной. Его там ждали, а Мустафа... Впрочем, никакой он не Мустафа.

От резинового привкуса стало тошно, но черные пятна исчезли, и легкие начали исправно качать воздух.

Никаких сообщений! Спасение теперь придется отложить. Теперь есть дело поважнее – нужно выяснить, кто он такой. И кто такой Мустафа, не случайно встретивший его в ланданабадском пабе.

Рука нащупала угловатую твердость «дыродела», торчащего из-за пояса джинсов. Вороненая сталь отчего-то слишком удобно и привычно легла в ладонь. Ничего, теперь ему все расскажут, не отвертятся.

Лже-Куцев воткнул пистолет обратно за пояс и, ломая ногти о мелкую острую гальку, из которой в основном состоял склон, полез обратно наверх.

36. Авианосец «Зенг Хе»

Резкий искусственный свет заставлял глаза слезиться. Зрение и без того подводило – все вокруг было нечетким и то и дело подергивалось темной пеленой, будто кто-то непрерывно включал и выключал коммуникатор, передающий видеокартинку.

Шэнь снова разлепил веки. Металлические переборки, люминесцентные лампы на ребристом металлическом потолке, какое-то оборудование и пробирки на никелированном столе. И все, кроме стола с оборудованием, привычного зеленоватого цвета. Стало быть, он на авианосце.

Хотелось, конечно, надеяться, что это мерцающая люминесцентным светом комната

находится где-то в районе горы Тайшань, и двери ее открываются прямо в райские сады. Но Шэнь был далек от мысли, что на горе Тайшань, да и в Диюй, откуда придется снова отправиться отбывать свой срок в Срединный мир, завелся дизайнер со склонностями к армейской тематике. Вот только пока непонятно, каким образом он снова ожил. Шэнь отчетливо помнил, как пули, выпущенные Хэ, дважды ударили в грудь, как там стало горячо, и мир исчез. А теперь он здесь.

Шэнь попробовал пошевелиться – конечности ощущались, но двинуть ими он не мог. Привязан? Скорее всего.

И где же распорядитель сего действия?

Распорядитель не заставил себя ждать.

– Очнулся? – послышался голос. Это был Хэ. Шэнь не видел полковника, но голос узнал.

– Что со мной? – Вопрос вырвался сам собой, Шэнь не планировал вступать в переговоры.

– На самом деле, Шэнь, мне самому очень интересно, что с тобой, – усмехнувшись, ответил Хэ. – Ты зачем в свою «балалайку» полез?

Сначала голову, а потом и все тело пронзила острая и быстрая, словно молния, боль. Шэнь стиснул зубы и тихо застонал. Взор опять заволокло темным, но звуки остались.

– Молчишь? – снова Хэ. – Ну, молчи, теперь и так придется все делать заново. И на скорую руку. Ты ведь догадываешься, что на скорую руку хорошо никогда не получается?

– Я – человек, – пробормотал Шэнь, отплевывая натекшую в рот слюну – почему-то проглотить ее не удавалось.

– Знаю, – ответил Хэ. Похоже, полковник над чем-то раздумывал. Шэню он отвечал между делом. – Знаю. Но нам-то нужна программа, понимаешь? А ты, болван, ее зачем-то испортил. И что теперь с тобой делать?

О чем это он говорит? Шэнь не понимал слов полковника. Какая еще программа? И что там творит Хэ, почему его все время бросает то в жар, то в холод? Где он вообще?

Шэнь повертел головой – голова не была фиксирована. Хэ обнаружился справа и сзади – даже выгнув до боли в позвонках шею, видно его было плохо. Полковник стоял перед открытым раллером, к которому тянулся толстый серебристый провод. Отсюда тянулся. «От моей головы», – догадался Шэнь. Психопровод.

В голове царил полный сумбур. Из небытия в сознании всплывали обрывки непонятных сведений, которые, казалось, вот-вот захлестнут и без того висящего на грани беспамятства Шэня. Сожаления капитан не испытывал, но стойкое чувство приближающейся смерти не покидало. Но со счетов списывать его рано, он зачем-то нужен Поднебесной. Или он нужен лично Хэ?

– Так зачем ты полез в «балалайку»? – опять задал свой вопрос Хэ. – А, капитан? Мы же с тобой договаривались, помнишь? И «балалайка» твоя – собственность Китайской Народной Республики. Так что ты теперь, получается, вредитель, враг народа. И что мне с тобой делать?

– Не знаю, – честно ответил Шэнь.

Договаривались? Странно, но ничего такого капитан не помнил. Он знал, что он – Цу Мин Шэнь, капитан ВВС КНР, отобранный для специальной секретной миссии. Да, он давал согласие на использование своего мозга в качестве основы для программы управления комплексом информационной атаки «Лэйгун». Ага! Вот, значит, что это за программа. Хотя, если уж быть честным до конца, его согласием особо никто не интересовался, просто дали подписать какую-то бумагу для соблюдения формальностей в рамках международных договоренностей. Ну, хорошо, хоть что-то прояснилось. Воспоминания потихоньку всплывают. Стертые и заблокированные воспоминания. Его обманули, программа не просто будет работать в его голове, она полностью... «переформатирует» личность капитана Шэня, не оставив ничего человеческого. Из него хотят сделать живую машину.

Но вот о каких-то договоренностях с Хэ он не помнил. Врет? Вряд ли – какой ему

смысл?

– Как я... – Язык ворочался с трудом. – ... Жив?

– Ты имеешь в виду, как выжил, попав под пули? – Хэ искренне расхохотался. – Неужели ты думал, что я позволю тебе отдать концы? Я так и знал, что ты заартачишься и станешь геройствовать. Ты что – хотел мне горло перегрызть, что ли? А пули я сразу заменил, как только тебя искать начали – мелкая пластиковая картечь с парализующим составом. Раны выглядят устрашающе, но не опасны. Сейчас больно будет, – внезапно предупредил полковник.

Капитан заорал, что было сил. Не обманул Хэ, сволочь, больно действительно было. Казалось, что на несколько секунд в мире ничего, кроме боли, не осталось.

– Что вы делаете? – простонал капитан.

– Я, понимаешь ли, капитан, – решил все-таки пролить свет на свои действия полковник, – пытаюсь восстановить работоспособность программы. Ты же ее зачем-то взломал и раньше времени запустил в пустую свою голову. Все настройки сбились – зачем ты ее активировал без связи с «Лэгуном», а? Все испортил. Ты нам сейчас очень нужен, голова твоя, нейросенсорными контактами нашпигованная, – нужна. Только без программы толку с нее ноль. А ты, негодяй, подпортил работу мозговедов своими экзерсисами с государственной «балалайкой». Конечно, если бы ты сам мог – в смысле, вот так, без программы мог бы настроить мозги на сетевые протоколы, – можно было бы все оставить, как есть. Но делать нечего, судя по всему, придется капитаном Шэнем пожертвовать. Жаль, хороший был парень.

Капитан запутался окончательно. В глазах то и дело темнело, перед взором вставали стройные ряды нулей и единиц, сполохи электрических разрядов, складывающихся в необъятную картину, наделенную каким-то глубоким, но постоянно убегающим смыслом. Двоичный код. Эпоха Цифры в действии. Сознание никак не могло постичь того, что творила программа, льющаяся конвульсивно вздрагивающими потоками из взломанной «балалайки», но мозг продолжал обрабатывать информацию, отдавая цифровой сущности все больше собственных мощностей. Восприятие как будто проваливалось в глубокую яму, из которой не было обратного пути.

– Кто я?! – Вопль вырвался сам собой. Ужас охватил капитана.

Хэ что-то объяснял, но его слова сливались в сплошное невнятное бормотание. Исполненный бессмысленного шума аналоговый мусор. Сознание Шэня заливал цифровой шквал, льющийся из раллера полковника, он был непонятен, но казался верхом совершенства.

– ... но времени у нас в обрез, – вдруг прорезался голос Хэ. – Собственно, – полковник демонстративно закатил глаза, будто рассматривая часы на глазном наноэкране, – совсем у нас его не осталось. А полного контакта с прибором пока нет.

– Какой прибор?!

– Ты правда все забыл? – Казалось, Хэ на самом деле удивлен. – Хотя всего ты и не знал. Это и неважно. С техникой программа сладит. Техника – это «Лэйгун». Самолет такой, помнишь.

– Помню, – сквозь зубы прошипел капитан. Из головы снова начала расползаться по телу вязкая изнуряющая боль. Что полковник творит с его мозгом?

– Это хорошо, это хорошо.

На минуту повисла тишина. Было слышно только, как капитан скрежещет зубами.

– Да, хорошо! – подытожил Хэ результаты очередного воздействия на мозг подопечного. – Ну, так, вспоминай дальше!

Что вспоминать? Капитан вообще уже не мог отличить реальность от вымысла, кажущееся от явного.

– Не могу!

– Плохо, – упавшим голосом сообщил Хэ. – Твой мозг – не совсем обычный, мозговеды постарались. Он – деталь мобильного информационного реструктуризатора. В

простонародье «Лэйгун». А ты его испортил.

– Реструктуризатор?

– Что? – не понял вопроса полковник.

– Испортил – реструктуризатор?

– Нет. Мозг ты свой испортил. Зачем ты в скрытую область «балалайки» полез? – Голос у Хэ был почти плачущим. Но оболящаться не стоило – капитан знал, какие слухи ходили о подобных людях из МГБ.

Ответ на последний вопрос капитан, в сущности, знал:

– Там была правда.

Хэ покачал головой.

– Там была программа, которая соединяла твой мозг с «Лэйгуном». А ты ее залил на неподключенные мозги и все испортил. Хорошо хоть, нейросоединения не все сгорели, попробую восстановить. Другого Шэня у нас сейчас нет.

Полковник подошел ближе. Теперь капитан видел его хорошо. Он заметил, что «балалайка» Хэ тоже подключена к раллеру психоприводом. Только обычным, не таким толстым шнуром, как «балалайка» капитана.

Руки Хэ забегали по клавиатуре. Он то и дело останавливался, присматриваясь к выводимым на экран данным. Потом продолжал шуршать клавишами. И все время говорил, разговор как будто совсем не мешал ему работать со сложными программами, словно он вещал на автомате.

– Китай, Поднебесная империя! С такими подданными недолго и рухнуть на грешную землю. Ты полез туда, куда лезть не стоило. Только ты, дорогой мой капитан, забываешь, что присягу давал. На верность Родине. И ты не программу в голове своей недоделанной сломал, ты предал свою страну, свой народ. Ты подставил под удар Председателя. Ты представляешь себе, сколько денег вложил китайский народ в то, что ты, капитан Цу Мин Шэнь, просрал?! Денег, на которые к Станции, в лучшую жизнь, могли отправиться тысячи, даже сотни тысяч семей. Понимаешь?!

Хэ не говорил. Он уже откровенно орал. Но капитан не слышал его – боль окутала все его существо, темнота заволокла взор, в ушах выстрелами вспыхивали обрывки слов, которые он не понимал.

– Так что уж извини, – неожиданно четко прозвучали слова полковника, – довольствоваться тебе придется подсознанием. У него принципов нет, изгадить больше ничего не сможешь.

Прямо перед глазами возникло лицо Хэ. Остроносое с маленькими раскосыми глазами. Какое-то бесстрастное и нечеловеческое лицо.

– Прощай, капитан, – произнесли губы полковника, и мир вокруг Шэня исчез.

Остался лишь поток льющейся из особой государственной «балалайки» информации, заполняющей опустевшую теперь кору мозга.

37. Две недели назад. Эль-Кувейт

Существо, подвешенное на ржавом железном крюке, истошно кричало. Как же оно орало! Разумеется, трудно оставаться сдержанным, когда здоровенный кусок железа щекочет тебе позвоночник. Не так, чтоб игриво, катаясь по спине холодным металлом – крюк внутри, глубоко под кожей, и, когда существо дергается, слышно, как позвонки скрежещут по ржавчине.

Он пытался не смотреть, но звук никуда не денешь. Для ушей, к сожалению, природа не предусмотрела возможности закрываться, отсекая излишние звуковые колебания окружающего воздуха.

Сидящий на стуле всего в каких-то трех метрах от занятого в данный момент крюка изо всех сил старался думать о том, кто извивался в агонии рядом, как о *существе*. Человеком *это* уже быть не могло. Как ни старался он, но помогал этот трюк мало – слишком уж

напоминало человека кровавое месиво, с которого тощий хлюпик с перекошенным от старания лицом медленно сдирает кожу. Медленно и очень аккуратно, стараясь нигде не надорвать. Портфель он из нее собирается сделать, что ли?

От последней мысли сидящего вырвало. Он открыл глаза – на крюке ничего не изменилось, только лоскут, что тащил палач-извращенец, стал больше, и алая лужа на полу растекалась, подбираясь к самым ногам.

Он с силой зажмурился, так, что задрожал подбородок, потом снова открыл глаза. Его мутило, но сознание упорно не желало отключаться. Наверное, виной всему была инъекция, которую ему сделали перед тем, как привязать к стулу.

Его не били. Вообще – пальцем не тронули. Его даже не заставляли смотреть на то, что происходило по соседству. Создавалось впечатление, что его здесь просто забыли. Или он ждет своей очереди? В животе что-то с силой сжалось, поднялось вверх, сдавило тисками горло и не давало вздохнуть, по спине скатились крупные капли холодного пота. Нет! Он не хочет, чтобы с него заживо содрали кожу, он не хочет становиться таким... существом! За что, он же ничего не сделал?!

– Именно поэтому, – раздался голос за спиной.

Кто это? С ним говорят или это галлюцинации? Здесь ведь ничего нет, кроме этого истощенного крика. Почему оно так долго кричит? Что-то глубоко-глубоко в голове подсказывало ответ – оттого, что этот хлюпик, пускающий от удовольствия слюни, знает свое дело.

– Именно поэтому, – повторил голос, и сидящий на стуле понял – он говорил вслух. Орал, перебивая вопли приговоренного. Они все слышали, они знали его мысли и ответили на вопрос: он заслужил кары из-за того, что ничего не сделал.

– Но что я могу? – Он не узнавал собственный голос. Визгливый, срывающийся на хрипоту, больше походивший на тьяканье собаки с горлом, передавленным тяжелым сапогом.

– Мы вам расскажем, любезный, – ответили из-за спины. – Вы готовы нас слушать?

Он хотел ответить, что, мол, да, но горло подвело, изо рта вырвался только беззвучный сип. Тогда сидящий на стуле изо всех сил закивал, так, что в шее что-то хрустнуло.

– Вот и хорошо, – согласился голос. – Но шоу вам все-таки придется досмотреть. А то вдруг вы решите, что это была всего лишь хорошо поставленная актерская игра. Сейчас, знаете, ли масса возможностей...

– Нет! – вырвалось у него, но было ясно, что его мнения никто здесь не спрашивал.

Сколько еще времени несчастный, превращенный в кусок кровоточащего мяса, бился на соседнем крюке, он сказать не мог. Ему показалось, что минула вечность.

Потом его отвели в какое-то помещение. Просторное и неплохо обставленное. Больше всего этому месту подходило название кабинет. Кабинет здесь? Казалось, что в этой мясницкой не может быть ничего, кроме голых бетонных стен и заляпанного кровью холодного и влажного пола, вода, надо думать, собиралась от постоянного мытья, которым пытались замести следы предыдущей казни. Или это была не казнь? Да и нужно ли хозяевам скрывать то, что здесь происходило?

В общем, кабинет совершенно не вязался с этим местом. Но вид нормальной человеческой мебели успокаивал и вселял надежду. Если и не на лучшее, то хотя бы на отсрочку неминуемой гибели.

– Вам понравилось наше представление? – улыбаясь, спросил высокий, хорошо одетый мужчина, который сидел на дорогом, обитом кожей, кресле. Приятная улыбка, правильные черты лица, опрятность и лоск – все это располагало к общению с хозяином кабинета.

Затравленно озираясь, он помотал головой. Странно было бы предположить, что ему могли понравиться зверства, которые демонстрировал хлюпик с безумными глазами пятью минутами ранее.

Он огляделся – большая часть мебели в кабинете обита кожей, снятой с тех несчастных? Он понял, что к горлу опять подступает тошнота. Он опустил глаза и, заметив,

где лежит его рука, резко отдернул ее: подлокотник кресла, в которое его усадили, тоже был выполнен из мягкой коричневой кожи.

Хозяин кабинета, заметив перепуганный взгляд и движение собеседника, рассмеялся.

– Успокойтесь, мы здесь не занимаемся скорняжным ремеслом. Всего лишь – вопрос безопасности государства. Вы ведь преданный сын Исламского Союза?

Он кивнул, не сводя обезумевшего взгляда с хозяина кабинета.

– Вот и хорошо, – констатировал тот. – У нас есть для вас небольшое поручение. В сущности – пустяк. Но очень важный пустяк, как вы можете догадаться.

– Что я могу?.. – Он не понимал, не мог даже представить, чем может быть интересен этим людям. Никто из них не назвал себя, но и так ясно, откуда они все: внешняя разведка Европейского Исламского Союза. Или что-то вроде того, возможно, какая-то более мелкая, но намного более секретная структура, подчиняющаяся непосредственно правительству Союза. Какое это могло иметь значение?

– Ну, – усмехнулся мужчина, – не стоит так уж себя недооценивать. Не стану вас обманывать – вы не самый ценный член нашего общества, но послужить своему народу вполне могли бы. И служба ваша, если вы намерены добросовестно выполнить свой долг перед родиной, обязательно будет по достоинству оценена высшим руководством.

Зачем хозяин кабинета все это говорит? Неужели есть хотя бы микроскопический шанс отказаться, не вступать в странные и очень опасные игры политиков? Он в это не верил. Он был готов выполнить все, что угодно, лишь бы... Страшная картина извивающегося на крюке куска мяса, с которого палач снимал последние лоскуты кожи, отчетливо всплыла в памяти.

– Я все сделаю так, как вы прикажете! – поспешил он заверить разведчика.

– Я на вас надеюсь, – мужчина осклабился. – Нужно всего ничего: небольшая операция – вы даже о ней не вспомните, и продолжайте работать.

– Как? – не понял его пленник.

– Обычно. Со рвением и усердно. Как вы это делали всегда.

– А что мне нужно сделать?

– Вам нужно будет использовать три вещи. Просто включить их в нужное время.

Мужчина показал ладонью на предметы, лежавшие перед ним на столе: небольшой антрацитово-черный цилиндр, маленький носитель информации и раллер. Компьютер тоже был непроницаемо-черного цвета.

– Вы ведь ходите через этот новый архипелаг, через Африканское море? Ведь так? – спросил хозяин кабинета.

И это ему известно. Откуда? Эту информацию все члены экипажа держали в строжайшем секрете: тайна, которая казалась не столь уж важной, вполне могла стоить им жизни в следующем плавании. Хотя понятно – разведка.

– Не удивляйтесь, мы многое о вас знаем, – увидев изумление в глазах собеседника, сказал мужчина.

– Да, дважды мы ходили там.

– И пойдете в третий раз?

– Наверняка.

– Это замечательно! – Разведчик смотрел на человека взглядом, каким скульптор мог бы смотреть на изваяние, получившееся лучше, чем он представлял перед началом работы. – Тогда все это, – он обвел рукой лежащие на столе цифровые приборы, – ваше. Забирайте. Необходимые инструкции вам предоставят несколько позже.

– Да, и не забывайте, – добавил он после короткой паузы, – что не выполнить задание вы не вправе.

С этими словами хозяин кабинета согнул палец в форме крюка и, зацепив сзади воротник своей сорочки, изобразил действие, которое было продемонстрировано гостю несколько минут назад.

38. Городок Стоунвиль. К югу от горы Кения

Когда он проснулся, уже давно было утро. Яркий свет врывается во все щели и окна, заливая оттенками желтого остатки помещения с покосившимся потолком. Внутри еще оставалась ночная прохлада, но из окна, разверстого словно пасть сказочного дракона дул теплый ветер. Саванна нагревалась, и скоро начнется жара.

Хоакин осторожно перевернулся. Нога болела, но терпимо. И в общем, самочувствие заметно улучшилось. Вроде бы он даже выспался – так поздно за последние два года он не вставал ни разу.

Рядом работал аварийный передатчик – индикатор заряда батареи приближался к нулю, но еще трепыхался из последних сил. Услышал ли его кто-нибудь?

Хоакин сделал себе инъекцию найденного вчера антибиотика, отпил из канистры, сколько смог вместить желудок, и выбрался наружу.

Тишина. Ни звука не было слышно на улицах Стоунвиля. Только легкий теплый ветерок гнал по растрескавшемуся асфальту пыль, принесенную из саванны. Даже животные избегали этого места – видимо, память о присутствии здесь человека, двуногого монстра, несущего смерть саванне, еще не исчезла из жалких мозгов зверья.

Вокруг Хоакин видел лишь руины. Ни одного здания не уцелело в городке. Неужели так везде в мире?! Не может того быть, просто Африке, как всегда, досталось больше всех.

Гладкая равнина имела отчетливый уклон, немного поднимаясь к югу, а из-за горизонта, плохо различимая в пыльной дымке, маячила серая корявая гора. И чистое пронзительно голубое небо со всех сторон. Никаких признаков присутствия человека в этом мире. Глупо надеяться, что кто-то слушает аварийную волну СБА. У всех своих дел по горло, не до какого-то там Хоакина Моралеса, застрывшего в африканской саванне. Но его совесть чиста, он сделал все, что мог.

Хоакин, опираясь на давешний костыль, прошелся по городку. Всюду он находил знакомые вехи: развалины мест, где бывал раньше. Смешно, вчера сознание сыграло с ним злую шутку – мыслимое ли дело, он бродил по улицам, рассматривая несуществующий теперь, залитый неоновыми огнями вывесок город.

В паре мест он наткнулся на чистые, выбеленные солнцем и ветром человеческие скелеты. Мертвых здесь почти не было. По всей видимости, большая часть населения успела эвакуироваться, возможно, мертвых похоронили. Скоро он набрел на подтверждение своих мыслей – сразу за границей Стоунвиля располагалось обширное кладбище. Могилы рыли кое-как, некоторые были раскопаны – судя по всему, закапывали неглубоко, и частью мертвецов смогли полакомиться падальщики. Нормально, жизнь шла по кругу, все, как положено.

Похоже, что выжившие убрались отсюда в первые дни после Катастрофы. Куда, интересно? Выбраться из этих мест в цивилизованные края было реально только по морю. Но на побережье, скорее всего, в те дни было еще хуже, чем здесь. В любом случае, из Стоунвиля люди уезжали спешно.

В развалинах местного супермаркета Хоакину посчастливилось найти пару уцелевших банок синтетического концентрата. Со вкусом свинины. Стало быть, работали здесь не европейцы.

Острым осколком чего-то металлического Хоакин продырявил консервы и с жадностью высосал содержимое банок. После всего, что ему довелось перенести в последние дни, эта синтетика показалась самым вкусным, что он когда-либо ел в жизни.

Еще несколько часов Хоакин бесцельно слонялся по улицам Стоунвиля. Идти больше было некуда. Здесь можно найти еду, воду он уже нашел. В городке есть где укрыться от зверья, которое вполне может проявить интерес к новому соседу. Вот только как долго он так протянет? Неделю? Если очень постараться, то, возможно, и месяц. А что дальше? Стоит ли растягивать час расчета?

Внезапно очередной поворот вывел его к груде обломков, некогда бывших церковью.

Здание сложилось, словно пустая пластиковая коробка, но рядом каким-то чудом устояло разукрашенное пластиковое изваяние в рост человека. Краска местами облупилась и сильно выгорела, но черты все равно легко узнаваемы – Дева Мария. Кожа Богоматери была темно-коричневого цвета – разрушенная церковь принадлежала вудуистам. Но какая разница?!

Хоакин опустился перед статуей на колени, руки дернули на груди рубашку, пуговицы полетели в стороны. Пальцы нетерпеливо нащупали распятие, которое Хоакин не снимал никогда. На месте, слава Всевышнему.

Он, не сводя глаз с образа Пресвятой Девы Марии, поцеловал крест, и губы пришли в движение, шепча слова молитвы. Совсем как в детстве, когда он вместе с матерью ходил на воскресные службы в собор. В нормальный католический собор, где не было этих африканских клоунов, извративших истинную Традицию предков Хоакина.

Губы продолжали шептать слова, но сам Хоакин был далеко отсюда. Он снова вернулся домой, в Анклав Рио. Анклав, которого больше нет – капитан танкера сказал, что Рио полностью смыло огромным цунами. Не осталось ничего, даже обломков.

Но в мыслях, в памяти Хоакина Моралеса, Рио продолжает стоять, попирая собой океан. На горе Корковадо, раскрыв объятия, возвышается Иисус, а маленький Хоакин с замиранием сердца смотрит на огромную статую, стоя у самого ее подножия. Рядом мать, она медленно опускается на колени, ее правая рука непрерывно двигается ото лба к сердцу, от левого плеча к правому плечу, и тихо бормочет: «Преклони колени, Хоакин, сыночек, перед Всевышним, Господом нашим Иисусом Христом. Преклони...» И Хоакин тоже опускается на колени, сам, не по повелению матери – величие Христа впечатляет его, потрясает воображение. Слышится только вой ветра, треплющего волосы Хоакина, и негромкие слова матери: «Спаси и сохрани нас, Пресвятая Дева Мария и Господи Иисус Христос, сын Божий...»

Сколько времени он провел так, стоя на коленях перед пластиковой статуей чернокожей Девы Марии, Хоакин сказать не мог. Как не мог сказать, как долго откуда-то с запада доносится стрекот вертолетных двигателей.

Его услышали?! Кто-то поймал сигнал на аварийной волне СБА?! Но как спасатели смогли так быстро добраться сюда, каким образом – высадились с орбиты, что ли?!

Вертолеты появились столь стремительно, что, несмотря на отсутствие высоких строений и холмов в окрестностях, Хоакин увидел их только за мгновение до посадки. Три винтокрылые машины летели низко, почти сливались с землей. Их невидимости способствовала и желто-зеленая раскраска.

Хоакин смотрел на опускающиеся на площадь перед развалинами церкви Католического Вуду вертолеты. Слезы текли из глаз – его молитвы были услышаны наконец он спасен!

На бортах вертолетов красовалась эмблема СБА. Названия Анклава Хоакин не разобрал. Или его там и не было? Главное – свои.

Еще до того, как вертолеты коснулись полозьями асфальта, из открытых дверей, словно горох из переспевших стручков, посыпались бойцы в «саранчах». Они ловко, за пару секунд, окружили стоящего на коленях Хоакина и заняли позицию, ощерившись автоматами.

– Руки за голову не двигаться стреляю на поражение! – прозвучала знакомая скороговорка, немного приглушенная маской брони.

Свои! Хоакин знал правила игры, он уже и сам, не спеша, чтобы не вызвать подозрений у взвинченных ожиданием боя ребят, поднял руки и сложил их на затылке. «Спаси и сохрани, спаси и сохрани...» – продолжали шептать его губы.

Судя по звукам, из вертолета вышел кто-то еще. Человек шел вальяжно, не заботясь о безопасности. Значит, ему сообщили, что снаружи чисто.

Хоакин почувствовал, что его затылок ощупывают, видимо, рассматривая заглушку в гнезде. Потом что-то слабо пискнуло, и человек произнес:

– Это не он.

Потом на плечо Хоакина легла сильная мужская рука, и его резко развернули. Раненую

ногу пронзило болью.

Перед ним стоял высокий и широкий в плечах человек в полевой форме СБА. Погонны сообщали, что подошедший в чине полковника.

Без пристально всмотрелся в лицо Хоакина, словно надеялся найти в нем знакомые черты.

– Ты кто такой? – спросил он.

– Хоакин Моралес, офицер СБА, «Исправительное учреждение №123 Центрального филиала СБА», – отрапортовал Моралес.

На лице беза отразилось сомнение.

– Из «Африки», что ли?

– Так точно!

– Почему нет «балалайки»?

– Сеть давно не работает. Зачем она?

Хоакина еще раз окинули изучающим взглядом.

– Да не он это, я же говорю! – оказывается, за спиной беза стоял еще один человек. В сером, отливающим сталью пиджаке. По всем признакам, этот не был безом – выправка не та. – Тот должен быть с татуировкой.

– Какая разница? Он офицер СБА. И тоже из «Африки».

Хоакин, не опуская рук, вертел головой, бросая взгляд то на беза, то на мужика в смотрящемся довольно глупо посреди саванны дорогом костюме. Он ничего не понимал. За кем они сюда прилетели? Судя по всему, не за ним. Значит, это была случайность, и они не слышали сигнал аварийного передатчика?

– Мы не за ним прилетели, – подтвердил опасения надзирателя тип в костюме и, повернувшись, пошел обратно к вертолету.

– Но мы же не оставим его здесь?

Хоакин не понял, спрашивал без или утверждал, но совершенно ясно, что главный здесь не он. Руководил всем штатский.

– Ты лучше узнай, кто запустил в эфир координаты этого захолустья, – не оборачиваясь, сказал штатский.

– Передатчик нашли? – спросил без у кого-то из бойцов.

– Да. В тех развалинах. Похоже, там управление местного отделения СБА было. Молчит уже, аккумулятор – в ноль.

Без опустил, присев рядом с Хоакином.

– Скажи... как тебя?

– Хоакин.

– Скажи, Хоакин, кто включил аварийный передатчик?

– Я.

– А зачем?

Нет, что-то в мире определенно разладилось. Горло у Хоакина перехватило, слова застряли внутри, так и не найдя выхода. Как же так?! Этот тип видит перед собой человека, раненого, изможденного долгим походом через дикую саванну, и не понимает, зачем тот включил аварийный передатчик! Или без полагает, что Хоакин живет здесь, в Стоунвиле?!

Они явно не ожидали увидеть тут ищущего спасения выбившегося из сил Хоакина. Но примчались из-за аварийного сигнала. Тогда кого они хотели найти? Какого хрена тут вообще происходит?!

– Сигнал о помощи, – вяло проговорил Моралес.

Лучше бы они вообще не появлялись. Так было бы спокойней, сдох бы, не разочаровавшись окончательно в людях. А теперь... Спасать его безы, по всей видимости, не планировали. И операция у них, надо думать, секретная. Ведь не из Европы же они сюда на вертолетах прилетели, где-то поблизости сидели, сигнала чьего-то ждали. А Хоакин им все испортил.

– Так ты тут заблудился, что ли? – спросил без. Ни на лице, ни в голосе удивления не

было. Он просто поддерживал разговор. Да и в ответе, похоже, не нуждался.

– Величков, поехали, – крикнул человек в сером костюме. Он стоял возле одного из вертолетов. – Времени в обрез, а мы объект не нашли. Без маяка мы тут вечность кружить будем. Пошли быстрее! Я же тебе объяснял – маяк отключается при активации программы. Мы рискуем опоздать к раздаче сладкого.

– А этого куда? – заорал в ответ без, показывая рукой на Хоакина.

– А я откуда знаю, – ответил штатский. – Хочешь, с собой бери. Место есть. Там разберемся, кто он такой.

Величков мотнул головой, показывая Хоакину, что, мол, давай, забирайся в вертолет. Моралес не заставил просить себя дважды, скривившись от боли, поднялся кое-как и, не опуская поднятых над головой рук, заковылял к указанной безом машине.

Винты медленно набирали скорость, со свистом рассекая воздух, вертолет вздрогнул и оторвался от асфальта.

– Так как ты сюда попал? Из «Африки»? – наклонившись и крича в самое ухо, спросил у Хоакина Величков.

– На лодке приплыл, – угрюмо ответил Хоакин. Он сильно не старался, чтобы без услышал. – Потом пешком по саванне.

– Долго?

– Что?

– Пешком долго шел?

– Четыре дня, – сказал Хоакин, хотя не особенно был уверен в правильности подсчета – на фоне болезни восприятие немного сбивалось.

– А лодку где взял?

Все ему расскажи. Ну, какая этому Величкову разница? Ищешь кого-то и ищи.

Секундочку! Моралес вдруг вспомнил, как мужчина в костюме сказал, что у того, кого они ищут, должна быть татуировка. Возможно, это и совпадение, но татуировки для Хоакина были вполне привычны – все заключенные «Африки» щеголяли с подобными произведениями боди-арта на лбах.

– На берегу нашли. Морем, наверное, выбросило, – соврал Хоакин про лодку.

– А как нашли этот остров?

– Остров? – не понял его Моралес. О чем это говорит Величков?

– Остров, остров, – закивал без, – можешь не сомневаться. Причем немаленький. Тут теперь одни острова, большая земля только на западе осталась.

Вот значит как – остров. Значит, они все равно никуда не дошли бы. Разве что, до берега с другой стороны.

– А лодка ваша – не спасательным катером была? Оранжевая такая? – не унимался без.

Хоакин кивнул. Стало быть, он знает о катере. Что еще им известно? Хоакин никогда не понимал стремления людей делать из всего тайну. Ну, расскажи ты, полковник Величков, чего ты хочешь от Хоакина Моралеса, скажи, что тебе нужно узнать – почему бы не рассказать? Свои же, в конце концов, оба в СБА работают. Так нет же, нельзя так. Нужно клещами из надзирателя информацию тянуть, а то вдруг он чего лишнего узнает.

– А название корабля, с которого этот катер был, ты, случайно, не заметил?

На лице Велиčkова застыла мерзкая улыбочка, словно он разговаривал с умственно неполноценным и старался, как мог, стимулировать его к ответу. Улыбаться в ответ Хоакин не стал.

– Давайте начистоту. Кого вы ищете, полковник? – серьезно спросил Моралес.

Улыбка сползла с лица беза. Медленно, словно ее смыли особым улыбочным растворителем.

– Моралес, поверь, тебе не стоит в это ввязываться.

– Я офицер СБА.

– Я тоже. И у меня приказ.

Хоакин усмехнулся и отвернулся к иллюминатору. Внизу показался широкий

каменистый пляж, а дальше начиналось море. Здесь заканчивался остров, тот, что немаленький. Хоакин смотрел на пронзительно синюю водную гладь и думал, что их вертолет летит долго. Слишком долго, столько вертолеты не могут летать.

– Вам нужен кто-то из моих подопечных, – констатировал Моралес. – На этом острове их было трое. Двоих я застрелил собственноручно. Третий, если еще не подох от жары, ползет где-то километров на шестьдесят-семьдесят северней того места, где вы меня подобрали.

Величков посмотрел на Хоакина спокойным, немного удивленным взглядом. Потом кивнул и сказал:

– Ты офицер СБА.

39. Десять дней назад. Пригород Пекина

Мелкий гравий приятно шуршал под ногами, где-то в глубине раскидистых крон деревьев пели невидимые глазу птицы. Сад навевал спокойствие и умиротворение. Здесь хорошо было думать. И отдыхать. И, отдыхая, думать.

– У Поднебесной империи нет врагов. – голос Фа вывел Хэ из прострации, в которую он невольно погрузился благодаря чудесному воздействию сада генерала Ляо. – Есть только те, кто стоит на ее пути.

– Так ведь у нас договор с Сибирью?

– *«Дружить дружись, а за саблю держись»*, – процитировал старик. Хэ понял, что слова были на русском, но языка он не знал, и в «балалайку» переводчик не устанавливал: с этим народом ему дела иметь не приходилось. Фа перевел. – Так у них говорят. Особенно казаки любят эту поговорку. И в Сибири их предостаточно – отборные головорезы.

Разумеется, старик прав. Но Хэ был уверен – здесь кроется что-то еще. Быть готовым к войне – задача любой армии, независимо от прочности мира. А о прочности чего бы то ни было сегодня говорить не приходилось. Сама планета трещала по швам, что уж толковать про людей.

– Они нам выгодны сейчас, поэтому нам приходится дружить с варварами. – Губы Фа скривились в гримасе отвращения: ему была неприятна даже мысль о том, что приходится иметь дела с дикарями. – Не стоит считать врага бесполезным. Ты знаешь, Хэ, они скрывают от своих людей, что на Станцию может попасть любой, кто пожелает?

– Почему?

– Государству нужна сильная армия. Армия – это люди. После Катастрофы людей стало мало.

– Но Китай...

– В Китае людей много. К тому же они – китайцы. Это другое. У нас есть свой путь, китайцы не просто уходят в иные миры, они несут туда Традицию. Но корни наши здесь, на этой земле.

Хэ все понимал. Как и осознавал неизбежность конфликта с Сибирской республикой. Маленькой и слабой страной. Даже не страной, так, пятно на карте. Но для политиков Поднебесной не было секретом, что новый царек русских, Гиляров, не прост. Он с легкостью обещал золотые горы, с удовольствием брал то, что ему давали. Но возвращать долги не спешил. У Сибири не было настоящей армии, только казаки – преданный лично Гилярову спецназ. Остальные расползающиеся формирования войсками назвать было нельзя.

Но одно обстоятельство не позволяло смотреть на Сибирь, как на незначительное провинциальное княжество – Санкт-Петербург их не трогал. Конечно, у российского правительства хватало проблем и без Гилярова, но терпеть разрастающуюся на теле опухоль, тем более поразившую один из богатейших природными ресурсами регион, они вряд ли бы стали. Так что особых сомнений, что у Гилярова есть высокие покровители в российских верхах, не было.

Правда, оставался еще один вариант. Хэ в него не особенно верил, но все же... У

Гилярова могло быть что-то припрятано на случай вооруженного конфликта. Многомиллионная армия, стоящая в глухой сибирской тайге? Или сверхсовременное оружие, против которого не было средств защиты? Хэ не знал. И Фа вроде бы – тоже. Именно это обстоятельство и пугало политиков Поднебесной.

Но было что-то еще. Было.

– Вы знаете, что скрывается там, в Африке? – спросил Хэ.

Старик однозначно располагал информацией, убедить Председателя пойти на огромные траты в столь трудное время, не предъявив веских доказательств, не смог бы даже товарищ Фа.

Старик достал из внутреннего кармана френча коммуникатор, активировал его, приложив несколько пальцев к экрану в строго заданной последовательности, и передал молодому человеку.

Это был видеофайл. Снимал, по всей видимости, непрофессионал. Кадр выстроен под каким-то диким углом, так что все время хотелось повернуть голову набок, чтобы стало лучше видно. Но и того, что Хэ смог рассмотреть на мутноватой и дергающейся картинке, вполне хватило.

Нечто, облаченное в простой армейский комбинезон, перло прямо на камеру. Звук почему-то не было. Потом изображение несколько раз дернулось, и на груди существа появилось три раны. Видимо, в него стреляли откуда-то из-за спины оператора. Нечто вздрогнуло, замерло на миг, а потом, как ни в чем не бывало, продолжило движение. Кровь из ран почти не сочилась. Андроид? Вряд ли, Фа это не заинтересовало бы.

Следующий кадр. То же самое существо. Или такое же. Оно с голым торсом, кожа странно отливает зеленью – дефект видео? Опускается на четвереньки. В тот же миг из его рук и ног выползают и начинают расти шевелящиеся черви, которые вгрызаются в землю. Звук местами прорывается, но понять ничего нельзя.

– Что это? – недоумевая, спросил Хэ.

Фа забрал коммуникатор из его рук.

– Там есть еще. Есть отрывки текстовых сообщений. Они закодированы. Видео тоже было под замком – это все, что из него смогли выжать наши машинисты.

– Качество достаточное. Но что они снимали?

– Я могу ошибаться. Если мне удалось сложить осколки правильно, то на этот раз он использовал свойства растений.

– Деревьев? – не понял старика Хэ.

– Необязательно. Во втором фрагменте ты видел, как это существо питается. Оно выращивало корни. В обрывках файлов есть упоминания хлорофилла – вероятно, клетки кожи у этих монстров способны синтезировать органику из подручных материалов, как это делают растения. И это наверняка не единственная возможность. Ты можешь представить себе армию, которая практически не нуждается в обеспечении продовольствием? Не исключено, что они способны воевать и без боеприпасов – растения бывают ядовитыми. Кроме того, флора на пару порядков менее чувствительна к радиации. А их жизнеспособность – ты видел? Похоже, у них настолько изменено внутреннее устройство организма, что до десятка прямых попаданий обычными пулями не в силах причинить генаврам заметного вреда.

Хэ вспомнил кадры первого видео – три выстрела в грудь даже не замедлили движения существа.

– Но у деревьев есть свои изъяны, – возразил Хэ.

– Они – не деревья. Они люди, генавры. Помнишь прятки храмовников?

Хэ кивнул. Прятки он помнил. Даже очень хорошо – шрам, оставленный почти неуязвимым воином Мутабор, до сих пор давал о себе знать.

– Так вот, если мы сумели правильно сложить найденные обрывки информации, один такой воин может запросто справиться с десятком прятков. Плюс вопрос преданности – новые генавры беспрекословно подчинены хозяину. И только ему.

– Вы уверены, что эти монстры стоят всех трат? – не его дело обсуждать решение руководства, но Хэ никак не мог поверить, что солдаты, подобные показанному в видео увальню, способны решить исход войны.

Фа, недовольный сомнениями ученика, вздохнул и остановился. Он мог бы ничего и не рассказывать молодому человеку, но Хэ был его любимчиком. Почти сыном.

– Ты знаешь о проекте «Сокол», над которым Воронцов работал двенадцать лет назад. Ты не можешь помнить, тебя тогда не было с нами, но я рассказывал. К сожалению, в тот раз нам не удалось заполучить образцы, все модели достались частному лицу, идентифицировать которое не удалось. Ты видел одного из этих бойцов в действии – а ведь он не генавр, у него всего лишь каким-то образом изменены нейросоединения в гнезде. Они используют особые «балалайки», которые меняют все, включая метаболизм бойца. На короткий период, но за это время Сокол успел положить четырнадцать наших спецназовцев. Мы даже не успели понять, чем он был вооружен, помимо «дыродела». Ты видел запись с камеры наблюдения.

Да, Хэ видел. Увиденное до сих пор будоражило воображение – тот человек, которого товарищ Фа называл Соколом, двигался с такой скоростью, что в записи выглядел смазанным пятном, рассмотреть черты его лица не представлялось возможным. И бойцы, тоже с непростыми «балалайками», в которые кроме отличного огневого комплекса защита масса другого секретного армейского софта, успевали лишь поднять автоматы, после чего падали, пораженные точными и смертельными ударами. Двоих, Хэ это тоже знал, Сокол застрелил из «дыродела».

Хэ много раз внимательно пересматривал кадры, он пытался понять, что делало этого бойца столь эффективным оружием. Не только скорость – как бы быстро он ни двигался, но убить четырнадцать солдат, не дав им возможности сделать ни единого выстрела, не смог бы даже сверхсветовой супергерой. Дело было в другом: Сокол выбирал наиболее опасную для него цель. И поражал ее – мгновенно и без ошибки. Именно поэтому никто не успел выстрелить, им просто не дали: каждый, кто был готов к атаке, получал удар. В самый последний момент. А тех, кто только целился, Сокол оставлял на потом.

Скорость, нечеловеческая сила и точный мгновенный расчет, который мог обеспечить только «поплавок», стоящий в «балалайке» бойца. Все, казалось бы, просто. Только повторить технологию никто не смог.

– Почему Соколов было только трое? Неужели Воронцов не заинтересован в заказчиках? – спросил Хэ.

– Профессор – личность одиозная. Он фанатик. Он всегда пытался доказать превосходство науки над Традициями, не признавая, что его фанатизм уже сам по себе Традиция. В мире ничто не существует изолированно, Хэ, все перемешано. И то, что сотворило Чудовище, лишнее тому доказательство. Мы что-то упустили, – Фа сделал акцент на слове «мы»: он не пытался выгораживать себя, – мы ошиблись, полагая, что Традиция и наука суть разное. Воронцов повторяет нашу ошибку. Ему не нужны деньги, у него их и так достаточно. Он работает за идею, ему интересно. Он не виноват, что заказчиков легче найти на военные проекты – кто-то же должен финансировать многомиллионные изыскания. Профессор никогда не делится с заказчиком технологией. Только продукция.

– Неужели ни у кого не возникала мысль...

Старик тихо засмеялся.

– Конечно, возникала. Но профессор именно потому и жив до сих пор, что любой проект он начинает с тщательной подготовки отступления. Его уже несколько раз считали мертвым – никаких сомнений, анализ ДНК и прочее, все совпадало. Но потом он появлялся вновь.

– Может быть, это был не он?

– Может быть, – пожал плечами Фа. – Но подобные ему не рождаются миллионами. Даже десятками такие не рождаются.

– А Мутабор?

– Мутабор – это Традиция. А Воронцов, если помнишь, с Традициями пытается бороться. Я не могу понять зачем. Ведь он умный человек.

Они остановились на бамбуковом мостике, ведущем на маленький островок посреди тихого пруда.

– Как ты понимаешь, три или пять бойцов, пусть даже абсолютно неуязвимых, для нас не играют никакой роли. Важна только технология, нужна армия непобедимых воинов. Именно поэтому ты и получишь в полное распоряжение «Лэйгун». Что с оператором?

– Материал еще сырой, но в целом комплекс готов к действиям.

– Хорошо, – Фа задумчиво чертил пальцем в песке какие-то иероглифы. Хэ не успел прочитать: старик сразу же стер их. Молодому человеку было знакомо такое состояние учителя: он сомневался. – Проработай программу, учти все варианты. Нам очень нужна эта информация.

Хэ покорно склонил голову.

– Вся информация. Я уверен, что Воронцов нашел то, что молодые считают своим от рождения, а старцы готовы отдать последнее за обладание им.

Брови Хэ взлетели вверх – он понял, что имеет в виду Фа, эти слова его поразили, но он не стал ничего говорить.

Они пошли обратно, к воротам, ведущим к тщательно охраняемому шоссе.

– Я ни в чем не уверен, – объяснил ученику Фа. – Уверены только боги.

– Но позволят ли боги случиться подобному? – Хэ все-таки очень смущали слова старика.

– Боги лишь дают нам право выбирать. То, чего боги не хотят, мы выбрать не сможем. Никто не сможет, ибо мы выберем лишь из того, что предложено свыше.

40. Саванна. Недалеко от горы Кения

Лагерь разбили под нависающей козырьком скалой, торчащий вперед метров на пятнадцать камень служил отличным тентом. Но все равно было очень жарко. Воспоминания о кондиционированных помещениях танкера навевали тоску.

Мустафа отошел в сторонку от лагеря. Без тени жарче, но тут никто не помешает. Вряд ли кто-то из моряков сунется к нему – все слишком устали. А придумывать объяснения, что он делает со своим раллером посреди саванны, не было никакого желания.

На экране отображалось несколько открытых окон, в каждом – своя часть управляющей программы. Пока в режиме ожидания, время пускать ее в ход еще не пришло, но уже скоро. Это радовало – можно будет закончить дела и отправиться домой. Брести под обезумевшим солнцем по африканской пыли ему надоело.

Мустафа в очередной раз внимательно вчитывался в каждую строчку программы. Все ли он учел? Промахов быть не должно, поработать над ошибками не удастся.

Хорошо, когда есть возможность писать сценарий самому. Так гораздо удобней, собственные ошибки исправлять проще. А ошибки бывали – от них никто не застрахован. Умение не совершать ошибки – не главное, это миф, – главное, огрехи найти и устранить. Причем вовремя, а не задним числом. И программу к сценарию Мустафа тоже всегда писал сам.

Сколько уже раз? Он попытался посчитать, по-детски загибая пальцы. Сбился. Семь или восемь. Достаточно, чтобы сжиться с подопечным в единое целое. Когда он писал программу впервые, приходилось раздумывать над каждым шагом, прогонять на эмуляторе сцену за сценой. А сейчас он знал без всяких эмуляторов то, что должно получиться. Он знал своего бойца, как облупленного, его мысли были для Мустафы словно на ладони.

Пора бы уже отправиться на покой. Вот только нужно выполнить задание, вернуться домой, получить причитающуюся сумму и можно залечь на дно. Денег хватит. На всю жизнь хватит, если не разбрасывать их на каждом перекрестке.

Да и с подопечным нужно что-то решать: нынешняя легенда хороша, но она начинается

пожирать сама себя. Что-то они там упустили. Провалы появились сразу же, но времени на изменение психокода не было, да и болванки подходящей не нашлось – дело-то не самое простое: состряпать виртуальную личность с нормальной легендой. К счастью, та дрянь с резким резиновым вкусом помогала. Куцев считал, что это лекарство. Обезболивающее, чтобы легче переносить синдиновую ломку. На самом деле – плацебо, пустышка с ярким, неприятным вкусом. Важен именно вкусовой компонент, он обеспечивал перезагрузку информационной части легенды виртуальной личности по имени Виктор Куцев.

Но псевдоличность бойца в последнее время все чаще давала сбои, слишком глубоко Куцев занялся самокопанием. Наверное, от тягот походной жизни. В принципе, бойцу такая жизнь нипочем, но Куцев – обычный человек, он привычен к комфорту.

Пока гипнотизатор с резиновым вкусом помогал. Но таблеток требовалось все больше, так скоро все запасы закончатся. И что тогда делать? Не отключать бойца после операции? Рискованно. В первую очередь для собственного здоровья. Никаких гарантий от срывов в боевой режим, а тогда он – берсерк: силен и неуправляем. Вообще ничего не видит вокруг, кроме цели.

Нет, нужно бросать это занятие. Причем обоим. Жаль бойца, он в любом случае будет потерян. Можно его продать – за подобную модель дадут хорошие деньги. Обратиться к менеджерам Консорциума или к Ассоциации по торговле биоресурсами? Можно, они серьезные ребята, внушают доверие.

Но жаль – столько вместе пережито, столько всего сделано. Просто по-человечески жаль. Хотя они и не были друзьями детства, сейчас они друзьями стали. Как-то не по-людски это: продавать друзей. Хотя, с другой стороны, как раз и по-людски, предательство в крови у человека, способность врать – величайшее достижение разума.

В любом случае, нынешнюю легенду придется менять. Но тогда больше не будет того, кого Мустафа мог назвать другом, это уже будет не Виктор Куцев. Какой смысл?

А впрочем, смысл стоит искать, когда дело будет сделано. Существовала еще одна проблема. Мустафа надеялся, что она разрешима, торчать в Африке до скончания века он не собирался. Проблема заключалась в «Хеллеспонт Стар». Точнее, в его реакторе. Аварийная остановка реактора не входила в планы, Виктор должен был лишь создать видимость, произвести эмуляцию остановки, замедлив цепную реакцию до минимального уровня. Сам он об этом не знал, эту партию играла его субличность, не оставляющая воспоминаний в голове инженера Куцева.

А получалось, что кто-то разработал другой сценарий – реактору эмулировали критический перегрев, и он остановился на самом деле. Или это была не эмуляция? Бывают же настоящие аварии, не все в этом мире зависит от людей. Слишком много случайных факторов и слишком много сложностей – танкер должен был стать на несколько сотен миль западнее, где-то совсем недалеко от этого места. Совершать не самый приятный вояж по раскаленной саванне в планы Мустафы не входило.

Как бы то ни было, разобраться можно будет, лишь вернувшись на танкер. И вряд ли сладить с реактором – если с ним вообще еще можно сладить – сможет кто-то, кроме Куцева. Так что придется изворачиваться, сохраняя его психокод.

Но если реактор действительно в нерабочем состоянии? Мустафа знал, куда обратиться. Только не стоило забывать то, о чем он сам неоднократно напоминал всем вокруг – «Хеллеспонт Стар» под завязку гружен нефтью. Несмотря на виртуальность личности, задействованной в операции, нефть была настоящей. Она стоила денег, и денег немалых. Клиент не планировал терять нефть.

Конечно, черное золото, плещущееся в танках гигантского судна, спасут. В конце концов, можно взять корабль на буксир. Это в случае, если танкер все еще стоит у берегов Тюремного острова – Мустафа вспомнил собственные предположения о существовании пятого члена команды, зайца на борту «Хеллеспонт Стар». Глупости все это – шансов не выдать себя в течение пары недель у зайца практически не имелось.

Исчезновение танкера вообще должно было остаться незамеченным. Все испортил тот

сумасшедший – Моралес. Мустафа никогда не питал теплых чувств к СБА. Там служили только тупые солдафоны, наподобие этого Моралеса. Если бы не надзиратель, свихнувшийся на почве воздаяния положенной кары мировой преступности, они давно уже вернулись бы на корабль. Там, куда они идут, наверняка найдется запас заряженных батарей Ллейтона. Одна беда – тащить их к катеру придется на себе. А теперь небось во всех новостях трубят, что-де исчез танкер с нефтью.

Но больше всего беспокоил вопрос, кто организовал диверсию на танкере? И зачем? Не стоило ли опасаться проблем, которые вдруг могут возникнуть во время операции? Все продумано и рассчитано. Но, если в деле участвует третья сила, сценарий придется менять, причем экстренно, импровизируя прямо во время работы. Как-то на этот раз все шло наперекосяк. Нет, однозначно, нужно выходить на покой.

Мустафа еще раз проверил все узловые моменты программы. Ошибок нет.

Из-за скалы, оттуда, где остались остальные, послышался тихий сдавленный крик. Или это Али заснул и храпит? Скорее всего.

Капитану тоже очень хотелось отдохнуть, вытянуться во весь свой немалый рост, лечь, уставившись в небо, и ни о чем не думать. Хотя бы здесь, в африканской жаре.

Решено: это дело – последнее.

Он оставил включенный раллер, просчитывающий последние данные, на плоском камне и вышел к лагерю, посмотреть, что там происходит. Представшая взгляду картина заставила на миг забыть и об операции, и о желанном выходе в отставку.

В лагере царила тишина, шуметь было некому: Али с неестественно выгнутой шеей смотрел широко открытыми немигающими глазами на экран работающего раллера (сознание отметило дикость того факта, что у моториста есть раллер, а не на его сломанную шею), а Мартин лежал, уткнувшись лицом в рюкзак. Если бы не темно-красная лужица, натекавшая из небольшой ранки на голове штурмана, можно было бы решить, что он спит.

В руках сам собой оказался «дыродел», палец сдвинул рычажок предохранителя. Абсолютная тишина, даже ветер перестал дуть.

Непрестанно озираясь, Мустафа осторожно приблизился к труп моториста. Раллер перед ним продолжал работать. Капитан взглянул на экран – знакомая картинка, он уже видел похожую, совсем недавно. Вот, значит, чья работа...

Сзади послышался шорох. Мустафа резко обернулся, вскидывая пистолет, но узнав подошедшего человека, опустил оружие.

– А, это ты, – с облегчением выдохнул капитан.

В следующий момент выпущенная из «дыродела» в упор пуля вышибла из головы Мустафы мозги, кровавым пятном отпечатавшиеся на скале позади него.

41. Конец августа. Три года назад. Анклав Цюрих

Замечательный черный кофе приятно обжигал губы. «Konditorei Schober» на Napfasse – опыт, накопленный за столетия. Самый прекрасный кофе на планете. Только натуральный, отобранный на лучших плантациях Африки и Южной Америки. И безумно дорогой.

Кречет потянул воздух – Цюрих, сердце старой Европы, сердце нового мира Анклавов, благоухал историей и кофе. Так было всегда. И так будет – во всяком случае, Кречет хотел в это верить.

Прямо за стеклом резко вниз убегала узкая мощенная камнем улочка. Пара поворотов, и выйдешь к Лиммату. Кречет безумно любил это умиротворение, это спокойствие и беззаботность. Но так не могло продолжаться вечно.

Покупатель должен появиться с минуты на минуту. Здесь, в Цюрихе, все точно, как часы. Он не опоздает. Кречет специально пришел в кафе немного раньше, чтобы насладиться чашечкой кофе в одиночестве.

Хорошо быть самим собой, чувствовать свою силу, знать, что ты всемогущ. Что можешь если не все, то почти. Что нет для тебя преград. Нет ничего приятней, чем самому

вкушать блаженство от чашечки дивного цюрихского кофе, все воспринимая и помня.

Сегодня последний день, когда он может себе это позволить. Уже завтра кофе будет пить кто-то другой и не здесь. Кречет не знает, кто это будет – так случается всегда, этого требует безопасность. И пока заведенные Профессором правила не подводили. Ни разу.

Он знал, что все они, создания Профессора, не совсем люди. То, что сотворили с ними, приближало их к богам. Ну как минимум к ангелам Господним. Они и были ангелами, отцом им стал Профессор.

Разумеется, за все надо платить. И его сила – не исключение. Как бы ни хотелось оставаться Кречетом, собой, это невозможно. Рано или поздно – а, скорее всего, это случится через пару дней – нейросоединения, необычные, созданные Профессором в его голове, спонтанно включатся. Так бывает всегда, Профессор рассказывал, почему это случается. Кречету нравилось ощущать себя всемогущим, он любил разрушать. Но была одна проблема – разрушающая сила, что рвалась из него в такие моменты, не выбирала мишени, без программы она крушила все, что попадалось под руку. Даже сам Кречет не мог предугадать, куда нанесет удар то, что жило в его голове. То, что делало его неуязвимым и непревзойденным бойцом.

Был вариант: написать программу самому, загрузить ее себе в голову – вот он, раллер, лежит в сумке. Но какая это свобода, если все происходит согласно программе, будь она хоть трижды своей? Шаг вправо, шаг влево... С программой был только один вариант – шаг вперед. Нет, такая свобода хуже виртуального рабства. В работающем психокоде Кречет хотя бы не понимал, что является рабом.

Жаль, что со свободой придется снова прощаться, снова его купят. Ничего не попишешь, такова их судьба: у каждого из Соколов должен быть хозяин, а иначе – кто их вернет к жизни? Полной опасностей, яркой и интересной. Кречет осознавал, что рано или поздно подобная жизнь может незапланированно оборваться. Но ему это нравилось – какой смысл медленно и мучительно умирать, лежа на больничной койке?

Владелец уникальной модели мог ничего не знать о своем приобретении, но он безраздельно владел им. Профессор – очень умный человек, он все предусмотрел.

Кроме того, у Кречета есть и собственные мозги: когда он был самим собой, то никогда не гнушался решить, какой владелец ему подходит, а какой нет. Собственность тоже бывает опасной, вы не замечали? Да, дорогим швейцарским ножом запросто можно порезаться. С любой вещью приходится придерживаться предосторожностей, только с Кречетом предосторожности бесполезны.

Это случилось в прошлый раз. Вернее, с прошлым хозяином. Программа дала сбой, и сценарий завершился до того, как Кречет прибыл в условленное место. Вот тогда-то он и почувствовал, что такое настоящая свобода. Свобода выбирать, свобода действовать. Такого он не испытывал даже в «инкубаторе», как называл это место Профессор – одной из лабораторий, где Кречет проходил подготовку. Обучался сам Кречет, тогда еще виртуальные личности не требовались.

Он мог не возвращаться к хозяину, но боец знал, что его хватятся. Схема, разработанная Профессором, предусматривала дистанционное включение или отключение активности бойца – как ни крути, а хозяином всегда остается тот, у кого активатор. Но Кречет нашел решение. Он вернулся в точку randevu, оператор со включенным раллером уже ждал. Пара фраз, пара вопросов ни о чем – операторы зачастую были обычными людьми, с собственной жизнью и проблемами в ней. В общем, он получил доступ к раллеру. Много времени не понадобилось, чтобы изменить несколько строк. Программу Кречет знал, как свои пять пальцев. Большого и не требовалось – теперь хозяин не имел выбора, он даже не знал, что выбор Кречет может сделать сам. И сам решит, кому владеть активатором.

Он медленно сжал правую ладонь в кулак, посмотрел на едва заметные ссадины на костяшках – ничего, это скоро пройдет, – снова расслабил руку и погладил небольшую сумку, висящую на спинке стула. В ней лежало все необходимое, то, что заберет покупатель. Вряд ли придет новый владелец, скорее покупатель просто передаст ему сумку. Указания,

мануал, так сказать, находится в раллере, активатор спрятан в специальном кармашке. Он пока выключен, хозяина у активатора нет, но в раллере подробные указания, как сделать его своим. Там же титапластовый мини-сейф с нанопокрытием, в нем *та самая* «балалайка». Два остальных гнезда в мягкой поролоновой внутренности сейфа сейчас пустые. Их смогут наполнить и без него. Ну, собственно, это и все. И сама сумка: настоящая кожаная Prada. В подарок к комплекту.

За столик присел высокий мужчина с аккуратной тщательно подстриженной бородой. Не спросил разрешения. Покупатель? Ну, разумеется, они же условились насчет столика.

– В Цюрихе замечательный кофе, вы не находите? – улыбаясь, спросил Кречет.

– Вне всякого сомнения, – бородач тоже расплылся в улыбке.

Словно из воздуха возникшая официантка поставила перед мужчиной чашечку кофе. Покупатель поднес напиток ко рту и немного отпил.

– А в этом месте – в особенности, – констатировал он.

– Вы здесь часто бываете?

Кречет не знал, для чего выпытывает у бородача подробности – сказывалась профессиональная привычка: любые сведения могут пригодиться.

– Да, достаточно часто, – вертит головой, похоже, врет. Тоже, наверное, профессиональная привычка.

Кречет положил на полированный столик пластиковую карточку. На вид – обыкновенная визитка. Красный пластик с белым крестом посередине и типичным для швейцарца именем. Для коренного швейцарца, что-то вроде Schober. Кречет не смог бы воспроизвести его без надписи, эта информация не являлась важной.

– С помощью моей визитки вы сможете найти применение своим средствам. Только помните, что использовать ее можно лишь один раз.

Еще одна мера предосторожности – все данные счета в надежном, швейцарском банке хранились в магнитной вставке этой визитки. Считать данные можно только один раз. При переводе денег. Единожды отработав, информация о счете исчезнет, и клиент никогда не узнает, куда отправились его юани. Или евродины – не все ли равно. Можно попробовать взломать визитку и разузнать подноготную продавца. Этот вариант тоже предусмотрен: после прочтения данные опять же самоуничтожатся, и перевести деньги на счет не удастся. А без денег... Извините, но без денег вы становились жертвой, а не владельцем.

Покупатель взял карточку в руки, повертел ее, причмокивая губой, и спрятал в карман.

– Хорошая работа, – резюмировал он.

– Как и все, что я предлагаю, – улыбнулся в ответ Кречет.

– Коньяку? – У их столика снова появилась официантка и поставила перед бородачом бокал с янтарным напитком.

– Нет, спасибо, – покачал головой Кречет. – В Цюрихе я предпочитаю только исконно швейцарские вещи.

– А я, знаете ли, люблю французский коньяк.

Кречет встал и, извинившись, пошел в туалет, забрав с собой небольшой саквояж, что стоял у его ног. Тоже кожаный и тоже Prada. Ничего не значащий диалог с покупателем начинал утомлять его. Хватит пустых разговоров. Через час Кречета снова не станет, вместо него в этом теле поселится какой-то незнакомец. Он ничего не будет знать о настоящем хозяине тела, которым пользуется! Тому парню будет неизвестно, кто такой Кречет, ему будет наплевать на какую-то там свободу, которой грезит боец. Ему будет казаться, что он свободен – как, впрочем, и многим вокруг. Чувства бывают обманчивы – так говорил им Профессор. Нет никакой свободы, ни у кого, одна видимость, в которую многие верят.

В этот раз должно быть по-другому. В этот раз Кречет предусмотрел все. Конечно, придется подождать. Год, два... Что значит время, когда ты в небытии, когда в твоём теле обитает какой-то заморыш, считающий себя свободным человеком?! Но план сработает, он не может не сработать. Все просчитано, все возможные сбои учтены.

На задворках сознания, умеющего оценивать события с удивительной скоростью и

точностью, то и дело появлялся слабый огонек мысли, которой Кречет не позволял выйти наружу. Вилами по воде писано – этой короткой русской поговоркой можно было точно охарактеризовать весь план, что так тщательно готовил боец. Нет... не попробовать он не мог. Игра стоила свеч.

Если бы Кречет умел волноваться, он сейчас наверняка покусывал бы губу и барабанил пальцами по искусственному камню, обрамляющему умывальник. Но гений Профессора забрал у бойца чувства, поэтому лицо Кречета оставалось спокойным и бесстрастным.

В уборной он пробыл достаточно долго, чтобы бородач мог насладиться французским коньяком. Потом вернулся за столик.

Ни бородача, ни сумки, что висела на спинке стула, не было. Сделка подтверждена, завершится она после правильной активации карты со швейцарским крестом.

Кречет открыл саквояж и вытащил оттуда раллер. Через пару часов после включения потроха компьютера спекутся в однородную массу – небольшой термический заряд. Мера предосторожности: никто не должен узнать о тайне личности. Даже он сам.

Кречет вытянул из раллера тонкий проводок психопривода и вставил его в «балалайку». Девственно чистый чип, только базовые программы. Все остальное загрузится сейчас. Попастся с пустой «балалайкой» Кречет не боялся – он поставил ее в гнездо только что, в туалете. А предыдущая – разумеется, тоже липовая, отправилась в цюрихскую канализацию, предварительно растворившись в какой-то гадости, куда ее бросил хозяин.

Ну что ж, пора. Все готово: «балалайка» заполнится новыми данными; раллер, программа психокодирования которого «загрузит» новую личность в мозг Кречета, самоуничтожится; в саквояже – стандартный набор туриста, а также документы и билеты на «суперсобаку» на имя какого-то русского. Поезд отправляется через три часа двадцать четыре минуты, нужно торопиться.

Отчего-то Кречет медлил. Палец завис над клавиатурой раллера, но не двигался дальше, будто зацепившись за что-то. В груди стало холодно и тесно – сердце бешено стучало, словно в попытке проломить себе путь наружу. Что это? Сбой регулировки, спонтанный выброс абреналина? Странно – боевой режим отключился давно, излишки гормонов должны были исчезнуть из кровотока. Или это что-то другое?

Внезапно Кречету показалось, что палец стал серым и мертвым. Еще чуть-чуть, и перст, фаланга за фалангой, осыплется безжизненной пылью на раллер. Боец прислушался к своему организму, как привык это делать в свободные секунды во время битвы. Сердце бьется, как положено, палец тоже в пределах нормы. Что же тогда только что происходило?

Странное чувство – Кречет вдруг подумал, что больше не увидит этот мир. Никто не обещал, что какой-нибудь из переходов к виртуальной личине не может быть поездкой в один конец. Странное чувство...

Ерунда! Кречет совершенен, он не может испытывать никаких чувств! Это всего лишь гнездо, почуяв психопривод раллера, проводит настройку нейросоединений.

Как бы ни было заманчиво погостить самому в Цюрихе, но пришло время уступить место другому курсанту.

– Прощай, мой разум, встретимся позже, – пробормотал Кречет и опустил палец на клавишу enter.

42. Территория племени Хаммар

Ночь – время тайн и великих свершений. Время духов и опасных существ, приходящих из тьмы. Эта часть суток – не для людей. Люди тысячелетиями пытались покорить ночь, они разгоняли тьму жалкими факелами, газовыми горелками, мегаваттами неоновых огней мегаполисов, но все тщетно: ночь остается неприступной.

Келле не спалось. Постель из высушенной травы казалась слишком жесткой, воздух – жарким и душным, появившаяся на небе луна – не в меру яркой. Шорохи ночи врывались в хижину, не давали уснуть, непрерывно шептали о чем-то. Но Келле не понимал их, он не

слышал слова, только шум. Или это был обычный шорох, какой получается, когда ветер гуляет по саванне, приглаживая пожухлую траву?

Он не слышал, но он чувствовал. Духи беспокойны, они что-то знали, что-то предвидели. А когда на востоке показалась яркая багровая полоска восходящего солнца, Келле наконец понял. Слова больше не были нужны, он увидел то, что видели духи.

Новоиспеченный колдун сунул пальцы в густые волосы и нащупал на затылке маленькую твердую полоску. Откуда бы ни появилась эта штука, она здорово помогала. И духи, похоже, свыклись с ней, они больше не видели никакой угрозы в этой вещице.

Теперь Келле слышал не только духов, он чувствовал каждого из тринадцати маза, кто носил на головах такие же штуки. Он мог повелевать ими, мог видеть их глазами, говорить их ртом. Но мог и вовсе не обращать на них внимания – все зависело от его желания.

Сейчас маза спали. Не время отдыхать, сегодня нужно успеть многое, нужно обязательно сделать то, что задумали духи. Иначе...

Что случится иначе, Келле видел не совсем четко. Но был уверен, что всем – и людям, и зверью, и саванне – грозит большая опасность. Даже духи боялись того, что может произойти, если не постараться всем вместе.

Духи предков заботились о Хаммар, они помогали. Но духи слепы на этом берегу реки, им нужны поводьры, указывающие путь. На другом берегу путь указывал Тому, Сын Солнца, но он никогда не переходил реку, здесь от него ждать помощи духам не приходилось. Келле знал, кого просить о помощи, если договорятся живые, помогут и духи. Только и живым требовался поводьрь.

Договариваться с Сумбуру Келле отправил пятерых маза. Остальные занялись подготовкой дома: будили людей, объясняли что делать. Многие были недовольны, ничего, когда соберутся все, Келле расскажет им сам. Ему поверят, за ним стоят духи. Хаммар уже понял это.

Каждый из тринадцати маза действовал самостоятельно, но выражал волю Келле. Колдуну не приходилось слишком уж сильно напрягаться, чтобы следить за всеми своими подопечными – достаточно переложить внимание на кого-то из них, и он становился тем маза.

Чтобы добраться до Сумбуру, маза потребовалось чуть больше часа. На уцелевшем после Катастрофы, устроенной белыми людьми клочке саванны все было рядом. Саванна стала слишком маленькой, мир сузился, и немногочисленным племенам, изрядно потрепанным толчками, не хватало места для жизни. А теперь и этот мир у них хотели отобрать.

Маза говорили на языке Сумбуру. Их рты двигались, повинужась воле Келле, его слова слетали с их губ. Соседей удалось уговорить, они выслушали. Никто из парламентаров колдуна Хаммар не пострадал.

Спустя три часа все были готовы слушать. И Хаммар, и Сумбуру.

– Нашему дому грозит опасность, – сказал Келле. Слова получались растянутыми, а речь медленной. Ему приходилось говорить одновременно со своим народом и людьми Сумбуру. – Мы должны объединить наши усилия, призвать на помощь духов – Хаммар и Сумбуру. Без помощи предков нам не справиться.

В обоих селениях повисла тишина. Люди внимали ему. Сумбуру убедили те пятеро воинов, которые приходили к Хаммар накануне. Они видели, что духи защищают Келле, они видели необъяснимое и не поверить пятерым маза, говорившим от имени человека, избранного духами, не могли.

– Мы призовем духов предков вместе – Сумбуру и Хаммар, мы укажем им путь, и они позаботятся о своих людях! Но нужно торопиться, времени мало. Если мы не сделаем этого сегодня, завтра на земле не останется ни Хаммар, ни Сумбуру. Нам нечего делить, мы – дети саванны! Мы – поклоняемся духам своих предков и Сыну Солнца Тому! Мы отстоим свой мир!

Келле слышал восторженные возгласы соплеменников и сдержанное бурчание

Сумбуру. Они, впрочем, так же, как Хаммар, плохо понимали, о чем идет речь. Они сомневались. Но вперед вышел высокий мужчина мощного телосложения. По одежде Келле понял, что это колдун Сумбуру.

– Духи Сумбуру тоже обеспокоены, – сказал он. – Но они не говорят, что должно случиться.

– Духи слепы в нашем мире, – объяснил Келле очевидное, пользуясь одним из маза. – Но они чувствуют веяния, что несет ветер с другого берега Великой реки.

Колдун Сумбуру кивнул. Он это знал и без какого-то юнца из племени наглецов, осмелившихся охотиться на земле его народа. Но он тоже чувствовал беспокойство духов, этот Хаммар говорил правильные вещи.

– Хорошо, чего ты хочешь от нас?

Наконец-то Сумбуру готовы выслушать.

– Нам нужно вместе провести церемонию, нужно попросить духов обоих племен помочь. Они готовы объединить свои усилия, но без нас им этого не сделать.

Колдун сделал вид, что раздумывает. Но Келле видел, что тот все уже решил.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Где будет проходить церемония?

– Мои маза покажут тебе, – ответил Келле.

Быстро, очень быстро оба племени подготовили все необходимое. В небо взмыл огонь десятка церемониальных костров, два ряда маза с барабанами выстроились по обеим сторонам от площадки, где должно пройти действо, коровы Сумбуру и два буйвола Хаммар ждали своей участи. Келле и Зенгу – так звали колдуна Сумбуру – стояли в центре, слушая духов. Каждый своего племени. Пока среди духов единства не было.

«Когда?» – спросил Келле отца.

«Мы скажем», – прошептала трава голосом Афы.

Тринадцать маза, готовых безропотно исполнить волю Келле в любой момент, ждали приказа. Глаза их были закрыты. Сейчас они не нужны своему колдуну, но он не отпускал их – Келле был рад любой поддержке Хаммар.

43. Четыре года назад. Европейский Исламский Союз

Сапсан лежал на влажном ковре, свернувшись в позу эмбриона и до боли зажмурившись. Его пальцы бестолково скребли по ворсу в заранее обреченной на провал попытке ухватить короткие волоски. Не обремененное смыслом действие хоть как-то удерживало сознание от того, чтобы снова провалиться в пропасть, в ту тьму, что пыталась завладеть разумом Сапсана. Он боялся открыть глаза. Точнее, боялся увидеть то, что по всем признакам творилось вокруг.

Он должен был попытаться, говорил он себе. Сапсан понимал, что уговаривает себя, возможно, зря, что ничего он не должен. Никому не должен – именно это он и пытался доказать... Кому? Наверное, в первую очередь самому себе.

Ему говорили, что поступать подобным образом не стоит. Он знал, что создан совсем для другого. Мог ли он позволить себе жить жизнью обычного человека? Просто жить, будучи самим собой?

Нужно открыть глаза и посмотреть – ответ где-то рядом, не дальше трех-четырех метров.

Самое странное, он ничего не чувствовал. Ни горечи, ни сожаления. Это пугало больше всего, это рождало внутри ярость и желание уничтожить все, что попадалось на глаза.

Сапсан знал, такова его природа, знал, для чего так нужно. Но ведь он общался с людьми, видел, как живут они... Как? Все-таки грела мысль о том, что он свободен от предрассудков, которые владеют душой человека, что он сильнее их не только физически, но и морально, не зная страданий, не ведая рефлексий. Не хотелось признаваться, но – грела. Только он не хотел всего этого, он жаждал страдать и радоваться, а не лежать здесь, на мокром ковре, опасаясь открыть глаза.

Он опасался не собственных чувств, нет – в груди у него ничего не екнет, можете быть уверены. Просто Сапсан понимал, что, если то, что он увидит, соответствует предположениям, ему придется распрощаться со свободой. С мечтой стать человеком.

«Открой глаза, – сказал он себе. – Ты ведь даже не волнуешься, зачем-то вбил себе в голову, что боишься открыть глаза, как настоящий человек». Но ведь он и есть настоящий! Или нет? Или он только мечтает стать настоящим?

Нужно оставить эти мысли. Тоже Пиноккио нашелся. Собственно, и на роль Пиноккио Сапсан не годился: может врать, сколько захочет, нос не вырастет.

Очередная программа завершилась два месяца назад. Такое с Сапсаном случалось впервые – он не знал, что делать после окончания операции. Никто не пришел за ним, сам он не чувствовал зова активатора и не знал, куда податься. Полная свобода действий. Полная сумятица и неразбериха в голове.

Он так не привык, ему нужен четкий алгоритм действий, указующий, куда идти и, самое главное, кто на сегодня враг. Без врага Сокол существовать не может, вся его жизнь – это охота, это война без смысла и победителей. Война за то, о чем он сам и не знал. Хотя это нормальное явление: знает ли солдат настоящей войны, за что сражается? За Родину? Миф, которым несколько тысячелетий потчуют простолудинов политики. Истинные причины известны только стратегам, вершителям судеб и поводырям, но не простым смертным. В этом у Сапсана было преимущество – он не знал, за что воюет, но знал, что не знает. Да ему, в сущности, и не было интересно.

Вот именно тогда, два месяца назад, когда он заброшенный и непонимающий, что ему делать дальше, бродил по улицам столицы одного из европейских султанатов, ему и встретила она. Кто знает, что она в нем нашла. Но что-то нашла определенно.

Как ни силился, Сапсан не смог найти мотива в ее поведении. Он почти убедился, что Лейла не использовала его. Она просто хотела быть с ним. А чего хотел он?

Сапсан думал, что не знает ответа на этот вопрос. Ему не положено чего-то хотеть. За него обычно хотели хозяева, те, кто обладал активатором. Он не привык хотеть, ему было странно и дико что-то решать. Но спустя несколько недель такой жизни, которая казалась Сапсану верхом бессмысленности, он понял: хотел он всего лишь быть собой. Не личностью, придуманной кем-то и записанной в гнездо его «балалайки», а собой, тем, кем он был на самом деле. Пускай Сапсан – не совсем человек, это ничего не меняло. Но он именно Сапсан, и он хотел быть Сапсаном, хотя и знал, что делать этого нельзя. Не знал, почему, но твердо помнил, что – нельзя.

Благодаря Лейле, он обрел мир, познакомился с ним вне быстротечного боя и постоянной необходимости куда-то идти и что-то искать. Мир – со всеми его плюсами и минусами, с его хаосом и его красотой.

Любил ли он ее? Разумеется, нет. Сапсан любить не способен, в его программе подобное не значится, он даже не особенно понимал, о чем идет речь, когда говорят о любви. Но ведь она показала ему мир, она заслужила чего-то большего, чем...

Страшно открыть глаза...

Активатор обнаружился на пятый день. Он был у него, скорее всего, с самого начала. Было ли это прихотью последнего хозяина, пожелавшего таким странным и, без сомнения, очень дорогим способом замести следы, ошибся ли оператор, неправильно написав программу, или об активаторе позаботился сам Сапсан, неизвестно. Но факт оставался фактом – маленький черный цилиндр лежал во внутреннем кармане пиджака, который был надет на нем в момент окончания операции. Сейчас этот самый пиджак висел на спинке стула, который стоял возле обшарпанного круглого стола с остатками вчерашнего ужина на нем. Сапсан отчетливо ощущал запах несвежей еды.

Что делать с черным цилиндром дальше, Сапсан не знал. Точнее, он не помнил, память об этой штуке пришла через несколько дней, но тогда он уже познакомился с Лейлой и воспользоваться советами памяти не захотел. Он подозревал, что память эта не его, навязанная, записанная кем-то в его голову.

А теперь...

Страшно открыть глаза...

Не лежать же здесь до конца дней своих. Как минимум холодно. В боевом режиме организм Сапсана вполне мог вынести возлежание голышом на снегу в течение нескольких часов кряду, но сейчас он пребывал не в боевом режиме. Скорее даже наоборот – в слишком мирном режиме он пребывал.

Сапсан знал, что делать. Алгоритм, указующий последовательность действий, родился в голове сам собой. Он там был изначально, просто сейчас активировался, согласно обстоятельствам. Нормальное явление. Наверное, хватит отпираться. Открыть глаза и следовать указаниям – весь мануал зашит в голове, стоит лишь поддаться интуиции, которая куда-то ведет. И чем меньше ей сопротивляешься, тем сильнее она тащит, тем меньше сомнений в правильности действий и больше уверенности в... Сапсан не знал, в чем он должен испытывать уверенность. Не должен, не его это дело, что-то испытывать, он должен действовать.

То, что нужно, лежало там же, в пиджаке, рядом с активатором. Незарегистрированный коммуникатор. Был еще один, не здесь, на случай, если с первым что-то случится. Во время боя, например.

Сапсан резко открыл глаза. За два месяца он успел достаточно близко познакомиться с миром людей, он знал, какая реакция должна быть на то, что предстало перед его взором. Но ничего, никаких чувств, никаких сожалений. Стоило ли себя обманывать столько времени? Он – Сокол, боец, диверсант. Кто угодно, только не человек.

Ковер был мокрый. Как он и предполагал – от крови. Собственно, крови было столько, что ее хватило почти на всю комнату. На столе, на стенах, на потолке. Особенно много крови было на кровати – скомканные простыни пропитались ею и стали темного пурпурного цвета. Тело Лейлы лежало там же.

Он знал, кто это сделал. Знал наверняка. То, что сидело в его голове, то, что делало его непобедимым, то, что не позволяло Сапсану и подобным ему оставаться на свободе больше нескольких недель. Программа, непрестанно работающая в глубинах подсознания, требовала действия. Она просчитывала и выверяла, сравнивала и искала наиболее безопасные и эффективные комбинации. Она защищала его, делая неуязвимым.

И она убивала всех, кого могла посчитать угрозой. Даже небольшой, даже потенциальной. Короткая спонтанная активация боевого режима. Всего на несколько минут. С его умениями большего и не требовалось.

Он не помнил, что такого сделала Лейла, почему программа «Сокол» решила уничтожить ее. А может быть, он просто не понимал. От него и не требовалось понимать, все было просчитано с точностью, недоступной обычному человеку.

И никаких чувств. Ни горечи, ни сожаления.

Сапсан поднялся и, вытерев измазанные красным руки о почти чистую салфетку на столе, достал из кармана коммуникатор. Пиджак, кстати, был совершенно чист – тоже забота программы. Включил устройство, подождал, пока загрузятся данные, и прочитал список. Три номера. Негусто, но есть из чего выбрать. Сетевой аукцион. Потенциальные покупатели. Они осведомлены об основных моментах, особенно о том, что он, Сапсан, умел. Ну что ж, теперь нужно торговаться, продать себя подороже. Это было непривычно Сапсану, но всему можно научиться.

Значок на экране сообщил, что связь с абонентом установлена.

– У меня есть товар, который может вас заинтересовать, – сказал Сапсан, поднеся коммуникатор к лицу.

– Какого качества? – послышался голос.

– Самого высшего, – Сапсан улыбнулся.

Он с интересом рассматривал свое отражение в зеркале, висевшем напротив. «Нужно принять душ», – подумал он. В тот момент в его голове не возникло даже отголоска мысли о том, что в следующий раз на его отражение будет смотреть кто-то другой.

44. Саванна. Недалеко от горы Кения. Кречет

Горячий ветер саванны легонько шевелил волосы, будто гладил. Странно: здесь было все так же жарко, солнце по-прежнему нещадно поливало землю потоками испепеляющего тепла, но теперь это совершенно не беспокоило. Так же, как не беспокоил бы лютый мороз, буде таковой случился сейчас. А всего несколько минут назад он думал, что умрет от жары. Ничего не изменилось, лишь отключилась программа, скрывающая его истинную суть.

Кречет осмотрел лагерь – тихо, здесь только трупы. Он пнул тело Мустафы, удивленным остекленевшим взглядом уставившегося в скалу над головой. Капитан ему особенно надоел. Редкостная скотина.

Али со свернутой шеей лежал возле открытого раллера. Стало быть, это и есть оператор. Ну что, можно сказать, познакомились. Оператор свое отслужил, теперь нужно забрать у него то, что причиталось Кречету.

Пропотевшая майка легко разорвалась, открыв взгляду жирный отвислый живот. Эта деталь экстерьера тоже играла немаловажную роль в выборе оператора. В программе четко оговорены все пункты. Кречет ножом разрезал кожу, неприязненно морщась, отодвинул острием поползший из раны жир, нашел в глубине желто-красного месива твердый прямоугольник и вынул его. Маленький титапластовый сейф. С отличным нанопокрытием – портовые наноскопы его не углядели. Он вытер коробочку обрывками майки оператора и открыл ее, приложив пальцы к сенсору в строго определенной последовательности.

Внутри лежала «балалайка», два «поплавка» – один в «балалайку», другой для раллера – и иньектор. Все на месте, тот, кто готовил оператора, внимательно читал инструкции.

Али больше не нужен. Теперь он корм для ожидающих своего часа стервятников саванны. Сегодня у них будет пир. И не только здесь.

Бедняга оператор – он не знал, что его подставили. Думал вернуться домой, попользоваться обещанными деньгами. Кречет усмехнулся – его удивляло, насколько легковверными могут быть многие люди.

То, что оператор непрофессионал и с ним проблем не будет, Кречет понял еще в прошлый раз. Когда Али едва не обгадился от страха, увидев копые, готовое проткнуть его грудь. С перепуга он активировал Кречета – захотел отомстить дикарям, – и тот чуть не порешил его раньше времени. Хорошо, вовремя понял, что сляпанная наспех программа не являлась основной. Но не теперь – основную программу писал не он, и о жизнеспособности оператора в ней ничего не говорилось. Поскольку прямых указаний не было, значит, оператор не нужен – Кречет никогда не оставлял лишних свидетелей.

Руки подняли раллер. На экране висело окно с подписью «Модель Кречет». На черном фоне вниз убегали строчки программного кода. Собственно, рассматривать здесь было нечего – часть информации уже присутствовала в его голове, остальное загрузится после того, как он выполнит предложение раллера и нажмет любую клавишу.

Кречет аккуратно вставил в гнездо «балалайку» из сейфа, подключил ее психоприводом к компьютеру и, не глядя, ткнул пальцем в клавиатуру. Загрузка не заняла много времени.

Потом выключил раллер – его раллер, тот самый, что он положил в сумочку с надписью Prada, – открыл крышку и вставил в плату «поплавков». Теперь компьютер готов к работе. Сначала закрыл сейф, потом запустил раллер. При загрузке ввел пароль, открылась совсем другая программа. Это рабочая система модели Кречет, в ней он знает все, до последнего бита. Только эта система способна без ограничений обрабатывать данные, приходящие из особой «балалайки», которой снабжались все модели проекта «Сокол».

Теперь готово. Одна проблема, в программе ничего не говорится о том, где должна происходить операция. Лишь примерная область и приблизительные точки проникновения. Он уже на месте. Остальные действия – по обстоятельствам.

Ничего, необходимого обстоятельства долго ждать не придется. Он был в этом уверен.

Сегодня здесь будет заварушка.

Нужно собрать вещи. Содержимое рюкзака, так надоевшего ему за весь поход, он с наслаждением высыпал прямо на землю. Здесь не было ничего важного, только консервы и фляги с водой. Хотя, одну фляжку вполне можно прихватить – когда все закончится, вода пригодится.

Брать только самое необходимое. Пару «дрелей», раллер, вода, сейф. Вроде бы больше ничего не понадобится. «Дыродел» и запасные обоймы к автоматам он рассовал по карманам штанов, которые позаимствовал у штурмана. Ну, вот и все.

Кречет обошел скалу и спрятался в кустарнике, на склоне. Он чувствовал, что нужно подождать.

И предчувствие не обмануло его – не прошло и получаса, как из саванны показался последний оставшийся в живых член отряда. Достаточно было мимолетного взгляда, чтобы Кречет узнал пришедшего.

Пластики определенно поработали над его лицом. Но не очень сильно, не узнать его Кречет не мог. Губы бойца медленно растянулись в улыбке. Это дело обещает быть интересным. Кречет сталкивался с сильными противниками, даже – с очень сильными. Но никогда еще ему не доводилось сойтись с равным.

Было ли ему страшно? Совсем немного, это чувство из него искореняли всеми возможными способами. Остался лишь инстинкт самосохранения, его отключить нельзя, иначе боец погибнет в первом же бою, решив, что прятаться от пущенной из «дрели» очереди нет никакой необходимости. А самосохранение – это страх.

Кречет осторожно выглянул из-за края скалы и увидел Сапсана. Брат по крови, можно сказать. Сапсан бестолково крутил головой, глядя на трупы моряков широко открытыми перепуганными глазами, и в упор не замечал Кречета. Его программа явно была неактивна. Но сомнений, что активатор где-то рядом, у Кречета не было.

Боец досадливо чертыхнулся про себя. Правильные мысли часто приходят с опозданием – кто-то из убитых им моряков был оператором Сапсана. Теперь активация может не состояться. Как тогда он найдет...

Нет, все будет нормально. Этот взгляд маленьких карих глаз Сапсана он знал давно – программа программой, но Сапсан сам рвется наружу из-под трещащей по швам виртуальной оболочки этого рохли.

Совсем скоро Кречет узнает дорогу к точке.

45. Саванна. Недалеко от горы Кения. Куцев

Руки тряслись, все тело било крупной дрожью, со лба скатывались крупные капли пота. Куцев уже сам не понимал, происходило это из-за психологической нестыковки в голове или его просто трясет от ярости.

Дайте только добраться до этого негодяя! Сегодня Мустафе точно не поздоровится. Мысль, что Хопкинс-Джани, будучи не тем, за кого себя выдавал, может быть опасен, Куцеву не приходила в голову. Он был полон решимости довести дело до конца. До любого – он или узнает, или умрет. Или умрет Мустафа – правды таким способом не добиться, но хотя бы... Это называется жаждой мести, вендеттой.

То, что он нашел в лагере, повергло в шок. На желтой скале лежали три трупа. В том числе и Мустафа. Кто-то выполнил то, что хотел сделать Виктор.

Странно, но первой мыслью при виде трупа капитана было сожаление о потере лучшего друга. Все-таки насколько сильны рефлексy, пусть и ненастоящие, навязанные кем-то извне.

Зрелище ужасало – голова Мустафы превратилась в раздробленное кровавое месиво, будто лопнувший перезрелый арбуз, труп Али вообще зачем-то распотрошили. Кто это сделал, кому такое могло понадобиться?!

Мустафа, Али, Мартин. Три трупа. Три, а не четыре. Гамми не было – ни живого, ни

мертвого. Он убийца? Получалось, что больше никому.

А Моралес? Этот ненормальный тип сбежал почти двое суток назад. Но ведь он вполне мог вернуться. Только зачем?

Нет, Моралес был ранен, он вообще ходил с трудом. Вопрос: жив ли он еще?

Там, возле карьера, Виктор видел поселок. С такого расстояния разглядеть детали трудно, он не разобрал, есть ли в нем люди. Но если работала сеть – кто-то должен был поддерживать ее работоспособность. И электричество... Там определенно кто-то был, причем вполне неплохо устроившийся. Может быть, люди из городка? А мотив? Какого лешего им идти сюда и устраивать бойню? Более того, Куцев не видел следов сопротивления – оружие никто не доставал, стало быть, убил всех свой.

Значит, все-таки Гамми. Виктор не мог в это поверить. Сергей – тихий, даже, наверное, робкий человек... Как он мог сотворить такое?! И опять все тот же вопрос – зачем?!!

Смысла в содеянном Куцев не видел. Совсем не видел, как ни старался его отыскать.

Дрожь становилась сильнее, в голове помутилось. Черт, а если убийца наблюдает за ним, если решит вернуться? Он совсем беззащитен, ему настолько плохо, что не удастся попасть в мишень даже в упор. Сейчас «дыродел», зажатый в правой руке, казался вещью совершенно бесполезной.

В рюкзаке оставались еще те таблетки. Виктор брал два тюбика, он это точно помнил. Но нужны ли ему лекарства, которыми усердно пичкал его Мустафа? Пока голова занималась обдумыванием вопроса о правильности выбора, руки расстегнули рюкзак и быстро вытряхивали его содержимое. Вода, какие-то банки, обоймы к «дыроделу», к «дрели», тряпье – смену белья он с собой в Африку брал, что ли? – фотография, нож...

Фотография? Виктор остановился, взяв в руки фото. Оно так и лежало, упакованное в пластиковую рамку, как стояло на столе в каюте. Его родители незадолго до смерти. Нет, поправил себя он, родители Виктора Куцева, которым он не был. Но ведь он помнил их, помнил об этих людях, как о своих родителях! Слезы навернулись на глаза. Ему за все ответят, за все страдания – и за мнимые, и за настоящие.

Он не знал, что делать с фотографией. Меньше недели назад он летел сломя голову по радиоактивным коридорам «Хеллеспонт Стар», чтобы забрать ее из каюты. Как он мог о ней забыть?! Он еще забегал тогда...

Никуда он не забегал, нужна была только эта фотография. Но память размытым пятном упорно подсовывала факты – на корабль он возвращался не только за снимком. И даже – совсем не за ним: фотография была оправданием, причиной, объясняющей его возвращение на корабль ему самому. Ведь он не знал, куда и зачем ходил. Только смутное подозрение, настойчиво перерастающее в уверенность.

Накатил очередной приступ дурноты. Виктора стошнило – казалось, пустой желудок вывернется наизнанку. В глазах темнело. Он понимал, что это означает: виртуальная личность по имени Виктор Куцев заканчивает свое существование. С минуты на минуту она умрет. Но появится ли другая? Или ему, ему настоящему, как бы его ни звали, суждено исчезнуть вместе с ненастоящим Куцевым, родители которого никогда не ездили скоростным рейсом №346 Мюнхен – Амстердам?

Рука наконец наткнулась на заветный пузырек, но лекарство выскользнуло из ослабевших пальцев и рассыпалось в пыли. Нет, он больше не хотел жить чужой жизнью. Пусть будет так, как должно.

Он поднялся и, пошатываясь, побрел в краю площадки, туда, где лежал труп Мустафы. Глаза капитана бессмысленно таращились в небо. Кто ты такой? Какое ты имел право так поступить с человеком? Глупо продолжать список вопросов – он никогда на них не ответит.

Труп капитана лежит здесь, на самом краю сознания копошилась мысль, что это неспроста, что нужно осмотреться и все выяснить. И, пока умирающее сознание Виктора Куцева усиленно занималось самосожалением и рефлексией, мозг не бездействовал, он заставлял работать тело так, как его учили когда-то давно. Взгляд выхватывал вехи, мозг, не советуясь с виртуальным сознанием, принимал решения и двигал тело дальше.

Сознание снова включилось, когда он наткнулся на раллер. Экран погас, экономя энергию, но компьютер оставался включенным, об этом возвещали перемигивания сигнальных светодиодов. Это был раллер Мустафы. Виктор не мог сказать с уверенностью, но больше вроде бы ни у кого компьютера с собой не было. Кстати, еще один вопрос – какого черта Хопкинс-Джани пер с собой через саванну раллер?

Но это как раз можно узнать. Куцев ткнул первую попавшуюся клавишу, экран мгновенно загорелся. Какая-то таблица. Или список? Да, скорее список. Окно имеет название. «Модель Сапсан», – написано в заголовке.

Модель Сапсан? Что-то знакомое, он когда-то слышал похожее название, это могло быть...

Что тут думать?! В груди похолодало, модель Сапсан – это он. Тот, кто называл себя последнее время Виктором Куцевым, никаких прав на это имя, впрочем, не имея. Мо-дель. Сап-сан. Он повторил оба слова по слогам. Выходит, он вообще не человек?! Он какая-то там модель?! Модель чего?!

Глаза бегали по строкам, мелким бисером спускающимся по черному фону окна. Активация, загрузка-выгрузка, сценарий, отчет... Слова понятны, но команды... В них есть что-то знакомое, кажется, начни писать, и все станет ясно. А, может быть, так и сделать?

Пальцы легли на клавиатуру. Медленно, символ за символом текст менялся. Виктор совершенно не понимал, что он делает, и даже не пытался задуматься – зачем. Раз он это умеет, значит, так нужно. Виктор Куцев в его голове доживал последние минуты, и его нужно заменить кем-то другим. «Модель Сапсан» – вариант ничем не хуже и не лучше других. Только вот чуточку подправить, сделать себе приятное.

Проводок психопривода как-то сам собой оказался в руке. Тихий, почти неслышный щелчок – штекер, как по маслу, вошел в специально отведенное гнездо «балалайки». Страшно? Очень!

Руки будто бы сами нашли прикрепленный скотчем к крышке раллера маленький черный цилиндр и легко сдавили его, но ничего не произошло. Понимание, что тут не так, пришло быстро – нужен палец Мустафы. Это не проблема, вот он палец, теплый еще, будто живой. Цилиндр тихо пискнул, опознав хозяина, и дрожащий палец Виктора утопил клавишу «enter».

На мгновение в глазах потемнело, опора ушла из-под ног. Ощущение, будто провалился в бездонную абсолютно черную пропасть – непонятно, паришь или падаешь. А в следующее мгновение мир вернулся на свое место. Только теперь ему придется обходиться без мнимого Виктора Куцева. Эта легенда свое отработала.

Мгновенно ожили все годы, все операции, все, что связывало его с Мустафой – никаких подробностей, программа предусматривала конфиденциальность заданий. Но сам факт своего существования, своей действительности, Сапсан помнил отлично. Да, хозяина и на самом деле звали Мустафой, хоть он никогда и не был Хопкинс-Джани. Этот человек был его оператором. Это в первую очередь. И, наверное, другом. Сапсан не был уверен, так как дружба не входила в обязательный программный комплекс. Не совсем понятные чувства приходили лишь откуда-то с периферии сознания или даже из еще более глубоких структур. Из души? Может быть. Только сейчас это не имело ровным счетом никакого значения. Сейчас пришло время действовать, программа запущена, и ее нужно выполнить.

Сапсан вернулся к рюкзаку, собранному Куцевым. Фотография двух незнакомых людей – интересно, зачем он таскал ее с собой? Ерунда, ненужная, бесполезная вещь. То, что он искал, лежало запрятанное в потайном кармашке. Сейф, который можно открыть, лишь набрав код, сложенный из последовательности отпечатков пальцев Сапсана.

Щелчок – и крышка чуть приподнялась. Внутри «балалайка» – очень похожая на настоящую, то есть обычную. Контакты для гнезда полностью соответствуют штатным, все подогнано под стандарты, никто не должен что-либо заподозрить. Все необычности – внутри головы, куда никому не залезть. Во всяком случае, при жизни.

Рядом – два «поплавка». Это за ними он бегал на танкере вниз. Зачем рисковать, таская

запрещенные для частного использования процессоры с собой, когда компьютер «Хеллеспонт Стар» штатно имел три таких штуки. Хотя, Сапсан знал это точно, ему хватило бы и одного «поплавок». Именно для сохранения работоспособности систем танкера он и оставил один процессор на месте.

Так, один «поплавок» вставить в «балалайку», вот сюда, второй – в раллер Мустафы. Кстати, его еще нужно перезагрузить. Спустя полминуты компьютер принял введенный Сапсаном пароль и загрузил специально заточенную под его особую «балалайку» систему. Собственно, это и все. Осталось перевести себя в режим полной активности.

Сапсан вынул отслужившую свое «балалайку» Виктора Куцева из гнезда на затылке, хотел выбросить, но, уже замахнувшись для броска, передумал и положил в сейф. Мало ли, вдруг пригодится. Да и следы за собой оставлять не стоило.

Теперь нужно разогнать мозги. До сверхсветовых, так сказать, скоростей. Учитывая, какое количество операций он мог обрабатывать с помощью особой «балалайки», свету за ним никогда не угнаться.

Та самая, как любил говорить его создатель, «балалайка» медленно опустилась в гнездо, контакты замкнулись, и все существо Сапсана пронзила острая боль, которая, казалось, очищает мозг до кристальной чистоты. Настоящий неврологический экстаз. Но долго подобную пытку организм не может выдержать. Даже столь необычный организм, как его.

Инъектор, заправленный синдином, – не был Сапсан никогда синдиновым наркоманом, это все фантазии Мустафы, писавшего легенды для субличности – тихо пискнул, сообщив, что система лазерного прицеливания нашла вену, кожу легонько кольнуло. Прошло с полминуты, прежде чем боль растворилась в плывущем в кровотоке наркотики. Кристальная ясность сделалась еще ярче.

Перед глазами пробежала целая таблица полупрозрачных значков. Нанозкран в порядке, система протестирована.

– Ну, что ж, – губы Сапсана расплылись в хищной улыбке, предвещающей большую охоту, – я готов, брат мой, Кречет.

46. Авианосец «Зенг Хе»

Комната два на два метра, стены металлические, потолок и пол – тоже. Все выкрашено в дурацкий серо-зеленый цвет. И здесь, черт возьми, холодно. Первый час прохлады карцера казалась благословением, раем земным. Но теперь, когда влажный и какой-то липкий холод пробрался вглубь, к самым костям, хотелось вернуться назад – в африканское пекло.

Вайс недоумевал. Его держали здесь уже вторые сутки. Никто не приходил, у него ничего не спрашивали. Тот маленький китаеза на палубе, что командовал всеми, смотрел так, словно имел на него далеко идущие планы. Какие планы, к чему обманывать самого себя?! И все же, его не застрелили сразу. Значит, он нужен китайцам.

Плохо, что – китайцы. В памяти тут же услужливо всплывала неизвестно откуда взявшаяся информация о китайских пытках. Вроде как в этом ремесле поднебесникам не было равных. Хотя в сегодняшнем мире многие могли похвастаться успехами в вопросе добывания информации.

Не надо думать о пытках. Вайс понимал, что просто накручивает себя, что пытаться его совершенно незачем – что он такого знал, интересного китайцам? – но остановиться не мог. Да если б он что-то и знал, с радостью рассказал бы обо всем. Вот только, что они хотят узнать? Его никто ни о чем не спрашивал. О нем вообще как будто забыли.

Хуже нет, чем сидеть вот так и ждать. Чего ждать? Он не знал, это пугало больше всего. Если бы было известно, что убьют...

Иоганна прошиб холодный пот, и без того окоченевшие конечности занемели. Не думать об этом, ничего плохого не случится. Думать нужно о хорошем, тогда оно и сбудется.

Интересно, о чем? О теплой ванне и апартаментах в пентхаусе? Или о раллере с

легальным «поплавком»? Хотя, зачем он нужен – легальный, с ним же все равно никаких дел не сделаешь, все маркировано.

А если не убьют? Перед внутренним взором снова встали картины китайских пыток. Вайс плохо представлял, в чем заключалась их суть, но все равно было страшно. В жизни ему посчастливилось ни разу не оказаться в роли пытаемого, в «Африку» отправили сразу, без лишних разбирательств. «Африка», похоже, стала его спасением. Сначала повязали безы. Дознаватель попался добрый – Вайса даже не били, а он и не собирался ничего утаивать, сдал всех, кто ломал сеть вместе с ним, сразу и с потрохами, дознаватель рта не успел открыть, чтобы задать свой вопрос. Потом, уже здесь, он остался жив во время землетрясения, а ведь сотни миллионов людей – свободных людей – погибли. В следующий раз ему повезло, когда босс выбрал его, он помнил, Моралес поручил поставить палатку. Как он тогда старался – руки содрал о деревянные обломки, на которых растягивал порванный тент, но поставил. Босс заметил его рвение. А потом...

Все-таки Моралес был редкой тварью. Потом он просто бросил его. На расправу этим ублюдкам – Илюмжинову и иже с ним.

Не лучше ли было остаться в «Африке»? Возможно, с Илюмжиновым удалось бы договориться. А что здесь?

С китайцами не о чем было договариваться, они ничего не спрашивали. Если бы Иоганн знал, что им нужно, он предложил бы сам. Но он не знал.

Вайс метался по комнатке, несколько раз стучал в дверь, выделявшуюся черной окантовкой на одной из стен. Но дверь тоже была железная, из толстого листа, даже гула почти не получалось, только руку отбил. Одна польза – хотя бы немного согрелся.

Потом, снова потеряв надежду, он сел на холодный пол, привалившись к стене, и задремал. Разбудил его металлический лязг – в двери открылось небольшое окошечко, и в проеме, из которого ударил непривычный здесь яркий дневной свет, появилась миска с какой-то баландой. На мгновение Вайсу показалось, что он вернулся в «Африку» – время обеда. Но за миской маячила желтая физиономия с раскосыми глазами.

– Я все сделаю, все, что скажете, – Иоганн подскочил к двери, вцепился обеими руками в ладони, держащие миску, и завопил, что есть сил: – Только скажите, чем я могу помочь!

Поднебесник дернулся, вырвав руки из захвата Вайса, миска полетела на пол, расплескав баланду, и окошко в двери мгновенно закрылось.

– Что вам от меня надо?! – заорал Вайс.

Он колотил дверь, колотил до тех пор, пока не перестал чувствовать разбитые в кровь кулаки. Надежды не было. Они ничего от него не хотели. Они просто сгноят его в карцере, в этом железном мешке. Ему никогда не выбраться отсюда. Это конец, это не «Африка», там заранее знаешь, что надежды нет, там никто не обманет.

– Сволочи!

Разум Иоганна помутился, но он не осознавал этого. Уверенность, что «Зенг Хе» приплыл сюда именно по его душу, только крепла с каждой минутой.

Как же так?! Он готов выполнить любую прихоть, пусть их, китайскую прихоть – а чем поднебесники не люди? – но ведь они ничего не хотят. Нет надежды, нет спасения.

Он поскользнулся на разлитой баланде и с размаха влетел в металл пола. Что это хрустнуло внизу? Ложка. Пластик, никакого от него толка. Иоганн зажал ложку зубами и потянул ручку. Пластик хрустнул, и ложка расслоилась. Оставшаяся часть получилась острая и с зазубринами.

Оружие? Разве что против кошек с таким идти. Но, что же тогда...

Нет, просто так он им не отдастся. Получите, узкоглазые сволочи!

Иоганн зажал осколок ложки обеими руками, размахнулся и с силой воткнул острие себе в шею. На серо-зеленый металл брызнула алая кровь. Вайс захрипел, но тяжелая дверь не открылась – он никому не был нужен. Никому во всем мире.

47. В небе над саванной

Люк распахнулся и внутрь ангара ворвался ослепительно яркий свет, принесший с собой жару. Подъемник, тихо жужжа, поднимал «Лэйгун» на палубу. Пришло время показать все, на что он способен.

Хэ забрался в кабину, усевшись в кресло второго пилота, Шэнь ожидал своей очереди внизу, у лесенки.

– Как настроение, капитан? – поинтересовался Бодуань.

– Настроение рабочее, товарищ адмирал, – бодрым голосом отозвался Шэнь.

Бодуань покосился на полковника, но тот сделал вид, что не заметил взгляда.

– Не терпится попробовать все возможности машины? – спросил адмирал, поглаживая гладкий титановый бок «Лэйгуна».

«Он что же, испытывает пилота? – подумал Хэ. – Старый болван, что он понимает. Или Бодуань всеми силами пытается доказать Хэ, что тот ошибся в выборе? Никак не может забыть происшествия с капитаном».

Палуба была пуста. Только Хэ, Бодуань и Шэнь. Даже если кто-то наблюдает за ними из палубных надстроек, узнать Шэня в летном шлеме вряд ли возможно. Тем более расстояние велико. Для них капитан Цу Мин Шэнь мертв, убит при нападении на офицера МГБ. Все видели, как его окровавленное тело отнесли вниз.

– Адмирал, нам пора, – сказал Хэ.

Признаться, старик изрядно надоел. Особенно за последние сутки. Никак не дожидется, когда можно будет уплыть в эту его «зону патрулирования». Глаза вон как блестят, так и видит, как огромный танк, спрятанный в носовой части авианосца, наполняется ворованной нефтью.

На благо Поднебесной старается, как же. Нефть-то он, конечно, в Чжаньчжоу привезет. Но и откат получит, как обычно, в документах будет отражено несколько иное количество углеводородов, чем реально вмещает танк. Хэ прекрасно знал всю эту кухню, достаточно вспомнить, в каком ведомстве он работал. Нормальная практика. Вот уже вторую сотню лет в Поднебесной коррупционерам полагалась смертная казнь, и вот уже вторую сотню лет Китай уверенно лидировал в списке коррумпированных государств. Тягаться с Народной Республикой в этом вопросе могла только Россия, вся экономика которой построена на откатах. Ничего, все учтено, а расстрел – это для особо отличившихся во мнении.

Прозрачный блистер кабины чинно опустился. Шэнь подключил психопривод, «Лэйгун» отозвался веселым перемигиванием огней. Тест окончен, система истребитель-оператор полностью работоспособна. Собственно, эта система и есть «Лэйгун», связка мощной машины разрушения и человеческого мозга.

Двигатели взревели неожиданно, заставив Хэ инстинктивно вжаться в кресло. Палуба медленно уплывала вниз, а истребитель поворачивал к западу, постепенно набирая скорость. Баки под завязку, топлива должно хватить на все запланированные маневры плюс две посадки.

Сначала нужно разобраться с тайконавтом. «Мировая общественность», та, что всегда чем-то озабочена, жаждет увидеть все своими глазами. Точнее, увидеть спасение тайконавта им предстоит глазами Шэня. Подделки не пойдут – репортеры раскроют снятые кадры на атомы и вычислят. Технологии развиты не только в вопросах создания имитаций, но и в их разоблачении. Истинная причина визита в Африку «Лэйгуна» должна остаться за кадром. Они спасали тайконавта – вот единственная причина.

Шэнь вел «Лэйгун» настолько низко, насколько мог. Над гладкой, как стол, саванной это не представляло большого труда. Только впереди маячила большая серая глыба горы Кения, заметно потрепанная землетрясениями, но устоявшая. Именно туда им и нужно.

Движение воздушной машины замедлялось, пилот заложил крутой вираж вокруг торчащей посреди саванны горы и, резко развернув самолет, остановил его движение примерно в километре от большого карьера, грязной язвой маячившего у восточного склона. Шахтный двигатель ревел за спиной, «Лэйгун» уверенно балансировал на реактивной струе.

Хэ хлопнул Шэня по плечу, хотя и знал, что теперь пилот не нуждается в дружеских жестах, он сам сделал его таким. Потом поднял блистер кабины, отдав команду через «балалайку» и, встав на крыло, прыгнул вниз.

Полковник лишь услышал, как истребитель, взревев двигателями, унесся вверх, а в следующий момент земная твердь встретила его, больно ударив в ноги. Хэ оттолкнулся, упал на плечо, кувыркнулся, гася инерцию и... врезался в торчащую из спекшегося грунта скалу. Хорошо не головой – левое плечо занемело, и рука плохо слушалась.

Полковник сплюнул в пыль от досады. Неудачно приземлился, повредил руку, стрелять теперь будет трудней. Он поднял голову вверх – «Лэйгун» давно исчез из поля зрения, даже шума двигателей не слышно. Хорошо, будем надеяться, что окопавшиеся под землей люди не обратили на пролетевший над саванной самолет особого внимания. В конце концов – мало ли что здесь может пролететь: зона патрулирования, о которой скучал Бодуань, совсем рядом.

Хэ легкой трусцой, стараясь поменьше маячить на открытой местности, направился к осыпающемуся склону карьера, который он видел с высоты. Секретная лаборатория, если Фа не ошибся с выводами, располагалась где-то под скалами в окрестности каменной ямы. Точки, где температура была немного теплее жары, иссушающей саванну, яркими пятнами горели на карте, отображающейся на глазном наноэкране. Ему нужно туда, там должны быть вентиляционные шахты, там Хэ сможет пробраться внутрь норы.

В углу поля зрения моргнул значок сетевого подключения – в этой глуши работала сеть! Наверняка это сеть лаборатории. Для чего они сделали вещание столь широким, ведь оно выдает их с потрохами? Размышлять над этим вопросом не было никакого резона – ответ все равно ничего не менял. Да и та информация о Профессоре, которая была известна Хэ, ясно давала понять, что хозяин лаборатории никогда не совершает необдуманных поступков. Раз сеть вещает на несколько километров вокруг, значит, это зачем-то нужно.

«А ведь это даже удобно», – подумал полковник. Он вполне мог подключиться к каналу, который транслировался с «балалайки» Шэня. Капитану доступ в сеть был открыт – ретранслятор «Лэйгуна» работал безупречно. В любом случае, пока Хэ не добрался до предполагаемого входа, вполне можно посмотреть на тот спектакль, который Шэнь должен исполнить по написанной полковником партитуре.

Палец привычными движениями набрал цифры – код доступа к каналу. В выделенном окне появилась картинка.

Шэнь вел «Лэйгун» на посадку. Найти челнок не составило большого труда. «Лэйгун» быстр, а приблизительные координаты известны заранее – все-таки авария во время посадки была тщательно рассчитана, разброс плюс-минус пять километров.

Обгоревшая и изрядно помятая спасательная капсула лежала посреди саванны. Вокруг нее, метров на тридцать, выгорела вся трава. Этакая пуля, попавшая в десятку черной мишени. Оранжевый парашют, не сгоревший, но сморщившийся от огня, лежал здесь же.

Северо-западная оконечность новоиспеченного острова, который по размерам в полтора раза превосходил Мадагаскар. В десятке километров к северу начиналось новое Африканское море. Шэнь отлично видел безбрежную синюю гладь с высоты полета истребителя.

Пилот аккуратно опустил машину на границе выгоревшего островка саванны. Он знал, что нужно делать.

Спрыгнув на обгоревшую траву, капитан пошел к капсуле. Хэ буквально видел на его лице, словно приклеенную, застывшую дебильную улыбку. В опустившейся на саванну тишине было слышно, как обгоревшие остатки травы хрустят под ногами пилота.

Шэнь бормотал под нос стандартные фразы отчета о своих действиях. Магнитный ключ в его руке пискнул, внутри капсулы отчетливо клацнули затворы. Теперь нужно отодрать припекшуюся крышку. Пилот рванул тяжелый металлический блин на себя, посыпались черные лохмотья обгоревшей изоляции, и люк, издав характерный звук трения металла о металл, поддался.

В отверстие люка высунулась рука в перчатке и тут же, обессиленная, упала назад. Тайконавт был все еще жив. Жаль, придется разочаровать парня, объяснив, что он не столь ценен для мира и Народной Республики, как ему кажется. Ничего, сильно страдать не придется, жить с испорченным настроением ему несколько мгновений.

Картинка на секунду дернулась – все правильно, Шэнь отвернулся, – а в следующее мгновение на экране появилось изображение тайконавта. Капитан не переставал бормотать что-то вроде: «Нам нужно реанимационное оборудование. Хвала небесам, он еще жив». Обычную чушь, которую так любит зритель, пригретый возле домашних коммуникаторов бесконечными сериалами. Та самая мировая общественность.

В поле зрения появились руки, держащие эффектор реанимационного комплекса, и прозвучал голос Шэня:

– Реанимация не понадобится. Наш товарищ не вынес тягот аварийной посадки в этом диком краю.

Тайконавт полулежал в ложементе, лицо его побледнело, на лбу виднелись несколько подсыхающих ссадин. Шэнь ударил парня металлическим прутком по голове, как было положено по сценарию. Одна ссадина, более свежая. Остальное – тайконавту на самом деле досталось при посадке. Хэ взглянул на раскрошенный пластик маленького пульта управления и удивился, как он вообще выжил при таком ударе. Хотя, теперь выяснилось – мировая общественность однозначно выскажет по этому поводу озабоченность – не выжил.

Пилот вытащил тело тайконавта из капсулы, торжественно расставил вокруг места аварийной посадки радиомаяки – чтобы настоящие спасатели знали, куда идти, – и, пробормотав пару соответствующих трагизму момента скорбных фраз, отключил трансляцию.

Все сделал правильно, Хэ остался доволен тем, что сотворил с сознанием капитана. Теперь тому осталось только погрузить тело тайконавта в бомболюк и вернуться к зоне проведения операции. Главное, чтоб Шэнь раньше времени не надорвался – тайконавт в скафандре весит изрядно.

Хэ быстро обогнул карьер, перепрыгивая с одного уступа на другой. Вниз уходила широкая спиральная терраса. Ширина ступеней террасы достигала десяти метров: раньше по этой дороге тяжелые грузовики везли наверх породу. Теперь карьер пуст – добыча ископаемых в исковерканной катастрофой Африке стала слишком дорогой, чтобы восстанавливать старые рудники. Пока и дома забот хватало. Но день, когда в этих краях снова появятся люди, не за горами. А когда это случится, нового передела мира не избежать.

И сейчас Хэ отправлялся за тем, что поможет Поднебесной оказаться в первых рядах, когда планету снова начнут делить.

Наметанный глаз легко выхватил из общей картины нужное: между огромными валунами в отвалах карьера обнаружилась крупная щель. Предчувствия не обманули – протиснувшись в отверстие, Хэ оказался в длинном тоннеле, уходящем на несколько метров вперед, а потом резко падающем вниз. Несомненно, это был вентиляционный канал.

Хэ нырнул в темноту. Тьма не пугала его, там, где было бесполезно зрение, помогал слух. Эхо шагов отлично говорило о направлении. Тоннель то и дело разветвлялся, но теперь он не потеряет след. Теперь добыче не уйти.

Хэ, улыбнувшись, погладил рукой раллер, лежащий в поясной сумке. Скоро, совсем скоро придет и его очередь. А пока компьютер будет работать, опираясь на помощь Шэня, полковник займется людьми.

Спуск оказался на редкость простым. В уходящей вниз шахте работали вентиляторы, разрезающие мощными лопастями темноту, но все их удалось легко миновать: диаметр тоннеля был заметно больше, чем ширина пропеллеров.

Внизу издали слышались приглушенные звуки выстрелов, эхом прокатившиеся под сводами тоннеля. Что это там?

Улыбка сползла с губ – веселье будет, но, похоже, за тайной африканских подземелий уже выстроилась очередь. И Хэ в ней не первый.

Проклятый Шэнь, все испортил – если бы не он, операция началась бы почти на сутки раньше.

Полковник убрал руку с крышки раллера и взялся за «дрель». Значит, сначала немного повоюем.

48. Подземная лаборатория

Кречет шел за Сапсаном, не выпуская его из вида. Сапсан явно чувствовал его присутствие, знал, что Кречет где-то рядом. Нельзя позволить ему уйти, нельзя дать выскользнуть из-под бдительного ока ни на секунду. Сапсан, почти брат – больше, чем брат, – его возможности ничем не уступали возможностям Кречета. Стоит зазеваться, и его не найти. Прятаться брат умел лучше хамелеона.

Сапсан спускался в яму – огромный карьер, заброшенный после землетрясения. Здесь все было заброшенное, кроме места, куда они оба идут.

Кречет не стал подходить к самому карьеру, остановился, присев в высокой траве: открытое пространство, спрятаться на голых осыпающихся склонах негде. Ничего, отсюда хорошо видно – Сапсану тоже не спрятаться.

Сапсан исчез у противоположной стены карьера. На мгновение Кречет решил, что потерял след, но в следующую секунду разглядел на склоне небольшое отверстие, метрах в десяти ниже очередного витка серпантина дороги, ведущей на дно. Словно змеиная нора. Сознание не успело понять, куда скрылся Сапсан, но память, использовавшая все ресурсы «балалайки», подсказала, что боец нырнул именно в эту пещеру.

Теперь пришло время, до пункта назначения совсем близко. Кречет открыл сейф, вынул «балалайку» из гнезда и вставил в нее второй «поплавок». Чип подключился к нейросенсорным соединениям, пронзив голову острой болью – мозг не справлялся с объемом информации, которую гнал через него «поплавок». Рука машинальными движениями нашла инъектор, рабочий конец инструмента прижат к коже, короткий укус в предплечье. Сейчас синдин уже внутри, еще пара секунд, и боль уйдет. Есть!

Перед глазами мелькнула тест-таблица. Все системы в норме, все функционирует. Как давно он не чувствовал этой свободы! Вот теперь он мог все, для него не существовало преград, которые невозможно было бы одолеть! Полная свобода – действий, помыслов, движений.

Во всяком случае, так ему казалось.

Кречет, легко скатываясь по осыпающемуся склону, побежал вниз. Спустя минуту он уже стоял перед норой, в которой исчез Сапсан. Судя по всему, это было отверстие идущей в толще породы горизонтально вентиляционной шахты. Кречет не знал, куда конкретно выводит шахта, но что тут задерживаться? Нужно спешить, Сапсан чувствует, что у него сидят на хвосте, и ждать не будет. Как ни крути, а в сегодняшней гонке у Сапсана была фора. Так что нечего ее увеличивать.

В тоннеле темно. Неважно – «балалайка» получает данные со зрительной части коры, перерабатывает их и отправляет обратно, превратив в достаточно светлую картинку. Фонари не нужны.

Пещера ветвилась, разделяясь на все новые и новые ходы. Очень сложная конфигурация, хотя, похоже, что преимущественно природная. Вода. Когда-то здесь текла подземная река, за тысячи лет прогрызая себе дорогу сквозь твердую скалу. Если бы не Сапсан, он вряд ли нашел бы правильный путь, слишком много вариантов. Заблудиться Кречет не мог – весь маршрут до мельчайшего изменения траектории записан в чипе, «балалайка», в любом случае, выведет назад. Но возвращаться без результата он не намерен. Вернется только один из них, так уж в этот раз легли карты.

Сапсан пер вперед, будто его вела GPS-программа. Навигация работала через раз, да и толща породы над головой вряд ли пропустила бы сигнал. Но сомнений, что карта подступов к лаборатории зашита в «балалайку» Сапсана, у Кречета не было – он точно знал, куда идти,

поворачивал на развилках, не задерживаясь ни на секунду.

Внезапно закололо в носу. Странное чувство. Кречет не сразу вспомнил, что это такое – активировались дыхательные фильтры. Маленькие мембранки, вживленные в носовые раковины, задерживали любую взвесь, которую считали опасной. Тут распылили какую-то дрянь. Понятно, защищаются, как могут. Странно, что снаружи нет охраны. Наверное, надеются на это распыление. Ну, надейтесь, надейтесь...

Кречет чувствовал, что цель близка. Когда он дойдет, действовать нужно быстро. Очень быстро, чтобы никто даже не успел понять, что он уже пришел. Рука хлопнула по крышке раллера – на месте. Компьютер работает, нужно лишь подключить его к сети. Кабелем. Через «балалайку» вход в сеть лаборатории надежно заблокирован. Сломать можно, но уйдет драгоценное время. Если там, внутри, сидят не дураки – а рассчитывать на это не приходилось, – нужная информация успеет десять раз исчезнуть, пока он ломает сеть. Нет, такой способ не подходил.

Кречет оглянулся. В который уже раз. Но только теперь он заметил это. И понял причину беспокойства – с тех самых пор, как он вошел в пещеру, не оставляло чувство, совсем рядом был кто-то еще. Ощущение на уровне интуиции, но в мозгу Кречета все, включая интуицию, оценивалось «балалайкой», и не доверять ощущениям повода не было – они базировались на точном математическом расчете.

Вернуться? Зачем? Ему нужно вперед. Пусть тот, кто сзади, догонит, а тогда посмотрим, кого еще сюда принесло.

Впереди послышался металлический лязг – наверное, Сапсан что-то ломал. Здесь, в вентиляции, должны стоять фильтры и какие-нибудь насосы. Потом снова сделалось тихо.

Через несколько секунд Кречет снова замер. Не из-за того, что было сзади, а в связи с изменением ситуации впереди – из-за поворота тоннеля послышались короткие всхлипы. Не узнать этот звук невозможно – «дыродел», снабженный глушителем.

Звуки боя ласкали слух. Кречет достал из рюкзака «дрель» и аккуратно передернул затвор. Мог бы и не опасаться шума, ясно же, что Сапсан все равно услышит.

У бывшего капитана ВВС КНР Цу Мин Шэня появилась масса времени, чтобы все обдумать. Жаль, что при неограниченности процесса возникли большие проблемы с субстратом – думать было совершенно не о чем.

Вокруг пустота, абсолютная тьма. Он знал, что произошло, но ничего не мог поделать. Что может сделать сознание – сложный нейрохимический процесс, от того и существующий, что непрестанно меняющийся? Он мог меняться сам, хотя и это от его желания не зависело, но изменить что-то не мог – Хэ лишил разум интерфейса, нет сигнала, ни входящего, ни исходящего. Интересно, как долго можно пребывать в таком вот трансе и при этом оставаться личностью?

Того, кому теперь досталось тело, подобные вопросы не занимали. Его вообще не интересовали никакие вопросы, он и личностью-то не был. Шэнь чувствовал, что часть его постоянно отвлекается, словно не принадлежит ему самому – мозг продолжал управлять организмом, но сознание теперь не допускалось к процессу.

Все, что удалось восстановить полковнику Хэ, это набор исполнительных программ, зашитых в подсознание капитана. Программы работали постоянно, это они не давали сознанию, на базе которого работали, выйти наружу. Сознание осталось, уничтожить его нельзя, это Хэ отлично понимал. Одна беда – программы, изрядно подпорченные вмешательством Шэня в государственную «балалайку», развалились на массу плохо контактирующих друг с другом фрагментов. Они больше не работали в автоматическом режиме, полковнику пришлось запустить их на постоянную работу. Программы сжирали ресурс мозга, не оставляя места хозяину. Ныне Шэнь являлся не совсем человеком, так, недоразвитый идиот, с отличными навыками пилота.

Истребитель вел себя образцово, отзывался на все команды, которые получал из «балалайки» через психопривод. Когда пришел сигнал полковника, Шэнь легко вывел

«Лэйгун» на позицию, заставив его зависнуть над заданной точкой. Высота предельно максимальная для работы реструктуризатора. Ниже опускаться не стоило, чтобы не привлекать внимание шумом – шахтный двигатель за кабиной хоть и был одним из самых тихих двигателей на планете, грохоту производил все равно более чем достаточно.

Шэнь ни о чем не думал, он не предавался размышлениям насчет того, что надо сделать сначала, а что потом. Он просто включил реструктуризатор. В левом локтевом сгибе кольнуло – автоматический иньектор вкатил дозу синдина. Сразу же «балалайка» открыла прямой доступ к «поплавкам» компьютера «Лэйгуна».

Мощный сигнал прошел скалу, как горячий нож масло. Сеть того, что находилось под землей, легла решительно и сразу. Подступы заблокированы.

Не принадлежащие теперь Шэню фрагменты сознания, специально нацеленные программой на восприятие работы компьютерных сетей, легко понимали, что и откуда идет. Он не думал, он и не смог бы, даже если бы захотел – пазл разрушенной личности не складывался. Мозг работал на автомате.

Все, сеть закрыта. К ней не подступиться – ни скачать информацию, ни изменить ее состояние теперь нельзя. Это первый этап. Теперь нужно открыть доступ для Хэ. Он скачает все, что нужно. Сам Шэнь скачать файлы не мог – он стал частью сети, ее сервером, но для него информация оставалась недоступной: нельзя поднять коробку, сидя внутри нее.

«Балалайку» он нашел сразу, еще до того, как накрыл сеть. Ее данные были прописаны в программе изначально. Мгновенный пересчет частот, чип Хэ должен освободиться от воздействия реструктуризатора. Наверное, полковник знал, что делал – в настоящий момент сеть, реструктуризированная Шэнем, представляла сущий хаос для стандартного компьютера, в этом и состояла суть блокировки. Управляемый хаос.

Операция завершилась бы через минуту, если бы не одно «но». Точнее, этих «но» было даже два – две «балалайки», недоступные пониманию программы, заложенной в Шэня. Все остальные обладатели индивидуальных чипов, попавшие под электромагнитный удар, должно быть, мучились в страшных корчах: их сбесившиеся «балалайки» выжигали мозги своим хозяевам.

Но те две «балалайки», ловко вклинившиеся в сеть перед самым началом операции, не хотели подчиняться командам Шэня. Они тоже попали под удар, но сопротивлялись изо всех сил. Динамический код, потоки вирусов и антивирусов безжалостно жрали ресурс комплекса информационной атаки «Лэйгун».

Шэнь повторно реструктуризировал сеть, но таинственные «балалайки», изрядно попотев, все же остались в строю. Что же это такое? Шэнь не знал, программа, для которой Шэнь, собственно, и был создан – тоже. И черт бы с ними, с этими «балалайками», но постоянно прущая из них дрянь не давала полностью вывести из реструктурируемой области чип Хэ. Комплекс «Лэйгун» никак не мог завершить возложенную на него миссию.

Шэнь опустил истребитель ниже. Расчет был прост – усилив до максимума мощность электромагнитного импульса, можно банально ударить этих суперменов по мозгам. Пусть попробуют тогда справиться с «Лэйгуном». Полковник Хэ тоже попадал под удар, но это ничего, потом, когда необычных «балалаек» можно будет не опасаться, Шэнь вернет мощность сигнала на исходный уровень. Иначе Хэ останется бессилен – его чип не сможет сломать сеть.

Земля стремительно приближалась. Автоматика остановит самолет в предельно низкой точке, не дав ему потерять устойчивость.

Дерьмо показалось из-за горы. В этот раз оно выглядело, как три желто-зеленых вертолета с эмблемой СБА на бортах. Серая, осыпавшаяся во время толчков глыба прекрасно скрывала прибывшие к месту операции вертолеты, до тех пор, пока они не оказались слишком близко. Нужен маневр уклонения? Но в «Лэйгун» никто не целился – Шэнь мгновенно «прочитал» все управляемые компьютерами системы винтокрылых машин. Не видят его? Вряд ли – висящий в двадцати метрах над карьером «Лэйгун» отлично виден без всяких радаров.

Причина была в другом – они тоже спешили. Еще до того, как шасси первого вертолета коснулось пыльного дна карьера, из него посыпались бойцы в полной боевой амуниции. Не останавливаясь, рванули к дальней стене и исчезли, скрывшись в одной из пещер.

Никакого толка от информационной атаки – ни у одного из бойцов не было «балалайки». Так сообщала сеть. Глаза сообщали другое – количество разъемов на шлемах и оружии, управляемом исключительно с помощью нейросенсорных команд, не оставляло сомнений в «компьютеризированности» безов. Если бы видевшая это часть Шэня могла думать, он бы осознал, что «Лэйгун» устарел, еще не родившись.

Пули сыпались со всех сторон. Можно подумать, что он попал не в научную лабораторию, а в казарму к обдолбанным синдином спецназовцам, которые поспорили, кто первым попадет в Хэ. Пока удавалось удерживать статус-кво.

Полковник перезарядил обе «дрели» и снова надавил на курки. Он не целился, просто стрелял, заполняя пространство вокруг себя свинцом. Чтобы стрелять прицельно, нужно сначала понять, где мишень.

Выстрелы он услышал сразу же, как только вскрыл решетку вентиляционной шахты. Когда спустился в темный коридор, которые вел по спирали вверх, по-видимому, в обитаемые места лаборатории, внутри уже шел нешуточный бой. Хэ отдал команду Шэню, тот отработал замечательно.

Одна беда – «балалайка» самого Хэ преспокойненько «легла» вместе со всей сетью. Такое могло случиться в самом начале. Но код с новыми данными для его «балалайки», чтобы она могла понимать измененную структуру сети, должен был прийти почти сразу, а его все не было. В голове мутилось от пароксизмов взламываемой Шэнем «балалайки», и полковник вынул чип из гнезда.

Хэ попробовал подключиться к сети с помощью раллера – нашел в коридоре кабель, подключился. Это оказалось относительно несложно. Только вот результат работы он посмотреть не успел. До боли знакомый свист «дрели» и разлетевшаяся стеновая панель в десяти сантиметрах от него не дали насладиться работой ломщика.

Сейчас, сидя за каким-то выступом и поливая пространство свинцом, он осознал, что та очередь шла точно в него. Просто рефлекс не подвели – природное чутье заставило его сместиться влево за мгновение до того, как стена разлетелась.

Кто там стреляет?! Все, что носило в голове «балалайки», должно сейчас слабо подергиваться, лежа на полу. Из длинного коридора послышался вскрик – в кого-то попали. Хэ осторожно выглянул – на полу желал негр с простреленной грудью. Лицо убитого было отвернуто от полковника, и тот отлично видел, что на затылке «балалайки» нет. Случайность, или они тоже сообразили?

Поток мыслей был прерван потоком пуль, словно пила, прогрызшим щель в колонне в том месте, где только что была голова Хэ. Пули легли одна в одну, в образовавшемся зазоре не было даже зазубрин. Без «балалайки» так стрелять невозможно. Если, конечно, там люди. Да кто там, черт бы их побрал?! Прав был Фа, утверждая, что без «Лэйгуна» начинать операцию нельзя, тысячу раз прав.

Хэ прислушался. Основных стрелков было двое. Один поливал очередями коридор откуда-то издали, выстрелы второго раздавались слева, скорее всего, из какого-то помещения. Остальные участники боя появлялись спорадически, успевали произвести по три-четыре выстрела, после чего выбывали, подстреленные кем-то из тех двоих.

Это не работники лаборатории, понял Хэ. И еще он понял, что то, чего опасался Фа, случилось – они опоздали. Он, Хэ, подвел своего учителя, он не разглядел начинавшийся разлад в голове Шэня. Из-за него пришлось отложить операцию.

Рука сама собой потянулась к затылку и воткнула «балалайку» в гнездо до того, как разум успел сообразить, что этого делать не стоит. По мозгам шарахнуло, аж глаза заслезились. Или это из-за чего-то другого?

Но спустя мгновение сигнал, терзающий мозг, иссяк, и Хэ, пришедший в себя,

удивительно четко слышал голос товарища Фа. Настолько четко, что сначала принял его за галлюцинацию.

– Хэ, мы опоздали, – старик говорил спокойно, словно рассказывал что-то, а не отдавал указания. – Уходи, если можешь. Шэнь получил приказ на уничтожение лаборатории – мы не можем допустить, чтобы технология попала в руки варваров. У тебя есть пять минут. Если ты не успеешь... мне будет не хватать тебя, Хэ.

– Но еще есть... – начал было Хэ. Он хотел искупить свою вину перед страной, перед товарищем Фа. Пусть ценой собственной жизни, но он должен добыть файл. Сейчас он мог действовать, время еще есть.

– Уходи! – коротко повторил Фа и отключился.

– Духи готовы принять нашу помощь! – провозгласил Келле. Он выкрикнул это настолько громко, что сорвал голос.

Тут же ударили барабаны. Сначала нестройно, вразнобой, затем все слаженней и слаженней зазвучал ритм, ласкающий слух духов. Теперь их было много, очень много – все духи народов Хаммар и Сумбуру собрались здесь, в саванне. Они знали, что должно произойти, они готовы были остановить это.

Острые наконечники стрел почти одновременно пронзили вены на шее скота, целые реки крови полились в ритуальные сосуды. Маза жадно глотала кровь, их начинал бить озноб.

Келле чувствовал, что скоро все начнется. Он ощущал, как дурнота накатывает на маза, напившихся коровьей крови, тошнота подступает к горлу, но это ничего, так должно быть.

Он повернул голову и встретился взглядом с глазами Зенгу. Красные от напряжения, выпученные глаза. Колдун Сумбуру на пределе, духи переполняют его, он едва держится. Да, народ Сумбуру велик, Кулфу никогда не победил бы, чем бы ни пытался их взять – традиция этих людей, их вера, сильна. Колдун Хаммар едва не погубил свое племя, но так и не понял этого.

Еще немного. Барабаны стучат внутри головы, ноги стали ватными и больше не держат Келле. Молодой колдун упал на траву, из его рта толчками пошла пена. Вместе с ним упали тринадцать маза, их тела сотрясают сильные судороги. Бездыханное тело Зенгу рухнуло рядом с Келле – у колдуна Сумбуру не выдержало сердце. Неважно, теперь Келле справится и в одиночку – он уже с духами, он не только слышит их, он видит предков, он сам в их мире.

Да, в этом бушующем море огней и красок немудрено заблудиться. Духи не могут найти дорогу, они только чувствуют, но не видят путь. Но теперь с ними Келле. Тринадцать огненных дорог показывают путь назад, можно двигаться в любом направлении, связь с домом, с душой и сердцем саванны не будет потеряна – это тринадцать маза, тринадцать преданных помощников Келле, оставшихся в мире людей, но продолжающих держать связь со своим предводителем.

А впереди, там, куда нужно идти духам предков, раздаются другие голоса. Голоса живых. Они звучат внутри головы Келле, он слышит их будто самого себя. И теперь он знает, куда идти. Оттуда исходит угроза, именно те люди хотят уничтожить саванну.

Келле всмотрелся в переплетение огней. Вот она, дорога, что приведет их к победе. Как же он не видел ее раньше, она ведь широченным шоссе уходит в то место, откуда доносятся голоса живых?!

Тысячи духов рванулись туда, куда вел путь, указанный Келле.

Спустя секунду духи предков народов Хаммар и Сумбуру взяли под контроль сеть подземной лаборатории. Оставалось разрушить то, что несло внутри себя смерть.

Мозг, большей частью принадлежащий в данный момент комплексу информационной атаки «Лэйгун», машинально просчитал, что лучше смыться, пока не поздно. Оставить свой пост он не мог – программа не позволяла, а вот выбрать наиболее безопасную локализацию

комплекса – это пожалуйста, это даже приветствуется.

Шэнь запустил шахтный двигатель на полную мощность, «Лэйгун», словно выпущенный из пращи камень, подпрыгнул вверх на пару километров и продолжил более плавный набор высоты.

Шэнь получил приказ с высшим приоритетом о сбросе в район операции ядерного заряда. В бомболюках орбитального истребителя их было четыре. Если в течение пяти минут Хэ не даст о себе знать, или спасение полковника будет сопряжено с опасностью для самолета, приказано его не ждать. Отсчет времени пошел, заняв положенное место на наноэкране слева.

Радар по-прежнему не находил угрожающих здоровью выпадов со стороны вертолетов. Безы упорно делали вид, что не замечают «Лэйгун».

Высота четыре восьмьсот. Достаточное расстояние, чтобы успеть уклониться от выпущенных почти с земли ракет. Остановиться. Осмотреться. Повторить реструктуризацию сети.

То, что осталось от Шэня, поняло, что ничего, кроме осмотреться, выполнить не получится – кто-то настойчиво лез в компьютер орбитального истребителя. Сбоили все системы. Одновременно и как-то бестолково, словно тот, кто пытался сломать мозги «Лэйгуна», плохо понимал, чего вообще хочет добиться.

Шэнь осторожно прощупал сеть лаборатории. Он легко увидел ее – реструктуризация дала откат, поскольку исчез сигнал с истребителя, и сеть медленно, но уверенно восстанавливала свои позиции. Но ломали «Лэйгун» не оттуда. Сигнал – да, он исходил из лабы. Ломщик прошел транзитом через ее сеть – а больше попасть на «Лэйгун» было неоткуда, на тысячи километров вокруг вещание отсутствовало, – но сам он был вне сети. Вот только, где, Шэнь никак не мог понять. Локализация стопорилась. Никаких ложных хвостов и многоходовых комбинаций. Сигнал приходил будто бы ниоткуда.

«Поплавки» работали на пределе, мозги, казалось, сейчас начнут плавиться, пытаюсь решить непосильную для них задачу. Автоматический инъектор щелкал без умолку – автоматика сама определяла необходимую соответствующей информационной нагрузке дозу синдина. Пока нужный уровень концентрации наркотика в крови не был достигнут. Интересно, соотносит ли система расчетную дозу с минимальной токсической? Вряд ли, главное – выполнить поставленную задачу.

Но сейчас Шэнь все равно был неспособен понять, что умирает. Программа в его голове уперто, из последних сил, заставляла его бороться с захватчиком, и мозг подчинялся, иначе он поступить не мог. Из психопривода лились все новые и новые потоки информации, уничтожавшие восстановленную с таким трудом полковником Хэ программу.

Внезапно самолет вздрогнул, потом еще. И еще. С каждым разом удары становились сильнее. Словно какой-то великан решил развлечься, стуча по «Лэйгуну» огромным молотом. Может, это настоящий Лэйгун так шутит?

В инъекторе ампулы менялись, как патроны в обойме палящего без устали пулемета. Но тщетно – то, что руководило мозгом, управляющим информационной системой орбитального истребителя, рассыпалось окончательно. Самолет потянуло вбок, шахтный двигатель захлебнулся от натуги, автоматическая система оповещения о неполадках зажгла все сигнальные огни разом. Приборная панель «Лэйгуна» осветилась, как новогодняя елка.

Истребитель, полностью потеряв управление, вращаясь, словно засасываемая в водоворот щепка, ухнул вниз. Но до земли ему не суждено было долететь – в сотне метров от поверхности невидимая рука переломила «Лэйгун» пополам, а потом, будто попав в жернова, самолет разлетелся на целое облако осколков. Дно карьера усыпало крупными кусками титана – это было все, что осталось от секретного супероружия. Осколками посеколо один из вертолетов СБА

За секунду до того, как «Лэйгун» рассыпался, капитан Шэнь вдруг осознал, что нечто, сломавшее неприступную цифровую крепость истребителя, освободило его из плена нейропрограмм Хэ. Но, увы, Шэню оставалось жить считанные мгновения: организм – его

организм – переполнял синдин, наркотика в сосудах было уже чуть ли не больше, чем крови.

Тело капитана, выпавшее из лопнувшей кабины, рассек отлетевший обломок крыла, но ему уже было все равно. Шэнню стало плевать на этот мир вместе со всеми его лэйгунами и лабораториями. Он слышал голос, далекий, но отчетливый. Теперь он точно знал, куда сбежать из того ада, который люди привыкли называть реальным миром.

Взгляд Сапсана зафиксировал расположение объектов, схема коридоров была известна заранее. Главное – не дать им опомниться. Примерно такое же ощущение должен испытывать человек, невзначай попавший под несущийся за сотню грузовик: все тихо, а потом – бам – и вообще ничего нет. Безов вызвать уже не успеешь.

Они и не успели бы, если б не один непредвиденный фактор: то, что он встретит здесь Кречета, Сапсан уже знал, он понимал, что быстро не получится.

Вскрыть цифровой замок на коробе с фильтрами, отсекающими лабораторные испарения, оказалось задачей несложной. Особенно, если учесть, что в раллере хранилась часть кодов к помещениям лабы. Видимо, те, что удалось вытянуть из лабораторной сети. Заказ исходил от людей, имеющих в нее доступ, – от заказчиков разработки. Уж неизвестно, чем не угодили им лабораторные крысы, но задача была поставлена четко – слить всю информацию из сети, по возможности доставить человека (идентификация по внешним данным прилагалась, скорее всего, внешность изменена), остальных – уничтожить.

Он и занялся уничтожением сразу, как вошел. Три выстрела из «дыродела» с глушителем – три трупа. Они его даже не увидели. Начало хорошее. Быстрым шагом прошел по коридору, заглядывая во все двери – прицельно из «дыродела», последние с левой руки из «дрели». Это если и не все, то большинство. Чтоб под ногами не путались.

И все-таки чувство, что его ждали, что готовились, не отпускало. Слишком уж все гладко получалось. Пришел, увидел... Сапсан расстреливал жертв, большинство из которых были облачены в белые лабораторные халаты, словно специально расставленные на его пути мишени. В боевом режиме раздумывать не полагалось, но на задворках сознания копошилась мысль, что его просто пытаются от чего-то отвлечь. Отвлечь и попользоваться его услугами в деле устранения ненужных свидетелей.

Программа в голове Сапсана работала, как положено, приоритеты не менялись. В программе оператора он поменял самую малость – добавил себе свободы выбора. Делиться секретами лаборатории с теми, кто отправил его и Мустафу сюда, он не собирался. Все, что он сможет найти здесь, пригодится для личного пользования. И еще одно – пора заканчивать с кочевой жизнью в услужении у хозяев активатора. Теперь он сам станет себе хозяином.

Сапсан проткнул сеть – как и обещали, «балалайкой» здесь ничего не сделаешь, хоть с обычным чипом, хоть с «поплавком». Нашел точку, подключился проводами, ворвался в сеть и поставил на автомат – копировать все, что попадет. Пока нужно вырубить тех, кто может заметить присутствие в сети чужого раллера. Но...

Вот тут-то все и началось. По мозгам огрело каким-то диким сигналом, который ничего не хотел, просто настойчиво пытался переписать содержимое «балалайки» на свой извращенный лад. Не тут-то было – «балалайка» была *та самая*, ее просто так не скрутишь. Но мешала какофония в голове сильно. Более того, Сапсан опасался за правильность работы стрельбового комплекса.

В общем-то, случай проверить работу оборудования не заставил себя долго ждать. В коридоре, идущем из технической зоны, куда выводил вентканал, появился Кречет. Что-то задержался, братец. Как положено, палить начал сразу, едва увидел цель, то есть его, Сапсана, одновременно из двух стволов, перекрывая пути к отступлению. Ничего, сами не лыком шиты, в «балалайке» такой же программный набор имеем.

Сапсан легко уклонился от двух полос пуль, несущих смерть, и скрылся за поворотом коридора. Кречет рванул налево, ныряя в открытую дверь. Оттуда послышались крики, потом пальба, и все стихло. Плохо работает, дает себя увидеть. Или его тоже по «балалайке» этой дрянью отоварило? Скорее всего – странный сигнал глушил все цифровое оборудование

в округе: свой раллер Сапсан больше не видел.

За спиной открылись двери, и оттуда рванули трое. Решили взять внезапно – дурачье, им невдомек, что у него реакция раз в двадцать превосходит обычную человеческую. Сапсан даже не стал оборачиваться, выстрелил на слух. Два раза – двое стояли в ряд, так что пулю удалось сэкономить, в упор «дыродел» с легкостью прошивает тело насквозь.

Кречет высунулся и вроде бы получил очередь в лицо. Да нет, не стоит обольщаться, вряд ли он попал в братца. В правой руке «дыродел», в левой – «дрель». Лучше переменить руки – мало ли, какой фортель выкинет «балалайка», а правой Сапсан стрелял лучше.

На самом деле он не собирался убивать Кречета. Изменения, которые он внес в собственную программу, когда «Виктор Куцев» развалился, освободив незамутненный программой разум Сапсана, позволяли теперь самому решать собственную судьбу. Он больше не был всемогущим джинном, который, как ни крути, а все равно раб лампы. Никакой лампы у Сапсана уже не было. Программа выключится сразу по завершении операции, никаких хозяев он ждать не станет.

Он хотел наладить связь с Кречетом, попытаться уговорить его сотрудничать – они же братья, они всегда были способны понять друг друга. Даже в боевом режиме. Они могли бы стать хозяевами друг для друга, это не совсем то, что быть полностью свободным, но почти. Можно было бы навсегда забыть о битвах и крови, о том, кто они есть. Но непонятная цифровая атака внесла в планы Сапсана свои коррективы. Приходилось защищаться и стрелять в брата по крови. Он не мог поступить иначе.

Нужно осмотреться. Сапсан резко выскочил в коридор и тут же вернулся назад в укрытие. Как же, попадешь ты в меня, держи карман шире. Кречет среагировал мгновенно, но Сапсан уже успел уйти с линии огня.

Эта игра могла бы продолжаться часами. Но там, в коридоре, появился кто-то еще. Какой-то невысокий худой человек, не очень точно, но уверенно тычущий «дрелью» в сторону предполагаемого противника.

Сапсан заметил, что Кречет с левой руки выпустил очередь в пришедшего, но тот успел спрятаться за подвернувшейся колонной. Хорошая, черт возьми, у парня реакция!

Тест-сигнал раллера. Наконец-то.

Бред какой-то. Похоже, компьютер совсем съехал с катушек. Сапсан отключился от сбесившегося раллера в последний момент – ломщик, накрывший местную сеть, пытался пролезть в его голову.

Из-за угла послышался визг «дрелей». Судя по направлению, это Кречет снял худенького бойца. Этот-то откуда взялся? Не слишком ли много охотников на одну небольшую лабораторию?

Да нет, тихо. Стало быть, Кречет не попал. Везунчик, братец промахивается редко. Или его эта муть, что из сети лезет, сбивает?

Сапсан прислушался. Ушами и «балалайкой». И понял, что стало тихо. Совсем тихо – и в сети, и в лабе. Ничего, никаких сигналов: в сети царила пугающая пустота, словно в стерилизованной ядерным взрывом пустыне. Атака ломщика завершилась столь же внезапно, как началась. И столь же бессмысленно. Тишина, только едва слышимый хруст чего-то битого на полу. Кречет.

«Дрель» или «дыродел»? Пистолет бьет прицельней. Сапсан аккуратно, чтобы не шуметь, положил «дрель» на пол и, вскинув пистолет, вышел из-за угла в коридор.

Рука сжала сетевой провод, готовая выдернуть его из раллера в любой момент. Беспроводное подключение он вырубил, как только понял, что началось то действие, которое он ждал. Бальдуччи не стал отключать свой раллер от сети, когда началось вторжение. Ему было интересно посмотреть, что они станут делать. В целом выторговать спасение для себя несложно – полная информация хранилась только в его компьютере, если ее уничтожить, останется последняя надежда – его голова. Никто не станет резать курицу, которая несет

золотые яйца.

...Бальдуччи... Да какой он к черту Бальдуччи?! С этим именем теперь покончено навсегда. Осталось выбрать новое. Любое из тех четырех, что были готовы. Все легальное, никаких подделок – документы, «балалайки», легенда. Только нужно ли это?

Конечно, нужно. Зачем обманывать самого себя, делать вид, что на самом деле он не дряхлый старик, по которому могила плачет, а герой, способный сказать: «Я не стану жить под чужим именем». Он и свое-то, данное ему от рождения, сразу правильно не назовет.

А проект? Его последний проект? Часть данных он воплотил в той разработке, что хранилась внизу в саркофагах. Вернее, не воплотил – отработал, испытал технологии. Зачем пропадать экспериментальным образцам? Хотите неуязвимых бойцов, чтоб есть не просили, не уставали, да и вообще – казались бессмертными? Пожалуйста!

Взгляд упал на пробирку, стоявшую в отдельном штативе на столе. Внутри – ярко-желтая жидкость. Мутаген реального времени. Транскрибирует ДНК с введением изменений в геном. Отчего деревья живут долго? Оттого, что стоят на месте? Как бы не так. Скорость деления клеток у растений ничем не уступает таковой у животных. Почему тогда собака живет пятнадцать лет, а баобаб – несколько тысяч? А он нашел тот маленький кусочек, что давал деревьям возможность торчать из земли веками и горя не знать. Нашел и придумал, как внедрить его в свой, человеческий, геном, так, чтобы не стать деревом.

Удалось не сразу. Отрицательный результат – тоже результат. Особенно когда имеешь дело с военными. Получившиеся образцы он сумел довести до ума и совместить с информационными разработками. То, что вышло, – в саркофагах. Генавры. Важные внутренние органы дублированы, часть вообще отсутствует – измененному метаболизму не нужно столько метров кишечника, да и печень такого размера совершенно ни к чему. Хлорофилл в эпителии кожи и способность генавров отращивать корни – гордость их создателя. Сердце есть, но попробуй его найти, чтобы прострелить. Идеальные бойцы. Ни хрена не чувствуют и ни хрена не соображают. У них есть только приказ, его можно зашить в «балалайку» – идеальная модель для военных. Жаль только, что не успел закончить с Координатором – способность лидера управлять сразу несколькими десятками бойцов решала проблему не самого высокого интеллекта подопечных. И проблему подчинения это тоже снимало. Полностью. Хотя в этот раз с подчинением получилось много лучше, чем с Соколами.

На экране раллера Профессор видел все, что происходило в лаборатории. И в коридорах, и в сети. В «балалайку» посыпались вызовы. Все спешат сообщить, что в их подземелье начался ад. Самое для него место.

– Профессор... – прозвучал чей-то вопль и захлебнулся.

Кто там? Булимар. Жаль беднягу, похоже, ему свернули шею.

Профессор... Профессор – значит учитель. За долгие годы он привык к этому прозвищу. Именно прозвище. Был ли он профессором на самом деле? Кого он научил? Что оставит после себя? Уничтоженные лаборатории, трупы сотрудников и его проекты.

Он заметил возню в окрестностях лаборатории несколько часов назад. Самолеты, вертолеты, люди – слишком много, чтобы быть просто случайностью. Профессор сразу заподозрил, что здесь сойдутся несколько заинтересованных сторон. Если бы пришел кто-то один, это вполне можно было принять за случайность, а так шанс на внезапность они упустили.

Собственно, теперь вся эта кутерьма ничего не стоила. Неизвестные игроки – те, кто прислал письмо с предложением, – выполнили обещание. Спасение было, и оно готово к использованию. Совсем рядом.

Можно уйти прямо сейчас, но ему было интересно. И еще – необходимо запечатлеть захват – таинственные авторы послания просили именно об этом. Профессор в очередной раз подумал, что сам захват интересует этих людей в последнюю очередь. Их цель – было не позволить технологии выйти из стен лаборатории.

И в который уже раз пришла мысль, что вместе с ним технология в любом случае

отсюда выйдет. Этот факт ставил обещанное спасение под вопрос. Только они не все знали. Хотя наверняка догадывались.

Охрана еще утром поинтересовалась, не стоит ли перевести лабораторию в режим осады: физическая блокировка входов, прекращение вещания сети, уход большей части сотрудников на нижний, менее комфортабельный, но надежно упрятанный уровень. Профессор сказал, что не надо. Жалел ли он о сказанном? Совсем немного, за четыре года он успел привязаться к этим людям, ему было жаль их. Но наука требует жертв, это доказал еще Джордано Бруно. И он готов идти на эти жертвы, поставив себя, впрочем, в списке на последнее место. Такова судьба: они все – лишь расходный материал. Мозг лаборатории – он, Профессор, и именно он ценен.

Захватчики все равно прорвали бы оборону. Рано или поздно. Этого и добивался Профессор. Теперь существовала только одна цель – не дать технологии уйти в мир, готовый разразиться войной в любой момент. Именно его изобретение сегодня могло стать тем лишним нейтроном, что запустит цепную реакцию разрушения, которую уже никто не сможет остановить.

Он успел рассмотреть двух вошедших бойцов. Сапсан и Кречет. Профессор улыбнулся – они его дети, они не смогут причинить вред собственному создателю. С выбором средств захватчики просчитались. Скорее всего, они просто не знали, с кем имеют дело – Профессор никогда не афишировал свое авторство проекта «Сокол», да и имя хозяина лаборатории, надо думать, широкой известности в мире не имело.

Сеть повисла, кто-то настойчиво ломился внутрь, уверенно сменяя виртуальные заслоны. Но что-то у ломщика не заладилось, что-то застопорило процесс, застряв, словно кость в горле. Атака на сеть продолжалась несколько минут. Профессор уже решил, что все-таки его переиграли – из «балалайки» полез обратный сигнал, который не давал возможности думать и вышибал слезу. Просто потоки слез. Он протянул руку, решив выдернуть сетевой провод из раллера, но рука безжизненно упала на стол. Что это такое?! Он такого не придумывал!

На несколько секунд Профессор погрузился в прострацию. Потом тот, кто держал сеть, выворачивая ее наизнанку, исчез. Первая мысль заставила устыдиться – в мире были и другие умные люди, не глупее его. Нужно обязательно узнать, что они применяли. И кто применял – в суматохе, царившей вокруг, он уже перестал понимать, сколько группировок атакуют лабораторию. Точно больше одной.

Вокруг повисла необыкновенная тишина. Глаза Профессора смотрели на экран раллера. Он все понял, он прочитал данные, пришедшие с модели «Координатор». Парнишка умер, но...

Пора заканчивать этот балаган. Профессор запустил программу уничтожения данных лабораторной сети. Всех. Теперь единственным носителем оставалась его голова. И в раллере сохранилась часть информации, которую, впрочем, без него использовать все равно никому не удастся.

И все-таки они его переиграли. Там, где он и не ждал. Координатор умер, умер физически. Только не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что компьютерная сеть не может действовать самостоятельно. Особенно, если рассматривать ситуацию вместе с теми данными, что пришли с «балалайки» Координатора. Его обыграла Традиция – маленькая, идиотская Традиция этих черных обезьян. Традиция Координатора, ставшего духом. То, что произошло, не поддавалось рациональному объяснению, это нельзя было записать на внешний носитель.

На экране, в одном из открытых окон, он видел, как самолет, прилетевший с полчаса назад, рассыпался в пыль, словно попав между двумя жерновами. Наружные датчики сообщали о повышении радиации – на борту самолета было ядерное оружие. Об этом Профессор не подумал: лабораторию могли просто уничтожить.

Профессор, вздохнув, закрыл раллер, отключил его от сети и спрятал в карман. Потом распахнул титапластовую дверь и уверенным шагом вышел в коридор. Там было тихо,

слышалось только сопение двух человек. Совсем рядом стояли Сапсан и Кречет, абсолютно одинаковыми жестами уткнув друг другу в лицо стволы «дыроделов». Они не могли решиться – не страх или родственные чувства двигали ими, просто их «балалайки» никак не могли рассчитать последовательность действий: выхода не было, если умирать, то обоим.

Он подошел к застывшим в напряженной позе бойцам и...

49. Подземная лаборатория. Финал

...отчетливо, чеканя каждое слово, произнес: «Черный свет чужого солнца». В сказанной фразе не было никакого смысла, просто набор звуков, с которым вряд ли можно встретиться в обиходе.

Напряжение мигом исчезло с лиц бойцов, но пистолеты не опустились.

– Опустит «дыродел», – медленно проговорил Сапсан.

– Ты первый опусти, – ответил Кречет.

Они сомневались. Они не верили друг другу. Правильнее сказать – брат брату. Теперь ни у одного из них не было ни малейшего резона убивать, но каждый чувствовал угрозу.

– Вместе опустите, – обыденным тоном, словно вел разговор о погоде, предложил Профессор.

– Угу, – кивнул Кречет.

– Давай, – согласился Сапсан.

Никаких «раз, два, три», они просто опустили оружие. До последнего движения – одновременно.

Оба бойца направили взгляды к Профессору. Тот расплылся в улыбке.

– Ну, здравствуйте, дети мои, – сказал он и протянул к ним руки.

Сапсан и Кречет, оба невысокого роста и худые, намного лет даже внешне моложе Профессора, действительно смотрелись детьми в его объятиях.

– Я рад, что вы живы. – Профессор выражал чувства сдержанно. – Пойдемте.

Он отвел их в какую-то комнату неподалеку. Стол, стоявший посередине, устлал осколки разбитой посуды и разбросанная в беспорядке техника. Лицом на столе лежал человек в белом халате, второй, выгнувшись в неестественной позе – на полу. Оба были мертвы – несколькими минутами ранее здесь побывал Сапсан.

– Скажите, Профессор, что вы там говорили? Что вы сказали нам? – спросил боец.

– Это кодовая фраза. Деактиватор. Вы разве не заметили, что вас больше не держат никакие обязательства?

Кречет усмехнулся.

– Меня и раньше не держали, – сказал он.

– Ты всегда проявлял больше самостоятельности, чем другие, – заметил Профессор. – Но ты же не станешь утверждать, что пришел сюда по собственной воле?

– Я...

...Ему нужно было прийти сюда, он хотел сразиться с Сапсаном, хотел быть победителем, предвкушал радость предстоящего боя. Сейчас он никак не мог понять причины эйфории, что накатила на него тогда.

Да, все, что произошло с ним за последние три года, было тщательно спланированной операцией. Спланированной, как это ни странно, им самим. Но есть ли гарантия, что другие участники этого действия не изменили что-то на свое усмотрение? Ведь большинство действующих лиц даже не знали, что являются частью какого-то плана. Да и планировал ли Кречет провести в «Африке» два с лишним года, планировал ли ползти на последнем издыхании через саванну, чтобы оказаться здесь, в объятиях своего создателя?

Он хотел лишь одного – уйти от хозяев, оказавшихся слишком крутыми, чтобы от них просто так избавиться, и жить в свое удовольствие. Была лишь одна проблема – самостоятельно повернуть операцию он не мог.

Вот тогда и подвернулся Ерохин – человек, имеющий определенный вес у тех, кто

считал себя хозяевами модели «Кречет». Он должен был все устроить, теперь Кречет вспомнил. Это именно по инициативе Ерохина в его бедре покоилась нанокапсула.

А ведь она включалась! Ерохин все-таки нашел его? Возможно, хотя Кречет не уверен, что у Ерохина было много шансов выжить: помнится, дознаватель, что разбирался со Звездецким, очень заинтересовался этим сотрудником.

Легенда была отработана четко – Кречета в образе ничего не понимающего и не помнящего Звездецкого переправляли в «Африку». Идея сфабриковать дело с синдином принадлежала Ерохину, он и выполнил задуманное. Звездецкий – персонаж сугубо виртуальный. Отсюда и постоянные нестыковки в голове Гамми, отсутствие и путанность воспоминаний о жизни редактора детского инфоканала. Из Цюриха в Москву приехал совсем другой человек. Звездецкий появился лишь тогда, когда бывшие хозяева вышли на след Кречета, и прятаться дальше не было никакого смысла. Стандартное психокодирование, полное обезболивание на время возможных допросов – это сам Кречет постарался. Боль он мог перенести любую, но к чему лишние страдания?

А вот дальше четко разработанный план дал сбой. Кречет не рассчитывал, что мир погрузится в хаос, а Африка расколется на несколько островов. «Исправительное учреждение №123» фактически перестало существовать, весь мир завис на краю, балансируя на тонкой границе ада и полного небытия. Кречет стал не нужен, было не до него. И опять же открытым оставался вопрос дееспособности Ерохина, а бывшие хозяева, похоже, поверили в полную профнепригодность Кречета. Одна надежда – нанокапсула работала, это Гамми точно не приснилось.

Но Али... Кречет вспомнил распоротый живот толстяка. Все по программе, как и полагается, даже искать ничего не пришлось. Здесь сомнений нет, Али был оператором нынешних хозяев активатора.

Невероятно! Что же здесь творилось, в лаборатории Профессора?! Европейцы, приведшие сюда его, Кречета, Ерохин (или кто-то из его «наследников» – для нанокапсулы тоже нужен свой активатор, который был только у подельника), тот боец, что столь умело прятался от них с Сапсаном. Кого еще стоит ждать?

– Что вы здесь делали?! – задал вопрос Профессору Кречет, но тот не ответил, сделав вид, что не расслышал.

– Ты действовал согласно программе, – вернулся к объяснениям Профессор.

– Мы всегда работаем по программе, – возразил Сапсан.

– Только не сейчас, – сказал Профессор. – Все программы выключены, вы сами по себе. Я слышал, Кречет, что ты был не очень-то учтив со своими хозяевами?

– Я привык сам решать... – начал Кречет, но Профессор перебил его:

– Ты решал сам после выполнения задания. Когда программа заканчивалась. И справиться тебе удавалось только с идиотами, которые забывали ввести в сценарий пункт о собственной безопасности.

– Инструкции можно корректировать, – вставил Кречет.

Профессор на секунду замер, не понимая, о чем говорит боец, а потом расхохотался.

– Ты получился лучше, чем я предполагал, – не переставая смеяться, сказал он. – Это же надо додуматься: взломать доступ к мануалу, чтобы намеренно ввести в него ошибку! Так значит, они просто не знали, что ты можешь быть опасен после отключения программы?!

– Наш ум дан нам от природы, – сказал Сапсан. – Вы ведь нам так говорили.

– Ты прав. Ваш ум – это главная проблема проекта «Сокол».

Профессор вытащил из холодильника небольшую упаковку со стеклянными флаконами. Вынул один флакон и вставил его в инъектор.

– Закатай рукав, – сказал он Сапсану.

– Что это? – спросил боец, когда почувствовал легкий укол в плечо.

– Сыворотка, вы...

Закончить фразу Профессор не успел – автоматические двери поползли в стороны. На пороге стоял...

Нет, в это просто невозможно поверить! Такого не бывает!

На пороге стоял Чеглок. Третий из Соколов, тот, что потерялся. Профессор всегда интересовался судьбой своих творений, но о Чеглоке уже несколько лет ничего не было слышно. Он думал, что третий боец погиб. Но сейчас тот стоял перед ним. И направлял ему в лицо ствол «дрели».

Он не помнит себя, им управляет субличность, психокод, скрывающий истинную сущность бойца. Черт, ведь можно и не успеть...

– Черный свет чужого! – скороговоркой выкрикнул Профессор.

Лицо Чеглока перекосило гримасой боли и страдания, он истошно закричал: «Нет!» и «дрель», взвизгнув, разродилась парой десятков пуль.

Кречет среагировал моментально. Профессор испытал гордость за собственную работу – за мгновение до того, как Чеглок нажал на спусковой крючок, Кречет выхватил «дыродел», торчащий у него за поясом, и выстрелил. Пуля попала туда, куда он и целился, – в оружие. Рука Чеглока дернулась, и очередь прошла мимо Профессора, оставив пунктир отверстий на столе.

– ...солнца! – судорожно сглотнув, закончил Профессор.

Чеглок выронил «дрель» и, закрыв лицо рукой, медленно опустился на пол.

– Ты что, сдурел, что ли?! – заорал не него Кречет.

– Что с тобой, Чеглок? – Сапсан опустил рукав и присел рядом с бойцом.

Чеглок плакал. Рыдал, словно кисейная барышня.

– Меня зовут Хэ, – сжав зубы, прошипел он. – Я не Чеглок, я не птица, я – человек!

– У-у, – понимающе промычал Профессор, – вот оно что.

– Зачем вы это сделали? – Чеглок исподлобья смотрел на своего создателя. Его глаза сейчас были страшнее черной пустоты ствола «дрели», разве что убить они не могли. – Я приложил столько усилий, чтобы все вокруг забыли, что я Сокол. Чтобы я сам не знал этого.

– Зачем? Чтобы ты меня не убил. Чем тебя не устраивала жизнь Сокола? – спросил Профессор. – Посмотри на Кречета: всем доволен, он даже умудряется сам выбирать себе хозяев.

– Зачем?! Зачем вы сделали нас такими? – бормотал Чеглок. – К чему этот гипноз, почему мы не можем быть самими собой, почему мы вынуждены жить чужой жизнью? Уж лучше навсегда забыть себя, чем постоянно получать напоминания, что ты раб – хозяина и собственного бессилия хоть как-то изменить свою судьбу.

Профессор посмотрел на Соколов. На всех троих. Они хотели знать. И Сапсан, и Кречет. Чеглок, который не хотел быть Чеглоком, выразил общее мнение.

Как им объяснить? Что они не совсем люди? Так они и сами это прекрасно знают.

Потому что они все понимают – да, это его недоработка, с последним поколением бойцов исправленная. Соколы – в первую очередь люди. Но их мозг... Над этой частью их тела Профессор поработал больше всего. Специфика нейронных связей в головах бойцов позволяла творить настоящие чудеса. Нанопленка на костях и усиленные мышцы – лишь подстраховка организма от травм, которые Соколы могли нанести сами себе, ударив слишком сильно. Невозможно постоянно работать в таком режиме, мозг не выдерживает, психика ломается и начинает выкидывать фортели. Боевой режим не терпит раздумий – если хочешь выжить, бить нужно наверняка. А разобраться, кто был врагом, можно и после. Отморозок, что внезапно срывается с катушек, в обычной жизни быстро привлечет к себе ненужное внимание. Разработанное Профессором психокодирование помогало устранить эту проблему, выключая бойцов на время простоя, но оставляя их неизменными внутри новой, выдуманной личности.

– Где твоя «балалайка», Чеглок? – вместо ответа спросил Профессор.

– Не знаю. Выбросил.

– Вы не ответили, Профессор, – напомнил Кречет. Они ждали.

И он ответил:

– Вы ведь знаете, каким образом у вас появились некоторые способности,

превосходящие возможности обычных людей? Намного превосходящие. В ваших организмах нет никаких моторов, лишь немного усилены кости и мышцы. Но такое есть у многих. В вас нет никакой особенной техники, ваши организмы почти не отличаются от организма обычного человека. Профессиональные грузчики и то носят в себе больше всякого усиливающего барахла, чем вы. В вас нет ничего особенного, за исключением гнезда, которое способно работать с *той самой* «балалайкой». Вы идеальные бойцы, вас не может раскрыть ни один наноскоп – потому что просто нечего искать.

Все дело в том, что с вас сняты все ограничения, – продолжал Профессор. – Полностью, и ментальные, и кинетические. Вас ничто не держит – ни моральные принципы, ни привязанности. Вас не может сдержать даже опасение сломать себе руку, ударив слишком сильно – вы не испытываете никаких опасений. Это ваш дар и ваше проклятие. Ваш мозг позволяет работать телу на износ, позволяет бить с такой силой, что едва выдерживают ваши же кости, двигаться так быстро, что еще чуть-чуть – и сухожилия не выдержат нагрузки. Вам не приходится тратить время на раздумья, ваши особые нейросоединения решают все сами, а *та самая* «балалайка» многократно усиливает эффект, помогая точностью и скоростью Цифры медленному, но весьма эффективному аналоговому мозгу. Но невозможно все время жить на грани. Вы не можете жить жизнью обычных людей без контролирующих ваши расторможенные мозги субличностей – ваши нейросоединения постоянно требуют от вас действия, ваша разрушительная сила рвется наружу, грозя уничтожить все вокруг. Если не блокировать эти нейросоединения, загрузив виртуальную личность, рано или поздно их постоянная активность развалит вашу психику. Вы не люди, вы Соколы. Вы долго кружите в вышине, не вызывая подозрений, а потом одним точным броском настигаете добычу. И снова долгое парение в облаках. Вы – Соколы, а ловчим птицам всегда надевают на голову клобук, когда охота закончилась. Надеюсь, аналогия понятна?

– А «балалайка»? – Кречет решил выяснить всю подноготную.

Молодец, он всегда был наиболее самостоятельным в команде. Сапсан – рассудительный и ответственный: идеальный боец на заданиях, требующих предельно точного соблюдения программы. А Чеглок... Чеглок был поднебесником. Профессор с самого начала сомневался, беря в проект нагловатого черенка, подобранного в Анклаве Гонконг. Китайцы всегда и везде остаются китайцами. Вот и Чеглок получился... китайским соколом.

– «Балалайка» – это ваш инструмент, не более. Она помогает рассчитать верное движение, прицелиться, но вы и без нее отличные бойцы.

Сапсан слушал слова Профессора и думал. Думал о том, что нет ему спасения, что не найти ему золотой середины, о которой он так мечтал. Чего он хотел в жизни? Он никогда не задумывался над причиной желаний, не знал, откуда они берутся и куда исчезают. А теперь понял. Вдруг осознал, что причина в самой сути. Не в нем лично, не в проекте «Сокол» – Профессор ошибается, говоря, что причина кроется в изменениях, которыми он наделил бойцов. На самом деле источник стремления к свободе, к возможности стать самими собой, кроется глубоко, в самых корнях живого существа, это чувство досталось в наследство от динозавров. Если не от трилобитов.

Профессор сказал, что нет для них спасения. Он ошибался. Остаться тем, кто ты есть, стать Сапсаном навсегда нельзя, но тот план, что он придумал для них с Кречетом, вполне мог сработать. И он бы сработал. Только...

Только теперь Сапсан сомневался. Он смотрел на хнычущего Чеглока и видел, что ожидает его. Чеглок уже успокоился, он снова стал Соколом, и ему опять неведомы сомнения и страдания. Но ведь он не хотел этого, тот человек, который называл себя Хэ, ведь он тоже был Чеглоком. На самом ли деле виртуальное сознание является сдерживающим наложением на совершенную структуру разума Сокола? Или оно наоборот – высвобождает то, чему не дают выйти особые нейросоединения, что делает человека именно человеком, а не бездушным роботом?

Сапсан окончательно запутался в своих чувствах, которых не было. Его сверхинтуиция,

основанная на точном расчете параметров, сделанном *той самой* «балалайкой», молчала. Ей нечего сказать, чувства ее не касаются. Ее дело – точные данные, а в чувствах нет ничего точного, они – словно флюиды тонкого аромата, распространяющегося по собственным, им одним известным законам. Незаметное дуновение, и едва уловимый запах исчез.

Сапсан обнаружил, что теребит курок «дыродела» все еще остающегося в его руке. Программа, заложенная глубоко в его мозгу, снова рвалась в бой. Она почувствовала неладное, уловила сомнения Сапсана и была готова уничтожить любого, кто хотя бы намеком выказал угрозу.

Снова эта безумная свобода, на самом деле являющаяся рабством, из которого не сбежать. Никак. Рабство в голове, так было всегда, так навсегда и останется.

Профессор вытащил пустой флакон из инъектора.

– Что вы нам колете? – с недоверием спросил Кречет, но рукав закатал.

– Я же сказал – сыворотку. Внутри лаборатории распылен вирус. Без этой сыворотки вы не протянете и полдня.

Он посмотрел на Кречета, тот тер нос, улыбаясь.

– Я помню о ваших носовых фильтрах. Они не помогут, – объяснил Профессор.

Он протянул руку к флаконам, пальцы укололи острые осколки. Профессор перевел взгляд на стол, но то, что он увидел, только подтвердило ужасную догадку – флаконы были разбиты, коробку задела очередь, выпущенная Чеглоком.

– Что ты наделал?! – в ужасе проговорил старик.

– Что? – Голос Кречета оставался спокоен. Он еще ничего не понял.

– Это была последняя партия антидота. Больше нет, больше не было нужно.

– Но может быть, вы сумеете приготовить еще? – Голос Кречета дрогнул, его особые нейросоединения принялись искать источник угрозы, но боец держал себя в руках.

Профессор лишь покачал головой.

– Слишком поздно. У нас нет на это времени.

– Это нам все равно не поможет: через пару минут здесь все превратится в пепел, – сказал Чеглок. Его, похоже, не отпустило до конца – упадническое настроение еще владело разумом поднебесника.

– Ты сдурел, братец?! О чем это ты?

Казалось, что Кречет нервничает, но на самом деле это был результат работы все тех же нейросоединений. Ему удавалось удерживать status quo, но, как долго это продлится? Рвущемуся в бой мозгу нужен новый сценарий или психокод, иначе Кречет перестреляет всех. И Чеглок... У них нет тормозов, все их решения молниеносны и не терпят раздумий.

Вдалеке, где-то на другом уровне лаборатории, звонко гроыхнуло что-то металлическое.

– Кто там еще? – высказал вслух мысль всех четверых Сапсан.

– Нанокapsула... – пробормотал Кречет.

– Что? – не понял его Профессор.

– Они установили мне нанокapsулу. Она здесь, в ноге. Черт! Ерохин, скотина, похоже, сдал им меня с потрохами!

– Кому? Твоим хозяевам?

– Не совсем. *Бывшим* хозяевам. Тем, которых я обманул три года назад.

– Кто они?

– СБА.

Профессор присвистнул. СБА – это серьезно, даже сейчас, после того хаоса, что накрыл планету. Теперь понятно, кому нужно было найти «крысу». Да и кто та самая «крыса», тоже ясно. Ошибаешься, Кречет, никто тебя не сдавал, просто твой «крысеныш» Ерохин решил все оставить себе. А тебя... А ты, Кречет, всегда был и остаешься расходным материалом.

Кречет взял в руки две «дрели», поменяв предварительно обоймы.

– Это уже не играет роли, – сказал Чеглок. – Пошел пятиминутный отсчет. Сюда сброшен ядерный заряд, он вот-вот детонирует.

– Очнись, братец! Прошло уже больше пятнадцати минут. Или армагеддон перенесли, или – что, скорее всего, – он наступит в другой раз. Но не для нас с тобой. Пошли, Чеглок.

– Ты о том самолете, что сновал по округе с самого утра? – поинтересовался Профессор. Чеглок кивнул. – Он рассыпался в пыль.

Стало быть, он был прав – поднебесники, как обычно, не церемонились: то, чего они добиваются, должно принадлежать им или никому.

Профессор окинул тоскливым взглядом разрушенную лабораторию. Всё. Время вышло. Попытки «незаметно» умыкнуть технологию завершились, теперь настала пора грубого захвата. Основная цель – он, профессор Винченцо Бальдуччи, он же Григорий Воронцов, он же Карл... Многих имен он уже просто не помнил. Как бы то ни было – пришло время исчезнуть. Сделать ноги, так сказать.

Всё наготове. Два болвана ждут своей участи, они знают, что делать. Пускай СБА разбирается со своими «крысами» сама, у него другой путь.

Кречет был готов к бою. Двух, появившихся в проходе безов он срезал короткой очередью. Они были в «саранчах», но во всем есть щели, Кречет умел находить их безупречно.

Странное состояние. Кречет никогда не испытывал подобного раньше. Он никогда еще не вел настоящий бой без сценария. Никто не задавал ему целей – он сам решал, что и ради чего делает. Что это – те самые чувства, которыми так восторгаются люди? Или просто сбой программы, не нашедшей оптимального решения? Или чувства – это как раз и есть сбой программы? Программы, написанной природой и отточенной миллиардами человеческих жизней.

– Уходите! – крикнул он Профессору и Сапсану. – У вас ведь есть запасной план?

Профессор кивнул.

– Вот и отлично. А нам с Чеглоком все равно больше нечего терять. Так, братец?!

Чеглок молча поднял с пола «дрель» и вышел в коридор. Оттуда раздался выстрел, но китайца не задело. В его руке завыл автомат.

– Мне жаль, что... – начал было Профессор.

– Уходите! – заорал на него Кречет.

– Хорошо.

Во взгляде Профессора отражалось сразу несколько чувств: страх и сожаление. И что-то еще... Радость от того, что все закончилось? Кречет не испытывал чувств сам, но прекрасно умел читать их в людях: это умение очень помогало в работе.

– Мне придется взорвать лабораторию. Ты ведь понимаешь... – опустив глаза, сказал Профессор.

– Разумеется. Делайте так, как считаете нужным. Как правильно. И быстрее – их слишком много, мы можем не справиться. Тем более Чеглок без «балалайки».

Сапсан молчал. Видимо, ждал указаний.

Профессор протянул руку и коротко сказал: раллер. Сапсан все понял. Он взял в руки «дрель», передернул затвор и выскочил в коридор. Они вместе, втроем, надавили на курки. Грохот стоял такой, что, казалось, люди должны падать замертво без всяких пуль.

Под прикрытием длинных и бьющих почти без промаха очередей Кречета и Чеглока Сапсан добрался до распределительного щита и отключил свой персональный раллер, все еще подключенный к несуществующей теперь сети. Боец захлопнул крышку компьютера и рванул обратно, туда, где его ждал Профессор. Кречет успел лишь заметить, что к крышке раллера прикреплен активатор Сапсана.

Профессор окинул взглядом компьютер, отсоединил и спрятал в карман небольшой черный цилиндр.

– Жаль, что я стал причиной вашей гибели, – Профессор все-таки сказал то, что хотел. – Пошли.

Они вышли в коридор. Безов было много, но шквальный огонь троих Соколов не давал им даже носа высунуть из укрытий. Кречет остался с Чеглоком, а Сапсан ушел дальше,

следом за Профессором.

50. Африка

На корабле было шумно. Все орали, каждый винил остальных в совершении полного набора смертных грехов и никто не хотел признать главного – их обыграли.

Моралес наблюдал за спором Величкова с женщиной в костюме. Ему было наплевать на то, о чем они договорятся. Тем более что договариваться они и не пытались – каждый говорил о своем. Хоакина больше интересовала собственная судьба – что ждет его впереди, как с ним поступят эти люди? Они из СБА. Но какой Анклав они представляют и кому подчиняются, так и осталось неясным. Скорее всего, они работали сами по себе, автономно, так сказать.

– Ты идиот! – эта фраза в речи того, что в костюме, встречалась наиболее часто.

– Да если бы я вовремя не заметил, что карьер пополз, видел бы ты здесь вертолеты! – орал в ответ Величков.

– Нужны мне твои вертолеты! И ты вместе с ними. Лучше бы тебя там и засыпало. Где данные, где технология, я тебя спрашиваю?! Что мы предъявим арабам?!

– А кто кричал, что его агент не подведет?! Кто утверждал, что Звездецкий справится и сам?! Справился, как же! Отлично справился – с каким-то китайцем в обнимку положил всех бойцов и завалил шахту. Молодец, нечего сказать!

– Откуда я мог знать, что европейцы...

– Да что ты вообще знаешь?!

Все-таки Звездецкий оказался агентом СБА! Хоакин не особенно удивился, когда на мониторе у Величкова, еще там, в карьере, в стрелявшем из «дрели» бойце он узнал Гамми. Значит, чутье все-таки не подвело. Но ведь как держался! Молодец! Мог бы хотя бы намекнуть, что свой.

Хотя, какие они свои. Того и гляди, в расход пустят. Ногу, правда, подлечили немного.

– Все дело провалили, – шипел тот, что в костюме. – И Бальдуччи упустили, и...

– Нашли твоего Бальдуччи, – ответил Величков. – Новости послушай.

Все затихли, и сквозь звенящую тишину прорезался звук коммуникатора:

«...по сообщениям авторитетных источников, в акватории Африканского моря разбился неопознанный вертолет. Причина катастрофы выясняется, однако, по предварительным данным, авария могла произойти в связи с неисправностью двигателя, работающего на Новой энергии. На месте падения вертолета найдено два обгоревших трупа. Один идентифицировать не удалось, однако второй, как показывает анализ генокарты, принадлежит одиозно известному профессору Григорию Воронцову. Таланту Воронцова приписывается не одна разработка боевых генавров, которых он производил по заказам частных лиц. Что интересно, Воронцов, которого вот уже более двадцати лет безуспешно разыскивает СБА, ранее несколько раз был признан погибшим, как показывает практика – ошибочно. Но теперь, как заявляют эксперты, сомнений, что погибший действительно Григорий Воронцов, не осталось.

Пришедшее известие дает основания полагать, что слухи о тайной лаборатории, где якобы производили абсолютно новых, непревзойденных боевых генавров, появившиеся в прессе около года назад, не лишены оснований. Мировая общественность выражает крайнюю озабоченность фактом...»

– Доволен? – поинтересовался Величков.

– Это ничего не доказывает. Как вообще этот вертолет мог пролететь мимо нас?!

– Ну, – Величков развел руками, – это ты у моряков спрашивай. Ты мне другое скажи: тебя не смущает наличие у Бальдуччи вертолета, работающего на Новой энергии?

– Почему меня это должно смущать?!

– Тебе видней. Но я, пожалуй, домой возвращаться не буду.

Позже, когда страсти немного улеглись, Хоакин подошел к Величкову. Мужчина в

костюме, как обычно, пребывал неподалеку. Следит он за безом, что ли? Хотя не его это, Моралеса, дело.

– Я хочу вернуться, – сказал Хоакин безу.

Даже произнося эту фразу, Хоакин не мог сказать, куда он хотел вернуться. В Анклав – в какой? Его родного Рио больше не существовало, в остальных Анклавах жизнь тоже стала непростой. Там никому не нужен Хоакин Моралес. В государство – с чего бы? Служить в СБА – может быть, но...

Вот именно – но. Он понимал, что вряд ли вообще вернется куда бы то ни было. Он слишком многое видел, слишком много узнал. Знать это никому не полагалось.

Услышав про Гамми, подразделение под командованием Величкова тут же рванулось на север. Туда, где, по предположениям Хоакина, должны были идти моряки с танкера. Но они опоздали.

Отряд нашелся. Трое моряков лежали под скалой, в саванне недалеко от того злополучного карьера. Что в нем искали все эти люди, Хоакин так и не понял.

Моряки были мертвы. Трупы еще не остыли, Величков высказал надежду, что, возможно, они еще успеют его догнать. Моралес объяснил, что догонять придется их – не хватало двух человек: Гамми и Куцева.

Вертолеты тут же унеслись к карьере. Величков и тот, что в костюме, всю короткую дорогу орали друг на друга. И постоянно поносили европейцев. Хоакин не разобрал отчего. Чем-то моряки с танкера встали им поперек горла. Они опередили безов. Только вот оказаться первым там, под скалой, в том виде, в каком они нашли моряков, Моралес совсем не рвался. Его до сих пор мучил вопрос: если Гамми – агент СБА (а скорее всего, он был двойным агентом и работал еще и на Исламский Союз), куда подевался Куцев?

Разрешить загадку никто не стремился. Про Куцева безы, похоже, вообще забыли. Им было важнее найти Гамми до чего-то. До чего – Хоакин понял только в карьере, когда увидел Звездечного, стреляющего из «дрелей» с двух рук. Он не промахивался ни разу. Человек так стрелять не может, в этом Хоакин был уверен на сто процентов.

Впрочем, все это его не касалось.

– Я хочу вернуться, – повторил Хоакин.

– В Анклавы? – спросил Величков.

Моралес не знал, что сказать. Ответ крутился в голове, но никак не обретал форму слов. Он ведь знает, черт возьми, просто что-то происходит с головой, соображается туго!

– В СБА? – без предложил второй вариант, но тут же сам его и отверг: – В СБА не получится. Я там больше не работаю, спасибо Ерохину.

Хоакин взглянул на того, что в костюме. Тот, выпучив глаза, быстро-быстро качал головой. Ясно, все-таки он знал слишком много. Моралес был не в обиде, он привык, что любой день может стать для него последним. Он не видел, чем бы мог быть лучше или хуже любого другого день сегодняшний. Вполне подходящий день. Только вернуться, стало быть, не получится.

И все-таки выход был. Он заключался в том самом ответе, что никак не хотел выйти из темных закоулков сознания.

– На остров. В «Африку».

– Та... – начал что-то говорить Величков, но подавился словами, недоуменно уставившись на Хоакина. На костюмного он не смотрел, судя по всему, прислушиваться к его мнению без не особенно собирался. Но всем – и Величкову и Моралесу – было понятно, что прислушиваться придется. Знал Хоакин таких типов в серых костюмах, хуже фурункула на заднице.

На самом деле «Африка» была единственной возможностью для Хоакина остаться в живых. Варящиеся в собственном соку остатки заключенных никому не были интересны, никто не планировал их спасать. Вряд ли Поселение, основанное Моралесом на остатках «Исправительного учреждения №123 центрального филиала СБА», протянет еще больше года. Максимум – полутора. Там тайна, известная Хоакину, останется запертой навсегда. Там

она умрет вместе с ним.

Это был компромисс. Для всех. Для Величкова, который не желал убивать «своего», для костюмного, которого интересовал только результат и сохранность секретности.

Устраивал этот вариант и Хоакина. С того самого момента, как сбежал от Мустафы, он не переставал задавать себе вопрос – что он хочет получить от мира, для чего из последних сил пытается попасть в места, где еще сохранилась цивилизация? Но ответа так и не нашел. Особенно остро он ощутил это, стоя на коленях перед изваянием Девы Марии в разрушенном Стоунвиле – в том мире у него не было ни веры, ни дома. В нормальном человеческом обществе для него не осталось места.

– Теперь там мой дом, – объяснил Хоакин.

Они высадили его в десяти километрах от поселка. Выдали мешок с едой, одежду и «дрель» с полным магазином. Для убедительности, так сказать.

Уже на подступах к Поселению Хоакин понял, что без него колония зачахла. Урки распустились, принялись делить власть, и порядка не стало. В километре от Поселения появились первые трупы. Раздувшиеся, они страшно смердели.

В Поселении было тихо. Люди попрятались и разбежались. Только у административной палатки прохаживались двое с оружием. Хоакин знал, кто это – шавки Илюмжинова. Надо было его расстрелять еще в тот раз, когда он организовал нападение на склад продовольствия. Пожалел, инициативный он, Илюмжинов, умел заставить людей работать. Ну, ничего, все еще можно исправить.

– Где начальство? – издали крикнул Хоакин караульным.

Те вскинули оружие, но, увидев, кто пожаловал, замерли. Один рванулся в палатку. Через полминуты оттуда вылез Илюмжинов. Вроде как стал еще толще – все-таки добрался до продовольственного склада.

Не долго думая, Хоакин выпустил в новоиспеченного пахана всю обойму, изрешетив вместе с Илюмжиновым стоящего перед ним Бердыева – в телохранители, урод, подался. Два тела упали в пыль.

Хоакин окинул взглядом остальных. Из развалин подтягивались люди – не всех, слава богу, успел известить Илюмжинов. Моралес отбросил «дрель» в сторону и, подойдя поближе, выкрикнул, срывая голос на хрипоту:

– Если кто забыл, шлюхи, меня зовут Хоакин Моралес!

Те из илюмжиновцев, кто был вооружен, побросали оружие на землю и смешались с толпой. Они знали правила Моралеса – добровольно сдавшимся полагалась амнистия.

Эпилог

Шикарность невысокого, четырехэтажного особняка вызывающе дисгармонировала со всем, происходившим вокруг. Странно, что в центре Анклава до сих пор могло сохраниться подобное. Еще более странно, что старинное здание устояло во время серии землетрясений, когда каждое второе строение из стоявших по соседству лежало в руинах. А может быть, особняк был выстроен позже, уже после толчка.

Однако история создания шикарного особняка абсолютно не интересовала высокого седовласого старика, который рассматривал дом на экране коммуникатора. Вещание велось с «балалайки» человека, заходившего сейчас внутрь через огромную, распахнутую перед ним услужливым швейцаром дверь.

Вошедший – молодой, невысокий и щуплый – выглядел несуразно в дорогом, хотя и соответствующим месту, куда он входил, костюме. На правом предплечье молодого человека сидела небольшая птица в крошечной кожаной шапочке. Сокол сапсан. Птица нетерпеливо перебирала лапами, оставляя когтями на ткани дорогого пиджака маленькие дырочки. Судя по всему, это не особенно расстраивало хозяина ловчего сокола.

Внутри обстановка оказалась не менее шикарной, чем снаружи, но необычайная дороговизна помещения обуславливалась не только красотой отделки, с которой мало какой

из королевских дворцов прошлого мог бы поспорить: здесь все нашпиговали невероятно дорогим электронным оборудованием. На все случаи жизни. Его не было видно, но человек с ловчим соколом все равно это знал. У него имелись свои возможности.

– Вас ждут, – объявил словно из-под земли выросший дворецкий.

Посетитель поднялся и двинулся в сторону приоткрывшейся двери – огромного полотна, украшенного красивой мелкой вязью. Похоже, декор выполнен из настоящего золота. Но дворецкий преградил путь.

– С птицей нельзя, – объяснил он.

– Ваш хозяин был очень заинтересован птицей, когда он общался с мистером Уиверсом в последний раз, – возразил хозяин сокола.

Молодой человек на секунду замер, словно прислушиваясь, и улыбнулся.

– Не... – начал дворецкий, но застыл, периодически кивая. Он сам сейчас стал похож на птицу. Дворецкий слушал чьи-то указания, которые отдавали ему через «балалайку». Аппарат новый, успел заметить старик, наблюдавший за всем на экране коммуникатора, производства «Науком». Люди Мертвого совсем обнаглели – едва не уничтожили этот мир, теперь хотят прибрать к рукам сеть, заповнив рынок своей продукцией. Понятно, чем все закончится – очередная модификация «балалаек» потребует перехода на новый формат вещания сигнала.

Посетитель покорно ждал у двери. Похоже, он совсем не испытывал какого-нибудь благоговения перед величием места, в котором ему выпало находиться. Гость вел себя так, что можно было принять его за хозяина. В лучшем случае. Или, что хозяин этого дома у него в подчинении. Возможно, так оно и было. Или могло быть.

Получив указания, дворецкий испуганно шагнул в сторону, пропуская гостя, открыл дверь и склонил голову в почтительном поклоне. Ниже, чем того требовали приличия. И елейность исчезла из его улыбки, она уступила место неподдельному испугу. Похоже, бедняге не повезло, не исключено, что сегодня он лишится работы.

В огромном кабинете, выдержанном в более строгом стиле, чем золоченая приемная, опытный глаз все же легко узнавал неподдельную дороговизну всего, что там находилось. От вытканного вручную ковра на полу до сверхсовременного раллера на массивном деревянном столе. На компьютере тоже стояла маркировка «Науком» – хозяин явно помешан на всем новом. Не исключено, что когда-нибудь это не доведет его до добра.

Но сегодня человек, владевший всем этим великолепием, был вполне бодр, нарочито приветлив и уверен в себе.

– Жаль, что мистер Уиверс не смог прийти сам, – с некоторой долей недовольства произнес он, поднимаясь и протягивая руку гостю. – Но я все равно рад, что мы достигли некоторых договоренностей.

Молодой мужчина на секунду замер, не обращая никакого внимания на хозяина кабинета, потом вскинул свободную руку и резким движением стянул с птицы клобук. Сокол мгновенно повернул голову туда, куда смотрел человек, и, с силой оттолкнувшись, взлетел к потолку. Хозяин кабинета – мужчина весьма упитанный и высокий – дернулся в испуге и плюхнулся обратно в кресло. Еще не успевшая закрыться дверь резко отворилась, и в кабинет влетел дворецкий – его, наверное, вызвал хозяин через «балалайку».

Но все закончилось без скандала. Сокол, не долетев до высокого потолка, сложил крылья и камнем рухнул вниз, скрывшись за креслами, стоящими в углу. Оттуда послышалось сдавленное ворчание. Молодой человек не спеша подошел к месту событий, наклонился, почти присев, и вернулся назад. Сокол снова сидел на его руке, продолжая когтями портить дорогой пиджак.

Хозяин птицы улыбался. Он легонько взмахнул левой рукой, и на стол, рядом с наукомовским раллером, упал серый комок. Дворецкий дернулся было вперед, но вовремя понял, что его услуги не требуются.

– Иногда, даже в самых изысканных дворцах, можно найти крысу, не так ли? – спросил у хозяина гость. – Но сокол мистера Уиверса, как видите, способен решить и эту проблему.

